

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКВА
2023

STATE
ACADEMIC UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

ORIENTAL COURIER

2023 (4)

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN JANUARY, 2019
MOSCOW

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОЧНЫЙ КУРЬЕР

2023 (4)

Журнал выходит четыре раза в год

Основаи в январи 2019 года
Москва

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 — 77287 от 25 ноября 2019 г.
ISSN: 2686-8431

Периодическое издание
Рецензируемый научный журнал

Periodical
Peer-reviewed journal

Журнал издается под руководством:
Государственный академический университет
гуманитарных наук (ГАУГН)
Институт востоковедения Российской академии наук
(ИВ РАН)

The journal is published under the supervision of:
State Academic University for the Humanities
(GAUGN)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
(IOS RAS)

E-mail: oriental-courier@yandex.ru
URL: <https://oriental-courier.ru>

E-mail: oriental-courier@yandex.ru
URL: <https://oriental-courier.ru>

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии
наук. 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

Государственный академический университет
гуманитарных наук. 119049, г. Москва, Мароновский
переулок, 26, комн. 222

State University for the Humanities.
26, Maronovskiy Lane, Moscow, Russia, 119049,
room 222

Восточный курьер. № 4. — М.: ГАУГН, ИВ РАН, 2023. — 272 с.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения ГАУГН, ИВ РАН, редколлегии и редакции журнала.
Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

Макет и верстка — Н. В. Бусыгин
В оформлении обложки использованы рисунки © Ю. А. Молоканова
На обложке: Фигурка дракона. Китай, вт. пол. XX в.

© ГАУГН, 2023

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

© Редакция журнала «Восточный курьер» (составитель), 2023

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

А. К. Аликберов, д-р ист. наук,
Институт востоковедения РАН
В. Я. Белокреницкий, д-р ист. наук, профессор,
Институт востоковедения РАН
В. В. Наумкин, академик РАН, д-р ист. наук,
профессор, Институт востоковедения РАН,
Государственный академический университет
гуманитарных наук
А. Л. Рябинин, д-р ист. наук, профессор,
Институт востоковедения РАН, Государствен-
ный академический университет гуманитарных
наук, НИУ Высшая школа экономики
Д. В. Фомин-Нилов, канд. ист. наук,
Государственный академический университет
гуманитарных наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Д. В. Дубровская, д-р ист. наук,
Институт востоковедения РАН,
Государственный академический университет
гуманитарных наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. И. Василенко,
Институт востоковедения РАН,
Государственный академический университет
гуманитарных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. Г. Актамов, канд. пед. наук,
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
А. С. Балахванцев, д-р ист. наук,
Институт востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина, д-р ист. наук,
Институт востоковедения РАН
М. В. Грачев, канд. ист. наук,
Государственный академический университет
гуманитарных наук,
Институт стран Азии и Африки МГУ

EDITORIAL ADVISORY BOARD

Alikber K. Alikberov, DSc (History),
Institute of Oriental Studies, RAS
Vyacheslav Ya. Belokrenitskiy, DSc (History),
Professor, Institute of Oriental Studies, RAS
Vitaly V. Naumkin, Academician, DSc (History),
Professor, Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities
Aleksey L. Ryabinin, DSc (History), Professor,
Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities,
National Research University
Higher School of Economics
Denis V. Fomin-Nilov, PhD (History), State
Academic University for the Humanities

EDITOR-IN-CHIEF

Dinara V. Dubrovskaya, DSc (History),
Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Anastasiya I. Vasilenko,
Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities

EDITORIAL BOARD

Innokenty G. Aktamov, PhD (Pedagogy),
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies of the Siberian Branch, RAS, Ulan-Ude
Archil S. Balakhvantsev, DSc (History),
Institute of Oriental Studies, RAS
Evgeniya Yu. Vanina, DSc (History),
Institute of Oriental Studies, RAS
Maxim V. Grachyov, PhD (History),
State Academic University for the Humanities,
Institute of Asia and Africa,
Moscow State University
Alexey Yu. Drugov, DSc (Politology),
Institute of Oriental Studies, RAS

А. Ю. Другов, д-р полит. наук,
Институт востоковедения РАН
Д. Н. Замятин, д-р культурологии,
НИУ Высшая школа экономики
М. С. Круглова, канд. ист. наук,
Институт востоковедения РАН,
Государственный академический университет
гуманитарных наук
М. И. Крупянок, д-р политологических наук,
Институт востоковедения РАН
В. А. Кузнецов, канд. ист. наук,
Институт востоковедения РАН,
Государственный академический университет
гуманитарных наук
Е. В. Кузнецова, канд. пед. наук,
Государственный академический университет
гуманитарных наук
П. А. Куценков, д-р культурологии, канд. искус-
ствоведения, Институт востоковедения РАН
Д. В. Миккульский, д-р ист. наук, профессор,
Институт востоковедения РАН
С. А. Зинченко, канд. искусствоведения,
НИУ Высшая школа экономики,
Институт востоковедения РАН
Т. Л. Шаумян, канд. ист. наук,
Институт востоковедения РАН
Доминик Вуястик, д-р филол. наук, профессор,
Университет Альберты (Альберта, Канада)
Кандарпа Дас, д-р ист. наук, вице-канцлер
Университета Гириджананда Чоудхури,
профессор (Индия)
Розалин ван дер Пул, д-р культурологии,
профессор Академии креативных и исполни-
тельских искусств, Лейденский университет
(Лейден Нидерланды)
Сихам Шериф, канд. социол. наук, профессор,
Университет Алжира 2 (Алжир)

РЕДАКЦИЯ

Н. В. Сафонова,
Институт востоковедения РАН
(ответственный секретарь)
П. И. Абакина,
Государственный академический университет
гуманитарных наук
(научный редактор)

Dmitry N. Zamyatin, DSc (Culturology),
National Research University
Higher School of Economics
Maria S. Kruglova, PhD (History),
Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities
Mikhail I. Krupyanko, DSc (Politology),
Institute of Oriental Studies, RAS
Vasily A. Kuznetsov, PhD (History),
Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities
Evgeniya V. Kuznetsova, PhD (Pedagogy),
State Academic University for the Humanities
Pyotr A. Kutsenkov, DSc (Culturology),
Institute of Oriental Studies, RAS
Dimitry V. Mikulsky, DSc (History),
Institute of Oriental Studies, RAS,
State Academic University for the Humanities
Sofia A. Zinchenko, PhD (Art History),
National Research University
Higher School of Economics,
Institute of Oriental Studies, RAS
Tatiana L. Shaumyan, PhD (History),
Institute of Oriental Studies, RAS
Dominik Wujastyk, PhD, Professor,
University of Alberta (Canada)
Kandarpa Das, PhD, Professor,
Gauhati University, Vice Chancellor of the
Girijananda Chowdhury University
(Assam, India)
Rosalien Van der Poel, PhD,
Academy of Creative and Performing Arts
(ACPA), Leiden University (Leiden, Netherlands)
Siham Cherif, PhD (Sociology), Professor,
Université Alger 2 (Algeria)

EDITORIAL GROUP

Natalia V. Safonova,
Institute of Oriental Studies, RAS
(Executive Editor)
Polina I. Abanina,
State Academic University for the Humanities
(Academic Editor)

Опубликованные в журнале «Восточный курьер / Oriental Courier» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.3. Археология
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.6. История науки и техники
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики
- 5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.4. Фольклористика
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.5. ПОЛИТОЛОГИЯ

- 5.5.1. История и теория политики
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики
- 5.5.4. Международные отношения

Содержание

- От редакции:
- 12 О свинодраконах, или Оливье по-восточному
вопросы теории
- 13 Волынский А. И. Востоковедение в России:
новая реальность, старые вызовы
- 23 Бен Отман З. Развитие востоковедения
от Афин до Москвы
ближний восток: острые вопросы
- 33 Ашуров М. Д. Религиозно-политическая идентичность
и деятельность движения «ширазистов»
- 43 Локшин А. Е. Политический сионизм Теодора Герцля
и современный Израиль. Замысел и воплощение
- 63 Новикова А. А. Вожделенный ненавистный друг:
Израиль как метод и цель христианского сионизма
в США
- 72 Якимова Е. А. 75-летие Израиля в зеркале внешней
политики: опыт периодизации
- 80 Мелконян С. Г. Израиль и альянсы
на Ближнем Востоке: цели, форматы и направления
- 87 Масюкова И. В. Современный Израиль: особенности
и проблемы еврейской иммиграции
- 95 Семенченко Н. А. Перемены в миграционной
политике Израиля: причины и этапы
- 104 Чугунова Е. В. Деятельность гражданского общества
в Палестине
- 112 Лукьянов Г. В. Экономика «долгой войны» в Ливии: как
политика определяет экономику в ливийском кризисе
читая источники
- 123 Орехов Р. А. Загадка Пятой череды, или Первый
лоцман в истории Египта (об одной гипотезе
О. Д. Берлева)

- 138 Полхов С. А. Об описании покорения Ода Нобунага удела Такэда в «Синтё:-ко: ки»
- 147 Рябинин А. Л. Формирование новой политической системы в Дангнгоае (Северном Вьетнаме) в конце XVI–XVIII вв. (к постановке проблемы)
- 166 Тюлина Е. В. Представления о времени в текстах о пространстве (по материалам текстов по вастувидье из пуран)
- ПОДНЕБЕСНАЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
- 174 Куликов Д. Е. Древнекитайский ритуальный каннибализм в позднешанский период (ок. 1250–1046 гг. до н. э.)
- ВЕСТИ С РАСКОПОВ
- 186 Ярмолович В. И. Проблема греческого влияния на древнеегипетское гончарство в 1-м тыс. до н. э.
- РОССИЯ И СОСЕДИ
- 196 Арабаджян З. А. Восточная Персия как арена соперничества и возможного сотрудничества России и Великобритании в конце XIX – начале XX в.
- ЕВРОПЕЙЦЫ В АЗИИ
- 207 Барышников М. Н. Православное паломничество в ближневосточных операциях Русского общества пароходства и торговли (1894–1914 гг.)
- ВОСТОК ВНУТРИ
- 221 Анайбан З. В. Современная этноязыковая ситуация в Южной Сибири (по материалам республиканских статистических управлений)
- 231 Филатов С. Б. Бурятия: возможна ли буддистская вертикаль?
- ВОСТОК ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСКУССТВА
- 247 Королева О. А. Мифические стражи, или Особенности эстетики китайских крыш
- РЕЦЕНЗИИ
- 266 Кузьмин С. Л. Рецензия на: Цыбенков Б. Д. *Социально-политическая история дауров (XX в.)*. Улан-Удэ: издательство БНЦ СО РАН, 2022

Contents

	EDITORIAL:
12	OF PIGS AND DRAGONS, OR EASTERN RUSSIAN SALAD
	THEORY AND ANALYTICS
13	VOLYNSKII ANDREY I. ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA: NEW REALITY, OLD CHALLENGES
23	BEN OTHMANE ZINE. DEVELOPMENT OF ORIENTAL STUDIES FROM ATHENS TO MOSCOW
	MIDDLE EAST: PRESSING MATTERS
33	ASHUROV MEHRUBON D. RELIGIOUS AND POLITICAL IDENTITY AND ACTIVITY OF THE “SHIRAZIST” MOVEMENT
43	LOKSHIN ALEKSANDR E. THEODOR HERZL’S POLITICAL ZIONISM AND MODERN ISRAEL. DESIGN AND IMPLEMENTATION
63	NOVIKOVA ANNE A. THE COVETED HATED FRIEND: ISRAEL AS THE METHOD AND GOAL OF CHRISTIAN ZIONISM IN THE UNITED STATES
72	IAKIMOVA ELIZAVETA A. ISRAEL’S 75 TH ANNIVERSARY IN THE MIRROR OF FOREIGN POLICY: AN APPROACH TO PERIODIZATION
80	MELKONIAN SERGEI G. ISRAEL AND ALLIANCES IN THE MIDDLE EAST: GOALS, FORMATS AND DIRECTIONS
87	MASYUKOVA IRINA V. CONTEMPORARY ISRAEL: PECULIARITIES AND PROBLEMS OF JEWISH IMMIGRATION
95	SEMENCHENKO NINA A. CHANGES IN ISRAELI MIGRATION POLICY: CAUSES AND STAGES
104	CHUGUNOVA ELIZAVETA V. CIVIL SOCIETY ACTIVITIES IN PALESTINE
112	LUKYANOV GRIGORIY V. THE ECONOMICS OF “LONG WAR” IN LIBYA: HOW POLITICS DEFINE THE ECONOMY IN THE LIBYAN CRISIS (2011–2017)

READING HISTORICAL SOURCES

- 123 OREKHOV ROMAN A. THE FIFTH STAGE ENIGMA, OR THE FIRST PILOT IN THE HISTORY OF EGYPT (ON A HYPOTHESIS OF OLEG D. BERLEV)
- 138 POLKHOV SVIATOSLAV A. ON THE DESCRIPTION OF ODA NOBUNAGA'S CONQUEST OF THE TAKEDA DOMAIN IN "Shinchō-kō ki"
- 147 RYABININ ALEXEY L. FORMATION OF A NEW POLITICAL SYSTEM IN DANG NGOAI (NORTHERN VIETNAM) AT THE END OF THE 16TH–18TH CENTURIES (STATING THE PROBLEM)
- 166 TYULINA ELENA V. REPRESENTATIONS OF TIME IN TEXTS ABOUT SPACE (BASED ON THE MATERIALS OF VASTUVIDYA TEXTS IN THE PURANAS)

CELESTIAL EMPIRE: PAST AND PRESENT

- 174 KULIKOV DMITRY YE. ANCIENT RITUAL CANNIBALISM IN LATE SHANG CHINA (CA. 1250–1046 BC)

ARCHAEOLOGY NEWS

- 186 YARMOLOVICH VICTORIA I. THE PROBLEM OF GREEK INFLUENCE ON EGYPTIAN POTTERY DURING 1ST MILLENNIUM BCE

RUSSIA AND ITS NEIGHBOURS

- 196 ARABADZHYAN ZAVEN A. EASTERN PERSIA AS AN ARENA OF RIVALRY AND POSSIBLE COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE UNITED KINGDOM IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

WESTERNERS IN THE EAST

- 207 BARYSHNIKOV MIKHAIL N. ORTHODOX PILGRIMAGE IN THE MIDDLE EAST OPERATIONS OF THE RUSSIAN STEAM NAVIGATION AND TRADING COMPANY (1894–1914)

RUSSIAN EAST

- 221 ANAYBAN ZOYA V. CONTEMPORARY ETHNOLINGUISTIC SITUATION IN SOUTHERN SIBERIA (ON THE MATERIALS OF REPUBLICAN STATISTIC OFFICES)
- 231 FILATOV SERGEI B. BURYATIA: IS A BUDDHIST VERTICAL POSSIBLE?

ORIENT: AN ARTISTIC VIEW

- 247 KOROLEVA OLGA A. MYTHICAL GUARDIANS, OR THE SPECIAL AESTHETICS OF CHINESE ROOFS

BOOK REVIEW

- 266 KUZMIN SERGIUS L. REVIEW OF: TSYBENOV B. D. *Sociopolitical History of the Daur's (20th Century)*

ОТ РЕДАКЦИИ

О СВИНОДРАКОНАХ, или ОЛИВЬЕ ПО-ВОСТОЧНОМУ

Читатель, скорее всего, не полностью отдает себе отчет в том, как придумываются обложки разных журналов. Так, для редакции «ВК» принципиально, чтобы на обложке фигурировал артефакт, чтобы он «происходил» из статьи автора текущего номера, и чтобы он (в идеале) был этим автором и найден — будь то в раскопе, в антропологической или любой иной экспедиции. Артефакт можно купить на рынке, и только настоящий востоковед объяснит вам, что сувенир середины прошлого века — музейный экспонат середины следующего.

Таков изящный зеленый дракон, перекочевавший с полки редакции на обложку этого номера и как бы 1) иллюстрирующий статью Ольги Королевой об украшениях традиционных китайских крыш и 2) нетерпеливо постукивающий по столу когтями в ожидании *своего* года, до наступления которого по китайскому календарю еще хороших полтора месяца.

Цветовые поля наших обложек тоже всегда тщательно придумываются, и в этот раз с вами прощается Pantone 2023 года Viva Magenta! («Да здравствует пурпур!»), потому что сочетание красного и зеленого — самое новогоднее из всех возможных, пусть мы и составили его из Пантона уходящего года и цвета грядущего китайского деревянного дракона.

Теперь же, когда мы все поняли о восточном оливье, ответим на вопрос о драконах. Дело в том, что в китайской неолитической культуре Хуншань существовал загадочный артефакт — нефритовые свинодраконы *юйчжулун* (玉豬龍) — существа с мордой свиньи и телом дракона, давшие некоторым исследователям повод рассуждать о происхождении образа китайского дракона именно из столь любимого и широко распространенного в Китае животного, как хавронья.

Пусть же грядущий дракон не подбрасывает нам свиней! Познавательного чтения и веселого Нового года!

Всегда ваш Восточный курьер

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В РОССИИ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ¹

ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA: NEW REALITY, OLD CHALLENGES

© 2023 **Андрей Игоревич Волынский**

старший преподаватель Восточного факультета ГАУГН,
Москва, Россия
ava3003@hotmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6786-8870

Andrey I. Volynskii

Senior Lecturer, Faculty of Oriental Studies,
State Academic University for the Humanities (GAUGN),
Moscow, Russia
ava3003@hotmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6786-8870

Вышедший осенью 2023 года доклад заместителя директора по научной работе Института востоковедения РАН В. А. Кузнецова «Российское востоковедение: вызовы и перспективы развития в новой реальности» заставляет обратить внимание на сложные вопросы, стоящие перед отечественным востоковедением в новой геополитической ситуации. Широко декларируемый на государственном уровне «поворот на Восток» создает для востоковедения как новые возможности роста, так и фундаментальные вызовы. Среди последних автор доклада в большей степени выделяет факторы, относимые к внутриакадемическому дискурсу и к технологическому развитию: это и место востоковедения в современной системе производства научного знания, характеризующейся высокой степенью методологической сегментации дисциплин, и развитие алгоритмов

1 Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).
The paper was prepared at the State Academic University of the Humanities within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

машинного перевода, потенциально размывающих ядро востоковедения — знание восточного языка. Мы склонны согласиться с существованием обоих экзогенных факторов развития академического востоковедения, впрочем, характерных для общемирового контекста. В данной статье мы предлагаем обратить внимание на вызовы, характерные для российского академического и образовательного контекста, о части которых говорит и автор доклада.

Рост интереса государственного аппарата, представителей бизнес-среды и общества к востоковедению обусловлен стремительной трансформацией географической структуры внешнеэкономических связей России, где прежние привычные партнеры из стран Запада вытесняются новыми контрагентами, звезда которых восходит на Востоке. Растет запрос на экспертизу по странам Востока, на подготовку соответствующих кадров со знанием восточных языков. На востоковедение как на академический дискурс и как на образовательный стандарт ложится тяжелый груз ответственности: проблема завышенных ожиданий. От востоковедения ждут наведения понятийных мостов между Россией и Востоком, от востоковедного образования — выпускников, могущих работать в широком спектре отраслей внешнеэкономической деятельности, где единственное, что будет их связывать с востоковедением как академической специальностью, — знание восточного языка. Текущий запрос диктует необходимость изменения существующих образовательных программ и системы воспроизводства востоковедного знания. Однако лед, отделяющий темные воды коррозийных свойств рынка от актуализации существующей академической парадигмы, тонок.

Ключевые слова: востоковедение, коррозийные свойства рынка, образование, поворот на Восток

Для цитирования: Волынский А. И. Востоковедение в России: новая реальность, старые вызовы. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 13–22. DOI: 10.18254/S268684310029198-5

The report by Vasily A. Kuznetsov Deputy Director for Research of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences “Russian Oriental Studies: Challenges and Prospects for Development in the New Reality,” released in the fall of 2023, draws attention to the complex issues facing Russian Oriental Studies in the new geopolitical reality. The “Turn to the East” concept, widely declared at the state level, creates both new growth opportunities and fundamental challenges for Oriental studies. Among the latter, Vasily A. Kusnetsov largely highlights factors related to intra-academic discourse and technological development. The most significant of them are to determine the place of Oriental studies in the modern system of production of scholarly knowledge, characterized by a high degree of methodological segmentation of disciplines, and the development of machine translation algorithms, potentially eroding the core of Oriental studies — proficiency in the Oriental language.

We are inclined to agree with the existence of both exogenous factors in the development of academic oriental studies, which, however, are also characteristic of the global context. In this article, we propose to pay attention to the challenges characteristic of the Russian academic and educational context. The growing interest of the state, business environment and the society in Oriental studies is due to the rapid transformation of the geographical structure of Russia’s foreign economic relations, where former familiar partners from Western countries are being replaced by new counterparties, whose star is rising in the East. There is a growing demand for orientalistic expertise and for the skillful personnel speaking Eastern languages. Oriental studies as an academic discourse and as an educational standard bears a heavy burden of responsibility: the problem of inflated expectations. From Oriental studies they are expected to build conceptual bridges between Russia and the East, from Oriental studies-graduates is expected high-quality work in a wide range of branches of foreign economic activity, where

the only thing that will connect them with Oriental studies as an academic specialty is knowledge of the Oriental language. The current demand dictates the need to change existing educational programs and the system of reproduction of orientalist knowledge. However, the ice separating the dark waters of the corrosive properties of the market from the actualization of the existing academic paradigm seems to be thin.

Keywords: Oriental studies, corrosive properties of the market, education, turn to the East

For citation: Volynskii Andrei I. Oriental Studies in Russia: New Reality, Old Challenges. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 13–22. DOI: 10.18254/S268684310029198-5

ВВЕДЕНИЕ

События последних лет сделали «поворот на Восток» былью, переменной, определяющей реальность не только российской внешнеполитической стратегии, но и внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД). Расширение контактов с Востоком привлекло дополнительное внимание к востоковедению: научной специальности, прежде в достаточной степени удаленной от общественного мейнстрима. Характерно, что российский государственный регулятор в сфере образования и науки, ранее не всегда благоволивший специальности «востоковедение и африканистика»², в последний год проявляет к нему значительный реформаторский интерес [Минобрнауки России... 2023].

Будущее востоковедения в современных реалиях, его роль для российской традиции национального самоопределения в дихотомии Запада и Востока, востоковедение как славное наследие прошлого, — дискуссии по этим вопросам приобрели новую актуальность в последние два года. В августе 2022 г. вышел подкаст проекта «Российское востоковедение XXI века» от НИУ ВШЭ «Территория самоопределения: российское востоковедение в XXI веке» [Территория самоопределения... 2022], рефреном в котором прозвучал вопрос о демаркации востоковедного знания и регионоведения, а также о цифровизации востоковедения. Следующий 2023 год уже отмечен двумя крупными публи-

кациями по теме: А. В. Лукина [Лукин, 2023] и В. А. Кузнецова [Кузнецов, 2023]. Если в первом случае автор сосредоточился на цивилизационных вопросах вестернизации Востока и на характеристике объекта исследования востоковедения, то во втором мы находим пример комплексного подхода к рассмотрению будущего российского востоковедения в новой реальности. Принципиальным плюсом для нас является различие автором доклада востоковедения как науки и как направления подготовки в вузах³. Среди вызовов для современного отечественного востоковедения В. А. Кузнецов выделяет как характерные для общемирового контекста развития востоковедения, так и специфические для отечественной реальности. К первой группе относятся методологическая зыбкость востоковедения как отдельной отрасли знания, проистекающая из принципиально междисциплинарного характера востоковедения, и цифровизация жизни: от улучшения алгоритмов машинного перевода, что потенциально девальвирует ядро востоковедения — знание восточных языков, — до проникновения в исследовательские практики социальных наук методов работы с big data. Среди внутривосточных вызовов отмечен кадровый голод, масштаб которого фактически приводит к отмиранию целых исследовательских направлений, необходимость выстраивания диалога между востоковедением как наукой и обществом в лице представителей

2 О дискуссиях в этой сфере см.: [Васильева решила отменить... 2016].

3 Отметим: автор отдельно указывает на необходимость сокращения разрыва между академическим востоковедением и университетским [Кузнецов, 2023, с. 28].

власти и бизнеса, и потребность в обновлении подходов к востоковедному образованию.

В настоящем тексте мы предлагаем сосредоточиться на специфических для российского востоковедения вызовах, лишь отчасти являющихся следствием внутренних характеристик востоковедения, но в большей степени вызовом со стороны спроса на востоковедное знание.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ: МЕЖДУ АКАДЕМИЗМОМ И ЭКСПЕРТИЗОЙ

«Поворот на Восток», заявленный Россией в контексте резкого роста напряженности в отношениях с Западом, заставляет поставить вопрос о качественном улучшении экспертно-аналитического сопровождения российской внешней политики на восточном направлении», — пишет В. А. Кузнецов во введении к докладу [Кузнецов, 2023, с. 4]. Запрос современного рынка сформулирован как нельзя более точно⁴: интерес к востоковедению вызван не потребностью в академических исследованиях, но в оперативном предоставлении экспертной аналитики. С одной стороны, это великий шанс для востоковедения как для науки, так и для отдельных исследователей и научных коллективов: открываются новые возможности

для привлечения внебюджетного финансирования, запрос на экспертизу позволяет востоковедению стать более публичным, обрести голос в общественно-политическом дискурсе и таким образом оправдать свою необходимость⁵. С другой, именно этот характер спроса создает дополнительные риски для развития академического востоковедения. Роль ученых как экспертов давно дискутируется, в частности, среди экономистов. Речь идет как о моральной ответственности ученых за ошибки допущений, лежавших в основе принятия решений [Douglas, 2009], так и том, что эксперт — отдельная социальная роль для исследователя, предполагающая переход на иные эпистемологические и моральные стандарты (к дискуссии по вопросу см.: [Gundersen, 2018]). Прирост научного знания не является целью экспертной деятельности. Более того, существуют риски его упрощения: бюрократия нуждается в составлении одномерной целостной картины подвластной административному регулированию реальности, эксперты, ссылаясь на авторитет академической науки, это знание бюрократии «продают» (о сложностях взаимоотношения практик производства научного знания и бюрократии в ее технократическом изводе см.: [Кошовец, 2022])⁶.

4 Если общественный (в лице госструктур и бизнеса) запрос и его удовлетворение со стороны академического сообщества понимать в категориях спроса и предложения, то и весь процесс можно описывать в категориях рынка, хотя и с известной долей упрощения.

5 В отношении оправдания необходимости востоковедения отошлем к процитированной выше публикации Минобра от 2016 г.: востоковедение как образовательный стандарт сложно согласуется с номенклатурой профессиональных стандартов [Профессиональные стандарты... 2023], определить профессиональные компетенции востоковедов с точки зрения бюрократического администрирования практически невозможно. Усиливающий фактор: популярный нарратив о «переизбытке гуманитариев» в России [Дмитрий Киселев связал... 2019]. Геополитические трансформации последних лет в этом смысле — отличный повод к самоутверждению востоковедения как дисциплины, необходимой с точки зрения вопроса выживаемости российского общества. Отсюда порой резкая политизация самого востоковедения, попытка обсуждать его значение в ценностно-цивилизационном значении (см., например: [Лукин, 2023]). Судьбу востоковедения, вероятно, полезно осмыслить в категориях т. н. мериторных и опекаемых благ, спрос на которые отличается от нормативных ожиданий общества и поэтому стимулируется государством (в случае опекаемых благ стимулируется не спрос, а субсидируется предложение) [Рубинштейн, 2011]. Востоковедение лишь одна из подобных дисциплин, конкуренция за кусок пирога государственных субсидий высока, высока и потребность в оправдании своей необходимости перед распределяющей субсидии бюрократией.

6 Еще жестче о соотношении экспертной и академической деятельности высказался в своем телеграм-канале И. А. Макаров, заведующий сектором международно-экономических исследований ЦКЕМИ НИУ ВШЭ: «Цель

Как правильно замечает В. А. Кузнецов, в ядре востоковедного знания лежит, помимо языка, знание истории и культуры изучаемого языка [Кузнецов, 2023, с. 6], спектр же вопросов, по которым от востоковеда-эксперта ждут комментариев, может простираться от проблем региональной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе до особенностей функционирования китайской банковской системы, сложностей внедрения цифрового юаня и панда-дипломатии. Хотя очевидно, что в каждом из случаев речь идет об очень узкоспециализированных вопросах. С одной стороны, востоковедение, — комплексная дисциплина, с другой, необходимо понимать, что экономист-специалист в вопросах макроэкономического регулирования едва ли рискнет залезать в цифровые валюты и проблемы их внедрения. От востоковеда же этого ждут. Мы имеем дело с завышенными ожиданиями рынка: востоковед представляется проводником в многогранный мир Востока. Это провоцирует реализацию т. н. коррозионных свойств рынка (подробнее о понятии с необходимыми ссылками см.: [Музычук, 2023, с. 36]): удовлетворение спроса девальвирует изначальную смысловую (ценностную) составляющую предложения, востоковедное знание, перенесенное на почву экспертизы, порой депрофессионализируется.

Этот вопрос уже поднимался в работе [Виноградов, Кобзев, 2021] на примере китаистики: общественный авторитет формируется на уровне публичной аналитики, однако правила игры

на этом поле не предполагают рождения сложных теоретических схем, без которых, впрочем, корректно описать, например, современную китайскую политику невозможно [Кобзев, Виноградов, с. 85–86]. Следствие — рождение пула публичных экспертов, чей неформальный рейтинг в академической среде устремляется к отрицательным значениям. Сказанное, впрочем, не означает призыва к академическому сообществу отмежеваться от экспертной деятельности как таковой, что иррационально с точки зрения выживания самого академического востоковедения. Кобзев и Виноградов полагают причиной коррозионных свойств экспертного рынка, во-первых, особенности современной российской медийной культуры, во-вторых, деформированное качество спроса со стороны бюрократии.

Однако спрос можно воспитывать. Свидетельство чему — появление круга публичных экспертов по Китаю, обладающих мощным весом и в академической среде (И. Ю. Зуенко, И. Е. Денисов, В. Б. Кашин). Таких историй успеха мало. Определить причины едва ли возможно в рамках короткой статьи, но в качестве гипотезы рискнем высказать предположение об индифферентном отношении отечественных востоковедов (в рамках данной статьи речь идет в основном о китаистике) к выходу в публичное пространство и популяризации востоковедения. С одной стороны, междисциплинарность востоковедения размывает методологические

ученого — прирост знания. Цель эксперта — дать оперативный комментарий по обстоятельствам какого-то дела или же рекомендацию, что делать. Этот комментарий или рекомендация не является знанием, а является мнением, пусть и человека, которому (если он хороший эксперт в этой области) можно доверять. ... Эксперту же надо дать быстрый ответ на конкретный вопрос. Ему некогда (да он часто и не умеет) проводить исследование, он может дать ответ исходя из глубокого знакомства с проблемой и накопленной благодаря этому интуиции. ... Отсюда следует, что ученый имеет право давать неопределенное мнение, но не имеет права давать необоснованное мнение. Поэтому ученым часто сложно давать комментарии в СМИ. Я, например, в ответ на запрос комментария часто пишу текст длиной в три абзаца, не потому (или по крайней мере не только потому) что я графоман, а потому что понимаю, что лишь эти три абзаца сделают вывод обоснованным, а если что-то убрать, то с научной точки зрения это будет некорректно. Понятно, что у меня не очень любят брать комментарии СМИ. Эксперт же, напротив, не имеет права на неоднозначное мнение. Никаких *on the one hand, on the other hand*, иначе он не выполняет функцию эксперта. И это дает ему право на ошибку. Именно поэтому, я, например, запрещаю своим студентам ссылаться на мнения экспертов, даже самых хороших, в исследовательских работах, хотя и рекомендую эти мнения читать» [Канал Игоря Макарова, 2023].

основания его исследовательских практик: есть определенные сложности в том, чтобы рассказать об экономике Китая экономистам на языке современной экономической науки. Это подтверждается сравнительно малым количеством публикаций китаистов в профильных экономических журналах, пустоты заполняют исследователи, не имеющие востоковедного образования, что порой приводит к публикации ошибочных или устаревших сведений. С другой стороны, круг исследовательских интересов огромного числа отечественных востоковедов обращен вовнутрь самого востоковедения, в глубь исторических и идеологических дискуссий⁷, за пределами которого оказываются многие актуальные для сегодняшнего мира проблемы.

Отечественное востоковедение, известное своим внимательным отношением к историческим исследованиям, к созданию аутентичных академических переводов классических памятников Востока, славное своей погруженностью в Восток, невольно попадает в ловушку собственных традиций, пытаясь рассказать о Востоке на языке востоковедения. Разумеется, знание не должно упрощаться, однако навык рассказывать просто о сложном необходим⁸. Дискурс отечественного востоковедения как будто бы все еще живет в парадигме Востока как *terra incognita*, стремления показать его инакость, хотя опыт западных коллег показывает, что о Востоке можно говорить языком европейских социальных наук, не делая нарратив более плоским, не «вестернизируя» Восток⁹.

Сближение исследовательских практик востоковедения с принятыми в социальных науках и соответствующая исследовательская специализация, актуализация круга профессиональных интересов исследователей, выход в публичное поле качественной экспертизы, — все это ставит сложные вопросы о необходимости актуализации востоковедных образовательных программ.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ОБРАЗОВАНИИ: МЕЖДУ УНИВЕРСИТЕТОМ И ЯЗЫКОВЫМИ КУРСАМИ

Академия как среда и университеты, при кажущейся организационной и коммуникативной пропасти между ними (о чем, в частности, пишет В. А. Кузнецов), находятся внутри одной парадигмы со свойственными ей исследовательскими практиками и правилами игры, способами производства и воспроизводства знания, формирующими замкнутый круг: учебные курсы не могут достичь качественного развития в новых направлениях, пока оно не будет подкреплено соответствующим академическим знанием, а оно едва ли способно осваивать новые для себя территории ввиду инерционности исследовательских практик: люди изучают те сферы и теми методами, которые знакомы им в силу специфики образования. В этом смысле «прорывы» внутри парадигмы невозможны, до-

7 О популярном внутривостоковедном нарративе «феодализма на Востоке» см.: [Вольнский, 2021].

8 Ежегодно в России выходит в свет огромное количество монографий авторства профессиональных востоковедов, однако за пределами профессионального сообщества эти тексты практически неизвестны. Вместе с тем даже начинающие студенты-востоковеды испытывают потребность в научно-популярной литературе, позволяющей плавно войти в профессиональный контекст. Поиск на сайте одного из крупных московских книжных магазинов по запросу «Китай» позволил найти либо публикации авторов, неизвестных в академических кругах вовсе и не всегда являющихся профессиональными востоковедами по образованию, либо переводные издания по преимуществу западных авторов, переводы которых зачастую выполнены с ошибками в транскрипциях на русский язык китайских имен.

9 Мы не имеем в виду постколониальный дискурс востоковедения, восходящий к знаменитому тексту Эдварда Саида, подробно рассмотренный в докладе В. А. Кузнецова, но, например, отсылаем к идее «нормализации» Китая как объекта исследования [Зуенко, 2023]. Напротив, «уникализация» Китая в экспертном дискурсе порой рождает продающиеся объяснительные конструкции, едва ли разделяемые академическим миром.

стигается лишь качественный процесс воспроизводства прежних знаний¹⁰.

Востоковедение на образовательном рынке благодаря внешней политической конъюнктуре чувствует себя, как представляется, неплохо. Автор этих строк интересовался у рекордного по численности по меркам одного из московских вузов набора китаистов осенью 2022 г. причинами выбора профессии. Весьма популярным оказался ответ о резкой переориентации с европейских языков на китайский в силу политических потрясений. Однако сравнительный коммерческий успех не говорит об отсутствии проблем, главная из которых — осязаемый студентами и абитуриентами разрыв между университетскими программами, рынком труда и их личными ожиданиями.

Востоковедение входит в топ-5 самых дорогих специальностей при условии большого процента абитуриентов, поступающих на платные места [Губернаторов, 2023]. Интерес подогревается устойчивым представлением о том, что знание восточного языка — билет в будущее гарантированного трудоустройства. Опыт общения с выпускниками показывает: отчасти чаяния сбываются. Однако даже беглый поиск по крупнейшим сервисам поиска работы показывает: характер трудоустройства связан исключительно со знанием восточного языка¹¹ в сфере ВЭД. Востоковедное образование зачастую остается невостребованным за исключением языковых компетенций. Продиктованная самим рынком труда идея о том, что в востоковедении важен исключительно язык, распространена среди огромнейшего числа студентов, что снижает интерес как к собственно страноведческим предметам, так и к дисциплинам общего профиля, таким, как экономика, политология и т. д. Восприятие образовательного процесса как языковых курсов с побочным продуктом в виде иных дисциплин популярно и в будущем прово-

цирует недостаток профессионалов, владеющих не только и не просто восточным языком, но и языком социальных наук.

Сложность сопоставления востоковедения с требуемыми на рынке труда компетенциями и иными социальными науками осмысливается студентами в популярных мемах о востоковедении как комплексной специальности, не добавляя необходимого оптимизма в процессе обучения. Другая проблема — восприятие востоковедного образования как оторванного от реальной жизни и от рынка труда, равно как и популярное представление о необходимости дополнения востоковедного образования прохождением более узкоспециализированных образовательных программ, дающих конкретные компетенции из числа востребованных в ВЭД. Так, один из активных в медиасреде порталов, специализирующихся на вопросах трудоустройства китаистов, заявляет среди прочего «готовим китаистов к работе в отрасли с реальным Китаем», а в анонсе карьерного спринта 2022 года среди тех, кому он не подойдет, перечисляли тех, кто строит научную, дипломатическую и «карьеру в академическом преподавании» [Карьерный спринт... 2022], имплицитно указывая на разрыв между этими видами деятельности и реальной работой с Китаем, хотя в программе значилось множество интересных пунктов для тех, кто изучает экономику Китая в академическом контексте.

Разумеется, востоковедение не уникально в вопросах фрустрации студентов из-за отрыва образовательных программ от реальности: схожие проблемы отмечают даже среди экономистов [Аузан, Мальцев, Курдин, 2023]. Однако самочувствие соседской коровы не должно нас обманывать. Рыночный запрос на актуализацию востоковедных образовательных программ очевиден. Однако его удовлетворение рискует девальвировать само востоковедение за счет сокращения фундаментальных университетских

10 О чередовании фаз «нормальной науки» и научных революций см.: [Кун, 2003].

11 Для сравнения: «...несмотря на наличие востоковедческого диплома, речь может идти либо об изучении языка с целью дальнейшей работы в практической сфере, не имеющей отношения к востоковедению (логистические и торговые компании, туризм и т. п.)» [Кузнецов, 2023, с. 18].

дисциплин, таких, как история изучаемой страны, и за счет включения в учебные программы предметов, актуальность которых временна, привлекательна для абитуриентов здесь и сейчас, но потенциально неактуальна уже к моменту выпуска из вуза.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ПОЗИТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ? (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Вероятно, наиболее положительным сценарием было бы продолжать оценивать востоковедение как специфическую прежде всего университетскую образовательную программу, не предполагающую прямой отраслевой специализации по видам экономической деятельности¹². Однако актуализация необходима. В отечественном востоковедении, как нам кажется, несколько проседают такие исследовательские направления, как экономика, социология и юриспруденция¹³. Востоковедение, выросшее из исторического зерна¹⁴, и поныне воспроизводит в своих студентах внимание к историческим аспектам изучения Востока, не давая актуальных для современных социальных наук навыков. Дело не только и не столько в конкретном наборе методов, но и в понимании актуального для современных социальных наук круга проблем и вопросов, которые наука ставит перед самой социальной реальностью.

Сложность в создании качественной экспертизы отчасти связана с тем, что востоковедение в России добровольно помещает себя в башню из слоновой кости не только по отношению к реальности как таковой, но и к современным социальным наукам. Возможным решением нам кажется постепенная эволюция отечественного

востоковедения, возвращение специалистов-гуманитариев, владеющих актуальной методологией путем более глубокой интеграции с другими гуманитарными факультетами и частичного введения в учебные планы большего числа общегуманитарных дисциплин. Хотя и это, в силу ограниченности часов в учебных планах, сложно. Однако, как представляется, это более положительный сценарий, чем эволюция востоковедения в сторону практико-ориентированного подхода, предполагающего знание восточного языка + методов, например, ведения ВЭД и документооборота. Более того, вооруженность востоковедов инструментами современных социальных наук позволит в будущем повысить и уровень востоковедной экспертизы, хотя и не избавит востоковедение от присущей ему междисциплинарности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аузан А. А., Мальцев А. А., Курдин А. А. Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего. *Вопросы экономики*. 2023. № 10. С. 5–26 [Auzan A. A., Maltsev A. A., Kurdin A. A. Russian Economic Education: Image of the Near Future. *Voprosy Ekonomiki*. 2023. No. 10. Pp. 5–26 (in Russian)].

Васильева решила отменить реформу прошлого руководства Минобрнауки по востоковедению. *Деловая газета «Взгляд»*. 26.10.2016 [Vasilyeva Decided to Cancel the Reform of the Previous Leadership of the Ministry of Education and Science on Oriental Studies. *Vzglyad*. 26.10.2016 (in Russian)]. URL: <https://vz.ru/news/2016/10/26/840191.html> (accessed 22.10.2023).

Виноградов А. В., Кобзев А. И. Российское китаеведение: современное состояние и основ-

12 Дополнение университетского образования конкретными профессиональными компетенциями, как и ныне, можно сохранить на уровне курсов ДПО.

13 Разумеется, существуют отдельные примеры образовательных программ, где эти провалы ликвидируются.

14 Студент-востоковед, прошедший защиту выпускной квалификационной работы, знает, что перепутать источники и литературу сродни смертному греху. Схожих позиций придерживаются и профессиональные историки. Для экономистов такой проблемы не стоит, в лучшем случае их методология предполагает различение первичных и вторичных (литература) источников. Это наблюдение доказывает историчность востоковедения.

ные проблемы. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 6. С. 73–91 [Vinogradov A. V., Kobzev A. I. Russian Sinology: Current Stage and Main Problems. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 73–91 (in Russian)].

Волынский А. И. Инерция научной парадигмы на примере постсоветского востоковедения. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 4. С. 12–19 [Volynskii A. I. Post-Soviet Oriental Studies as an Example of Paradigm Inertia. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2021. No. 4. Pp. 12–19 (in Russian)].

Губернаторов Е. Здравоохранение, IT и педагогика остаются популярны у абитуриентов. *Ведомости*. 30.01.2023. [Gubernatorov E. Healthcare, IT and Pedagogy Remain Popular among Applicants. *Vedomosti* (in Russian)]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/01/30/960859-zdravooxranenie-it-i-pedagogika-u-abiturientov> (accessed 24.10.2023).

Дмитрий Киселев связал протесты в стране с наличием высшего образования: «Слишком много гуманитариев». *Бизнес Online*. 04.11.2019. [Dmitry Kiselev Connected the Protests in the Country with the Presence of Higher Education: “Too Many Humanities Students”. *Business Online*. 04.11.2019 (in Russian)]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/445009> (accessed 23.11.2023)).

Зуенко И. Ю. Китай как нормальная страна. *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 4. С. 192–202 [Zuenko I. Yu. China as a Normal Country. *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. No. 4. Pp. 192–202 (in Russian)].

Канал Игоря Макарова. *Telegram* [Igor Makarov’s channel. *Telegram* (in Russian)]. URL: https://t.me/igor_a_makarov/101 (accessed 22.10.2023).

Карьерный спринт по работе с Китаем. Лето 2022. *China Professionals* [Career Sprint on Working with China. Summer 2022. *China Professionals* (in Russian)]. URL: <https://web.archive.org/web/20220327073542/https://chinaprofessionals.ru/sprint> (accessed 24.20.2023).

Кошовец О. Б. Экономическое знание и власть: от научной объективности к технологиям имперсональности и социальному конструированию. *Эпистемология и философия науки*. 2022. № 1(59). С. 171–189 [Koshovets O. B. Economic Knowledge and Power: From Scientific Objectivity to Technologies of Impersonality and Social Design. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2022. No. 59(1). Pp. 171–189 (in Russian)].

Кузнецов В. А. *Российское востоковедение: вызовы и перспективы развития в новой реальности*. М.: МГИМО-Университет, 2023. 32 с. [Kuznetsov V. A. *Russian Oriental Studies: Challenges and Development Prospects in the New Reality*. Moscow: MGIMO-University. 2023. 32 p. (in Russian)].

Кун Т. *Структура научных революций*. Пер. с англ. Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 605 с. [Kuhn Th. *The Structure of Scientific Revolutions*. Transl. from English. Comp. by V. Yu. Kuznetsov. Moscow: ACE, 2003. 605 p. (in Russian)].

Лукин А. В. Востоковедение: предмет и перспективы развития в России. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2023. № 15(2). С. 234–252 [Lukin A. V. Oriental Studies as an Academic Field and Its Prospects in Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2023. No. 15(2). Pp. 234–252 (in Russian)].

Минобрнауки России совместно с научным сообществом и бизнесом разработало проект программы развития востоковедения и африканистики. *Официальный сайт Министерства науки и высшего образования РФ*. 17.05.2023. [The Russian Ministry of Education and Science, together with the Scientific Community and Business, Has Developed a Draft Program for the Development of Oriental and African Studies. *Official website of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation*. 17.05.2023 (in Russian)]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/68050/> (accessed 22.10.2023).

Музычук В. Ю. *Культура в экономической системе координат* (препринт). М.: Институт

экономики РАН. 2023. 48 с. [Muzychuk V. Yu. *Culture in the Economic Coordinate System* (Preprint). Moscow: Institute of Economics, RAS, 2023. 48 p. (in Russian)].

Профессиональные стандарты. *Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования*. FGOSVO. 2023. [Professional Standards. Portal of Federal State Educational Standards of Higher Education. FGOSVO. 2023 (in Russian)]. URL: <https://fgosvo.ru/docs/index/2?page=1> (accessed 02.12.2023).

Рубинштейн А. К теории опекаемых благ. Неэффективные и эффективные равновесия. *Вопросы экономики*. 2011. № 3. С. 65–87 [Rubinstein A. A Theory of Patronized Goods:

Inefficient and Efficient Equilibria. *Voprosy Ekonomiki*. 2011. No. 3. Pp. 65–87 (in Russian)].

Территория самоопределения: российское востоковедение в XXI веке. *Orientalia Rossica*. 14.08.2022 [Territory of Self-determination: Russian Oriental Studies in the 21st Century. *Orientalia Rossica*. 14.08.2022 (in Russian)]. URL: <https://orientaliarossica.com/page/34/72969> (accessed 22.10.2022).

Douglas H. E. *Science, Policy, and the Value-Free Ideal*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009. 256 p.

Gundersen T. Scientists as Experts: A Distinct Role? *Studies in History and Philosophy of Science*. Pt. A. 2018. Vol. 69. Pp. 52–59.

РАЗВИТИЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ОТ АФИН ДО МОСКВЫ

تطور الاستشراق من أثينا إلى موسكو

DEVELOPMENT OF ORIENTAL STUDIES FROM ATHENS TO MOSCOW

© 2023 **Зин Бен Отман**

доктор филологических наук, преподаватель, кафедра турецкого и русского языков при факультете арабской филологии и восточных языков Университета «Алжир-2», г. Алжир, Алжир
zinerusse@gmail.com
ORCID ID: 0009-0006-7590-4567

Zine Ben Othmane

DSc (Philology), Department of Turkish and Russian languages, Faculty of Arabic language and literature and Oriental languages, Algiers 2 University, Algiers, Algeria
zinerusse@gmail.com
ORCID ID: 0009-0006-7590-4567

Статья представляет собой обзор существующих в российской науке представлений о востоковедении и ориентализме. На основе анализа широкого массива историографии, опираясь на авторитетные мнения предшественников, алжирский автор показывает проблемность определения предмета и характера востоковедческого знания, описывает разницу между западными и российской школами востоковедения, выделяет основные позитивные и негативные коннотации понятий «востоковедение» и «ориентализм», определяет исторические предпосылки сложения двух разных подходов к изучению Востока в Европе и в России, прослеживает основные этапы развития изучения Востока.

Ключевые слова: востоковедение, ориентализм, ориенталистика, арабистика, история

Для цитирования: Бен Отман З. Развитие востоковедения от Афин до Москвы. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 23–32. DOI: 10.18254/S268684310029240-2

The paper is an overview of existing ideas about Oriental studies and Orientalism in Russian academic fields. Based on the analysis of a wide array of historiography, discussing the views of the previous researchers, the Algerian author shows the problematic nature of defining the subject and nature of the knowledge of Asian and African studies, describes the difference between Western and Russian schools of said field of academic research, identifies the main positive and negative connotations of the concepts of “Oriental studies” and “Orientalism”, determines the historical prerequisites for the formation of two different approaches to the study of the East in Europe and Russia, traces the main stages in the development of Asian and African studies.

Keywords: Orientalism, Oriental studies, Arabic studies, history, Russian science

For citation: Ben Othmane Zine. Development of Oriental Studies from Athens to Moscow. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 23–32. DOI: 10.18254/S268684310029240-2

Настоящая статья представляет собой обзор ведущих в российской науке дискуссий о сущности востоковедения. Вероятно, для российского читателя, глубоко погруженного в эту проблематику, некоторый интерес может представлять то обстоятельство, что этот обзор осуществляется не изнутри, а извне — мы пытаемся показать, как видятся означенные дискуссии из Магриба, общества которого мало знакомы с российской наукой, однако хорошо представляют себе сущность ведущих в Европе споров об ориентализме.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ КАК КОМПЛЕКСНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Первая проблема, с которой сталкивается каждый, кто пытается описать особенности российского востоковедения, состоит в определении: как можно видеть, существующие дефиниции довольно серьезно различаются между собой. Приведем лишь несколько из них.

Известный советский востоковед И. С. Брагинский писал, что «востоковедение, или ориенталистика — исторически сложившаяся на Западе наука, изучающая комплексно историю, экономику, языки, религию, этнографию, искусство, философию, памятники архитектуры Востока, под которыми имеют в виду страны Азии и частично Африки, так как часть африканских государств являются мусульманскими» [Брагинский, 1969–1986].

Спустя четверть века другой автор, М. В. Иванова, уже описывала востоковедение как «комплекс наук, изучающих как Восток в целом, так и отдельные его регионы и страны. В него входят история, философия, культурология, демография, этнология, археология, политические, экономические, лингвистические, филологические науки, а также т. н. вспомогательные дисциплины, спектр которых также достаточно широк. Из вспомогательных исторических дисциплин для востоковедения особую значимость имеют археология, палеография, эпиграфика, нумизматика, сфрагистика, геральдика, ономастика» [Иванова, 2010, с. 4].

При сравнении этих двух определений бросается в глаза, что, если для Брагинского востоковедение — это единая наука, то для Ивановой — это уже комплекс наук, причем конкретный их перечень в двух определениях различается. С тем, что востоковедение — это не единая наука, а комплекс наук был согласен и П. М. Шаститко, написавший соответствующую статью для электронной энциклопедии «Кругосвет». В своем определении он отмечает, что «востоковедение подразделяется на составляющие науки: японистика, китаистика (синология), индология, тюркология, египтология, иранистика, семитология и т. д.» [Шаститко, 2023]. В то время как П. М. Шаститко считает, что востоковедение подразделяется на составляющие науки, то И. С. Брагинский называет их региональными отраслями.

Другой важный момент, связанный с этими определениями, касается соотношения понятий востоковедение и ориенталистика. Из трех рассматриваемых авторов только И. С. Брагинский ставит между ними знак равенства, остальные же западный аналог российской науки вовсе не упоминают. Однако этой теме касается, например, исламовед и заведующий кафедрой международных отношений факультета экономики Университета имени Сулеймана Демиреля Галым Жусипбек, отмечающий, что под «ориентализмом подразумевается вовсе не наука востоковедение, а стиль идеологизированного мышления, берущего за основу заблаговременно принимаемую (т. е. априорную) инаковость, «экзотичность» так называемого «Востока». Однако он признает, что на самом деле сегодня на постсоветском пространстве как среди специалистов, так и среди обывателей эти два понятия используются как синонимичные, причем географический ареал обоих за последние годы серьезно расширился [Жусипбек, 2012].

На синонимичность двух понятий указывал и академик Н. И. Конрад, писавший, что термин «востоковедение» представляет точный эквивалент западного термина «ориенталистика». При этом в статье для Советской исторической энциклопедии он отмечал: «Термин “Востоковедение” (нем. *Morgenkunde*, *Orientalistik*; франц. *orientaliste*) — европейский, у народов Востока отсутствующий, а если и появляющийся, то как переводный и обозначающий чисто европ. явление... Понятие “Восток” как обозначение некоего особого мира, естественно, могло зародиться только на “Западе”. При изучении истории этого понятия открывается, что “Западом” была в данном случае Европа и впервые противопоставили себя “Востоку” древние народы Европы — греки и римляне» [Конрад, 1963, с. 722].

Конечно, рассмотрение вопроса о соотношении двух понятий не может не учитывать критику ориентализма, в свое время предложенную Э. Саидом: «Ориентализм, по Саиду, фактически, является западным методом установления

господства над Востоком, его перекройки и доминирования над ним» [Захаров, 2014, с. 30].

В последние годы в связи с активизацией дискуссий о востоковедческом знании появились и новые оценки. Так, нынешний директор ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова А. А. Маслов полагает, что востоковедение фокусируется на состоянии и развитии восточного общества в разные периоды. По его словам, «существует несколько ошибочных представлений о том, чем именно занимается востоковедение. Некоторые полагают, что востоковедение сосредоточено только на восточных языках, другие говорят, что востоковедение исследует современную экономику и политику Востока, а кто-то считает, что востоковедение изучает древний Египет, Месопотамию или древний Китай. Парадокс в том, что востоковедение не является ни одним, ни другим, ни третьим. Это наука, которая изучает, прежде всего, состояние и развитие восточного общества в разные периоды и, опираясь на эту базу, показывает, какие существуют тенденции в экономике, политике, истории и культуре» [Маслов, 2017]. Также Маслов считает, что «востоковедение — комплексная и очень сложная дисциплина. Человек, решивший ею заниматься, с одной стороны, должен блестяще выучить язык и как минимум говорить на нем так, как говорят местные жители, а с другой — разбираться в самых разных областях, от истории и культуры до региональной экономики и политики» [Маслов, 2017].

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В статье «Востоковедение» для Большой советской энциклопедии И. С. Брагинский пишет, что «в исследованиях ведущих востоковедов сочетался филологический метод с широкими теоретическими обобщениями, преимущественно с историко-идеалистических позиций. В целом в мировом востоковедении наметились

две тенденции: гуманистическая (наиболее ярко отраженная в идеях западно-восточного культурного синтеза, нашедших свое литературное оформление в «Диване» И. В. Гёте) и колониалистская» [Брагинский, 1969–1986]. Отталкиваясь от этого высказывания Брагинского, можно сказать, что востоковедение как особая отрасль знания имеет как положительные, так и отрицательные черты.

К положительным могут быть отнесены следующие:

— Наличие в востоковедении гуманистической составляющей: востоковед переводит многие сведения и знания из чужой культуры в свою;

— Востоковедение представляет собой способ расширения международных связей. «Много сведений о странах Востока содержится в средневековых литературах — сирийской, византийской, древнеармянской и древнегрузинской, служивших “мостом” между культурами Востока и Запада» [Брагинский, 1969–1986];

— Востоковедение интересуется проблемами современности. «Распад колониальной системы империализма, пробуждение к новой жизни десятков ранее угнетенных народов способствовали развитию гуманитарных наук в странах Востока, определили актуализацию тематики исследований в востоковедении, растущее внимание к изучению проблем современности» [Брагинский, 1969–1986];

— Востоковедение способствует изучению языков Востока: «...Возрастает внимание к изучению живых языков современного Востока, в том числе бесписьменных...» и др. [Брагинский, 1969–1986].

Что касается негативных черт востоковедения, то они, по мнению критиков этой области знаний, состоят в следующем:

— Востоковеды смотрят на Восток как на чужого: свысока. «Европейская трактовка Востока получила название “ориентализм”, имеющее негативные коннотации на самом Востоке и среди, критически по отношению к западной системе, настроенных западных же ученых, а изобра-

жение Запада азиатскими авторами, нередко упрощенное и часто отрицательное, известно как “оксидентализм”. Анализ истоков, меняющихся парадигм и современной методологической базы таких описаний позволит выявить культурные стереотипы, эксплуатируемые при описании “чужого”» [Штейнер, 2012, с. 14];

— Наличие в востоковедении колониалистской составляющей. Исторически некоторые востоковеды, показывая слабости изучаемых народов, способствовали колониализму и распространению религий колонизаторов;

— Правящие круги Запада ставят востоковедение на службу империалистическим интересам. «Значительную роль в развитии востоковедных учреждений в США и других капиталистических странах сыграло стремление правящих кругов этих государств поставить востоковедение на службу своим империалистическим интересам» [Брагинский, 1969–1986];

— Иногда востоковеды извращают исторические факты: «По мнению Э. Саида, ориентализм исказил и исковеркал знание: вместо того, чтобы рассматривать события и явления в ракурсе динамики и опыта истории, что закономерно для всего мира, ориентализм, как правило, уместает их в им же созданные стереотипы, вызывая тем самым искусственное раздвоение» ... «автор показал, как из записок разных путешественников — искателей приключений, посещавших Восток, не понимавших чужую культуру и не вникавших в нее, — на Западе складывался образ “Дикого Востока”, образ, который сейчас всюду тиражируется мировыми СМИ» [Захаров, 2014, с. 28–29];

— Востоковедение представляет собой инструмент господства. «Ориентализм, по Саиду, фактически, является западным методом установления господства над Востоком, его перекройки и доминирования над ним» [Захаров, 2014, с. 28];

— Востоковедение играет важную роль в европейской экспансии в страны Востока. «Возникновение востоковедения как особой отрасли знания связано с эпохой первоначального нако-

пления капитала и началом европейской экспансии в страны Востока» [Брагинский, 1969–1986].

ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

История востоковедения в Европе

Многие специалисты, в том числе Л. Б. Алаев, утверждают, что истоки востоковедных знаний в Европе восходят к Древней Греции и средним векам. Так, в статье «Востоковедение» для Большой российской энциклопедии говорится, что «первыми сведениями о Востоке востоковедение обязано древнегреческим авторам; впервые в Европе они противопоставили себя как представителей Запада Востоку, под которым подразумевались Персия, а затем и все, что лежало к Востоку от греческого мира. Отсюда и получило географическое обоснование само понятие “востоковедение”» [Алаев, 2016].

Таким образом, востоковедение прошло два важных этапа — востоковедение как «незрелое» явление, т. е. неакадемическое востоковедение, и востоковедение как самостоятельная наука, т. е. академическое востоковедение. Неакадемическим востоковедением было в эпоху античности и в средние века: «Изучение стран востока и их истории представителями самих народов Востока началось еще с древних времен и продолжалось в средние века» [Брагинский, 1969–1986]. Алаев определяет характеристики востоковедения в произведениях Древней Греции и средних веков, отмечая, что «Понятие “Восток” для обозначения неевропейских народов Евразии появилось в Древней Греции и носило с самого начала негативный оттенок, являясь синонимом деспотизма, всеобщего рабства и угнетения» [Алаев, 2016].

В средние века у востоковедения появился религиозный оттенок противостояния христианства и ислама. «В средние века отчуждение Запада (Западной Европы) от Востока усугубилось религиозными различиями и стало восприниматься как противостояние христианства и ислама». Востоковедение в то время имело характер евангелизации и христианизации:

«Первенство в изучении культур стран Востока принадлежит паломникам и миссионерам, которые попытались обратить местное население в христианство, для чего им потребовалось изучать местные языки. Миссионеры создали первые словари и грамматики, изучали и описывали местные обычаи (чтобы обеспечить успех своей деятельности) и познакомили с ними европейских читателей». Востоковедение в то время имело, кроме того, мифологический и сказочный оттенок. «В средние века загадочность Востока порождала его мифологизацию, сказочные сюжеты, противоречивые, нередко фантастические представления о его несметных богатствах» [Алаев, 2016, *passim*].

В новое время появилось академическое востоковедение. Специалисты четко определяют некоторые периоды развития востоковедения как самостоятельной науки: XV–XVI, XVI–XVII, XVII–XVIII вв. и далее.

В XV–XVI вв. в Англии и других европейских странах стали появляться труды, посвященные арабскому миру. Тогда же востоковедение вошло в известные европейские университеты, в том числе университет Парижа — Сорбонну: «В XV–XVI вв. создаются сочинения преимущественно о странах Ближнего Востока, собранные в публикациях о путешествиях и навигациях, изданных в XVI в. Дж. Рамузио (Италия), Паркисом, Р. Хэклейтем (Англия) и др. Вводится преподавание древнееврейского и арабского языков на первых университетских кафедрах восточных языков, созданных в XVI в. в Париже...» [Брагинский, 1969–1986].

Следует помнить, что востоковедение в XVI–XVII вв. претерпело и другую важную эволюцию. Так, европейцы, находившиеся на Востоке, описывали восточные страны, собирали восточные рукописи и изучали особенности общества на Востоке: «В XVI–XVII вв. появились описания восточных стран, составленные западноевропейскими купцами, миссионерами и другими участниками первых торговых и захватнических экспедиций на Востоке. В Париже в XVI в., в Оксфорде в XVII в. было введено

университетское преподавание ближневосточных языков (в частности, арабского). К концу XVII в. в некоторых университетах Европы (Лейден, Оксфорд) было собрано значительное количество восточных рукописей: в результате этого были опубликованы первые систематизированные труды, опирающиеся на восточные источники: “Восточная библиотека” (д’Эрбело), и др. В отдельных сочинениях, например, в работе французского путешественника Ф. Бернье, делается попытка охарактеризовать некоторые особенности общественного строя на Востоке» [Брагинский, 1969–1986].

По мнению специалистов, арабистика в Европе начала развиваться в XVII–XVIII вв., но зародилась в конце XVI – начале XVII в., «когда основными центрами ее стали Рим, Париж, Лейден. История арабских народов изучалась также в Оксфорде, Кембридже и в некоторых немецких университетах» [Лекция о становлении... 2023].

Кроме того, в XVIII в. развивается восточная филология. В 1771 г. французский ученый и путешественник Абрахам Гиацинт (Ясент) Анкетиль-Дюперрон (Abraham Hyacinthe Anquetil-Duperron; 1731–1805) перевел на французский язык «Авесту» и составил описание некоторых областей Индии. Английский ученый Уильям Джонс (William Jones; 1746–1794) начал изучать санскрит в сопоставлении его с европейскими языками. Были созданы специальные высшие учебные заведения по изучению восточных языков: Академия восточных языков в Вене (в 1754 г.), Школа живых восточных языков в Париже (в 1795 г.). В статье о российском ученом лингвисте-иранисте, академике РАН, докторе филологических наук, профессоре М. Н. Боголюбове М. С. Пелевин утверждает, что «академическое востоковедение возникло в XIX в. фактически как ответвление классической филологии, направленное на изучение языков и письменных памятников Востока. Преимущественно филологическая природа востоковедения заметно проявляла себя до конца Второй мировой войны (исторические исследования,

тогда в основном обращенные к Древности и Средневековью, неизбежно вытекали из предварительной филологической работы с текстами)» [Пелевин, 2014].

Кроме того, А. О. Коршикова в статье «Кризис западного востоковедения во второй половине XX в.» подчеркивает, что «в 1960-х гг. в западном востоковедении начали происходить постепенные изменения, которые привели к трансформации методологических и практических принципов исследования. Они были обусловлены тем, что термин “ориентализм”, под которым подразумевалась гуманитарная дисциплина, изучающая страны Азии и Африки, стал подвергаться всесторонней критике, а также тем, что с середины XX в. в востоковедении появляется все больше ученых — выходцев с Востока. Все это способствовало расколу среди исследователей: часть из них, во главе с Б. Льюисом, поддержали традиционный подход к изучению, другие — сторонники идей Э. Саида — выступили за пересмотр основных принципов и методов востоковедения. Это привело к изменению парадигмы исследования: в центре внимания оказались опросы культурных и социальных преобразований, был подвергнут критике широкий спектр работ по истории Востока как политически ангажированных, а зачастую даже расистских, что обусловило кризис в востоковедении» [Коршикова, 2015, с. 31–32].

Обращаясь к этому же периоду, Б. Р. Рыбаков отмечал, что «мировое востоковедение сейчас вступает в новый этап. Говоря в самом упрощенном виде, востоковедение прошло путь от обслуживания колониальных властей через службу политическим и идеологическим блокам к нынешней ситуации, кардинально отличающейся от всего, что было раньше. Эпоха глобализации, со всеми ее пока еще мало изученными плюсами и минусами, наполняет востоковедение — и национальное, и региональное, и всемирное — новым содержанием, и это обстоятельство требует всестороннего обсуждения» [Рыбаков, 2004].

История востоковедения в России

Широко известно, что востоковедение в России появилось при Петре I (1672–1725), совершившем важнейшие преобразования в различных сферах жизни. Среди прочего эти преобразования касались отношения России к внешнему миру, в том числе к Западу и Востоку. В статье «Востоковедение» для Большой советской энциклопедии И. С. Брагинский пишет, что «в России введение практического изучения восточных языков относится к началу XVIII в. (указы 1700 и 1702 гг. Петра I). На многих востоковедных трудах того времени лежит печать развивавшегося в Европе в XVII—XVIII вв. филоориентализма, стремившегося использовать вновь открываемые культурные ценности восточного мира в борьбе с феодальной реакцией и мракобесием духовенства» [Брагинский, 1969–1986].

Заслуга возникновения востоковедения в России при Петре I принадлежит молдавскому и российскому государственному деятелю и ученому Дмитрию Константиновичу Кантемиру (1673–1723). Кроме Д. К. Кантемира важную роль в развитии востоковедения того времени в России сыграл немецкий ученый Г. З. Байер (1694–1738): «Первым российским академиком-востоковедом был немец Готлиб Зигфрид Байер, уроженец Кёнигсберга (1694–1738). Свои услуги Российской академии наук он предложил в конце 1725. Ученый большой эрудиции, Байер имел широкий круг интересов в разных областях ориенталистики, но главным трудом его жизни был Китайский Музеум, опубликованный на латинском языке в Петербурге в 1730–1731» [Шаститко, 2023].

Екатерина II (1729–1796) продолжила начинания Петра I. Если ее предшественник, по известному выражению, открыл окно в Европу, то она открыла окно на Восток путем изучения его языков и культур и переводов многих источников. При Екатерине началось развитие изучения и преподавания восточных языков, «когда в связи с русско-турецкими войнами и расширением связей с Китаем интерес к Востоку проникает в

императорское окружение. В 1769 г. был открыт класс татарского языка при Казанской гимназии. В 1788 г. в Москве вышло первое на русском языке пособие для изучения восточного языка — «Азбука татарского языка» Саита Хальфина. В соответствии с указом 1782 г. в народных училищах ряда пограничных губерний началось преподавание китайского и арабского языков. В 1789 г. в Омске была открыта «Азиатская школа» в целях подготовки переводчиков с татарского, маньчжурского и монгольского языков» [Хен, 2012].

Заслуга развития востоковедения в России при Екатерине II принадлежит русскому лингвисту, театральному деятелю, переводчику и музыканту Г. С. Лебедеву (1749–1817). Д. Р. Хен утверждает, что «растущий интерес к Востоку предопределил появление в этот период в России востоковедов-самоучек. Лебедев, музыкант по профессии, двенадцать лет провел в Индии (1785–1797), изучил санскрит, овладел некоторыми живыми восточными языками, а в 1801 г. издал на английском языке грамматику языка хиндустани. По возвращении в Россию Лебедев основал в Петербурге первую типографию с индийскими шрифтами» [Хен, 2012]. Специалисты считают, что к концу XVIII в. в Российской империи изучались почти все основные языки, на которых говорили в сопредельных с Россией странах Востока, однако их преподавание отвечало в основном требованиям практического характера. В этот период появляются первые российские знатоки Востока — специалисты по странам Азии и Африки. А в 1818 г. в Петербурге был основан Азиатский музей, продолжателем которого сегодня является Институт востоковедения Российской Академии наук.

Г. Ф. Ким и П. М. Шаститко утверждают, что «в конце XVIII – первой четверти XIX в. в российской ориенталистике обозначается дворянско-просветительское течение, связанное с именами А. Н. Радищева, Н. И. Новикова и с декабристами», подчеркивая, что востоковедение «развивалось на ярком фоне мощного расцвета всей российской науки, культуры, литературы

и искусства первой половины XIX столетия» [Ким, Шаститко, 1990, с. 368–369].

В ту эпоху немаловажную роль в развитии российского востоковедения играл университет. В русле этого разговора Ким и Шаститко пишут, что «один за другим возникают университеты: в Москве (1755), Дерпте (1802), Вильно (1803), Казани (1804), Харькове (1805), Петербурге (1819), Киеве (1834). В Москве основывается Лазаревский институт восточных языков (1815)» [Ким, Шаститко, 1990, с. 7]. Авторы называют это время «периодом собирания сил и организационного укрепления российского востоковедения. Основная черта этого этапа — разделение на два направления: 1) практическое (официальное), 2) академическое и университетское» [Ким, Шаститко, 1990, с. 7], добавляя, что «крупнейшие ученые Отечества внесли свой вклад в изучение истории ориенталистики. Достаточно отметить такие основополагающие работы, как “История изучения Востока в Европе и России” акад. В. В. Бартольда, “Запад и Восток” акад. Н. И. Конрада, назвать имена академиков С. Ф. Ольденбурга, И. Ю. Крачковского, А. Е. Крымского» и др. [Ким, Шаститко, 1990, с. 7].

Развитие российского востоковедения продолжалось и далее: после Д. К. Кантемира, Г. З. Байера и Г. С. Лебедева прославились многие российские востоковеды. Советский и российский литературовед-вьетнамист, доктор филологических наук, профессор Н. И. Никулин указывает, что «в русском востоковедении с давних пор, начиная с трудов В. А. Гордлевского, И. Ю. Крачковского, В. М. Алексева, Н. И. Конрада и ряда других ученых, существует устойчивая традиция научного внимания и осмысления процесса ознакомления с русской литературой в странах Востока, перевода русских авторов на восточные языки, освоения русской литературы на Востоке» [*Восток в русской литературе*, 2004, с. 6].

В. И. Беляев и И. Н. Винников указывают, что «новый период в развитии русской арабистики открывает научная деятельность И. Ю. Крачковского. Долгое время не признававшаяся до

того в науке новая арабская литература (XIX–XX вв.) благодаря трудам Крачковского становится предметом систематического изучения как в России, так и на Западе. На большую теоретическую высоту поднимается в трудах Крачковского изучение вопросов истории и теории литературы, что оказывает большое влияние на развитие литературоведения на арабском Востоке. Широкий размах получает исследование арабских источников для ранней истории нашей страны и ее народов... Систематический характер приобретает внимание к арабской диалектологии — современной и исторической. Впервые создается исчерпывающая история русской арабистики. Почти все области арабистики в той или иной степени становятся предметом изучения» [Беляев, Винников, 1960, с. 102–103]. В свою очередь, Р. Р. Орбели отмечает, что «после смерти П. К. Коковцова роль его научной деятельности в истории русского востоковедения, значение созданной им научной школы и ученых трудов в одной из областей семитологии получили оценку в специальных статьях виднейших советских востоковедов — академиков И. Ю. Крачковского и В. В. Струве и члена-корр. Академии наук СССР Н. В. Пигулевской» [Орбели, 1956, с. 342].

Как отмечают составители сборника «История востоковедения: традиции и современность», «несмотря на кризисные явления в российской науке и образовании, появляется новое поколение профессиональных востоковедов, которые своими новаторскими работами продолжают дело великих предшественников и вносят значительный вклад в развитие современной отечественной ориенталистики» [*История востоковедения*, 2014, с. 7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, как можно видеть, в российском академическом поле не существует общепризнанного понимания сущности востоковедческого знания. Авторы расходятся в том, является

востоковедение единой наукой или комплексом наук, каково его внутреннее деление, как российское востоковедение соотносится с европейской ориенталистикой, каковы стоящие перед ним цели и задачи.

Многие ключевые для западного востоковедения проблемы для российского почти неактуальны. В частности, российское востоковедение практически не обсуждает постколониальную критику и мало воспринимает идеологические баталии, сотрясающие академические круги на Западе. Между тем, как показывает содержание этих баталий, рефлексия над сущностью востоковедения, пусть и не напрямую, доходит и до российского научного сообщества, выделяющего сегодня в востоковедении как позитивные, так и негативные элементы: первые связаны с налаживанием межкультурного диалога и с познанием Другого, а вторые с его колониальным порабощением.

Принципиальные различия между российским и западным востоковедением в значительной степени определяются разными историческими путями развития этой области в двух регионах. При этом на сегодняшний день российское востоковедение представляется менее идеологизированным, по сравнению с западным, и весьма разнообразным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алаев Л. Б. Востоковедение. *Большая российская энциклопедия*. Электронная версия (2016) [Alaev L. B. Oriental Studies. *Great Russian Encyclopedia*. Electronic version (2016) (in Russian)]. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1930022 (accessed 17.12.2023).

Беляев В. И., Винников И. Н. Арабистика и семитология на Восточном факультете. *Ученые записки ЛГУ*. Серия востоковедческих наук. Вып. 13. Востоковедение в Ленинградском университете. Л.: Ленингр. унив-т, 1960. С. 98–110 [Belyaev V. I., Vinnikov I. N. Arab Studies and Semitic Studies at the Faculty of Oriental Studies. *Academic Notes of Leningrad State University*.

Oriental Studies Series. Vol. 13. Oriental Studies at Leningrad University. Leningrad: Leningrad University Publ., 1960. Pp. 98–110 (in Russian)].

Брагинский И. С. Востоковедение. *Большая советская энциклопедия*. В 30-ти т. 3-е изд. М.: Совет. энцикл., 1969–1986. [Braginsky I. S. Oriental Studies. *Great Soviet Encyclopedia*. In 30 vols. 3rd ed. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969–1986 (in Russian)]. URL: <https://bit.ly/2Ueoh9C> (accessed 08.11.2023).

Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. Отв. ред. Л. Д. Громова-Опульская, Н. И. Никулин, Б. Л. Рифтин. М: ИМЛИ РАН, 2004. 256 с. [The East in Russian Literature of the 18th – early 20th Centuries. Acquaintance. Translations. Perception. L. D. Gromova-Opulskaia, N. I. Nikulin, B. L. Rifting (Eds.). Moscow: IMLI RAN, 2004. 256 p. (in Russian)].

Жусипбек Г. «Ориентализм»: стереотипы, факты, попытка научного анализа (ч. 1). *Проза.ру*, 2012 [Zhussipbek G. “Orientalism”: Stereotypes, Facts, Attempt of Academic Analysis (Pt. 1). *Proza.ru*, 2012 (in Russian)]. URL: <https://proza.ru/2012/06/19/1958> (accessed 17.12.2023).

Захаров В. А. «Ориентализм» Эдварда Саида и восприятие Северного Кавказа как Востока в произведениях М. Ю. Лермонтова. *Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: Сборник научн. статей по итогам Всероссийск. научн. конф., посв. 200-летию со дня рожд. М. Ю. Лермонтова*. Ч. 1. Краснодар: Экоинвест, 2014. С. 26–81 [Zakharov V. A. Orientalism by Edward Said and Perception of North Caucasus as Part of the Orient in M. Lermontov’s Works. *Lermontov in the Historical Fates of the Peoples of the Caucasus: Proceedings of the Academic Conference dedicated to the 200th anniversary of Mikhail Lermontov*. Vol. 1. Krasnodar: Ekoinvest, 2014. Pp. 26–81 (in Russian)].

Иванова М. В. *Из истории востоковедения в России (XVIII в. – 1917 г.): учеб. пособие*. Томск: Изд-во Томского политехн. ун-та, 2010. 105 с. [Ivanova M. V. *From the History of Oriental Studies in Russia (18th Century – 1917): Textbook*.

Tomsk: Tomsk Polytechnic Uni. Publ., 2010. 105 p. (in Russian)].

История востоковедения: традиции и современность: (Мат-лы школы-конференции аспирантов и молодых ученых). Отв. ред. И. Х. Миняжетдинов, ред.-сост. М. А. Пахомова. Отдел аспирантуры ИВ РАН. М.: ИВ РАН, 2014. 244 с. [*History of Oriental Studies: Traditions and Modernity: (Materials of the School-Conference of Graduate Students and Young Scholars)*]. Ed. by I. Kh. Minyazhetdinov & M. A. Pakhomova. Dept. of Postgraduate Studies, IOS RAS. Moscow: IOS RAS, 2014. 244 p. (in Russian)].

Ким Г. Ф., Шаститко П. М. *История отечественного востоковедения до середины XIX века*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы (ГРВЛ), 1990. 435 с. [Kim G. F., Shastitko P. M. *History of Russian Oriental Studies until the Middle of the 19th Century*. М.: Nauka, GRVL, 1990. 435 p. (in Russian)].

Конрад Н. И. *Востоковедение. Советская историческая энциклопедия*. Т. 3. Вашингтон — Вячко. М.: Советская энциклопедия, 1963. С. 722–727 [Konrad N. I. *Oriental Studies. Soviet Historical Encyclopedia*. Vol. 3. Washington — Vyachko. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1963. Pp. 722–727 (in Russian)].

Коршикова А. О. *Кризис западного востоковедения во второй половине XX в.* Весник БДУ. Сер. 3. 2015. № 1. С. 31–35 [Korshikova A. O. *The Crisis of Western Oriental Studies in the Second Half of the 20th Century*. Vesnik BDU. Ser. 3. 2015. No. 1. Pp. 31–35 (in Russian)].

Лекция о становлении европейского востоковедения. Студопедия [*Formation of European Oriental Studies*. Studopedia. (in Russian)]. URL: <https://bit.ly/2HXVRtU>. (accessed 17.12.2023).

Маслов А. А. Востоковеды будут учиться в бакалавриате пять лет. *Новости поступающим в НИУ ВШЭ*. 16.02.2017 [Maslov A. A. Orientalists Will Study for a Bachelor's Degree for Five Years. *News for Applicants to the National Research University Higher School of Economics*. 16.02.2017

(in Russian)]. URL: <https://bit.ly/2FuyWnh> (accessed 17.12.202).

Орбели Р. Р. Академик П. К. Коковцов и его рукописное наследство. *Очерки по истории русского востоковедения*. Сборник 2. М.: АН СССР, 1956. С. 341–359 [Orbeli R. R. Academician P. K. Kokovtsov and His Handwritten Legacy. *Essays on the History of Russian Oriental Studies*. Collection 2. Moscow: USSR AoS, 1956. Pp. 341–359 (in Russian)].

Пелевин М. С. Михаил Николаевич Боголюбов. *Востоковедение. Историко-филологические исследования*. Межвузовский сборник статей. Вып. 30. Отв. ред. А. К. Оглоблин, Н. Н. Телицин. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 4–9 [Pelevin M. S. Mikhail Nikolaevich Bogolyubov. *Oriental Studies. Historical and Philological Research: Collected Papers*. Vol. 30. Ed. by A. K. Ogloblin, N. N. Telitsin. Saint Petersburg: St. Petersburg Uni., 2014. Pp. 4–9 (in Russian)].

Рыбаков Р. Б. Единство — в многообразии. *Азия и Африка сегодня*. 2004. № 4. С. 2–7 [Rybakov R. B. Unity Is in Diversity. *Asia and Africa Today*. 2004. No. 4. Pp. 2–7 (in Russian)].

Хен Д. Р. *Востоковедение в России в XVIII в-ке*. Реферат. ДВФУ. 2012 [Hen D. R. *Oriental Studies in Russia in the 18th Century*. Essay. FEFU. 2012 (in Russian)]. URL: https://otherreferats.allbest.ru/history/00230380_0.html (accessed 17.12.2023).

Шаститко П. М. Востоковедение в России. *Энциклопедия Кругосвет*. 2023 [Shastitko P. M. *Oriental Studies in Russia. Krugosvet*. 2023 (in Russian)]. URL: <https://bit.ly/2Guv2JM>. (accessed 06.11.2023).

Штейнер Е. С. Восток, Запад и ориентализм: место востоковедения в глобализирующемся мире. *Ориентализм / оксидентализм: языки культур и языки их описания*. Рос. ин-т культурологии. М.: Совпадение, 2012. С. 14–24 [Steiner E. S. East, West, and Orientalism: The Place of Oriental Studies in the Globalizing World. *Orientalism / Occidentalism: Languages of Cultures vs. Languages of Description: Collected Papers*. Moscow Sovpadenie, 2012. Pp. 14–24 (in Russian)].

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ «ШИРАЗИСТОВ»

RELIGIOUS AND POLITICAL IDENTITY AND ACTIVITY OF THE “SHIRAZIST” MOVEMENT

© 2023 **Мехрубон Додохонович Ашуров**

Магистрант программы «Экспертно-аналитическое востоковедение. Арабский мир в мировой политике», реализуемой совместно Государственным академическим университетом гуманитарных наук (ГАУГН) и Центром арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

mehrubon.ashurov.0304@mail.ru

ORCID ID: 0009-0000-8756-4228

Mehrubon D. Ashurov

Master's student of the program “Expert-Analytical Oriental Studies. The Arab World in World Politics”, jointly implemented by the State Academic University of Humanities and the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

mehrubon.ashurov.0304@mail.ru

ORCID ID: 0009-0000-8756-4228

В связи с усиливающейся политизацией Ближнего Востока в целом, и шиитов в частности, весьма актуально исследование религиозно-политических особенностей одного из самых влиятельных движений в шиитском исламе — движения «ширазистов». Этому транснациональному движению, к сожалению, уделяется мало внимания в сравнении с другими шиитскими исламистскими организациями и движениями. В работе рассматриваются истоки возникновения данного транснационального движения, его эволюция и особенности. Особое внимание уделено эволюции идеологии движения «ширазистов». Утверждается, что религиозно-политическая иден-

тичность движения стала результатом фракционных конфликтов внутри шиизма, в частности давнего соперничества между религиозными школами Наджафа и Кербелы. Также определена специфика движения, ее отличия и сходства с другой транснациональной шиитской организацией — *Даава*. Анализируется деятельность движения в странах Персидского залива, а также вопросы взаимоотношений «ширазистов» с официальными властями Ирана.

Ключевые слова: шиизм, ширазисты, аятолла аш-Ширази, хауза, Кербела, Наджаф, вилайат аль-факих, вилайат аль-фукаха

Для цитирования: Ашуров М. Д. Религиозно-политическая идентичность и деятельность движения «ширазистов». *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 33–42. DOI: 10.18254/S268684310029203-1

With the increasing politicization of the Middle East in general and shiites in particular, it is very relevant to study the religious and political features of one of the most influential movements in Shiite Islam — the movement of “Shirazists”. Unfortunately, little attention is paid to this transnational movement in comparison with other Shiite Islamist organizations and movements. This paper examines the origins of this transnational movement, its evolution and features. Special attention is paid to the evolution of the ideology of the “Shirazists” movement. The religious and political identity of this movement was the result of factional conflicts within Shiism, in particular the long-standing rivalry between the religious schools of Najaf and Karbala. The specifics of this movement are determined, as well as its differences and similarities with another transnational Shiite organization — *Daava*. The article also analyzes the activities of the movement in the Persian Gulf countries and the problems of the relationships between “Shirazists” and official authorities of Iran.

Keywords: shiism, Shirazists, ayatollah Shirazi, hawza, Karbala, Najaf, wilayat al-faqih, wilayat al-fuqaha

For citation: Ashurov Mehrubon D. Religious and Political Identity and Activity of the “Shirazist” Movement. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 33–42. DOI: 10.18254/S268684310029203-1

Наряду с оказывающими определенное влияние на региональную политику межконфессиональными противоречиями на Ближнем Востоке [Wehrey, 2018, p. 11–35] существуют и внутриконфессиональные проблемы. Несмотря на малочисленность шиитов (от 10 до 15% из 1,5 млрд мусульман) [Конфликт, 2016] по сравнению с суннитами и на активную внешнеполитическую деятельность Исламской Республики Иран по продвижению и поддержке среди

единоверцев в других странах доктрины *вилаят аль-факих*¹, в *иснаашаритском*² шиизме сохраняется разнообразие [Беренкова, 2018, с. 121]. Так, до антишиитских репрессий в Ираке (1970-е гг.) и до исламской революции в Иране (1979 г.) святые для шиитов иракские города Наджаф и Кербела были центрами религиозной жизни этого направления ислама. После свержения режима Саддама Хусейна в 2003 г. прежняя роль этих городов начала восстанавливаться

1 *Вилаят аль-факих* (араб. власть факиха) — политико-правовая доктрина шиитов-двунадесятников, подразумевающая, что в эпоху Большого сокрытия двенадцатого имама Махди руководство шиитами переходит к компетентным факихам и муджтахидам. Представляет собой политический строй в Исламской Республике Иран.

2 Шииты-двунадесятники или иснаашариты — преобладающее направление в рамках шиитского ислама, распространенное в Иране, Азербайджане, Бахрейне, Ираке, Ливане и в других странах. Его сторонники признают духовными руководителями 12 имамов из рода Али ибн Абу Талиба, зятя и двоюродного брата пророка Мухаммада.

ИНСТИТУТ МАРДЖАИЙЯ

Территория современного Ирака занимает центральное место в шиитской истории со времен Средневековья: именно там зародился институт религиозного наставничества в шиитском исламе — *марджайя*. *Марджайя* — это институт религиозной власти, в котором верующий шиит, не имеющий высокого уровня знаний в области религиозных наук, должен следовать мнению самого квалифицированного *муджтахид* (богослов, имеющий право выносить *фетвы*³), *марджаа ат-таклид* (образец для подражания). По сей день *марджаа* осуществляют религиозное и социальное наставничество, а также уполномочены собирать религиозный налог — *хумс*⁴. Наиболее авторитетные возглавляют глобальные сети религиозных, образовательных и благотворительных учреждений, а некоторые обладают также и большим политическим влиянием [Louër, 2020, p. 40].

Наиболее известные и влиятельные шиитские *марджаа* традиционно проживали и до сих пор осуществляют свою деятельность в *хаузах*⁵ в Наджафе, а также в Кербеле, Куме и Мешхеде, где находятся шиитские святыни⁶. Экономические, региональные и национальные факторы предопределили борьбу между богословами за религиозную власть. Сумевшие мобилизовать сети поддержки в ряде слоев общества *марджаа* приобрели наибольшее влияние как внутри самого религиозного учреждения и среди состоятельных людей, так и в регионах страны, и за пределами национальных границ. Идеологизация ислама поставила во главу угла политику в борьбе за право быть наиболее влиятельным *марджаа*.

В этом контексте к *марджаа* все чаще обращались с призывом занять позицию по основным политическим вопросам и определить позицию по вопросу о государстве и правительстве, которых «большинство их предшественников из всех сил старались избегать» [Louër, 2020, p. 53].

«ШИРАЗИСТЫ» И ДАВНЕЕ СОПЕРНИЧЕСТВО МЕЖДУ НАДЖАФОМ И КЕРБЕЛОЙ

Именно по вопросам политики в 1960-х гг. в шиитской интеллектуальной среде Ирака произошел раскол между партией «Ад-Дава аль-исламийя» («Исламский призыв», или Дава) во главе с Мухаммадом Бакиром ас-Садром, одним из религиозных лидеров *хаузы* Наджафа, и движением «Рисала» (араб. «послание»), возглавляемым Мухаммадом аш-Ширази, главой *хаузы* Кербелы.

Хауза Наджафа в отличие от Кербелы не представляла собой единой религиозной составляющей, т.к. там помимо религиозных деятелей, считающих, что богословы должны играть важную роль в политике, были и не менее влиятельные духовные лица, считавшие, «что религиозный класс должен избегать политической активности» [Zargar, 2020, p. 47] (например, аятолла Абу аль-Касим аль-Хои — один из наиболее популярных и влиятельных *марджаа таклид* прошлого века, преемником которого стал аятолла Али Систани, также считающий, что религиозные лица не должны вмешиваться в политику)⁷.

Движение «Послание» более известно как *ширазийун* (араб. «ширази́сты»), т.к. тесно связано

3 Фетва — решение по какому-либо вопросу, выносимое муфтием, факихом или алимом, основываемое на принципах ислама и на прецедентах мусульманской юридической практики.

4 *Хумс* (араб. пятая часть) — обязательный налог у мусульман-шиитов, составляющий одну пятую от годового дохода.

5 *Хауза* — традиционная шиитская исламская академия, духовная семинария, в которой изучаются исламские дисциплины.

6 В Наджафе находится место погребения первого шиитского имама Али, в Кербеле третьего имама Хусейна, в Куме дочери седьмого имама Мусы Фатимы Масуме, а в Мешхеде восьмого имама ар-Рида.

7 Аятолла Систани всего несколько раз прямо вмешивался в политику. Самыми яркими случаями были прекращение боевых действий между шиитскими партизанами из Армии Махди и американскими войсками в Наджафе,

с семьей аш-Ширази из Кербелы, считающейся одной из самых авторитетных в богословии [Louër, 2012, p. 90]. Раньше направление было известно под несколькими названиями: Движение авангарда посланников (*Харакат аль-Талаи аль-Рисалийн*), Движение Марджайя (*Харакат аль-Марджайя*), Движение посланий (*аль-Харакат аль-Рисалийя*). Последователями этого движения называют шиитов, выбравших себе в марджаа аятоллу Мухаммада аш-Ширази (а после его смерти — его брата и преемника Садика аш-Ширази). Для школы Ширази характерна доктринальная строгость и непримиримая позиция к другим течениям современного шиизма, она также известна оппозицией концепции *вилаят аль-факих*. Хотя мы не располагаем точной статистикой количества приверженцев этой школы, «ширазисты» преуспели в распространении своих идей благодаря наличию значительных средств от *хумса*, в дополнение к ряду популярных среди шиитов спутниковых каналов, расположенных в Великобритании [Кто такие ширазисты, 2018].

Раскол между шиитскими интеллектуалами можно рассматривать в рамках давнего соперничества между школами Наджафа и Кербелы, в котором последние не признавали своей второстепенной позиции в области теологии [Беренкова, 2018, с. 125]. Другой не менее важной причиной стала конкуренция за получение поддержки населения и выплаты ими *хумса*. Возникновение движения во многом результат маргинализации Кербелы как религиозного центра (ввиду массового отъезда из города интеллигенции после османских набегов в 1840-х гг. [Кто такие ширазисты, 2018]) и последующего соперничества, сложившегося между муджтахидами и их коллегами из Наджафа.

Семья аш-Ширази прибыла в Ирак из иранского Ширази в девятнадцатом веке [Louër, 2012,

р. 91–93]. Первым покинул Шираз и переехал в Ирак Мирза Хасан Ширази, автор знаменитой антитабачной фетвы⁸ и *марджаа ат-таклид* своего времени. Другим известным представителем семейства стал Мухаммад Таки аш-Ширази, *муджтахид*, возглавивший революцию 1920 г. против англичан. Мирза Хасан приходился Мухаммаду аш-Ширази двоюродным дядей по отцовской линии, а Мухаммад Таки — двоюродным дядей по материнской.

Возвышение Кербелы как религиозного центра шиитского мира во многом связано именно с аш-Ширази. Отец Мухаммада аш-Ширази Мирза Махди аль-Ширази (1884–1960) после получения образования в Наджафе в 1930-х гг. вернулся в Кербелу и основал религиозную школу. В 1950-х гг. он отличился тем, что принял несколько фетв, осуждающих присоединение к Коммунистической партии. Все его четыре сына получили образование в его *хаузе* под его руководством и стали *муджтахидами*: Мухаммад, Хасан, Садик и Муджтаба. После смерти отца аш-Ширази стал главой *хаузы* и *марджаа* всего в 33 года [Louër, 2012, p. 91–92].

Богословы из Наджафа не признали Мухаммада *марджаа*, сославшись на его возраст и недостаточный уровень учености. Конфликт между аш-Ширази и *марджааией* Наджафа принял аспект традиционного спора о религиозном руководстве. Однако в Кербеле, в которой в отличие от Наджафа было много иранцев, М. аш-Ширази пользовался поддержкой влиятельных семей богословов (Модарреси и Казвини) и укрепил свои позиции как лидера.

Однако помимо традиционных богословских споров с улемами из Наджафа «ширазисты» выступили в качестве инициаторов реформ *хаузы*, которая, по их мнению [Louër, 2012, p. 93],

а также его фетва о начале боевых действий против террористов ИГИЛ в Ираке, благодаря чему мобилизовались многие иракцы.

8 Антитабачная фетва — фетва, в которой было сказано, что курение табака равносильно войне против сокрытого 12 шиитского имама Махди. Фетва возымела сильный эффект и вызвала протесты, вызвавшие национально-освободительное движение, приведшее впоследствии к Конституционной революции 1905–1911 гг. в Персии.

рисковала стать институтом, возглавляемым горсткой геронтократов, отдаленной от государственных дел и забот простых людей. По их мнению, руководство *хаузой* должен был взять на себя более молодой улем, более осведомленный о современном обществе⁹. Стремясь укрепить *хаузу* в Кербеле, М. аш-Ширази открыл профессиональные школы и благотворительные учреждения по всей стране. Важным аспектом реформ, предложенных М. аш-Ширази, было то, что он выступал за активное обсуждение улемами вопросов политики и экономики. Однако «ширазисты», в отличие от Даавы, в религиозном плане не отказались от практики *татбира*¹⁰, а отказывающихся ее соблюдать обвиняли в отходе от «пути имама Хусейна» [Kadhem, 2012, p. 311].

Конфликт между «ширазистами» и *марджайей* Наджафа, первоначально ограниченный религиозной сферой, вскоре приобрел политическую окраску, когда Даава попыталась распространить влияние в Кербеле. По-видимому, ее лидеры убедили представителей аш-Ширази принять участие в предварительных обсуждениях по формированию единой партии. Аш-Ширази согласились с предложением, но, вероятно, осознав, что смогут играть лишь второстепенную роль, решили отступить [Abdul-Jabar, 2002, p. 104]. Соперничество между партией Даава и «ширазистами» регулярно приводило к прямым столкновениям, особенно после того как первым удалось взять под контроль правление Исламской благотворительной ассоциации, созданную аш-Ширази в Кербеле в 1962 г. Затем, воспользовавшись массовым эффектом во время шествия *ашура*¹¹, сторонники аш-Ширази разграбили офис ассоциации, изгнали сторонников Даавы из Кербелы и вернули контроль над благотворительной организацией [Abdul-Jabar, 2002, p. 96].

«ШИРАЗИСТЫ» И ДААВА: СХОЖЕСТЬ И РАСХОЖДЕНИЯ В ИДЕЯХ

«Ширазисты» расходились с Даавой в понимании религиозной и политической власти. Последователи аш-Ширази считали концепцию «политической партии» чуждой исламу, поскольку она влекла за собой отрицание верховной власти марджайи [Louër, 2012, p. 96], фактически совпадая таким образом с позицией наиболее консервативных кругов истеблишмента Наджафа.

Однако в отличие от муджтахидов, питавших отвращение к любой идее политического действия и проводивших различие между религиозной и политической властью, аш-Ширази считал, что вовлеченность в политику входит в обязанности священнослужителей [Ayub, 1999, p. 43]. Подобно Мухаммаду Бакру ас-Садру и активистам-клерикалам Даавы, он был глубоко убежден в том, что в связи с ростом популярности светских идеологий настало время предпринять прямые политические действия для «восторжествования ислама». Однако, по его мнению [Ayub, 1999, p. 48–49], для полного соответствия исламу любое политическое действие должно быть передано под надзор *марджайи*. Таким образом, двойной источник власти, одобренный Даава был для «ширазистов» неприемлем.

В конце 1970-х гг. племяннику аш-Ширази Мухаммаду Таки аль-Модарреси удалось создать сеть благотворительных и религиозных фондов в шиитских странах [Louër, 2012, p. 98]. Фактически, движение, ранее известное как движение «Послания», получило окончательное название только после 1979 г. — оставаясь и по сей день «Организацией исламского действия» (*Муназзамат аль-Амаль аль-Ислами*). В соответствии с концепциями обоих дядьев (и с целью не похо-

⁹ Скорее всего, М. аш-Ширази имел в виду себя.

¹⁰ *Татбир* — шиитский ритуал массового кровавого самоистязания цепями и т. п., проводимый в день гибели имама Хусейна 10 мухаррама по исламскому календарю с целью искупления вины за неспособность защитить имама.

¹¹ *Ашура* — 10 день месяца мухаррама по исламскому календарю, когда был убит внук пророка Хусейн. В этот день шииты проводят массовые религиозные шествия и поминают его.

дить на Дааву), Мухаммад Таки аль-Модарреси сознательно избегал в названии организации термина «хизб» («партия»).

Однако на самом деле у Даавы и Организации исламского действия было много общих черт. Во-первых, обе организации стремились создать пирамидальную структуру командования и продвигали идею лояльности лидеру, занимающей центральное место в эффективности политических действий. Расхождения коснулись только характера командования: Даава как политическая партия считала, что управление должно осуществляться в рамках формального руководства партии [Shanahan, 2004, p. 16–21], тогда как близкая к «ширазистам» Организация исламского действия утверждала, что окончательное решение должно принадлежать *марджаа* аш-Ширази. На практике разница не так велика: оба движения были связаны с *марджайей*, хотя и действовали как автономные организации.

Несмотря на то, что аш-Ширази оказывал организации поддержку, он никогда официально не соглашался стать лидером и не входил в ее командную структуру: настоящим лидером всегда оставался Мухаммад Таки аль-Модарреси, бывший муджтахидом, но объявивший о своем *марджаате* лишь в конце 1990-х гг. Будучи политическими и религиозными оппонентами, «ширазисты» и партия Даава действительно имели определенные сходства. Позиция аш-Ширази по основным политическим вопросам находилась между идеями партии Даава и традиционными представлениями о власти муджтахидов Наджафа.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ «ШИРАЗИСТОВ» В СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Как и Даава, «ширазисты» подвергались жестоким репрессиям со стороны иракских властей: основной причиной преследований была их политическая активность, но и статус иракцев

иранской национальности также вызывал особые подозрения со стороны сил правопорядка [Louër, 2020, p. 53]. Брат М. аш-Ширази Хасан был первым кого арестовали в 1969 г. После нескольких месяцев жестоких пыток он бежал из Ирака в Ливан и Сирию. В течение нескольких месяцев после его отъезда все члены семей аш-Ширази и Модарреси перебрались в Кувейт, а оттуда рассеялись по нескольким монархиям Персидского залива [Reisinezhad, 2019, p. 260–265].

В 1970-х гг. в Ираке начались репрессии в отношении шиитов, подозреваемых в подрывной деятельности и часто объявлявшихся агентами иранского влияния, вследствие чего многие активные шиитские деятели перебрались в соседний Кувейт.

До начала революции 1979 г. в Иране аш-Ширази и большинство членов его семьи, включая племянников Мухаммада Таки и Хади аль-Модарреси, также прибыли в Кувейт, где легко интегрировались в существующие шиитские общинные учреждения (мечети и религиозные школы). Более того, они создали ряд учреждений, в том числе религиозно-педагогическую семинарию, мечеть, *хусейнию*¹² и библиотеку, существующие и по сей день [Louër, 2020, p. 70]. В результате Кувейт стал главным центром деятельности аш-Ширази в 1970-х гг., что отражало его умение устанавливать доверительные отношения как с местным шиитским населением, так и с членами правящей династии.

В 1970-х гг. семинария привлекла много студентов-шиитов из стран Персидского залива и сыграла ключевую роль в распространении движения «Послание» в Саудовской Аравии, где после революции в Иране шииты начали проявлять политическую активность [Jones, 2006, p. 3–15]. Большинство должностных лиц саудовского отделения движения «Послание», связанного с «ширазистами», прошли подготовку в кувейтской семинарии, созданной аш-Ширази. Главным среди них был основатель филиала

12 *Хусейния* — место, где в день *ашура* собираются шииты для проведения траурных мероприятий.

Хасан ас-Саффар, по сей день остающийся ведущей фигурой саудовского шиитского исламизма. В восстании шиитов 1979 г. в Восточной провинции ведущие роли играли именно представители движения «ширазистов» [Louër, 2020, p. 77; Matthiesen, 2010, p. 179–177].

Движение «ширазистов» распространилось также на Бахрейн, куда его представитель Хади аль-Модарреси переехал еще в 1973 году. Как и его дяде в Кувейте, ему удалось завязать связи с местной знатью и получить бахрейнское гражданство. «Ширазисты» воспользовались тем, что Манама в то время рассматривала религиозные движения как противовес влиянию марксистских и арабских националистических организаций, составляющих основную оппозицию [Мелкумян, 2016, с. 183–186].

На Бахрейне «ширазисты» создали партию «Исламский фронт» и обширную сеть религиозных и благотворительных организаций. В 1981 г. «Исламский фронт», поддерживаемый в то время Ираном, осуществил попытку государственного переворота и установления теократического правления, что предопределило дальнейшую политику Манама в отношении шиитов. После этого главными противниками бахрейнских властей вместо националистических и социалистических движений стали и остаются шииты, обвиняющиеся в тесном сотрудничестве с Ираном.

Движение «ширазистов» до сих пор имеет влияние и поддержку на Бахрейне: последователи движения сыграли немаловажную роль в восстании 2011 г. [Беренкова, 2018, с. 128]. И в восстании в Саудовской Аравии, и на Бахрейне «ширазисты» пользовались иранской поддержкой — тогда движение поддерживало хорошие отношения с Тегераном, использовавшим обширные влиятельные сети «ширазистов» в рамках стратегии по экспорту исламской революции [Ильина, 2016, с. 36–42].

«ШИРАЗИСТЫ» И *виляят аль-факих*

В 1965 г. аятолла аш-Ширази встретился в Ираке с аятоллой Хомейни в первые годы поддерживал Исламскую революцию в Иране. Аш-Ширази тогда не был противником концепции *виляят аль-факих* [Cole, 2002, p. 191–200]. Можно сказать, что концепция *виляят аль-факих* выражала общее мнение шиитских теологов Ирака (М. Бакир ас-Садра и др.), выступавших в пользу широкого участия богословов в политике.

Идеи аш-Ширази были схожи с доктриной *виляят аль-факих*, сформулированной Хомейни в 1970 г., наделявшей *марджаа* высшей политической властью, то есть управлением государством в отсутствие 12-го имама [Mavani, 2011, p. 807–824]. Примерно в это же время Аш-Ширази сформулировал схожую концепцию *хукумат аль-фукаха*¹³ (правительство правоведов). Подобно идее Хомейни, в ней утверждалось, что в отсутствие имама *марджаа* должны быть наделены политической властью. Сходство политических концепций помогает объяснить, почему у аш-Ширази сложились тесные отношения с Хомейни: «он был единственным муджтахидом, организовавшим официальную церемонию приветствия по прибытии Рухоллы Хомейни в Ирак в 1965 г., после того как он был изгнан [иранским] шахом» [Louër, 2012, p. 97–98].

Итак, «ширазисты», как и реформаторы из Наджафа (Хомейни, Садр и др.), были горячими сторонниками политической вовлеченности улемов.

После исламской революции в Иране аш-Ширази из-за репрессий иракских властей в отношении политически активных шиитов переехал на историческую родину и продолжил свою деятельность там. Его сторонники возглавляли политические партии и религиозные и бла-

13 *Шурат аль-фукаха* (совет правоведов), или *хукумат аль-фукаха* (правление правоведов) — религиозно-политическая теория, разработанная аятоллой аш-Ширази, подразумевающая, что исламским государством должен управлять не один священнослужитель, а совет ученых.

готворительные организации внутри Ирана, за его пределами и в странах Персидского залива.

С самого начала своей деятельности аш-Ширази оставался независимым и от других влиятельных богословов, и от властей. В постреволюционном Иране, где Хомейни сосредоточил все рычаги власти, конфликт между ним и аш-Ширази был неизбежен. Последний стремился сохранить независимость и не подчиняться власти, способной ограничить его свободу и деятельность. Иранские власти считали, что аш-Ширази должен подчиняться иранскому законодательству и начали «репрессии» против него¹⁴. Аятолла аш-Ширази рассчитывал играть более значительную роль в постреволюционном Иране. Кроме того, конфликт между ним и Хомейни произошел и за звание самого главного *марджа ат-таклид*, по крайней мере в пределах Ирана [Scharbrodt, 2020, p. 9–38].

Отношения между Ширази и иранской властью начали обостряться, а в 1984 г. ситуация ухудшилась окончательно. Аш-Ширази отказался от концепции *вилаят аль-факих* и провозгласил свою теорию правления *хукумат аль-фукаха* единственно верной и более справедливой, поскольку считал, что Хомейни монополизировал основные решения в стране [Cole, 2002, p. 191–200, Scharbrodt, 2020, p. 9–38].

Согласно теории аш-Ширази, идеальное исламское государство должно управляться в консультативной форме, с учетом мнений самых авторитетных священнослужителей. Доктрина охватывала не одну конкретную страну, но всю *умму*: он выступал за создание Всеобщего исламского правительства, охватывающего все мусульманские страны в соответствии с *хукумат аль-фукаха* [Ayub, 1999, p. 55–60].

Таким образом, став идеологическим соперником основы иранского политического строя, предложив более инклюзивную (для богословов) систему правления и имея значительное религиозное и политическое влияние в Иране и в

других странах с шиитским населением, аятолла аш-Ширази стал восприниматься Хомейни как серьезная угроза. В результате, опасаясь роста его влияния и возможного мятежа богословов, в конце 1980-х гг. иранское правительство поместило аятоллу под домашний арест. Основания тому были: аш-Ширази поддерживал аятоллу Монтазери — одного из самых влиятельных политиков и богословов постреволюционного Ирана, открыто критиковавшего политику Хомейни, официально считавшегося преемником Хомейни [Беренкова, 2018, с. 126].

Репрессии затронули и других членов семейства аш-Ширази. Например, его сын Муртаза после публичной критики правительства в 1995 г. был заключен под стражу, и по сообщениям близких, подвергался пыткам и унижениям. В 2018 г. был арестован племянник аятоллы аш-Ширази Хусейн, после того как во время занятий в кумской *хаузе* сравнил руководителя Ирана аятоллу Хаменеи с фараоном [Семья Ширази и Иран, 2018]. Таким образом, несмотря на определенную схожесть идеологий и неплохие отношения в прошлом, «ширазисты» со временем стали идеологическими противниками Исламской Республики.

«ШИРАЗИСТЫ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Критика последователей аятоллы аш-Ширази была озвучена на самом высоком уровне в 2013 г.: верховный лидер Ирана аятолла Хаменеи охарактеризовал их как «последователей ереси и агентов британского MI6, ЦРУ и Моссада, действующих во вред исламу» [Iran targets 'MI6 Shiites', 2015]. «Ширазисты» также подвергаются критике из-за «бессердечного безразличия к ситуации и преступлениям в Йемене, совершенными союзником США — Саудовской Аравией» [Кто такие ширазисты, 2018]. Соглас-

14 هم الشيرازيون وما هي خلافاتهم مع ولاية الفقيه؟ العربية. [Who are Shirazists and What Is Their Disagreement with Wilayat al-Faqih. *Al Arabiya* (in Arabic)]. URL: <https://www.alarabiya.net/iran/2018/03/10/هم-الشيرازيون-وما-هي-خلافاتهم-مع-ولاية-الفقيه؟> (accessed 26.02.2023).

но заявлению секретаря Всемирной ассамблеи по сближению исламских *мазхабов*¹⁵ аятоллы М. Араки, «движение принимает политику молчания в отношении политики США в регионе и закрывает глаза на присутствие их войск в Ираке. Однако они обвиняют Иран в преступлениях и террористических актах, направленных против иракцев» [Ayatollah Araki, 2015].

«Ширазисты» подвергаются критике иранских властей за непримиримое отношение к суннитам, в отличие от последователей *вилаят аль-факих*, ратующих за *вахдат* («единство») в *умме*. Свидетельства можно найти в материалах близких к «ширазистам» сайтов, содержащих радикальные высказывания в адрес суннитской доктрины¹⁶.

Как упоминалось, «ширазисты» стали идеологическими противниками *вилаят аль-факих*: у них появилась альтернативная теория государственного устройства, религиозные отличия, значительные средства от *хумса*, подконтрольные СМИ и т. д. Представители иранской теократии довольно критично отзываются о «ширазистах»: в дискурсе Исламской Республики движение рассматривается как «группа заблудшей секты, вступившая в сговор с антиисламскими силами» [Кто такие ширазисты, 2018].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большую роль в формировании и развитии транснациональных шиитских движений играли религиозные деятели, многие из которых являлись *марджаа ат-таклид* (или даже имели статус аятолл) и представляли семьи с долгой богословской традицией.

Можно констатировать, что семейству аш-Ширази принадлежит значительная роль в восстановлении Кербелы как центра богословия. Развиваясь автономно от Наджафа *хауза*, Кербела приобрела собственную религиозно-политическую идентичность, тем не менее

впитав определенную часть идей муджтахидов Наджафа.

Сегодняшнее соперничество между хаузами Кербелы и Наджафа является своего рода продолжением давней конкуренции. Все же несмотря на то, что *марджаа* Наджафа были и на сегодняшний день остаются наиболее популярными в шиитском мире, «ширазисты» смогли завоевать симпатии шиитских правоверных. Росту популярности «ширазисты» обязаны разветвленным благотворительным и религиозным организациям и многочисленным СМИ.

«Ширазисты» смогли предложить собственную концепцию религиозно-политического лидерства — *шурат аль-фукаха* (более инклюзивную, по сравнению с *вилаят аль-факих*), тем самым став идеологическим соперником Исламской Республики.

Транснациональная шиитская организация «ширазистов» играет определенную роль в региональной политике: последователи движения играли активную роль в восстании шиитов в Саудовской Аравии и на Бахрейне начиная с конца 1970-х гг., а также во время событий «арабской весны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Беренкова Н. А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока. *Религия и общество на Востоке*. 2018. № 2. С. 113–135 [Berenkova N. A. Features of Shiite Transnational Movements in the Arab Countries of the Middle East. *Religion and Society in the East*. 2018. No. 2. Pp. 113–135 (in Russian)].

Ильина Ю. И. Религиозно-политическое влияние Ирана в странах Персидского залива (на примере Бахрейна, Саудовской Аравии и Кувейта). *Вестник РУДН. Политология*. 2016. № 3. С. 36–42 [Ilyina Y. I. The Religious and Political Influence of Iran in the Persian Gulf Countries

15 *Мазхаб* — религиозно-правовая школа в Исламе.

16 См. материалы на русском языке: <https://vk.com/farkadan>, <https://www.youtube.com/user/farkadan>, <https://interesnoe.me/source-77013417>.

(On the Example of Bahrain, Saudi Arabia and Kuwait). *Bulletin of the RUDN, Political Science series*. 2016. No. 3. Pp. 36–42 (in Russian)].

Конфликт между шиитами и суннитами: давнее противостояние. *Дойче Велле*. 06.01.2016 [The Conflict between Shiites and Sunnis: A Long-Standing Confrontation. *Deutsche Welle*. 06.01.2016 (in Russian)]. URL: <https://www.dw.com/ru/konflikt-mezhdu-shiitami-i-sunnitami-istorija/a-18959791> (accessed 26.02.2023).

Кто такие ширазисты? *Janoubia*. 2018.03.14 (جنوبية من هم الشيرازيون؟) [Who are Shirazists. *Janoubia*. 2018.03.14 (in Arabic)]. URL: <https://janoubia.com/2018/03/14/من-هم-الشيرازيون؟> (accessed 26.02.2023).

Кто такие ширазисты и в чем их разногласия с вилайат аль-факих? *Аль-Арабия*. 2018.03.10 (هم (العربية) الشيرازيون وما هي خلافاتهم مع ولاية الفقيه؟) [Who Are Shirazists and What Is Their Disagreement with Wilayat al-Faqih. *Al Arabiya*. 2018.03.10 (in Arabic)]. URL: <https://www.alarabiya.net/iran/2018/03/10/من-هم-الشيرازيون-وما-هي-خلافاتهم-مع-ولاية-الفقيه؟> (accessed 26.02.2023).

Мелкумян Е. С. *История государств Арабского залива (Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман) в XX – начале XXI в.* М.: ИВ РАН, 2016. 430 с. [Melkumyan E. S. *History of the Arab Gulf States (Bahrain, Qatar, Kuwait, United Arab Emirates, Oman) in the 20th and Early 21st Centuries*. Moscow: IOS RAS, 2016. 430 p. (in Russian)].

Семья Ширази и Иран. Ранние споры. *Аль-Арабия*. 2018.03.12 (عائلة الشيرازي وإيران الخلافات المبكرة) [The Shirazi Family and Iran. Early Controversies. *Al Arabiya*. 2018.12.03 (in Arabic)]. URL: <https://www.alarabiya.net/politics/2018/03/12/عائلة-الشيرازي-وإيران-الخلافات-المبكرة-1> (accessed 26.02.2023).

Abdul-Jabar F. *Ayatollahs, Sufis and Ideologues. State, Religion and Social Movements in Iraq*. London: Saqi Books, 2002. 290 p.

Ayatollah Araki: “Shirazis Get Support from Britain and Saudi”. *Wilayah News*. 16.09.2015. URL: <https://wilayah.info/en/ayatollah-araki-shirazi-circles-get-support-from-britain-and-saudi/> (accessed 26.02.2023).

Ayub M. G. *Aspects of the Political Theory of Ayatollah Muhammad Shirazi*. Washington: Fountain Books, 1999. 81 p.

Cole J. *Sacred Space and Holy War: The Politics, Culture and History of Shi'ite Islam*. London: I.B. Tauris & Co Ltd, 2002. 254 p.

Jones T. C. *Rebellion on the Saudi Periphery: Modernity, Marginalization, and the Shi'a Uprising of 1979*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. 21 p.

Iran Targets ‘MI6 Shiites’. *Al-Monitor*. 2015. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2015/04/iran-shia-shirazi-movement-sectarian.html> (accessed 26.02.2023).

Kadhem F. J. *The Sacred and the Secular: The 'ulama of Najaf in Iraqi Politics between 1950 and 1980*. Exeter: Univ. of Exeter, Inst. of Arab & Islamic Studies, 2012. 394 p.

Louër L., Rundell E. *Sunnis and Shi'a*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2020. 214 p.

Louër L. *Transnational Shia Politics: Religious and Political Networks in the Gulf*. London: Hurst Publishers, 2012. 342 p.

Matthiesen T. Hizbullah al-Hijaz: A History of The Most Radical Saudi Shi'a Opposition Group. *Middle East Journal*. 2010. Pp. 179–177.

Mavani H. Ayatullah Khomeini's Concept of Governance (wilayat al-faqih) and the Classical Shi'i Doctrine of Imamate. *Middle Eastern Studies*. Vol. 47. No. 5 (Sept. 2011). Pp. 807–824.

Reisnezhad A. *The Shah of Iran, the Iraqi Kurds, and the Lebanese Shia*. Miami: Florida International University, 2019. 357 p.

Scharbrodt O. Khomeini and Muhammad al-Shīrāzī: Revisiting the Origins of the “Guardianship of the Jurisconsult” (wilāyat al-faqīh). *Die Welt des Islam*. 2020. Vol. 61(1). Pp. 9–38.

Shanahan R. The Islamic Da'wa Party: Past Development and Future Prospects. *Middle East Review of International Affairs*. June 2004. Vol. 8. No. 2. Pp. 16–25.

Wehrey F. M. *Beyond Sunni and Shia: The Roots of Sectarianism in a Changing Middle East*. New York: Oxford University Press, 2018. 352 p.

Zargar C. *The Legal and Spiritual Authority of the Marāji'*. Los Angeles: Univ. of California, 2020. 309 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИОНИЗМ ТЕОДОРА ГЕРЦЛЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ИЗРАИЛЬ ЗАМЫСЕЛ И ВОПЛОЩЕНИЕ

THEODOR HERZL'S POLITICAL ZIONISM AND MODERN ISRAEL DESIGN AND IMPLEMENTATION

© 2023 **Александр Ефимович Локшин**

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Отдел изучения Израиля и еврейских общин,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ale-lokshin@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-4185-5729

Aleksandr E. Lokshin

PhD (History), Leading Research Fellow, Israel and Jewish
Studies Department, Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia
ale-lokshin@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-4185-5729

В статье рассматриваются основополагающие идеи политического сионизма, многие из которых были представлены в памфлете «Еврейское государство» (1896) и — в беллетризованной форме — в романе-утопии «Обновленная страна» (1902) австрийского журналиста и писателя Теодора Герцля (1860–1904). Публикация также затрагивает некоторые факты и события, повлиявшие на формирование взглядов Герцля: анализируется ряд решений первых сионистских конгрессов; роль российских сионистов в развитии движения; отношение к сионизму правительства и общества России и других стран; восприятие сионизма в правящих и интеллектуальных кругах Израиля в наше время; соотношение идей политического сионизма с современной внутренней и внешней политикой и реалиями Государства Израиль. В статье сделана попытка ответить на вопрос, насколько современный Израиль отвечает идеалам классического сионизма, в какой мере были реализованы его основные положения.

Ключевые слова: антисемитизм, Герцль, Израиль, евреи, иммиграция, «Еврейское государство» Герцля, политический сионизм, сионистские конгрессы

Для цитирования: Локшин А. Е. Политический сионизм Теодора Герцля и современный Израиль. Замысел и воплощение. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 43–62. DOI: 10.18254/S268684310029200-8

The paper discusses the fundamental ideas of political Zionism. Many of them were presented in the pamphlet “The Jewish State” (1896) and in a fictionalized form in the utopian novel “The Old New Land” (1902). Their author is the Austrian journalist and writer Theodor Herzl (1860–1904). Some facts and events that influenced the formation of Herzl’s views are also named: a number of decisions of the first Zionist congresses; the role of Russian Zionists in advancing the movement; the attitude of the government and society in Russia and other countries to Zionism; the perception of Zionism in the ruling and intellectual circles of Israel in our time; the correlation of the ideas of political Zionism with modern internal and external foreign policy and realities of the State of Israel are analyzed. The article attempts to answer the question: to what extent modern Israel meets the ideals of classical Zionism, to what extent its main provisions were implemented in it.

Keywords: anti-Semitism, Herzl, immigration, Jews, political Zionism, State of Israel, the book written by Herzl “The Jewish State”, Zionist congresses

For citation: Lokshin Alexandr E. Theodor Herzl’s Political Zionism and Modern Israel. Design and Implementation. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 43–62. DOI: 10.18254/S268684310029200-8

Прошло 125 лет после появления идеологии политического сионизма и более 75 лет после создания государства Израиль. Термин «сионизм» — производное от названия горы Сион в Иерусалиме, символа этого города, а для всего еврейского народа в диаспоре — и утраченной родины, был введен в употребление в 1890 г. писателем и философом Натаном Бирнбаумом в журнале «*Selbstemancipation*». С 1893 г. журнал имел подзаголовок «Орган сионистов». Под этим термином прежде всего понималась «партия», которая, в противоположность чисто практической поселенческой программе, стремилась политическими методами создать условия для иммиграции евреев в Палестину — *Эрец-Исраэль*.

В августе 1897 г. в Швейцарии, в Базеле состоялся первый сионистский конгресс, положивший начало формированию и воплощению идей еврейской государственности. Однако сама идея о необходимости созыва подобного съезда возникла в кругах национально мыслящей еврейской интеллигенции еще за несколько лет до того, как стало известно о книге

журналиста и писателя Теодора Герцля «*Der Judenstaat*» — «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса» [Herzl, 1896].

«ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО» В 500 ЭКЗЕМПЛЯРАХ

Политический памфлет под вышеуказанным названием был издан в Вене, в феврале 1896 г. 14 февраля Герцль записал в дневнике: «Сегодня вечером пришли мои 500 экземпляров; когда я ввез эту кипу к себе в комнату, я испытал настоящее потрясение. Эта стопка памфлетов — решение его (еврейского вопроса. — *А. Л.*) в осязаемой форме. Теперь моя жизнь может принять новый оборот». И на следующий день продолжил: «...памфлет появился на книжных полках. Для меня жребий брошен» [*The Diaries of Theodor Herzl*, 1956, p. 96–97]. Уже через несколько месяцев книга вышла в переводе на древнееврейский язык, английский и идиш. В том же 1896 г. работа увидела свет и на рус-

ском языке — в типографии М. Стасюлевича в Санкт-Петербурге.

В предисловии Герцль избавлял издание от элементов сенсационности и замечал, что идея книги «очень стара. Это восстановление еврейского государства». Автор решительно не соглашался с тем, чтобы памфлет воспринимался как разновидность одной из «милых утопий, которые так часто появлялись и до, и после Томаса Мора» [Герцль, 1896, с. 2]¹. Герцль выступил в брошюре с достаточно смелым заявлением: в эпоху, когда евреи воспринимались как религиозная община, он писал, что они единый народ, «историческая группа с очевидной взаимной связью между собой» [Герцль, 1896, с. 28].

Большое внимание идеолог политического сионизма уделил проблеме антисемитизма. Современная ненависть к евреям, считал он, имела мало общего с предрассудками прошлого. Герцль пришел к парадоксальному утверждению о том, что антисемитизм его времени явился «результатом эмансипации евреев», их освобождения от негуманного дискриминационного законодательства: покинувшие гетто евреи стали активно участвовать в экономической и политической жизни. Помимо зависти и религиозной нетерпимости, к усилению ненависти к евреям приводила и ожесточенная конкуренция.

Герцль считал, что его книга откроет всеобщую дискуссию по еврейскому вопросу. Серьезные дебаты будут происходить в парламентах, еврейских общинах и организациях, в публичных выступлениях политических деятелей, на страницах книг и газет.

Он предложил организовать «Еврейское общество», названное позже Всемирной сионистской организацией, которое станет «ядром наших общественных организаций». «Еврейское общество» будет собирать доступную информацию, что позволит лучше понимать мнение еврейского народа, действительно ли он желает вернуться в обетованную землю. Сам

Герцль не сомневался в положительном ответе. На вопрос, какую территорию следует выбрать, он отвечал: «Мы возьмем то, что нам дадут и за что выскажется общественное мнение еврейского народа» [Герцль, 1896, с. 32], указывая на две наиболее приемлемые страны, которые в ту пору считал подходящими для массовой еврейской иммиграции — Аргентину и Палестину. «Аргентина — одна из богатейших (по своим природным богатствам) стран на свете, с огромной территорией, редким населением...». Однако не на нее, а на Палестину были устремлены его взоры: «Палестина — наша незабвенная историческая родина. Одно только имя явилось бы захватывающим с непреодолимой силой сборным кличем для нашего народа» [Герцль, 1896, с. 32].

По плану Герцля, организацией переезда евреев в Палестину должна была заниматься еще одна организация, которую он предлагал учредить — «Еврейская компания». Процесс переселения мог продолжаться десятилетиями. Палестину будут заселять, прежде всего, беднейшие слои еврейского населения: «Они будут... прокладывать пути сообщения, строить мосты, железные дороги, устраивать телеграфы, регулировать реки и строить жилища... Каждый придет добровольно, на свой страх и риск. Вслед за экономически нижними классами последуют... высшие. Их поведет наш интеллигентный средний класс. Кто не хочет принимать участие, пусть остается. Противодействие единичных личностей для дела безразлично» [Герцль, 1896, с. 30]. «Бедственное положение» самих евреев является движущей силой в решении еврейского вопроса, а его успешное решение зависит «от числа последователей» и, в первую очередь, от полной сил и энергии молодежи [Герцль, 1896, с. 4–5].

Герцль считал, что современная эпоха унаследовала еврейскую проблему от Средневековья и ее следует обратить в политический вопрос, урегулировав при сотрудничестве «всех культурных

¹ Томас Мор (1478–1535) — английский государственный деятель и мыслитель, автор знаменитой политической сатиры «Утопия» 1516 г., в которой была представлена никогда не существовавшая наилучшая система общественного устройства.

народов» [Герцль, 1896, с. 9]. Для распространения этого плана среди евреев Герцль рассчитывал привлечь «наших духовных пастырей» — раввинов, которые «своими проповедями воодушевят остальных... Эта пропаганда войдет как составная часть в богослужение» [Герцль, 1896, с. 66].

АВТОР ВЫХОДИТ К БАРЬЕРУ

Теодор Герцль родился в 1860 г. в Будапеште. Его семья принадлежала ко все более увеличивающемуся среди евреев классу предпринимателей, принявших немецкий язык и культуру. В политическом отношении семья разделяла либеральные ценности, а иудаизм в доме Герцлей был не более чем «семейной памятью». После будапештской гимназии Герцль учился в Венском университете. Родители поддержали его желание заняться литературным трудом, настаивая лишь на том, чтобы Дори (так звали Теодора домашние) прежде изучил юриспруденцию, что могло бы стать источником его существования. Биограф Герцля Александр Бейн писал, что в юности Герцль крайне болезненно переживал неудачи и отличался безудержным честолюбием. Герцль мечтал не только о литературной карьере, он надеялся занять должность крупного чиновника или найти себя в офицерском корпусе и ради этого был готов принять крещение. В студенческие годы в Вене Герцль ощутил на себе и проявления антисемитизма.

В 1890-е гг. Герцль занял престижный пост парижского корреспондента влиятельной венской либеральной газеты «*Neue Freie Presse*». Направляясь в Париж, он намеревался писать о Франции как о стране просвещения, в которой восторжествовали идеи Великой революции, но стал свидетелем иных событий и процессов. Эти события не могли не повлиять на взгляды и настроения Герцля и нашли отражение на страницах его сочинений. Французская республика страдала всеми социальными «болезнями» того времени: парламентской коррупцией, классово-вой борьбой под знаком социализма, террором анархистов и бурным всплеском антисемитиз-

ма. Движение рабочего класса воспринималось Герцлем как форма группового примитивизма и внушало ему благоговейный ужас. В газетных статьях он симпатизировал рабочим — несчастным рабам машин. В собравшихся на одном из митингов рабочих он ощутил «мощную темную силу, которая еще заявит о себе...» [Bein, 1934, S. 34].

В сознание Герцля все более настойчиво проникала и проблема антисемитизма. Фактически, не было ни одной атаки на политические основы Французской Республики, в которой не участвовали антисемиты. Эдуард Дрюмон, автор «Еврейской Франции» (1885) возложил на «международное еврейство» ответственность за упадок страны, призвал к ограничению эмансипации и к экспроприации еврейского капитала. Все, что писал тогда Герцль, касалось еврейского вопроса, который он считал одной из насущных проблем современного общества. По мнению Герцля, этот вопрос мог быть разрешен одновременно с другими социальными проблемами. Однако в 1893 г. он еще связывал себя не с евреями, а с либеральными политиками Австрии и Франции.

Вскоре Герцль перестал разделять распространенное мнение, что еврейский вопрос можно решить путем рационального убеждения и **решил, что лучшим средством от антисемитизма были дуэли**, намереваясь лично бросить перчатку вождям антисемитизма в Австрии — Шённереру, Люгеру и князю Алоису Лихтенштейну. Другим же средством, по его убеждению, оставалась ассимиляция. Чтобы организовать массовое публичное крещение евреев, Герцль задумал заключить соглашение с Папой Римским. Однако политические события привели к решительной трансформации взглядов Герцля. Немалую роль в этом сыграли суд и приговор обвиненному в шпионаже еврею, капитану генерального штаба Франции Альфреду Дрейфусу, победоносное приближение лидера австрийских антисемитов Карла Люгера к посту бургомистра Вены и предложение пангерманского вождя антисемитов Георга Шённерера

ограничить права евреев в Австрии, во многом сходное с запросом во французский парламент о законодательном запрете на еврейское «проникновение» во Францию.

Герцль получил известие об успехе Люгера на выборах, слушая Вагнеровского «Тангейзера» в Венском оперном театре. Стремление романтического героя оперы вернуться на родину оказалось созвучным настроению писателя. Вагнер воспринимался Герцлем как провозвестник победы чувства над разумом, народа — над толпой, бунта — над страхом, над всем старым и закостенелым. Вдохновленный музыкой и сюжетом оперы, в состоянии экзальтации Герцль обратился к плану будущего трактата, основной идеей которого стал план о необходимости скорейшего исхода евреев из Европы. Сам же он решил разорвать связи с либеральным миром.

СТРАНА МЕЧТЫ

14 июня 1895 г. Герцль сделал запись в дневнике, где написал о будущей стране, где «мы сможем жить с крючковатым носом, черной или рыжей бородой... и при этом не будем объектом осмеяния. Страна, где мы сможем в конце концов жить как свободные люди на своей земле; страна, где мы будем так же, как и другие, пользоваться уважением за великие и добрые дела, где мы будем жить в мире со всем миром» [Herzl, 1922, S. 16]. Сложная и взрывоопасная политическая атмосфера Западной Европы рубежа веков и присущие творцу политического сионизма личные качества помогают лучше понять условия, при которых возник трактат «Еврейское государство».

Притягательную силу приобрели идеи социальной справедливости. Еврейские массы страдали не только от национального, но и от социального угнетения. Для большей привлекательности своих идей Герцль включил в книгу предложение о семичасовом рабочем дне «в качестве всемирного лозунга для собирания наших людей, которые по собственной воле должны придти к нам» [Герцль, 1896, с. 42–43]. Ре-

волюционными стали идеи и о правах женщин, в частности о том, что «беременные женщины освобождаются от всякой работы» [Герцль, 1896, с. 43].

Значимость для Герцля социальных ценностей подтверждалась предложением о том, что символом будущего еврейского государства должен был стать белый флаг с семью золотыми звездами. «Белое поле будет символом новой, чистой жизни, а звезды — семь золотых часов нашего рабочего дня» [Герцль, 1896, с. 94–95]. Под этим знаменем работы евреи и пойдут в новую страну. О звезде Давида или какой-либо иной еврейской символике Герцль даже и не вспомнил.

В книге рассматривался вопрос о политической системе и конституции будущего государства. Впрочем, его рассуждения на эту тему были довольно туманны. Наиболее подходящей формой устройства еврейского государства Герцль считал «демократическую монархию и аристократическую республику». Он выступил решительным критиком «неограниченной демократии», для которой характерна «парламентская болтовня» и порождаемая ей «отвратительная категория профессиональных политиков». Подобной демократии, по убеждению Герцля, необходим противовес в виде личности монарха. Критически относился он и к идее референдума: «так как в политике нет простых вопросов, которые можно решать категорическим “да” и “нет”. Массы... подчинены всевозможным предрассудкам и склонны следовать за первым крикуном» [Герцль, 1896, с. 91].

Идеолог политического сионизма объявлял себя и сторонником «аристократической республики»: ему импонировали многие институты средневековой Венецианской республики. Структура власти республики отличалась многообразием, так, элиту Венеции формировали семь патрициев, а значительное число граждан занимали важнейшие административные посты республики. Большинство населения принадлежало к народу, не имевшему формальных прав, но правящий класс принимал его мнение во внимание. Политическое устройство Венеции,

опиравшееся на большое количество гражданских комитетов, связанных сложной системой сдержек и противовесов, вызывало одобрение Герцля. При этом он предлагал избегать «всего, что привело Венецию к гибели». Еврейский народ, писал он, «должен учиться на исторических ошибках других народов и на своих собственных» [Герцль, 1896, с. 91–92]

Вслед за появлением на карте новой страны необходимо созвать совет государственных юристов, который выработает «хорошую и современную конституцию». Ее «с благодарностью примет наш народ» [Герцль, 1896, с. 90–91]. При этом созданный свод законов «может стать образцовым и соответствующим всем справедливым социальным требованиям настоящего времени» [Герцль, 1896, с. 94].

По убеждению автора, еврейское государство будет светским. «Мы не позволим, — решительно заявлял он, — развиться теократическим стремлениям нашего духовенства», сферу деятельности которого следует ограничить рамками синагог. Раввины будут пользоваться почетом, но «они не должны вмешиваться в государственные дела» [Герцль, 1896, с. 93]. Еврейское государство должно быть построено на веротерпимости: граждане будущего государства свободны в выборе «своей веры или в неверии». Люди других национальностей, которым предстоит жить бок о бок с евреями, но исповедующие другую религию, «будут пользоваться полной защитой и равноправием» [Герцль, 1896, с. 93]. Таким же свободным, как и отношение к религии, станет и принцип выбора национальности. Место, отводимое Герцлем религии и духовным деятелям, его убеждение в необходимости отделения религии от государства, ее невмешательства в политику было продиктовано опасениями возникновения внутренних и внешних проблем [Герцль, 1896, с. 93].

«Вокруг святых мест» христианства в Палестине еврейское государство должно установить «почетную стражу». Христианским святыням будет придан экстерриториальный статус в соответствии с международным правом. «Этот

почетный караул» стал бы еще одним «великим символом решения еврейского вопроса...» [Герцль, 1896, с. 33].

Вооруженные силы еврейского государства должны иметь в своем распоряжении всю новейшую технику. Войска необходимы новой стране, отмечал Герцль, «только для соблюдения внутреннего порядка и для внутренней защиты». Армия, как и духовенство, будет пользоваться в обществе уважением и почетом, но вооруженные силы не должны «вмешиваться в государственные дела», и следует «держат наше войско в казармах» [Герцль, 1896, с. 93–94]. Во внешней политике, отмечалось в книге «Еврейское государство», правительство будет придерживаться нейтралитета [Герцль, 1896, с. 94]. Новое государство будет теснейшим образом связано со всей Европой, что явится гарантией его дальнейшего существования. В свою очередь, еврейское государство служило бы своеобразным «валом», ограждающим Европу от Азии, являло бы собой один из форпостов цивилизации [Герцль, 1896, с. 32].

Не был обделен вниманием и вопрос об общем разговорном языке в будущем государстве: «Не можем же мы говорить между собой на древнееврейском языке. Да и кто из нас владеет этим языком в достаточной степени... чтобы потребовать, например, билет на железной дороге?» [Герцль, 1896, с. 92]. Герцль отвергал также возможность использовать «искаженные жаргоны», ибо все они были порождены гетто, на этих наречиях «выражали свои мысли рабы. Мы их забудем» [Герцль, 1896, с. 93]. К числу таких «рабских языков» Герцль, очевидно, относил и идиш — язык повседневного общения и тысячелетней культуры европейских евреев. Разговорным языком станет тот язык, который окажется «наиболее полезным для всеобщего употребления». Образцом терпимого отношения к языкам для Герцля являлся «федерализм Швейцарии». Он успокаивал будущих репатриантов: «Каждый остается при своем наречии, которое является милой родиной его дум» [Герцль, 1896, с. 93]. Забегая вперед, отмечим,

что на восьмом конгрессе в 1907 г. в Гааге иврит был назван «официальным языком сионистского движения» [Маор, 1977, с. 258].

В массовой иммиграции евреев, по мнению Герцля, заинтересованы и власти стран, где распространены антисемитские настроения. Он убеждал читателей, что как только начнется осуществление его проекта, «в синагогах будут молиться за успех дела. Но в церквах также! Это будет освобождение от давления, под которым все страдали». И далее: «как только мы начнем осуществлять наш план, антисемитизм везде сейчас же прекратится... Это будет заключением мира» [Герцль, 1896, с. 103–104]. В заключении автор вновь обратился к читателям: «Дорогие евреи! Это не сказка и не обман! Каждый может в этом убедиться, потому что всякий перенесет тогда с собой часть обетованной земли: один в голове, другой своими руками, третий приобретенным имуществом» [Герцль, 1896, с. 103].

Хотя сам Герцль не раз испытывал состояние депрессии, книга «Еврейское государство» исполнена оптимистических надежд, ожидания грядущих перемен: «должны же мы, наконец зажить свободными людьми на собственной земле и умирать спокойно на собственной родине?». Все, что евреи-переселенцы произведут на старой новой родине, окажет «могущественное действие на счастье и благо всего человечества», — такими словами завершал Герцль свой политический манифест [Герцль, 1896, с. 104].

Герцль признавал, что в тщательно редактировавшейся и перекладывавшейся книге оставались недостатки и «бесполезные повторения». Тем не менее именно Герцль перечислил многие проблемы, неизбежно возникшие после создания еврейского государства: вопросы о конституции и государственном устройстве, о светском характере государства, о роли и месте в нем религии, о внешней политике и об отношениях с другими странами и народами, о положении и роли в стране вооруженных сил, о выборе языка и о многих социальных аспектах. Все эти проблемы в той или иной мере во весь голос

заявили о себе в современном Израиле, а многие из них все еще не решены спустя 75 лет после образования еврейского государства.

ПЕРВЫЙ СИОНИСТСКИЙ КОНГРЕСС

Изначально Герцль был далек от личного осуществления своего проекта, отводя себе роль провозвестника идеи, реализацией которой следовало заняться состоятельным и влиятельным людям. Поэтому он обратился к парижскому банкиру барону Морицу Гиршу, приобретшему землю в Аргентине и начавшему переселять туда русских евреев. Герцль предложил барону созвать всемирный еврейский конгресс и выступить политическим лидером евреев. Однако Гирш не воспринял идеи и доводы Герцля всерьез. Отказался возглавить движение и барон Эдмонд Ротшильд, назвавший Герцля «опасным авантюристом». Герцлю не оставалось ничего другого, как самому взяться за достижение поставленной цели.

Для пропаганды сионистских идей он учредил еженедельник на немецком языке «*Die Welt*», который стал издавать на свои средства. Герцль предложил созвать в Баварии, Мюнхене всемирный еврейский конгресс. Однако объединенный фронт немецких раввинов и союз раввинов Германии выступили с решительными протестами, так как цели конгресса «находятся в противоречии с мессианскими чаяниями иудаизма как они определены в Священном писании...» [Против сионизма. *Евреи в современном мире...* 2006, с. 450]. В результате был избран город Базель в Швейцарии, власти и еврейская община которого не высказали возражений против проведения съезда.

Первый сионистский конгресс состоялся в августе 1897 г. В его работе участвовало 204 делегата из 17 стран, в том числе 44 приехали из Российской империи. На созыв и проведение конгресса Герцль расходовал личные средства. Многие участники съезда, особенно из России, были плохо одеты, и по меркам добропорядоч-

ного Базеля, где в арендованном зале казино должен был проходить конгресс, представляли толпу оборванцев. Герцль купил одежду для мужчин. На фотографиях делегаты выглядят чинно и вполне благообразно.

Три дня, с утра и до вечера, участники конгресса, как писал литератор и идеолог национально-го возрождения Ахад Гаам, открыто обсуждали вопросы создания надежного дома для еврейского народа на земле отцов. В центре внимания делегатов, которых, впрочем, никто не избирал и не направлял, ибо еще не существовало сионистских организаций, оказались речь Теодора Герцля на открытии конгресса и доклад писателя и психиатра Макса Нордау. Они сформулировали многие положения идеологии еврейского национального движения.

В речи Герцль отметил, что «народ только сам себе может помочь; если он этого не может, то ему вообще помочь нельзя. Сионисты желают побудить народ к самопомощи» [*Сионизм в контексте истории*, 1992, с. 325]. И что бы ни говорили и писали противники, «сионизм... на самом деле есть нравственное, законное, человеколюбивое движение, направленное к осуществлению всех устремлений нашего народа» [*Сионизм в контексте истории*, 1992, с. 328].

С яркой речью на конгрессе выступил ближайший соратник и ученик Герцля М. Нордау, отметивший, что повсюду, где имеется достаточное число евреев, господствует и еврейская нужда, которой они бы не знали, если бы не были евреями: «Еврейская нужда имеет двойную форму: материальную и моральную. В Восточной Европе, Северной Африке, в Западной Азии, именно в тех областях, где ютится подавляющее большинство, приблизительно девять десятых всего еврейства, еврейскую нужду следует понимать в самом буквальном смысле этого слова. Это мучительная борьба за поддержание горемычного существования. В Западной Европе борьба за существование несколько облегчена... Здесь нужда имеет моральный характер. Она заключается в ежедневных страданиях самолюбия и чувства личного достоинства...» [*Сионизм в*

контексте истории, 1992, с. 334]. «Своей еврейской своеобразности он лишился, а народы указывают ему, что их своеобразности он не приобрел. Страна, где он родился, отказывается быть ему родиной... Он лишен всякой почвы под ногами... Вот в чем заключается моральная еврейская нужда, которая горше материальной. Лучшие евреи Западной Европы стонут под тяжестью этой нужды и ищут спасения... В них нет более надежды, что придет Мессия. Некоторые ищут спасения в отпадении от еврейства. Однако расовый антисемитизм делает и этот путь достаточно безнадежным» [*Сионизм в контексте истории*, 1992, с. 345]. Нордау говорил и о тяжелом правовом и экономическом положении евреев в царской России. Он призвал христиан обратить самое серьезное внимание на эту проблему, игнорирование которой «озлобляет и превращает евреев во врагов существующего строя» [*Сионизм в контексте истории*, 1992, с. 334, 345, 350].

На конгрессе была учреждена Всемирная сионистская организация, президентом которой был избран Герцль, и принята разработанная Нордау программа, провозглашавшая основную задачу движения: «Сионизм стремится создать охраняемое публичным правом убежище для еврейского народа» [*Наша программа*, 1923, с. 3], для чего необходимо было осуществить заселение Палестины евреями-земледельцами, ремесленниками и промышленниками, укрепить еврейское национальное сознание. Большинство участников первого конгресса пришли к выводу, что решение еврейской проблемы было возможно лишь с согласия международного сообщества и при политической поддержке Великих держав.

На первом конгрессе была принята и резолюция в поддержку осуществления плана профессора Гейдельбергского университета, раввина Германа Шапира об учреждении Еврейского национального фонда. Цель Шапира состояла в приобретении земель в Палестине в собственность еврейского народа. Фонд был создан спустя несколько лет, на пятом конгрессе в 1901 г. Обсуждался и вопрос об открытии в стране Из-

раиль высшего учебного заведения. Эта задача была осуществлена значительно позже, в 1925 г., когда в Иерусалиме, на горе Скопус состоялось открытие Еврейского университета.

На заключительном заседании конгресса ветеран движения, медик из Киева Макс Мандельштам заявил: «Уверен, что выполню желание многочисленных моих соотечественников и всех участников конгресса, выразив нашу глубокую благодарность господам, которые вели предварительные и текущие обсуждения с полной отдачей и напряжением всех физических и нравственных сил». Он отметил большой вклад Герцля и Нордау в успешную работу конгресса. Мандельштам закончил выступление словами: «Да здравствует президент первого сионистского конгресса доктор Теодор Герцль!» [Маор, 1977, с. 58–59].

На первом конгрессе Герцль впервые встретился с делегатами из России. Встреча с ними, отмечал он, стала настоящим событием в его жизни, ведь они несомненно выражали настроения немалой части пяти с половиной миллионов российских евреев. Герцль осознавал причины скромного поведения делегатов из Российской империи, не желавших давать повод для обвинений, будто они плетут заговор против России и существовавшего в ней порядка. «Хотя наши русские сионисты, — писал Герцль, — в публичных прениях приняли лишь скромное участие, мы познакомились с ними в частных беседах и научились ценить их. Если впечатление это, чрезвычайно сильное, сформулировать в одной фразе, я бы сказал, что они обладают той внутренней цельностью, которая утрачена большинством европейских евреев... В их облике нам открылась история наша во всей полноте своего единства» [Маор, 1977, с. 68].

«ЗЕМЛЯ ПАРИТ В ВОЗДУХЕ»

Вернувшись с конгресса в Вену, Герцль записал в дневнике 3 сентября: «Если подвести итоги базельского конгресса в одной фразе (которую из осторожности не произнесу вслух), то вот они:

в Базеле я основал еврейское государство. Если бы я высказал это сегодня публично, результатом был бы общий смех. Может быть, через пять лет, самое большее — через пятьдесят, это признают все». И здесь же он продолжил: «Государство возникает, главным образом, потому что народ хочет иметь собственную страну, и позволю себе сказать, даже по воле одного человека, если эта воля достаточно крепка. Территория — это всего лишь материальная платформа. Государство — вещь абстрактная, даже там, где есть территория. В Базеле я как раз и создал эту абстракцию, потому-то она остается невидимой для подавляющего большинства... Постепенно мне удалось затронуть струны их сердец и погрузить их в атмосферу государственности. Я пробудил в них чувство, что они-то и есть Национальное собрание» [Маор, 1977, с. 54].

Эта запись оказалась пророческой. Генеральная ассамблея ООН 29 ноября 1947 г. приняла резолюцию о разделе Палестины и о создании на ее территории двух государств — еврейского и арабского.

По своим взглядам, поведению, манере держаться Герцль решительно отличался от многих осторожных деятелей его времени. Он воплощал новое поколение европейских политиков конца столетия, демонстрировавших неповиновение реальности. Герцль отрицал позитивистскую концепцию исторического прогресса. Движущую силу он видел в психической энергии отдельных личностей и масс. «Великое, — писал он, — не нуждается ни в каком фундаменте... Земля парит в воздухе. Так, может быть, и я могу основать и укрепить еврейское государство без всякой надежной опоры. Тайна заключена в движении, сионизм станет не партией, не частью определенного целого, а именно движением, «еврейским народом в пути» [Wein, 1934, S. 330].

В качестве яркого примера Герцль выбрал опыт немецкого политического и государственного деятеля канцлера Отто фон Бисмарка, объединившего Германию в 1871 г. «Из чего возникла Германская империя? — спрашивал он. И сам же отвечал, — из фантазий, песен, мечтаний...

Бисмарк лишь потряс дерево, возвращенное мечтателями. “Железный канцлер” знал, что делать с этим таинственным и неоспоримым, как сама жизнь, брожением, которое возникло в неизмеримых глубинах души немецкого народа. Уже сам факт, что евреи сохранили себя как народ, являлось доказательством, — заявлял Герцль, — силы мечты, силы их религии — фантазий, поддерживающих их уже на протяжении двух тысяч лет... И евреи должны иметь новую систему символов — свое собственное государство» [Herzl, 1922, S. 32–33].

Отклики на конгресс в России и других странах

Конгресс вызвал многочисленные отклики в российской и зарубежной печати. Наиболее крупные газеты освещали необычный съезд в Базеле. Кто-то в позитивном ключе, а кто-то с опаской, враждебностью и подозрительностью. Ежемесячный научно-популярный журнал «Мир Божий» в статье «Национальное движение среди евреев (По поводу конгресса сионистов)» в ярких красках изобразил праздничную атмосферу, царившую на съезде, благожелательное отношение местного населения к делегатам. Особое внимание, сообщал корреспондент, привлекал один из вождей движения «молодой красивый брюнет д-р Герцль, европеец в полном смысле слова, блестящий талантливый журналист». «Остается непостижимым, — отмечалось в статье, — что привело его к занятию еврейским вопросом и к проповеди переселения в обетованную землю...». Основную причину возникновения сионистского движения журнал видел в реакции на усиление антисемитизма, который, впрочем, есть не более чем «детское заблуждение, полагающее причину существующего зла там, где его отнюдь не следует искать». Но и сионизм, отмечалось в статье, не более чем «большая иллюзия, хотя и полная благородного негодования, которому предстоит раствориться в единственном разумном и прогрессивном те-

чении современности, ведущем всех к братскому слиянию» [Гроссман, 1897, с. 49–50].

С решительным неприятием сионизма выступил либерально-народнический журнал «Русское богатство». Публицист и социолог С. Южаков указывал на опасность сионизма, способного нанести духовный и материальный ущерб и России, и самим евреям. Он писал, что таким путем еврейский вопрос не может быть разрешен. Коснувшись речи М. Нордау на конгрессе, Южаков писал, что тот обошел вниманием деятельность просвещенных и позитивных движений, «которые могут дать справедливое и прогрессивное решение и еврейскому вопросу» [Южаков, 1897, с. 176]. Сам же он опасался, что объединение русских, немецких и французских евреев может привести их к разъединению с окружающими народами. Палестинский проект, утверждал Южаков, явно неосуществим по целому ряду факторов: перенаселенность, османское господство, наличие мусульманских и христианских святынь. В последующих публикациях он неизменно указывал, что для евреев выход не в скитаниях, а «в приобретении признания своих человеческих прав, приобретении отечества, не химерической обетованной земли, а реального отечества в тесном единении со всеми культурными элементами страны» [Южаков, 1903, с. 166]. В подцензурном издании народнический автор призывал евреев еще активнее участвовать в делах страны, присоединиться к освободительному движению.

Либерально-демократический журнал «Русская мысль» опубликовал ответы русских писателей и общественных деятелей на анкету об отношении к сионизму. Многие приветствовали новое движение. Писатель Д. Мордовцев указывал: «Получив обратно в свое владение всю Палестину, еврейский народ при его необычайной даровитости и поразительной энергии духа создаст мощное государство...» [Гордон, 1902, с. 185]. Писатель и публицист В. Короленко отмечал, что сионистская мечта «несомненно заманчивая», но признавался, что не составил определенного представления относительно

этого проекта. Экономист и публицист М. Туган-Барановский высказывал сомнения в успехе предприятия, при этом признавая, что образование еврейского государства стало бы «одной из величайших побед человеческого духа, какие только известны в истории». Горький писал в ответ: «Мне говорят, что сионизм — утопия; не знаю, может быть. Но поскольку в этой утопии я вижу непобедимую, страстную жажду свободы, для меня — это великое дело жизни. Всей душой моей я желаю еврейскому народу... вложить все силы духа в эту мечту, облечь ее в плоть и, напивав горячей кровью, неустанно бороться за нее, чтобы победить все несправедливое, грубое, пошлое» [Гордон, 1902, с. 195].

У сионистского проекта нашлось и немало противников. Публицист М. Меньшиков, взгляды которого были близки к настроениям части православных кругов, отмечал, что «христианский идеализм не допустит возвращение в Иерусалим народа, распявшего Христа» [Гордон, 1902, с. 190]. Рупор правых юдофобских сил газета «Новое время» считала сионизм «лукавым» и выступила за скорейшую организацию эмиграции из России «еврейского пролетариата настолько, чтобы не было охоты вновь возвращаться в черту оседлости».

Крайне скептически отнесся к сионизму и влиятельный народнический критик и публицист, редактор журнала «Русское богатство» Н. Михайловский. Осуществление плана сионистов, писал он, требует «огромных материальных средств, которых никогда не окажется в наличности... Было бы очень прискорбно, если бы Европа лишилась такого энергичного и способного элемента, как еврейство» [Гордон, 1902, с. 186]. Редактор оппозиционного заграничного журнала «Освобождение» П. Струве представлял сионизм как «плод больного воображения, воспитывающий идею еврейской национальности и даже государственности. Он возник из-за ненормального правового положения евреев в России» [Струве, 1903]. Решительными противниками сионизма выступили российские социал-демократы. Полемизируя со

сторонниками Бунда, Плеханов утверждал, что их отличает от сионистов всего лишь то, что они желают «утвердить Сион не в Палестине, а в пределах российского государства» [Плеханов, 1926, с. 165]. «Ложной» именовал сионистскую идею и Владимир Ульянов [Ленин, 1967, с. 72]. Троцкий в январе 1904 г. в газете «Искра» — органе социал-демократов, назвал Герцля «бесстыдным авантюристом», предсказывал, что сионизм вскоре «уйдет с исторической сцены», заявив, что «сионизм исчерпал свое нищенское содержание, и Базельский конгресс (речь шла о VI / «угандийском» конгрессе, где бурно обсуждался вопрос о предложении Англии предоставить еврейскому поселению Восточную Африку. — А. Л.) был демонстрацией его разложения и его бессилия. Герцль может еще некоторое время прицениваться к тому или другому «отечеству»; десятки интриганов и сотни простаков еще могут поддерживать его авантюры, но сионизм как движение уже приговорен к лишению всех прав на будущее. Это ясно, как полдень» [Троцкий, 1926, с. 128].

Еженедельник «Восход», единственное выходящее в ту пору еврейское издание в России, представил подробный обзор прений, состоявшихся на первом конгрессе, и отметил, что «сионистский конгресс вызвал общую симпатию». Вместе с тем редакция не считала возможным принять взгляды сионистов, их «глубокий пессимизм» и утверждение о безнадежном положении евреев в Европе.

Книга Герцля вызвала различную реакцию в еврейских кругах ряда стран — от неприятия (прежде всего, в Западной Европе) до поддержки заметной части еврейства Восточной Европы и России. Немало религиозных ортодоксов осуждали Герцля за вмешательство в божественный промысел, реформисты же усматривали в его идеях отказ от заповедного пути — жить среди других народов и нести им идеи монотеизма. Либеральные «просвещенные» евреи опасались, что под сомнением окажется их политическая лояльность. Герцля обвиняли и в том, что его «Der Judenstaat» станет новым оправданием

антисемитизма, а желание организовать исход евреев может вызвать новые преследования.

Сразу после начала работы первого конгресса о нем сообщила и основанная несколькими месяцами ранее в Нью-Йорке американская еврейская социалистическая газета на идише *Forverts*. Газета информировала, что конгресс созван в Базеле в Швейцарии, и назвала Герцля «новым Моисеем». Однако, принимая во внимание отношение Оттоманской империи к армянам и славянам, издание выразило недоверие к надеждам на то, что турки будут приветствовать возвращение евреев на древнюю родину. В статье отмечалось, что вождь будущего государства исходит из того, что оно будет «явно несоциалистическим». Редакция не раскрывала подробностей плана по созданию еврейского государства. Тем не менее газета советовала читателям не восторгаться этим проектом.

Германское посольство в Швейцарии направило в Берлин подробный отчет о «еврейских событиях». На полях отчета кайзер Вильгельм написал: «Я безусловно согласен с тем, чтобы евреи ехали в Палестину. Чем скорее они убегутся — тем лучше. Мешать им я не стану» [Рубинштейн, 2000, с. 11].

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ РОССИИ И ПАЛЕСТИНСКИЙ ПРОЕКТ ГЕРЦЛЯ

На новое движение среди евреев — по убеждению властей, самого нелояльного элемента империи — обратил пристальное внимание такой охранительно-карательный орган МВД Российской империи, как Департамент полиции (ДП), начавший сбор информации о сионизме из самых разных источников. Это была беспрецедентная по масштабам и продолжительности кампания по выяснению целей и задач сионизма. Власти желали понять, представляет ли движение реальную опасность для существующего режима. ДП собирал донесения с мест о сионистских кружках, об их руководителях, об отношении к ним местной администрации.

Причем МВД не ограничилось информацией, исходившей от чинов своего ведомства: были получены разъяснения от самих лидеров сионистского движения в России. Не обошлось и без обычной практики ДП — перлюстрации писем. По настоянию МВД, к сбору информации подключилось и Министерство иностранных дел.

К министру иностранных дел В. Ламсдорфу с просьбой о сборе сведений о деятельности сионистских организаций в различных европейских странах обратился министр внутренних дел И. Горемыкин. По указанию последнего со второй половины 1899 г. в Петербург стали поступать собранные российскими посольствами и миссиями сведения об отношении правительств ряда европейских стран к деятельности сионистских обществ. В большинстве донесений отмечались серьезность и авторитетность сионистских лидеров, а также достаточно благожелательное отношение к новому движению местных политиков и прессы. Но в некоторых письмах выражалось беспокойство в связи с тем, что сионизм, по мнению некоторых российских диппредставителей, может представлять опасность для России. Глава российской миссии в Гамбурге А. Вейман отмечал: «Сионисты устремили свои усилия на те государства, где еврейское население, будучи более многочисленным, находится в гораздо более трудном, почти бедственном положении. В этом отношении сионизм нашел благодатную почву в России и Австрии (Галиция), где крайне бедное еврейское население (5,5 миллионов в России и свыше миллиона в Австрии) представляет гораздо более сплоченную национальную массу, чем западные евреи... Становится все более очевидным, что сионизм в последнее время сделал важный шаг вперед только благодаря русским и австрийским евреям» [АВПРИ, II Департамент, оп. 358, д. 506, л. 23].

В свою очередь, российский посланник в Дрездене с нескрываемым беспокойством писал: «Немецкие евреи, переселенные на новую почву (в Палестину. — А. Л.) станут герман-

скими культуртрегерами и опорой германского влияния на Ближнем Востоке». Российский посланник в Берне А. Ионин, автор двух обширных записок о сионизме, предложивший свои услуги Ламсдорфу («следовать и за дальнейшим развитием этого вопроса»), замечал, что «вся деятельность сионистов, вся тяжесть их капиталов находится на Западе и ускользает от нашего наблюдения». «Объектом эксплуатации Герцля, — заявлял Ионин, — являются русские евреи — подданные русского царя». В трактате о сионизме он характеризовал его цель как «необходимую и мечтательную фантазмагорию», а первый сионистский конгресс представлялся ему «скорее одной из тех международных сходок, столь часто повторяющихся в Европе и, особенно, в Швейцарии с целью... весело поговорить, пообедать или выпить пива по поводу более или менее возвышенных вопросов; сходок, оканчивающихся платоническими резолюциями, а главное, провозглашением *urbi et orbi* (лат. «городу и миру, всем и каждому». — А. Л.) маленьких имен пройдох... по большей части из числа “*fruits sects*” (фр. “сушеные фрукты”, в переносном смысле — залежалый товар. — А. Л.) журналистики и литературы... Как и следовало ожидать от всякого еврейского предприятия, будь оно основано на самой отвлеченной и мистической идее, сионизм представляется в настоящем виде гешефтом, а данником этого гешефта, которым пользоваться будут главным образом жида Европы, и притом самые неблагонадежные, является русское жидовское население». И все же имперский посланник оставлял как «жидам», так и юдофобам некоторый шанс и даже надежду. Он писал: «Кто знает, странные вещи осуществляются на свете, особенно в наши дни, *fin de siècle*, а иметь хотя бы в перспективе надежду освободиться от части своего жидовского населения все-таки приятно» [ГАРФ, ф. 102, 1898, ед. хр. 11, ч. 2, л. 256–260].

В другой записке о сионизме, составленной вслед за окончанием работы третьего конгресса, состоявшегося в 1899 г., Ионин был вынужден признать, что ставшие регулярными сионист-

ские конгрессы превратились в парламент еврейского народа, несмотря на то что сионистская идея «казалось бы, должна вызвать гомерический смех, особенно среди таких практических эксплуататоров, какими являются евреи» [ГАРФ, ф. 102, 1898, ед. хр. 11, ч. 2, л. 238]. Вместе с тем, показательно, что именно оценка сионизма как «жидовского гешефта» попала в текст записки о сионизме, вышедшей из недр ДП в 1900 г. В одном из перлюстрированных писем о сионистском движении, некто Барсов писал в письме, адресованном одному из идеологов позднего славянофильства, решительному стороннику монархизма литератору С. Шарапову: «Сионистское движение — тать, наступающий на все человечество, в ночи современной цивилизации тать, против которого нужно действовать смело и открыто, честно и решительно, уничтожить нахальство и издевательство еврейства» [ГАРФ, ф. 102, 1898, ед. хр. 11, ч. 2, л. 12об.]. Кроме подобной «информации» охранное отделение стремилось получить сведения из самых что ни на есть первых рук.

В мае 1899 г. сотрудник русской секретной службы в Вене встретился с Герцлем и попросил изложить программу, задачи и цели сионизма. В том же году во время заседаний третьего сионистского конгресса были «добыты агентурным путем» фотографии 43 делегатов из России, в том числе таких известных общественных деятелей, как М. Мандельштам, раввин Шмуэль Могилевер, Яков Коган-Бернштейн, Менахем Усышкин, писатель и публицист Ахад Гаам, писатель Бен-Ами и другие.

Департамент полиции потребовал от лидеров сионистского движения в России М. Мандельштама и И. Членова представить разъяснения о целях и задачах сионистского движения. Ответ Мандельштама был дан в крайне осторожных выражениях: «Сионизм рассчитывает на сочувствие тех правительств, которые по тем или иным причинам не находят целесообразным или своевременным быть инициаторами в изменении горькой участи еврейского населения». Автор записки попытался заинтересовать российские

власти в поддержке еврейской эмиграции тем обстоятельством, что «заселение Палестины евреями может служить службу всем, в особенности же самой России, которая лучше других может воспользоваться евреями как создателями новых азиатских рынков для промышленности» [ГАРФ, ф. 102, 1898, ед. хр. 11, ч. 2, литер А, л. 114].

Получив письмо директора ДП С. Зволянского, Членов обратился к Герцлю, спрашивая: «Как я себя должен держать, что выдвинуть, о чем меньше говорить или совсем молчать?». Герцль ответил незамедлительно: «Обращение Департамента полиции убеждает меня в том, что шаги, которые предприняты в целях приобретения благоприятного настроения в тамошних правительственных кругах, остались не совсем без результата» и рекомендовал Членову составить ответ в ДП в тех же выражениях, но «облечь в другую форму»: «Вы должны ни в одном пункте не отдалиться от того, что профессор Мандельштам, по согласованию со мной, выставил как чистую и полную истину». Записка Членова, как и советовал Герцль, была близка по духу ответу его единомышленника: «Ничто так не желательно сионистам, как возможно полное выяснение их желаний и действий, ибо от этого выяснения они ждут сочувствия, и может быть и содействия, в которых они сильно нуждаются... Народы толкают их (евреев. — А. Л.) на этот путь, жизнь сама поучает их, что вышедшие из Палестины должны вернуться в Палестину. И они надеются, что те, которые толкают, помогут и дойти до цели». Вся переписка между сионистскими руководством в России и Герцлем перлюстрировалась ДП.

После некоторых колебаний для осознания «подлинных задач и целей сионистов» имперские власти в Санкт-Петербурге приходят к следующему соломонову решению: «Господин министр внутренних дел, не признавая официально разрешить съезд евреев-сионистов в Минске, нашел, однако, возможным допустить таковой и отнести к нему с терпимостью до тех пор, пока обсуждаемые на съезде вопросы не

выйдут из строго определенных рамок задач так называемого сионизма» [Плеве, 1915, с. 142].

В августе 1902 г. в Минске состоялась конференция сионистов России, в которой приняли участие свыше 600 человек. Она получила широкий отклик в российской печати. Многие деятели надеялись, что поскольку конференция состоялась с разрешения властей, движение и впредь сможет существовать легально, но ожидания оказались тщетными [Герасимова, 2002, с. 87–110].

ГОРОДСКОЙ СУМАСШЕДШИЙ-УТОПИСТ

Некоторые критики считали Герцля городским сумасшедшим. Он сам представил подобные настроения на страницах изданного в 1902 г. в Лейпциге романа «Altneuland» [Herzl, 1902] (в русских переводах «Возрожденная древняя страна», «Обновленная земля» и «Обновленная страна»): «На обеде, на котором собрались состоятельные евреи Вены, пожилой господин, говорил: “У нас в Моравии положение евреев не лучше. А в маленьких городах евреи прямо в опасности... Бедняки начинают выселяться, но не знают, куда им ехать”. Мориц громко произнесла в это время: “Хочу послезавтра в Бургтеатр!” — Оставь меня в покое, — небрежно ответил муж. “Д-р Вайс рассказывает нам, как там у них в Моравии... Фи, как это нехорошо!”. Самуил Вейнберг... присоединился к разговору: “Вы как раввин, доктор Вайс, смотрите на все слишком мрачно...”. Д-р Вайс, бедный раввин из небольшого моравского городка, не знавший, в какое общество попал, нерешительно заметил: “Уже несколько лет существует движение, его называют сионистским. Еврейский вопрос решается путем грандиозного переселения. Все евреи, которые не могут больше вынести настоящего положения, должны направиться в Палестину, на нашу старую родину”. Он говорил совершенно серьезно и не заметил, что на лицах окружавших его людей стала играть улыбка, а при слове “Палестина” раздался дружный

хохот... Дамы хихикали, мужчины гоготали... Грюн крикнул: «Я буду послом (нового еврейского государства) в Вене». Новый взрыв хохота...» [Герцль, 1903, с. 18–21].

В том же произведении Герцль изобразил процветающую Палестину через двадцать лет, после того как от властей Османской империи был получен «чартер» — разрешение на свободное переселение туда евреев. Это событие автор отнес к 1903 г., когда Палестина превратилась в обновленный цветущий край. В стране евреи построили новые села, города, открыли университет, театры, оперу, академию искусств... Образование в еврейском обществе было бесплатным для всех от детского сада до университета. На преобразованной земле появились подвесные железные дороги, между Средиземным и Мертвым морем были прорыты каналы, а по ним из-за разницы уровней двух морей устремилась вода, приводящая в движение турбины гидроэлектростанций. В стране царила терпимость ко всем народам и религиям: все ее обитатели — евреи, арабы и другие народы жили в дружбе и братстве. Все были равны: все граждане — мужчины и женщины — обладали равными правами.

Основная цель книги заключалась в том, чтобы показать, что осуществление сионистской идеи принесет пользу не только евреям, но и всему человечеству. Герцль подчеркивал, что по достижении политической независимости евреи построят в стране справедливое общество. Евреи, сами страдавшие от преследования и унижений, не допустят подобного на обновленной родине. Книге «Altneuland» Герцль предпослал эпиграф «Если вы захотите, это не будет сказкой...», а послесловие завершил словами: «Но если не захотите, все, о чем я тут рассказал, — сказка, ей она и останется» [Герцль, 1903, с. 340].

Незадолго до начала первого конгресса и особенно после него Герцль занялся активной дипломатической деятельностью. За несколько лет он сумел получить доступ к германскому кайзеру, османскому султану, королям Италии и Болгарии, британским министрам иностранных дел и колоний, российским министрам

внутренних дел и финансов, к Папе Римскому. Харизма Герцля была лишь одним из факторов, определявших его доступ к мировым лидерам. Многие из тех, с кем встретился Герцль, были заинтересованы в практической пользе, которую он мог принести. Османскому султану Герцль пообещал предоставить огромные суммы еврейского банковского капитала для реструктурирования раздутого долга империи. Германскому кайзеру и российскому правительству он обещал помочь избавиться от нежелательных евреев и революционных движений, с которыми, как считалось, еврейство было тесно связано. Британскому правительству Герцль предложил евреев в качестве верных колониальных слуг в британском протекторате над Палестиной или даже над британской Восточной Африкой. Обещания были основаны на фантазиях о еврейской власти и финансовом могуществе, в которые, по-видимому, верил и сам Герцль. Он находился в хороших отношениях с двумя премьер-министрами Австро-Венгрии, державшими его в курсе национальных конфликтов империи и просивших его помощи в их смягчении.

Благодаря знакомству с обширной и разнообразной литературой Герцль был хорошо осведомлен о политике европейских держав. Ему очень нравилось заниматься дипломатической деятельностью, но далеко не всегда она оказывалась успешной. Однако вскоре после бесед с Герцлем его собеседники порой приходили к выводу, что он не смог выполнить то, что обещал, или что массовая миграция евреев в Палестину не пойдет на пользу.

СМЕРТЬ ГЕРЦЛЯ И ЕГО ЗАВЕЩАНИЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ИЗРАИЛЯ

Герцль скончался 3 июля 1904 г. в возрасте 44 лет. Хотя было известно, что у него не все в порядке со здоровьем, только близкие друзья знали, насколько серьезно его состояние. Весть о его смерти стала громом среди ясного неба.

Немало людей в России и других странах собирались в синагогах, участвовали в траурных митингах, были опубликованы многочисленные статьи и некрологи. Журнал «Еврейская жизнь» открывался некрологом, написанным Юлием Бруцкусом: «Умер величайший и преданнейший сын еврейского народа. Погиб безвременно, в расцвете жизни и разгаре работы... Он умер с верою в усталом сердце и со словами любви к Сиону на устах. Он завещал нам идти все вперед и нести его наследие по указанному пути к великой цели» [Маор, 1977, с. 192].

Со времени разрушения Иерусалима Герцль, возможно, являлся одним из первых еврейских деятелей, стремившихся выразить интересы не только какой-либо общины, скажем, русских или французских евреев, но дело всей нации в целом — с общим прошлым и стремлением к общему будущему. Программа политического сионизма, созданная им Всемирная сионистская организация в немалой мере стали катализатором сил, которые привели к рождению Государства Израиль. В своем завещании Герцль просил похоронить его на еврейском кладбище в Вене рядом с отцом, пока еврейский народ не перенесет его бранные останки в Эрец-Исраэль. Вскоре после создания еврейского государства 14 августа 1949 г. последняя воля Теодора Герцля была исполнена. Его прах покоится на горе, которая носит его имя в Иерусалиме.

Между событием в Базеле в 1897 г. и церемонией в Тель-Авиве 14 мая 1948 г. прошло немногим более полувека. В пятый день месяца ияр 5708 года в Тель-Авивском музее собрались представители руководства еврейской общины — ишува. Перед двумястами приглашенными в музей членами Народного правления, Национального совета, раввинами, командованием «Хаганы» — подпольных вооруженных сил, главами муниципалитетов и журналистами выступил глава Национального совета Давид Бен-Гурион. Он огласил Декларацию независимости Государства Израиль. Текст состоял из 979 слов на иврите. Бен-Гурион зачитал Декларацию. В ней отмечалось, что 29 ноября

1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о создании еврейского государства в Эрец-Исраэль. «На этом основании мы, члены Народного совета, представители еврейского населения в Эрец-Исраэль и мирового сионистского движения, собрались в день окончания британского мандата на Эрец-Исраэль, и в силу нашего естественного и исторического права и на основании решения Генеральной Ассамблеи ООН настоящим мы провозглашаем создание Еврейского Государства в Эрец-Исраэль — Государства Израиль... Государство Израиль будет открыто для репатриации и объединения в нем рассеянных по свету евреев, оно приложит все усилия к развитию страны на благо всех ее жителей... Оно обеспечит свободу вероисповедания и совести, право пользоваться родным языком». Единственное имя, которое было названо в этом документе, было имя Герцля: «В 1897 году по призыву Теодора Герцля, провозвестника идеи еврейского государства, собрался Сионистский конгресс, провозгласивший право евреев на национальное возрождение на своей земле» [Декларация независимости Государства Израиль, 2006, с. 605–606].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ ГЕРЦЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЕ

Личность и наследие Герцля, сочетавшего в себе черты пророка и политического лидера, мечтателя и трезвого практика, как и поставленные им цели, и по сей день остаются предметом непрекращающегося дискурса современных историков и политологов, выступлений различных политических и общественных деятелей.

На основе универсальных ценностей Герцль и его единомышленники желали создать прогрессивное и просвещенное общество, призванное стать примером для других народов. Он и его соратники, как отмечает государственный и общественный деятель Израиля А. Рубинштейн, «хотели построить собственный дом, чтобы жить в нем своей национальной жизнью,

хранить свою традицию, развивать свой язык и культуру... Этот дом должен стать убежищем для преследуемых братьев. Сионисты мечтали о том, что новые жильцы когда-то оставленного дома станут евреями нового типа и заживут с его нынешними обитателями как добрые соседи в дружной семье народов» [Рубинштейн, 2000, с. 368].

Конечно, ранние сионисты не обладали всеобъемлющим видением. Многие из того, о чем писал Герцль, сегодня кажется наивным и даже смехотворным. Образование еврейского государства вовсе не принесло благоденствия палестинцам, в то время как Герцль был убежден в том, что оно будет с благодарностью воспринято арабами. Герцль не мог предвидеть многие события и, прежде всего, трагедию Холокоста, в котором погибли шесть миллионов евреев Европы — треть всего еврейского народа. Вопреки прогнозам Герцля, создание еврейского государства не смогло положить и конец антисемитизму, обретшему новые обличья и формы. Не ожидали основатели сионизма, что становление и развитие Израиля будет проходить в условиях нескончаемых конфликтов и войн, прибытия сотен тысяч переселенцев, в мучительных спорах и ожесточенной полемике, разъедающих израильское общество, что в стране в результате террористического акта будет убит ее премьер-министр, возникнет опасность раскола общества, вступления на путь религиозного фанатизма. Не стал Израиль и «надежным убежищем» для евреев, а население страны вынуждено находиться в постоянной готовности к террористическим нападениям и новым войнам.

Одной из важных проблем оказался и вопрос об отношениях Израиля и евреев диаспоры. Герцль и его сподвижники не могли предположить, что в новом государстве возникнет проблема, получившая на иврите название *йерида* — процесс эмиграции из Израиля десятков тысяч евреев.

Усиление позиций национально-религиозного лагеря в современном Израиле — свидетельство происходящей девальвации ценностей

политического сионизма Герцля. Идеологи сионизма стремились к «нормализации» еврейского народа. Однако политики из национально-религиозного лагеря полагают, что изолированность Израиля является естественным следствием «особости» еврейского народа, которая понимается как необходимость развития поселенческого движения и еврейского заселения страны Израиля — *Эрец-Исраэль*. В религиозных кругах этот процесс рассматривается как один из этапов мессианского Избавления. Приверженцы правого лагеря убеждены в том, что «армия сатаны не смирится с существованием народа Израиля, а раз так, то будет лучше, если мы будем обособлены от народов мира» [Рубинштейн, с. 366–367, 375–376]. Подобный подход является полной альтернативой сионизму. Идеи классического сионизма, парламентской демократии подменяются идеями о библейской земле Израиля, государстве Торы и теократической монархии.

Нынешняя ситуация в стране, отсутствие конституции, нерешенный вопрос об отношении государства и религии, продолжающиеся многие месяцы массовые демонстрации сторонников и противников судебной реформы, повсеместный рост цен на товары повседневного спроса, столкновения между евреями и арабами в городах со смешанным населением, периодически возникающие взаимные обстрелы между Армией обороны Израиля и боевиками палестинских террористических формирований, участвовавшие за последнее время акты террора против гражданского населения, угрожающие безопасности страны — все это свидетельства глубокого раскола в израильском обществе, сложного внутреннего и международного положения страны.

Идеалы сионизма переживают серьезный кризис. Укрепление влияния национально-религиозного лагеря вызывает опасения значительной части израильского общества, прежде всего в том, что возникла реальная угроза светскому характеру государства. Усиливается критика сионистской идеологии и практики как со сто-

роны ультраортодоксов, так и со стороны представителей так называемого пост-сионизма — историков и социологов, заявивших о себе в конце прошлого столетия. Они полагают, что Закон о возвращении 1950 г. следует отменить, а сионистское движение, реализовавшее свою основную цель, должно объявить о своем самороспуске, — его миссия закончилась.

Идеалы сионизма пережили период расцвета и кризиса. Идея общего плавильного котла, преваляровавшая в 1950–1960-е гг., навязывавшая обществу единственный образец, не выдержала испытания временем. В последние десятилетия усилилась противоположная плюралистическая тенденция. Она исходит из того, что общество представляет собой смесь разнообразных элементов и традиций, сохраняющих своеобразие культур, традиций и языков еврейских общин. Заметная часть общества и многие политики страны демонстрируют стремление к наведению мостов, пониманию законных интересов евреев и арабов, акцентируют наличие общих проблем. Национально-религиозный лагерь в Израиле не следует канонам классического сионизма, не желает принимать во внимание вывод из истории еврейского народа о необходимости терпимости и гуманизма, действует прямо в противоположном направлении.

Без всякого сомнения, успехи и достижения Израиля впечатляют. Создана эффективная промышленная структура, немалые успехи достигнуты в сельском хозяйстве, в развитии современных технологий, поддерживаются устойчивые темпы роста экономики. Еврейское государство обеспечило соблюдение правовых норм, развитие демократических институтов, гражданского общества, плюрализм, свободу слова. Потоки репатриантов из постсоветских стран и Эфиопии, превышающие предыдущие волны алии, придают дополнительный вес этическому аспекту сионизма.

Израиль — одно из самых молодых государств на планете. Разного рода политические, экономические и духовные процессы, как отметила Т. А. Карасова, происходят «в рамках одного по-

коления, каждый этап развития занимает гораздо меньше времени, чем в старых устоявшихся общественных системах. То, на что Европа тратила сотни лет, Израиль проживает за десять лет и тут же бежит к следующему рубежу» [Карасова, 2023]. Прибытие сотен тысяч репатриантов из Европы, Азии, Африки, Южной и Северной Америки, имевших в своем багаже различные традиции и опыт, является одновременно источником силы и слабости, порождает объективные трудности и открывает новые горизонты.

Государство Израиль торжественно отметило свое 75-летие. Но после праздников неизбежно наступает повседневность с ее конфликтами и проблемами. Обращение к гуманистическим идеалам Герцля, преодоление враждебности как между самими евреями, так и между евреями и арабами в самом Израиле и с ближайшим арабским окружением способно открыть новую главу в истории страны. Такой подход позволит на практике реализовать принцип двойной природы государства, согласно которому Израиль является и еврейским, и демократическим государством. Таков реальный путь мира, и в этом не только возвращение к истокам классического сионизма, но и возможность сохранения Израиля как независимого государства, живущего в мире с самим собой и со своими соседями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). II Департамент. Оп. 358, д. 506, л. 23 [The Archive of the Foreign Policy of Imperial Russia. 2nd Dept. Coll. 358. F. 506. P. 23 (in Russian)].

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102, 1898, ед. хр. 11, ч. 2. Л. 256–260; л. 12об; литер А, л. 114 [The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102, 1898. Object 11. Pt. 2. Pp. 256–260. P. 12 rev. Letter A. P. 114 (in Russian)].

Герасимова И. П. Первая конференция сионистов в России: Минск, 1902 год. Люди. События. Взгляд через 100 лет. *Российский сио-*

низм: история и культура. Мат-лы научн. конф. Минск, 2002. С. 89–110 [Gerasimova I. P. The First Conference of Zionists in Russia: Minsk, 1902. People. Events. View in 100 years. *The Russian Zionism: History and Culture. Proceedings of Academic Conference*. Minsk, 2002. Pp. 89–110 (in Russian)].

Герцль Т. *Еврейское государство: Опыт современного решения еврейского вопроса*. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1896. 104 с. [Herzl T. *The Jewish State: An Attempt in Modern Solution of the Jewish Question*. Saint Petersburg: M. M. Stasyulevich printing house, 1896. 104 p. (in Russian)].

Герцль Т. *Обновленная страна*. Киев: типогр. С. В. Кульженко, 1903. 341 с. [Herzl T. *Old New Land*. Kiev: S. V. Kul'zhenko Publ., 1903. 341 p. (in Russian)].

Гордон Г. И. *Сионизм и христиане*. СПб: Русская мысль, 1902. Кн. 7. С. 178–196. [Gordon G. I. *Zionism and Christians*. Saint Petersburg: Russian Thought, 1902. Book 7. Pp. 178–196 (in Russian)].

Гроссман Г. Национальное движение среди евреев (по поводу конгресса сионистов). *Мир Божий*, 1897. Кн. 11. С. 42–50 [Grossman G. The National Movement among Jews (On the Congress of Zionists). *The World of God*, 1897. Book 11. Pp. 42–50 (in Russian)].

Декларация независимости Государства Израиль. *Евреи в современном мире. История евреев в Новое и Новейшее время*. Сост.: П. Мендес-Флор и Й. Рейнгарц. М.–Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2006. С. 605–609 [Declaration of Independence of the State of Israel. *Jews in the Modern World. A Documentary History*. Comp. & Ed. by P. Mendes-Flor, J. Reinharz. Moscow–Jerusalem: Mosty kul'tury – Gesharim, 2006. Pp. 605–609 (in Russian)].

Карасова Т. А. *Круглый стол «75 лет Государству Израиль: проблемы и достижения»*. 7 июня 2023 года. *ИВ РАН* [Karasova T. A. Round table “75 Years of the State of Israel: Problems and Achievements.” June 7th, 2023. *IOS RAS* (in Russian)]. URL: <https://www.ivran.ru/novosti-nauki?artid=212514> (accessed 09.12.23)

Ленин В. И. Положение Бунда в партии. *ЛСС*. М.: Политиздат, 1967. Т. 8. С. 65–76. [Lenin V. I. The Position of the Bund in the Party. *Complete Works*. Moscow: Politizdat, 1967. Vol. 8. Pp. 65–76 (in Russian)].

Маор И. *Сионистское движение в России*. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1977. 456 с. [Maor I. *The Zionist Movement in Russia*. Jerusalem: Biblioteka-Aliya, 1977. 456 p. (in Russian)].

Наша программа. Сионистские демократические группы. Берлин, 1923. С. 3 [Our Program. *Zionist Democratic Groups*. Berlin, 1923. P. 3 (in Russian)].

Нордау М. Речь на первом конгрессе сионистов (1897). *Сионизм в контексте истории. Хрестоматия по истории сионизма с предисловием Артура Херцберга*. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1992. Кн. 1. С. 333–352 [Nordau M. Address at the First Zionist Congress (1897). *The Zionist Idea. A Historical Analysis and Reader with an Introduction by Arthur Herzberg*. Jerusalem: Biblioteka-Aliya, 1992. Book 1. Pp. 333–352 (in Russian)].

Плеве В. К. О сионизме и еврейском национальном движении. *Еврейская старина*. Петроград, 1915. Т. VIII. С. 142–144 [Pleve V. K. About Zionism and the Jewish National Movement. *Jewish Antiquity*. Petrograd, 1915. Vol. VIII. Pp. 142–144 (in Russian)].

Плеханов Г. В. Ответ нашим непоследовательным сионистам. *Собрание сочинений*. М.–Л.: Госиздат, 1926. Т. XIII. С. 165 [Plekhanov G. V. The answer to our inconsistent Zionists. *Collected Works*. Moscow-Leningrad: Gosizdat, 1926. Vol. XIII. P. 165 (in Russian)].

Рубинштейн А. От Герцля до Рабина и дальше. *Сто лет сионизма*. Минск: МЕТ, 2000. 400 с. [Rubinstein A. From Herzl to Rabin and beyond. *One Hundred Years of Zionism*. Minsk: MET, 2000. 400 p. (in Russian)].

Против сионизма. *Евреи в современном мире. История евреев в Новое и Новейшее время. Антология документов*. М., Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2006. Т. II. С. 448–450 [Against Zionism. *Jews in the Modern world. A doc-*

umentary history compiled and edited by P. Mendes-Flores, J. Reinharz. Moscow–Jerusalem: Mosty kul'tury – Gesharim, 2006. Vol. II. Pp. 448–450 (in Russian)].

Струве П. Б. *Освобождение*. Штутгарт, Париж, 1903. № 22, 27 [Struve P. V. *Liberation*. Stuttgart, Paris, 1903. No. 22, 27 (in Russian)].

Троцкий Л. Д. Разложение сионизма и его возможные преемники. *Собрание сочинений*. М.-Л.: Госиздат, 1926. Т. 4. С. 124–128 [Trotsky L. D. The Decomposition of Zionism and its possible successors. *Collected works*. Moscow-Leningrad: Gosizdat, 1926. Vol. 4. Pp. 124–128 (in Russian)].

Южаков С. Н. Сионистское движение среди евреев. *Русское богатство*, 1897. Кн. 12 [Yuzha-

kov S. N. The Zionist Movement among the Jews. *Russian Wealth*, 1897. Bk. 12 (in Russian)].

Южаков С. Н. Политика. *Русское богатство*, 1903. Кн. 9, 11 [Yuzhakov S. N. Politics. *Russian Wealth*, 1903. Books 9, 11 (in Russian)].

Bein A. *Theodor Herzl. Biografie*. Wien: Fiba Verlag, 1934. 551 S.

Herzl T. *Der Judenstaat*. Vienna: M. Breitenstein's Verlags-Buchhandlung, 1896. 86 S.

Herzl T. *Altneuland*. Leipzig: H. Seemann, 1902. 343 S.

Herzl T. *Tagebücher*. Berlin: Jüdischer Verlag, 1922. 648 S.

The Diaries of Theodor Herzl. Ed. by M. Lowenthal. New York: The Dial Press, 1956. 494 p.

ВОЖДЕЛЕННЫЙ НЕНАВИСТНЫЙ ДРУГ: ИЗРАИЛЬ КАК МЕТОД И ЦЕЛЬ ХРИСТИАНСКОГО СИОНИЗМА В США

THE COVETED HATED FRIEND: ISRAEL AS THE METHOD AND GOAL OF CHRISTIAN ZIONISM IN THE UNITED STATES

© 2023 **Анна Александровна Новикова**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН, Москва, Россия

a.a.novikova@ivran.ru

ORCID ID: 0000-0002-4950-0802

Anne A. Novikova

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

a.a.novikova@ivran.ru

ORCID ID: 0000-0002-4950-0802

В статье рассматривается влияние американского христианского сионизма как религиозно-политического движения на изменения в американо-израильских отношениях. Христианский сионизм является распространенной теологической теорией в кругах христиан-протестантов евангелистского направления, составляющей основную базу поддержки республиканских политиков в США и демонстрирующей беспрекословную поддержку Израиля. Тем не менее причины этой поддержки имеют определенную направленность, находящую сторонников среди идеологов десекуляризации, религиозных экстремистов и антисемитов, особенно через слова видных пасторов и лидеров движения христианского сионизма в США. В работе проанализированы потенциальные негативные последствия такой поддержки для Израиля при трансформации американо-израильских отношений под влиянием христианского сионизма.

Ключевые слова: Израиль, христианский сионизм, сионизм, американо-израильские отношения, антисемитизм

Для цитирования: Новикова А. А. Вожденный ненавистный друг: Израиль как метод и цель христианского сионизма в США. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 63–71. DOI: 10.18254/S268684310029248-0

This paper examines the influence of American Christian Zionism as a religious-political movement on changes in US-Israeli relations. Christian Zionism is a widespread theological theory in evangelical Protestant Christian circles, which forms the main base of support for Republican politicians in the United States and demonstrates unquestioning support for Israel. Nevertheless, the reasons for this support have a certain direction, finding supporters among ideologues of desecularization, religious extremists and anti-Semites, especially through the words of prominent pastors and leaders of the Christian Zionism movement in the United States. The paper analyzes its potential negative consequences for Israel in the transformation of US-Israeli relations under the influence of Christian Zionism.

Keywords: Israel, Christian Zionism, Zionism, American-Israeli relations, anti-Semitism

For citation: Novikova Anne A. The Coveted Hated Friend: Israel as a Method and Goal of Christian Zionism in the United States. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 63–71. DOI: 10.18254/S268684310029248-0

США являются одним из самых мощных государств-союзников Израиля на протяжении последних десятилетий. Тем не менее современная поддержка Израиля в США разделилась на несколько категорий, вследствие чего каждое политическое лобби, сформированное из заинтересованных сторон, стремится влиять на сотрудничество с Израилем и его внутреннюю политику по-своему.

В 1970–1980-х гг. наибольшее количество поддерживающих Израиль политиков наблюдалось в лагере Демократической партии США [Herf, 2019], сейчас же левоцентристское и левое крыло американских политиков и публичных деятелей склонно к осторожности в выражении этой поддержки. Причины разнообразны — от обеспокоенности судебной реформой Б. Нетаньяху до всецелой антиизраильской поддержки пропалестинских движений и групп [Saad, 2023]. В 2010–2020-е гг. мощнейшее крыло поддержки Израиля среди политиков переместилось в движения вокруг Республиканской партии США. Согласно исследованиям *Pew Research Center*, в 2022 г. 55 % американцев выразили позитивное отношение к Израилю со следующим разделением по политической идентичности опрошенных [Silver, Fagan, 2022]:

- демократы / склоняются к демократам: 44%
- республиканцы и центристы: 50%
- либералы: 36%

Организация отмечает, что среди респондентов господствует отождествление страны с ее правительством, а корреляция между страной и ее народом среди опрошенных снижается. По возрасту также видно, что молодое поколение критичнее и негативнее относится к Израилю (17% респондентов в возрасте от 18 до 29 лет отметили «крайне негативное» отношение к стране), в то время как представители старшего поколения имеют наивысший рейтинг позитивного восприятия Израиля (69% опрошенных старше 65 лет) [Detailed Tables, 2016]. В этом же опросе отмечается, что респонденты женского пола чаще отказывались отвечать на какие-либо вопросы, связанные с Израилем.

Намного интереснее результаты опроса, разделенные по конфессиональному признаку — 63% христиан-протестантов и 58% христиан-католиков благосклонно относятся к Израилю по сравнению с 42% атеистов. Среди христиан-протестантов также существует четкое разделение: 80% протестантов-евангелистов относятся к стране положительно, в то время как белые не-евангелисты выражают поддержку Из-

раило только в 61% случаев, а среди афроамериканских протестантов поддержка снижается до 43%. При этом 74% американцев считают, что между США и Израилем существуют хорошие отношения [Detailed Tables, 2016].

Таким образом, самая мощная группа поддержки государства Израиль среди всех категорий населения в США — белые протестанты-евангелисты, формирующие основную избирательную базу Республиканской партии [McGreal, 2023]. В 2014 г. каждый четвертый американец принадлежал к протестантской евангелистской церкви США [Detailed Tables, 2016], что позволило Дональду Трампу в 2015–2016 гг. успешно привлечь их на свою сторону как избирателей, голосующих по вопросу об отмене решения Верховного суда США Роу против Уэйда, о запрете программ инклюзивности на всех уровнях штатов и федерации в целом, или в обещаниях вернуть молитвы как обязательную часть школьного утреннего ритуала [Husser, 2020]. В 2020 г. за Д. Трампа проголосовало 59% избирателей, регулярно посещающих богослужения; за Дж. Байдена проголосовало только 40% [Nortey, 2021].

Учитывая приведенные факты, необходимо определить, как именно выстраиваются отношения избирателей-республиканцев и Республиканской партии США к Израилю, позитивно или негативно отражается на Израиле рост числа евангелистов среди них.

Среди евангелистов – сторонников Трампа особенно выделяется пастор и телевангелист¹ Джон Хэйджи (John Hagee), возглавляющий религиозную организацию имени себя и являющийся основателем христианской сионистской организации «Христиане объединяются для Израиля» (Christians United For Israel — здесь и далее CUFI [Christians United for Israel, 2023]).

Хэйджи знаменит в евангелистской и христианской сионистских сферах США с 1981 г., когда он организовал первую в своей карьере «Ночь почтения Израиля» [Sharon, 2018] с целью выражения поддержки государству после бомбардировки Израилем иракского ядерного реактора Осирак в Ираке.

В 2018 г. Хэйджи участвовал в церемонии вручения награды Министерства иностранных дел Израиля рабби А. Шейнбергу за укрепление иудейско-христианских отношений. Во время вручения награды Хэйджи заявил: «CUFI всегда наготове... Если вы конгрессмен, который идет против по израильскому вопросу, мы сразу же обзвоним всех в вашем округе, чтобы сообщить им полную информацию [по этому вопросу], и мы обрушим на ваш офис поток в 25–30 тыс. электронных писем за 24 часа» [Sharon, 2018]. На этом же мероприятии рабби Шейнберг описывал Хэйджи как храброго человека с невероятной духовной силой, «сражающегося» за еврейский народ: «Пастор, вы покинули относительный комфорт своей растущей церкви и отправились в пустыню, в место опасности, для роста вашей церкви, но Господь сказал, что не забудет вашей доброты, когда вы отправились в пустыню помочь людям на их пути в Землю Обетованную, помогать евреям и Израилю» [Sharon, 2018]².

В 2006 г. Хэйджи, спустя два десятилетия участия в политической жизни путем продвижения проевангелистских политических кандидатов на местных и федеральных выборах, создал CUFI, целью которой является лоббирование в Конгрессе США идей христианского сионизма, которые он начал высказывать во время президентской кампании Джорджа Буша-младшего [Caleb, 2023]. В 2008 г. Хэйджи был вынужден оставить усилия по продвижению кандидата в

1 Телевангелист — проповедник евангелистского направления в христианстве, имеющий собственные телепередачи или телеканалы, по которым транслируются проповеди и обращения проповедника. Телевангелисты в целом имеют негативную репутацию из-за частого использования телепередач для сбора пожертвований, представляемых как «деньги за благодать» — чем больше взнос человека на нужды церкви или конкретного пастора, тем «больше благодати» Бог должен вернуть жертвователю.

2 Р. Шейнберг делает здесь отсылку к Книге Иеремии.

президенты Дж. Маккейна из-за его антикатолических и антисемитских взглядов, но продолжил до 2013 г. финансировать сионистскую организацию «Им Тирцу» [Stern, Stefner, 2010].

Причина, по которой Хэйджи начал финансировать «Им Тирцу», заключалась в миссии организации — в предоставлении заинтересованным лицам возможности получить «классическое сионистское образование». Деятельность организации вызвала всплеск недовольства в Израиле во время скандала с университетом им. Д. Бен-Гуриона, когда «Им Тирцу» пыталась надавить на администрацию университета, наняв более «патриотичных лекторов» для «балансировки» т. н. «антисионистских преподавателей», считающих Израиль светским правовым государством, любым образом критикующих политику Израиля, а также считающих религию низшим приоритетом в развитии страны и общества.

Сионизм, а именно христианский сионизм — идеология и политическая позиция Хэйджи и основанной им организации CUFI (*Christians United for Israel* — «Христиане, объединенные за Израиль»). Слоган организации — «Защити Америку, инвестируй в Израиль». По состоянию на 2023 г. CUFI заявляет, что более 10 млн членов организации «защищают Израиль и борются с антисемитизмом в своих сообществах, церквях, университетских кампусах, медиа и на Капитолийском Холме» [Israel is at War, 2023]. Тем не менее приведенные на сайте организации цитаты ключевых спикеров и основателей говорят о несколько иных мотивах. Как признается пастор Хэйджи: «Пятнадцать лет назад мы начали работу по пробуждению гиганта христианского сионизма, и достигли этой цели и даже большего. CUFI охватила миллионы своим библейским посылом о поддержке Израиля и продвигает идею справедливости целей Израиля главам церквей, избранным политикам и обычным американцам каждый день». Ему вторит Диана Хэйджи, содиректор CUFI: «Если Америка хочет быть благословенной нацией, мы должны стоять вместе с Израилем и еврей-

ским народом как никогда». А вот свидетельство содиректора CUFI Ш. Доллинджера: «Мы не должны расслабляться, пока антисемитизм не искоренен, и пока Израиль и его народ не находятся в безопасности. До тех пор мы не будем молчать. Мы не будем бездействовать».

Христианский сионизм, упоминаемый Хэйджи в речи, представляет собой протестантскую идеологию, согласно которой возвращение евреев в Израиль и создание еврейского государства являются частью библейских пророчеств и приближают Второе пришествие Иисуса Христа [Khaloun, 2015]. В 2018 г. *LifeWay Research Group* провела опрос среди протестантов-евангелистов США, согласно которому более 60% считали, что Аврааму и его потомкам Израиль был обещан на протяжении всей мировой истории, и создание Государства Израиль является частью пророчеств; некоторые из опрошенных пасторов также заявили, что восстановление Израиля в границах, описанных в Библии, ускорит приближение Судного Дня [Bump, 2018].

Хэйджи ведет активный канал на платформе *YouTube*, где рассуждает о границах «настоящего Израиля». В видео, загруженном на платформу 23 августа 2023 г. под названием «Процветающая жизнь с пастором Джоном Хэйджи — Кто владеет Землей Израиля?» [Hagee, 2023], он утверждает: «Земли, обещанные Богом евреям, включают в себя территорию современного Израиля, части современных территорий Египта, Сирии, Ливана и Ирака. Эти границы описаны в Книге Бытия в гл. 15:18–21... Утверждение, что палестинцы когда-либо владели землями, отданными [Аврааму и его потомству] Богом, являются одной великой ложью из множества в истории». С точки зрения христианского сионизма и международной политики данное утверждение потенциально опасно: для приближения Судного Дня Израиль необходимо восстановить в рамках библейских границ; чтобы это сделать в условиях современных международных отношений и специфики Ближнего Востока, необходимо придумать способы отчужде-

ния земель четырех стран и присоединения их к Израилю, осуществить тотальное уничтожение Палестинской автономии для объединения всех израильских территорий под флагом еврейского государства.

В конце видео Хэйджи просит зрителей пожертвовать деньги церкви для «продолжения донесения благодати Иисуса Христа всем поколениям». Этот рефрен можно найти не только в призывах к жертвованиям в сетевых видеосюжетах и телепередачах CUFI, но и в деятельности самой организации.

Заявленная на сайте миссия организации вызывает сомнения в реальной эффективности в области продвижения интересов Израиля в международном пространстве. Среди достижений указывается вывоз пасторов в Израиль из каждого из 50 штатов США во время конфликта с сектором Газа в 2014 г., рассылка 135 тыс. электронных писем сотрудникам госдепартамента США, когда те не одобряли переноса посольства США в Израиле в Иерусалим, и принятие в Конгрессе США поправки в Закон о международной помощи, также известной как Taylor Force Act [Mission, 2023]³. Свою деятельность они также активно продвигают через сеть молодых христианских лидеров поколения миллениалов, особенно в студенческой среде.

Интересна также идея CUFI о преследованиях христиан, демонстрирующая необходимость поддержки Израиля: «На Ближнем Востоке численность христианского населения резко сократилась на протяжении последнего века из-за экстремального и жестокого преследования [по религиозному признаку]. Тем не менее в Израиле христиане свободно исповедуют и практикуют свою религию, а численность христианского населения стабильно растет. Как христиане мы обязаны поддерживать преследуе-

мых братьев и сестер. По этой причине, пока мы молимся за всемирно преследуемую церковь, мы также поддерживаем Израиль как единственное место, безопасное для христиан на Ближнем Востоке» [Christian Persecution, 2023].

Среди стран, обладающих «историческими территориями Израиля», упоминается Ливан. Современные консервативные деятели США и беженцы из Ливана в США, разделяющие консервативные и республиканские политические убеждения, активно пропагандируют идею о том, что до «мусульманского нашествия» 1970-х гг. Ливан был процветающей христианской страной, а все негативные последствия в ней связаны с присутствием в ней мусульман. Имеется в виду не исламизация, десекуляризация и радикализация мусульман в Ливане, а увеличение численности мусульманского населения в стране и создание в 1970-х гг. политических партий, призванных выражать политическую волю мусульманского населения в органах государственной власти.

Заявленная миссия CUFI не подтверждается и докладами о результатах ее деятельности, призванной «сделать Израиль сильнее и обезопасить его народ». Само описание результатов содержит информацию о том, что сотрудничество организации как произраильского движения из США посвящено «преобразованию произраильских христиан в образованную и эффективную силу Израиля», «действующую как щит от антиизраильской лжи и плохой теологии» [About Us, 2023]. Среди достижений они упоминают и 50 ежемесячных мероприятий неустановленного характера (по 1 в каждом штате США), ежегодные поездки в Израиль пасторов и «миллениалов-инфлюэнсеров» в рамках 12-ступенчатой программы, выпуск фото- и видеоматериалов про Израиль в социальных сетях.

3 Taylor Force Act, принятый обеими партиями в Конгрессе США в 2018 г. и подписанный президентом Дональдом Трампом, запрещает предоставление Палестине экономической и/или гуманитарной помощи до полного приостановления выплат пособий палестинским арабам, заключенным в тюрьму или пострадавшим в результате палестино-израильских конфликтов; пособия также полагаются семьям пострадавших. Семьи погибших получают пожизненную пенсию, в результате чего от 7 до 10% всего годового бюджета ПНА уходит на финансирование этой категории граждан (см. [Taylor Force Act, б. г.]). См. также: [Rasgon, Najib, 2020].

Дальнейшее ознакомление со свидетельствами членов CUFI проясняет суть их варианта христианского сионизма: «Господь пообещал благословение тем людям или нациям, которые благословляют Его Избранный Народ. История однозначно доказывает, что нации, благословившие еврейский народ, получили благословение Господне, а те, что прокляли еврейский народ, испытали проклятие Господне. Члены CUFI по всей стране испытали благословение после того, как благословили Израиль» [Testimonials, 2023]. Это же сообщение отражается в отчетах о проведенных событиях, о трудностях, связанных с прозелитским характером их деятельности. Встреча 1 июля 2023 г. в Боулинг-Грин, штат Кентукки, состоялась благодаря тому, что торжественный ланч с мьянмарскими пасторами оплачивала CUFI [July 1, Pastors Meeting, 2023]. Мероприятие в Кантонменте, штат Флорида, от 2 июля 2023 г. содержит только яркое описание презентации про Израиль, которую подготовили организаторы, и констатирует, что из 60–75 пришедших лишь один студент оказался заинтересован в дальнейшей деятельности [July 2, Israel is at War, 2023]. Встреча 8 июля 2023 г. в Ланкастере (штат Пенсильвания) стала всего лишь ланчем 6 христианских пасторов [July 8, Pastors Meeting, 2023]. Несколько встреч организованы выпускниками программ CUFI в церквях, где они сами теперь являются пасторами и могут во время воскресной службы призвать прихожан поддерживать организацию и Израиль. Встреча в Колумбии, штат Миссури, от 4 августа 2023 г. была посвящена рассказу о том, как деятельность CUFI позитивно отразилась на жизни пастора Ф. Хэнсли и его церкви [August 4, ICFM Conference, 2023].

Таким образом, поддержка Израиля и его благословение предстают скорее способом получить одобрение и благо от Бога, а не искренним стремлением или бескорыстным порывом. Приведенные свидетельства принадлежат крупным республиканским политикам и деятелям — М. Пенсу (бывший вице-президент США, республиканец), Н. Хэйли (бывший посол США

в ООН, Республиканская партия), М. Помпео (бывший госсекретарь США, республиканец), Д. Фридману (бывший посол США в Израиле, республиканец), Т. Скотту (сенатор-республиканец от Южной Каролины), Т. Крузу (сенатор-республиканец от Техаса), Л. Гомерту (республиканец-член палаты представителей США) и Дж. Эрнст (сенатор от Айовы). Из израильских политиков процитированы также видные деятели — Б. Ганц (указан на сайте как альтернативный премьер-министр и министр обороны Израиля), Р. Ривлин (указан как президент Израиля), Г. Эрдан (указан как министр регионального развития Израиля), А. Дихтер (указан как член кнессета) и Б. Нетаньяху (указан как премьер-министр Израиля) [Testimonials, 2023].

У CUFI есть несколько дочерних проектов, стремящихся углубить христианский сионизм в двух самых «сопротивляющихся» группах — среди женщин и молодежи. Проект «Израильский коллектив», направленный на привлечение воцерковленной молодежи, показывает на главной странице сайта обряд христианского крещения [Stay Informed, 2023]. Другая дочерняя организация, «Дочери за Сион», предлагает программу молитв всех христианских сионисток (приведены главные пункты):

1. Молитесь за мир в Иерусалиме;
2. Молитесь за благосостояние Государства Израиль и его народа;
3. Молитесь за нынешнее руководство CUFI;
4. Молитесь за то, чтобы любая цель вашей молитвы была возложена на сердце национальному директору [CUFI] Святым Духом [About Us. *Daughters for Zion*, 2023].

Лишь два пункта из четырех касаются Израиля и его населения; оставшиеся два направлены на сами христианские сионистские организации. Сейчас «Дочерей» возглавляет пастор Л. Хэммонд, муж которой (тоже пастор) М. Хэммонд [Our Pastors, 2023] известен пламенными речами, поддержкой республиканских политиков (таких, как М. Хаккаби), но негативно воспринимается из-за обладания двумя личными само-

летами на фоне постоянно падающих доходов управляемой ими церкви [Tevlin, 2008].

Еще одна дочерняя организация CUFI — «CUFI в кампусе» — считает своей целью обучение студентов-христиан техникам и библейским смыслам, чтобы они могли бороться с антисемитизмом от лица Израиля и еврейского народа [CUFI on Campus, 2023]. При этом Хэйджи, несмотря на высокую положительную оценку американских и израильских политических, общественных и духовных лидеров, часто подвергается жесткой критике со стороны американского либерально-демократического истеблишмента. Чаще всего либеральная пресса обнаруживает в его высказываниях «признаки антисемитизма», которые описывает в самых красочных выражениях, вошедшими в моду после 2015 г. [Wilson, 2009; Blumental, 2007; Blumental, 2008; Stein, 2008].

На текущем витке выборов Хэйджи продолжает увеличивать влияние на американский республиканский истеблишмент, начав цикл интервью республиканских кандидатов в президенты для медиапередач, которые транслирует прихожанам. Среди его первых гостей стал друг CUFI и давний знакомый Хэйджи, бывший вице-президент США М. Пенс [Caleb, 2023] — умеренный христианский сионист, в 2017 г. уже делавший заявление на мероприятии CUFI в Университете Висконсина-Мэдисон о том, что создание современного Израиля «буквально пророчество, исполнившееся в реальности» [Hummel, 2017]. Странники бывшего президента США Д. Трампа и аффилированные с CUFI и М. Пенсом пасторы активно занимают политическим прозелитизмом, обвиняя «антифашистов» в штурме Капитолия 6 января 2021 г., проповедуя неразрывную связь между христианством и американскими принципами свободы индивида и свободы слова, призывая к защите полиции от политиков, объявляя новостные ресурсы «ложью коммунизма и социализма», призывая «ангельские войска» разгромить врагов церкви [Fam, Schor, Crary, 2021].

М. Пенс, М. Помпео, М. Хаккаби и другие американские политики-спикеры и «друзья» CUFI принадлежат к т. н. «ястребам», выступающим за глубокое и долгосрочное участие американских военных в странах третьего мира, определяемых как негативно настроенные к США и вынужденные подчиняться выставленным США условиям. Христианский сионизм становится не только причиной, но и поводом постоянного и интенсивного вмешательства в дела Ближнего Востока на всех уровнях, включая американские военные кампании против Ирака, Сирии, Ливана, экономические санкции против этих стран и Египта — т. е. против стран, территории которых «должны быть» присоединены к Израилю для достижения Царства Небесного.

«Ястребы» стимулируют агрессию Израиля против вышеназванных стран, объединяя поддержку Израиля с войной против террора — с провальным нескончаемым предприятием, пользующимся популярностью консервативного населения США. Эти же политические лидеры через объединение т. н. «иудео-христианских ценностей» и соответствующей политики будут стимулировать десекуляризацию израильского общества по уже внедряющейся в США модели — через «обеспокоенных родителей», через установку религиозных символов в государственных учреждениях, через внедрение все более религиозной перспективы в школьные и университетские учебники. Отношения Израиля с другими ближневосточными государствами также будут страдать, если их главные сторонники будут продолжать продвигать идею необходимости выстраивания Израиля как своеобразного демократического еврейско-христианского ковчега свободы, призванного служить образцом для всего недемократического, нееврейского и нехристианского, особенно в контексте желания ближневосточных государств сохранить национальную и религиозную идентичность.

Хэйджи с его антисемитскими и христианско-сионистскими взглядами — крупный лидер американского евангелистского движе-

ния, обладающий значительным политическим влиянием. Он привлекает значимых политиков для достижения вполне определенных целей — стимулирования десекуляризации Израиля, продвижения неоконсервативных и палеоконсервативных политических ценностей в Израиле и США — даже ценой реальных страданий и ухудшения качества жизни евреев и израильтян по всему миру. Израиль для него лишь средство приближения Судного Дня и наступления Царства Господнего на земле. Присутствие евреев в Израиле к этому моменту для Дж. Хэйджи и его сторонников приоритетом не является.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- About Us. *Christians United for Israel*. 2023. URL: <https://cufi.org/about/about-us/> (accessed 14.12.2023).
- About Us. *Daughters for Zion*. 2023. URL: <http://daughtersforzion.org/about-us/> (accessed 10.08.2023).
- August 4, 2023, ICFM Conference. *Christians United for Israel*. 2023. URL: <https://cufi.org/issue/august-4-icfm-conference-columbia-mo/> (accessed 14.12.2023).
- Blumental M. AIPAC Cheers an Anti-Semitic Holocaust Revisionist (and Abe Foxman Approves). *Huffington Post*. 2007. URL: https://www.huffpost.com/entry/aipac-cheers-an-antisemit_b_43377 (accessed 14.12.2023).
- Blumental M. Pastor Hagee: The Antichrist Is Gay, “Partially Jewish, As Was Adolph Hitler” (Paging Joe Lieberman!). *Huffington Post*. 2008. URL: https://www.huffpost.com/entry/pastor-hagee-the-antichri_b_104608 (accessed 14.12.2023).
- Bump Ph. Half of Evangelicals Support Israel Because They Believe It Is Important for Fulfilling End Times Prophecy. *The Washington Post*. 2018. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/politics/wp/2018/05/14/half-of-evangelicals-support-israel-because-they-believe-it-is-important-for-fulfilling-end-times-prophecy/>. (accessed 14.12.2023).
- Caleb E. Donald Trump’s Fissure with Evangelicals Opens the Door for Mike Pence. *Vanity Fair*. 2023. URL: <https://www.vanityfair.com/news/2023/01/donald-trumps-evangelicals-mike-pence-2024> (accessed 14.12.2023).
- Christian Persecution. *Christians United for Israel*. URL: <https://cufi.org/issues-category/christian-persecution/> (accessed 14.12.2023).
- Christians United for Israel (CUFI)*. 2023. URL: <https://cufi.org> (accessed 14.12.2023).
- CUFI on Campus. *Christians United for Israel*. 2023. URL: <https://www.cufioncampus.org/about>. (accessed 14.12.2023).
- Detailed Tables on the Evangelical Electorate. *Pew Research Center*. 2016. URL: https://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/12/2016/03/FT_16.03.14.EvangelicalVote2.pdf (accessed 14.12.2023).
- Fam M., Schor E., Crary D. What Trump-Supporting Pastors Preached After the Capitol Attack. *Christianity Today*. 2021. URL: <https://www.christianitytoday.com/news/2021/january/trump-support-pastor-preach-sunday-capitol-violence-attack.html> (accessed 14.12.2023).
- Hagee J. Abundant Life with Pastor John Hagee. Who Owns the Land of Israel? *Youtube*. 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8yADZpi7M5Q>. (accessed 14.12.2023).
- Herf J. The Lost History of Democratic Support for Israel. *The American Interest*. 2019. URL: <https://www.the-american-interest.com/2019/03/15/the-lost-history-of-democratic-support-for-israel/> (accessed 14.12.2023).
- Hummel D. What You Need to Know about Mike Pence’s Speech to Christians United for Israel. *The Washington Post*. 2017. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/made-by-history/wp/2017/07/17/what-you-need-to-know-about-mike-pences-speech-to-christians-united-for-israel/> (accessed 14.12.2023).
- Husser J. Why Trump Is Reliant on White Evangelicals. *Brookings*. 2020. URL: <https://www.brookings.edu/articles/why-trump-is-reliant-on-white-evangelicals/> (accessed 14.12.2023).
- July 1, 2023, Pastors Meeting. *Christians United for Israel*. 2023. URL: <https://cufi.org/issue/july-1-pastors-meeting-bowling-green-ky> (accessed 14.12.2023).
- July 2, 2023, Israel is at War. *Christians United for Israel*. 2023. URL: <https://cufi.org/issue/july-2-israel-is-cantonment-fl/> (accessed 10.08.2023).

July 8, 2023, Pastors Meeting. *Christians United for Israel*. 2023. URL: <https://cufi.org/issue/july-8-pastors-meeting-lancaster-pa/> (accessed 14.12.2023).

Khaldoun S. The Anti-Semitic Gaze and the Making of the New Jew. *Clash of Modernities: The Making and Unmaking of the New Jew, Turk, and Arab and the Islamist Challenge*. New York: Routledge, 2015. Pp. 49–92 (accessed 14.12.2023).

McGreal Ch. Evangelical Christians Flock to Republicans over Support for Israel. *The Guardian*. 2023. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/mar/06/evangelical-christians-republicans-2024-israel-palestinians> (accessed 14.12.2023).

Mission. *Christians United for Israel*. 2023. URL: <https://cufi.org/about/mission/> (accessed 14.12.2023).

Nortey J. Most White Americans who regularly attend worship services voted for Trump in 2020. *Pew Research Center*. 2021. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2021/08/30/most-white-americans-who-regularly-attend-worship-services-voted-for-trump-in-2020/> (accessed 14.12.2023).

Our Pastors. *Living Word Christian Center (LWCC)*. 2023. URL: <https://www.lwcc.org/ministries/ourpastors/> (accessed 14.12.2023).

Rasgon A., Najib M. Israel Cracks Down on Banks Over Payments to Palestinian Inmates. *The New York Times*. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/09/world/middleeast/israel-palestinian-inmates-banks.html> (accessed 14.12.2023).

Saad L. Democrats' Sympathies in Middle East Shift to Palestinians. *Gallup*. 2023. URL: <https://news.gallup.com/poll/472070/democrats-sympathies-middle-east-shift-palestinians.aspx> (accessed 14.12.2023).

Silver L.; Fagan M. American Views on Israel. *Pew Research Center*. 2022. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2022/07/11/american-views-of-israel/> (accessed 10.08.2023).

Stay Informed. *Israel Collective*. 2023. URL: <http://www.israelcollective.org/#stayinformed> (accessed 10.08.2023).

Sharon J. Foreign Ministry Honors Rabbi for Jewish-Christian Interfaith Work. *The Jerusalem Post*. 2018. URL: <https://www.jpost.com/Israel-News/Foreign-Ministry-honors-rabbi-for-Jewish-Christian-interfaith-work-571614> (accessed 14.12.2023).

Stein S. McCain Backer Hagee Said Hitler Was Fulfilling God's Will (AUDIO). *Huffington Post*. 2008. URL: https://www.huffpost.com/entry/mccain-backer-hagee-said_n_102892 (accessed 14.12.2023).

Stern G., Stefnar S. John Hagee to Cut Im Tirtzu Funding. *The Jerusalem Post*. 2010. URL: <https://www.jpost.com/Jewish-World/Jewish-News/John-Hagee-to-cut-Im-Tirtzu-funding> (accessed 14.12.2023).

Testimonials. *Christians United for Israel*. 2023. URL: <https://cufi.org/about/about-us/testimonials/> (accessed 14.12.2023).

Tevlin J. Dealing with Less Prosperity, Mac Hammond's Church Cuts Back. *Star Tribune*. 2008. URL: <https://www.startribune.com/dealing-with-less-prosperity-mac-hammond-s-church-cuts-back/15724587/> (accessed 14.12.2023).

Taylor Force Act. 22 U.S. Code § 2346 – Authority. *Cornell Law School* [б.р.]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/2346> (accessed 14.12.2023).

Wilson B. Nationally Prominent Mega-Pastor Hagee Claims Hitler Was a “Half-Breed Jew”. *Huffington Post*. 2009. URL: https://www.huffpost.com/entry/nationally-prominent-evan_b_249279 (accessed 14.12.2023).

75-ЛЕТИЕ ИЗРАИЛЯ В ЗЕРКАЛЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ

ISRAEL'S 75th ANNIVERSARY IN THE MIRROR OF FOREIGN POLICY: AN APPROACH TO PERIODIZATION

© 2023 **Елизавета Александровна Якимова**

кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела
Израиля и еврейских общин Института Востоковедения РАН,
Москва, Россия
yaki-elizaveta@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7609-2261

Elizaveta A. Yakimova

PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation
yaki-elizaveta@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7609-2261

В статье рассматриваются особенности периодизации внешней политики Израиля с момента провозглашения государства в мае 1948 г. до начала 2023 г., когда к власти вернулся председатель партии «Ликуд» Биньямин Нетаньяху. Автор анализирует существующие подходы к выделению этапов в истории взаимоотношений Израиля с другими государствами, а также изучает степень взаимной зависимости между внутренней и внешней политикой израильского руководства в течение 75 лет. Исследование опирается главным образом на концепцию профессора мировой политики Лондонского городского университета Амнона Арана, основанную не на хронологическом, а на проблемном принципе. К моменту окончания работы над своей периодизацией 2013 г. Аран обозначает три этапа внешней политики Израиля: этатистский, этно-национальный и глобалистский. Переломными моментами, завершающими два первых периода, он считает 1973 и 1985 г. Обособление третьего этапа обусловлено прежде всего особенностями израильского экономического развития, оказавшего воздействие на решения, принимаемые в отношении

ближневосточного мирного процесса, и на нарастание интереса государства к расширению присутствия в Азии. В статье рассматривается эволюция понимания израильским руководством термина «мамлахтиют» (государственность), специфика «доместикации» внешней политики Израиля в сравнении с опытом европейских и ближневосточных государств и влияние НПО на использование военной силы как инструмента внешней политики. В завершении предлагается авторская трактовка современного этапа, отличающегося высокой степенью персонификации. Констатируется повышение значимости установления премьер-министрами Израиля последних лет дружественных личных контактов с зарубежными лидерами, что было обусловлено задачей укрепления популярности среди электората на фоне серии досрочных выборов в Кнессет.

Ключевые слова: Израиль, внешняя политика, периодизация, персонификация

Для цитирования: Якимова Е. А. 75-летие Израиля в зеркале внешней политики: опыт периодизации. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 72–79. DOI: 10.18254/S268684310029246-8

The paper focuses on specifics of Israel's foreign policy periodization since the foundation of the state in May 1948 till the beginning of 2023, characterized by the return to power of Benjamin Netanyahu — the chairman of the Likud party. The author analyzes existing approaches to identifying stages in the history of Israel's relations with foreign countries, and also studies the degree of mutual dependence between the domestic and foreign policies of the Israeli leadership in 75 years. The research is based on the concept, suggested by the professor of international politics at the City University of London Amnon Aran, based not on the chronological, but on the problematic principle of periodization. By 2013, when this specialist completed his analysis, he identified three stages of Israeli foreign policy: Etatist, ethno-national and globalist. The turning points for the first two stages were 1973 and 1985. The nomination of the third stage is driven mostly by the peculiarities of Israeli economic development, which influenced decisions regarding the Middle East peace process and the growing interest of the state in expanding its presence in Asia. The paper also examines the evolution of the Israeli leadership's understanding of the term “mamlakhtiyut” (statehood), the specifics of the “domestication” of Israeli foreign policy in comparison with the experiences of European and Middle Eastern states, as well as the influence of NGOs on the use of military force as a foreign policy instrument. Finally, author's interpretation of the current period is proposed. It is marked by a high degree of personification of foreign policy. The increased importance of the establishment of friendly personal contacts with foreign leaders by Israeli prime ministers in recent years was caused by the task of strengthening popularity among the electorate in the context of a series of early elections to the Knesset. In addition, the formulation of the country's course in the international arena was significantly influenced by the ministers of foreign affairs, their previous experience and views on the distribution of powers of the Ministry of Foreign Affairs with related departments.

Keywords: Israel, Foreign Policy, periodization, personification

For citation: Yakimova Elizaveta A. Israel's 75th Anniversary in the Mirror of Foreign Policy: An Approach to Periodization. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. С. 72–79. DOI: 10.18254/S268684310029246-8

Государство Израиль, провозглашенное 14 мая 1948 г., относительно молодо по меркам международных отношений. Вместе с тем его история, в том числе внешнеполитическая, крайне насыщена разного рода событиями. Рам-

ки сравнительно небольшого исследования не позволяют подробно остановиться на каждом из них в отдельности, в связи с чем предлагается взглянуть на ситуацию более комплексно, опираясь на подходы к изучению внешней по-

литики ближневосточного государства и опыт ее периодизации.

Нередко, в том числе в исследовательском сообществе, встречается отсылка к высказыванию бывшего Госсекретаря США Генри Киссинджера, считавшего, что у **Израиля нет внешней политики, а есть только продолжение внутренней** [Shlaim, 1995, p. 20]. Мнение об определенной «несамостоятельности» такой сферы, как выстраивание отношений с другими государствами, существование ее в некоей зависимости от обстановки внутри страны и ее геополитического положения, привело к появлению двух традиционных подходов к исследованию вопроса: 1. регионального, под которым понимается изучение внешней политики Израиля через призму его соседства в рамках региона и вытекающих из этого задач обеспечения безопасности страны [Aran, 2013], и 2. внутривосточного, подразумевающего под собой ее «доместикацию» [Aran, 2013]. При этом речь идет не о европейском понимании данного феномена, при котором характерна попытка выстраивать контакты с внешним миром как с собственным обществом и его институтами с соответствующей этому более высокой ответственностью за происходящее за пределами национальных границ [Nicolaidis 2004, p. 102], а о том, что внешняя политика попадает в зависимость от внутривосточных факторов (подобный подход распространен в других странах Ближнего Востока, к примеру в Турции [Шлыков, 2021]).

Заметная активность Израиля и его представителей на международной арене, уходящая корнями еще в связи, формировавшиеся в догосударственный период существования еврейского национального очага в Палестине — *ишув*, дает возможность разделить внешнеполитическую историю страны на ряд последовательных этапов для систематизации ее изучения. Ставя подобную задачу, специалисты, как правило, выбирают временные интервалы, совпадающие с каденцией того или иного политика или правительства. При этом попыток

периодизации израильской внешней политики по проблемному принципу за 75 лет существования государства обнаруживается крайне мало. Автором одной из таких концепций стал профессор международной политики Лондонского городского университета, доктор Амнон Аран, специализирующийся на Ближневосточном регионе. В его трактовке основанием для обозначения внешнеполитических этапов послужили кризисы в политической жизни в целом, независимо от того, к какой именно сфере они относились [Aran, 2013].

Свою периодизацию А. Аран завершил в 2013 г., предположив, что к тому моменту Израилем были пройдены три неравные по продолжительности этапа: 1) государственный, или этатистский; 2) этно-национальный и 3) глобалистский [Aran, 2013].

Первый из этапов Арана начинается с даты провозглашения государства и завершается в 1973 г., хотя его эрозия, по мнению автора, начинает наблюдаться после Шестидневной войны [Aran, 2013]. Базовыми особенностями периода называются монополия правительства на формулирование и реализацию целей внешней политики без серьезного вмешательства НПО или СМИ, а также относительно свободное обращение к военной силе как инструменту внешней политики [Aran, 2013]. Своим названием период обязан понятию *мамлахтиют*, которым активно пользовался Д. Бен-Гурион. Как полагает израильский исследователь Нир Кедар из Бар-Иланского университета, термин, в буквальном переводе на русский язык означающий «государственность», имел для первого премьер-министра дополнительные значения. С его помощью политик проводил различия между еврейским народом и гражданами Израиля, подчеркивая особенности самосознания последних, а также акцентировал значимость укрепления нормативных и институциональных основ государства [Kedar, 2002].

Важность первого периода заключается еще и в том, что именно тогда были сформулированы концептуальные основы внешней политики, не

теряющие актуальности по сей день. Здесь речь идет прежде всего о теории кругов или колец при построении союзнических отношений, в которой отражено как ранжирование приоритетов, так и их географические векторы. Первый круг включает отношения с арабскими странами Ближнего Востока и Северной Африки, установление которых Бен-Гурион возводил в ранг высшей ценности. Во второй круг входят неарабские государства, опоясывающие ближайших соседей Израиля. К ним на тот момент принадлежали Иран, Турция, Эфиопия и европейские страны Средиземноморья. Наконец, третий пояс — глобальный [Корнилов 2019, с. 25–26].

В дополнение к изложенному упомянем стремление первого главы израильского правительства при поддержке министра иностранных дел Г. Меир найти возможность сохранить равноудаленность от ключевых сторон противостояния в Холодной войне. С этой целью указанные государственные деятели искали контактов с нейтральными странами Северной Европы, надеясь заимствовать их опыт [Cohen, 2007]. Помимо этого, несмотря на важность для Израиля, особенно на начальном этапе, массовой репатриации, необходимой в том числе для заселения стратегически важных районов страны [Корнилов 2019, с. 24], Бен-Гурион рассматривал использование еврейской диаспоры как института общественной дипломатии, что несколько не вписывается в этатистский подход Арана.

Свидетельства перехода ко второму этапу стали проявляться в 1967 г., после того как Израиль распространил свой суверенитет на весь Иерусалим [Aran, 2013], что возымело огромное значение не только для государства, отстаивающего столичный статус города, но и для еврейского народа, который увидел в происшедшем возвращение к истокам с вытекающим из этого пониманием Израиля не только как национального дома, но также как идеологического и духовного центра. Сегодня подобное восприятие является ключевым элементом одной из концепций от-

ношений Израиля и еврейской диаспоры [Якимова, 2018].

Окончательно этно-национальный этап пришел на смену этатистскому в 1973 г. на фоне критики правительства после Войны Судного дня. Тогда же, как полагает Аран, активнее вмешиваться во внешнеполитические дела правительства начали израильские НПО, среди которых возникшая в 1978 г. «Шалом Ахшав» [Aran, 2013]. Стоит сказать, что первые еврейские неправительственные организации появились еще в ишуве, однако они не ставили перед собой политических целей. Таковыми были, к примеру созданные в 1920 г. Mo'etzet Ha'poalot и WIZO [Yishai, 2021]. В 1980–1990 гг. возникли пропалестинские НКО, ориентированные на правовую поддержку и правозащитную деятельность. «Шалом Ахшав» на их фоне имеет особое значение, поскольку она появилась в ответ на знаковое внешнеполитическое событие — визит президента Египта А. Садата в Израиль, а затем сыграла заметную роль в период Ливанской войны 1982 г., в том числе выступая с призывом расследования ее обстоятельств.

Стоит сказать, что на втором этапе с подачи М. Бегина трансформировалась и концепция *мамлахтиют*. Шестой премьер-министр Израиля полагал, что основу государственности составляют принципиальные национальные интересы страны, в то время как менее значимыми можно пожертвовать для достижения общего блага [Romirovsky, 2019]. Такие изменения нашли проявление в условиях мирного договора с Египтом, включавшего территориальные уступки с израильской стороны. Наконец, в тот же период начинает отчетливо набирать силу построение особых отношений с США, свидетельством чему можно считать Меморандум о взаимопонимании по стратегическому сотрудничеству, достигнутый в ноябре 1981 г. [Aran, 2013].

Третий этап, глобалистский, Аран считает следствием кризисной экономической ситуации в стране, потребовавшей принятия в 1985 г. Плана экономической стабилизации Израиля

[Aran, 2013]. Последний сделал государство более ориентированным на внешнеэкономическую деятельность и привлечение иностранных инвестиций, что получило продолжение и во внешней политике. Так, на третьем внешнеполитическом этапе, начало которого датируется серединой 1980-х гг., были установлены дипломатические отношения с двумя крупнейшими государствами Азии — Китаем и Индией, а 11 премьер-министр Израиля А. Шарон в качестве одной из площадок для представления инициативы одностороннего размежевания с Газой выбрал экономическую конференцию в Кесарии, доказывая перспективность своего предложения с точки зрения интересов предпринимательского сообщества [Aran, 2013]. В дальнейшем израильские бизнесмены, прежде всего из инновационной индустрии, получили определенное влияние на внешнюю политику, что проявилось позднее в ходе обсуждения судебной реформы коалиции Б. Нетаньяху. Многие представители предпринимательского сообщества раскритиковали предложения по преобразованию системы юстиции в сопутствующем ущербе для экономического роста.

Продолжающееся активное вмешательство общественности, НКО и СМИ во внешнеполитические дела, а также окончание Холодной войны создали условия для развития мирного процесса. Именно к глобалистскому периоду относятся Мадридская конференция (1991) и процесс Осло (1993–1995).

Как видно из анализа, предложенного Араном, ключевым фактором смены этапов является политический кризис, признаки которого обнаруживаются в 1973 и 1985 г. Как следствие, есть основания полагать, что трудности во внутриполитической жизни страны, приведшие к пяти подряд досрочным избирательным кампаниям в 2019–2022 гг. и не завершившиеся после формирования Нетаньяху 37-го правительства, также служат водоразделом в том числе и во внешней политике. Более того, существует версия, что, ввиду сложности указанных процессов внутри

страны, сам новый этап ее существования можно назвать кризисным.

Последнее утверждение кажется недостаточно справедливым по нескольким причинам. С одной стороны, несмотря на сконцентрированность ведущих израильских политических сил на электоральной борьбе, МИД в целом удавалось обеспечивать преемственность курса на ключевых направлениях. С другой стороны, проблемы самой израильской дипломатии, приводящие в том числе к забастовкам среди сотрудников внешнеполитического ведомства, не имеют прямого отношения к текущим разногласиям, имея более глубинные причины, уходящие корнями в проблему распределения бюджетных ассигнований на гражданские и военные нужды.

В связи с этим можно предположить, что новый этап израильской внешней политики начался в 2009 г., после того как Нетаньяху создал второй кабинет министров в своей карьере. На тот момент в политической жизни страны уже обозначились кризисные явления, послужившие в итоге основанием для последующего тупика. В 2008 г., сменив на посту председателя «Кадимы» Э. Ольмерта, Ц. Ливни предприняла неудачную попытку сохранить прежнюю коалицию. При этом одним из факторов, предопределивших этот провал, оказались разногласия по вопросам мирного процесса с потенциальным партнером — ШАС.

На выборах в Кнессет 18 созыва 10 февраля 2009 г. «Ликуд» во главе с Нетаньяху занял второе место, но успешно справился с формированием правительства, в том числе в силу раздачи большого количества влиятельных должностей. Особенно примечательно в последнем то, что, помимо традиционного для таких случаев назначения министров без портфелей, был учрежден и ряд новых постов, среди которых министр разведки, министр информации и диаспоры, частично дублирующие некоторые функции, являющиеся прерогативой МИД. Наконец, именно тогда обычной практикой стали забастовки израильских дипломатов, в кото-

рых видели проявление недовольства не только уровнем оплаты труда, но и новым руководителем в лице лидера партии «Наш дом Израиль» А. Либермана [Якимова, 2013].

Отличительной особенностью текущего, четвертого по счету этапа можно назвать высокий уровень персонификации, пришедший во внешнюю политику из внутренней. С начала 2000-х гг. получило популярность добавление к названиям политических партий на выборах имен председателей, претендующих на ключевую пост. Например, «Ликуд во главе с кандидатом на пост премьер-министра Биньямином Нетаньяху» или «НДИ под руководством Авигодора Либермана».

В дальнейшем к этому добавилась сосредоточенность блоков политических оппонентов «Ликуд», будь то «Сионистский лагерь» или «Кахоль-Лаван», на борьбе прежде всего с председателем конкурирующей партии. Таким образом, с Нетаньяху стало олицетворяться отступление от демократических принципов, что является, в свою очередь, примером «централизованной персонификации» [Lavi et al., 2022].

Во внешней политике персонификация нашла выражение в нескольких тенденциях. Во-первых, помимо развития двусторонних отношений повышенное внимание стало уделяться личным контактам с главами государств и правительств. Так, Нетаньяху подчеркивал дружественные отношения с президентом России В. В. Путиным, премьер-министрами Индии и Венгрии Н. Моди и В. Орбаном, экс-канцлером Австрии С. Курцем. В дальнейшем эту практику продолжил Я. Лапид, стараясь установить диалог с главой Франции Э. Макроном.

Во-вторых, внешняя политика страны оказалась под определенным влиянием личности министра иностранных дел и того, насколько его полномочия отделены от других. При этом необходимо учитывать, что вопрос внешнеполитических функций ведомств недостаточно точно очерчен в фактической конституции Израиля [Basic Law, 2001], а потому имеется возможность их перераспределения, а также воз-

ложения части из них на президента. Этим законодательство ближневосточного государства заметно отличается от, к примеру, российского, где перечисляются полномочия исполнительной власти в различных областях, включая внешнюю политику [4-ФКЗ, 2020].

Израильская специфика привела к тому, что случаи совмещения поста премьер-министра и главы МИД на фоне внутривластной нестабильности существенно замедлили динамику контактов даже с ключевыми партнерами. В частности, визит Нетаньяху в Индию откладывался на протяжении нескольких лет, поскольку считалось, что посещение Нью-Дели не приведет к получению дополнительной поддержки электората.

На этапах, характеризовавшихся четким разделением полномочий министра иностранных дел и главы правительства, заметно привнесение первым собственных акцентов в позиционирование Израиля на международной арене. Нередко эти акценты становились следствием предыдущего опыта того или иного политика, а также его положения в неформальной иерархии. Так, А. Либерман, будучи министром иностранных дел в правительстве Нетаньяху, сделал ставку на наращивание сотрудничества с государствами бывшего СССР. При этом обращение к региону было продиктовано, с одной стороны, тем, что, будучи уроженцем Молдовы, он сам был хорошо знаком с этим регионом. С другой стороны, полномочия по поддержанию отношений с ключевыми партнерами в США или Европе Нетаньяху предпочитал оставлять за собой. Г. Ашкенази, пришедший в МИД после продолжительной службы в ЦАХАЛ, фокусировался на необходимости добиться запрещения «Хизбаллы» в Европе. Не исключено, что важность дипломатического сдерживания ливанской шиитской группировки оказалась следствием его предшествующей воинской службы, включая командование Северным военным округом. Эли Коэн, занявший пост министра иностранных дел Израиля в 2022 г., стал принимать участие в укреплении внешне-

экономических связей страны в тандеме с министром экономики Ниром Баркатом. При этом глава МИД получил экономическое образование и даже возглавлял профильное ведомство в 34 кабинете, которым также руководил Нетаньяху.

Подводя итог, следует отметить, что за 75 лет существования Израиль прошел большой путь от поиска международного признания до поддержания дипломатических отношений со 168 странами. Эти достижения, равно как и просчеты, препятствующие пока решению таких задач, как мирное урегулирование на Ближнем Востоке или установление контактов со всеми 193 членами ООН, стали следствием сочетания различных факторов. Среди них специфика системы государственного управления и распределения функций между министерствами, влияние внутривосточной и внутриэкономической ситуации на расстановку приоритетов в международных делах, геополитическое окружение и многое другое. Попытки концептуализации и систематизации израильской истории и осмысления ее современности, как показывает проведенный анализ, позволяют более точно определить преимущества и недостатки внешней политики страны, давая возможность повысить ее эффективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Корнилов А. А. Стратегические альянсы и региональные союзы во внешнеполитических идеях премьер-министров Израиля Давида Бен-Гуриона и Биньямина Нетаньяху. *Регион и мир*. 2019. № 1. С. 23–27 [Kornilov A. A. Strategic Alliances and Regional Alliances in Foreign Policy Ideas of Israeli Prime Ministers David Ben-Gurion and Benjamin Netanyahu. *Region and World*. 2019. No. 1. Pp. 23–27 (in Russian)].

Шлыков П. В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат. *Международная аналитика*. 2021. Т. 12 (2). С. 130–152 [Shlykov P. V. Turkey's Foreign Policy in the Post-Bipolar System of Coordinate.

International Analytics. 2021. Vol. 12. No. 2 (in Russian)].

Якимова Е. А. Трансформация израильской внешней политики в каденцию А. Либермана. *Научные труды по иудаике. Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике*, 2013. С. 253–265 [Iakimova E. A. Transformation of Israeli Foreign Policy during the Term of A. Lieberman. *Proceedings of the Twentieth Annual International Conference on Jewish Studies*, 2013. Pp. 253–265 (in Russian)].

Якимова Е. А. Современное восприятие сионизма: от соратника до врага. *Становление еврейской государственности в XX веке: ключевые события*. 2018. Т. 1. С. 61–70 [Iakimova E. A. Modern Perception of Zionism: From Ally to Enemy. *The Formation of Jewish Statehood in the 20th Century: Key Events*. 2018. Vol. 1. Pp. 61–70 (in Russian)].

Aran A. Israeli Foreign Policy in Historical Perspective: State, Ethnonationalism, Globalisation. *Israel's Clandestine Diplomacies*. Jones C., Petersen T. T. (Eds.). London/New York: Hurst/Oxford University Press, 2013. URL: <https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/26173/> (accessed 27.11.2023).

Basic Law: The Government. *The Knesset*. 2001. URL: <https://main.knesset.gov.il/EN/activity/documents/BasicLawsPDF/BasicLawTheGovernment.pdf> (accessed 30.11.2023).

Cohen M. J. From 'Cold' to 'Hot' War: Allied Strategic and Military Interests in the Middle East after the Second World War. *Middle Eastern Studies*. 2007. Vol. 43. No. 5. Pp. 725–748.

Kedar N. Ben-Gurion's Mamlakhtiyut: Etymological and Theoretical Roots. *Israel Studies*. 2002. Vol. 7. No. 3. Pp. 117–133.

Lavi L., Rivlin-Angert N., Treger C., Sheaffer T., Waismel-Manor I., Shamir M. King Bibi: The Personification of Democratic Values in the 2019–2021 Election Cycle. *The Elections in Israel, 2019–2021*. London: Routledge, 2022. Pp. 77–98.

Nicolaidis K. The Power of the Superpowerless. *Beyond Paradise and Power: Europe, America, and the Future of a Troubled Partnership*. 2004. Pp. 93–120.

Romirowsky A. Netanyahu and Gantz Need to Learn the Hebrew Word “Mamlachtiut”. *Begin-Sadat Center for Strategic Studies*. 29.10.2019. URL: <https://besacenter.org/netanyahu-gantz-mamlachtiut/#> (accessed 21.11.2023).

Shlaim A. Israeli Politics and Middle East Peacemaking. *Journal of Palestine Studies*. 1995. Vol. 24. No. 4. Pp. 20–31.

Yishai Y. Non-Governmental Organizations (NGOs) in Israel, 1948–2000. *Jewish Women’s Archive*. 23.06.2021. URL: <https://jwa.org/>

encyclopedia/article/non-governmental-organizations-ngos-in-israel-1948-2000 (accessed 27.11.2023).

Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». *Президент России* [Federal Constitutional Law from 06.11.2020 No. 4-FCL “On the Government of the Russian Federation”. *The President of Russia* (in Russian)]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46015> (accessed 30.11.2023).

ИЗРАИЛЬ И АЛЬЯНСЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ЦЕЛИ, ФОРМАТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ¹

ISRAEL AND ALLIANCES IN THE MIDDLE EAST: GOALS, FORMATS AND DIRECTIONS

© 2023 **Сергей Георгиевич Мелконян**

кандидат исторических наук, преподаватель Российско-Армянского Университета, научный сотрудник Института прикладных политических исследований (АПРИ) Ереван, Армения

sergei.g.melkonian@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8966-1088

Sergei G. Melkonian

PhD (History), Lecturer at the Russian-Armenian University, Research Fellow at the Applied Policy Research Institute (APRI) Yerevan, Armenia

sergei.g.melkonian@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8966-1088

В статье исследуется политика Израиля по выстраиванию альянсов на Ближнем Востоке. В центре внимания находятся основные подходы, которыми руководствовался Израиль при налаживании союзнических отношений. Вместе с тем представлены основные цели, которые претерпевали изменения по мере изменения региональной конъюнктуры и приоритетов Израиля в области обеспечения безопасности. Особое внимание уделяется форматам взаимодействия, которые также прошли процесс эволюции на протяжении 75 лет существования государства. Важное место в работе занимает роль стратегического союзника в лице США в контексте выстраивания

¹ Исследование проведено в рамках научной темы с шифром 22YR-5F043 при финансовой поддержке Комитета науки РА.

The research was conducted within the framework of the scientific theme with the code 22YR-5F043 with the financial support of the RA Committee of Science.

отношений с арабским миром. Выявлены основные индикаторы изменений в союзнических отношениях. В результате исследования представлены основные изменения в политике Израиля по выстраиванию альянсов в регионе. В заключении автор представляет основные слабые места в новой израильской стратегии.

Ключевые слова: Израиль, Ближний Восток, альянсы, Турция, Иран, ОАЭ

Для цитирования: Мелконян С. Г. Израиль и альянсы на Ближнем Востоке: цели, форматы и направления. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 80–86. DOI: 10.18254/S268684310029202-0

The author examines Israeli policy of building alliances in the Middle East. The paper focuses on the main approaches that guided Israel in establishing alliance relations. At the same time, the article presents the main objectives, which have changed with the changing regional configuration and Israel's security priorities. Particular attention is paid to the formats of interaction, which have also passed a process of evolution over the 75 years of the state's existence. An important place in the work is given to the role of a strategic ally, the United States, in the context of establishing relations with the Arab world. The main indicators of changes in allied relations have been identified. The study presents the main changes in Israel's policy of building alliances in the region. In conclusion, the author presents the main weaknesses in the new Israeli strategy.

Keywords: Israel, Middle East, alliances, Turkey, Iran, UAE

For citation: Melkonian Sergei G. Israel and Alliances in the Middle East: Goals, Formats and Directions. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 80–86. DOI: 10.18254/S268684310029202-0

Появившись на политической карте Ближнего Востока, Израиль столкнулся с экзистенциальной угрозой, исходящей от арабских государств региона. В связи с этим возникла острая потребность в обеспечении безопасности и преодолении изоляции. Именно эти две задачи были ключевыми в региональной политике Израиля на протяжении первых десятилетий с момента образования.

В начальный период Израиль реализовывал «периферийную стратегию», направленную на создание союзов как с региональными центрами силы, так и с этническими и религиозными меньшинствами Ближнего Востока. Под «периферией» понимались государства, не находившиеся в эпицентре арабо-израильского противостояния: данный условный блок включал, во-первых, неарабские и немусульманские государства региона — Турцию, Иран, Эфиопию и Судан, важных в силу указанных ниже причин. Ввиду этнического и религиозного компонента эти страны могли не полностью раз-

делять арабо-мусульманский (в данном случае суннитский) антиизраильский нарратив и в то же время граничили с арабскими государствами, находившимися в авангарде борьбы против Израиля. При этом арабские государства Марокко и Оман, являвшиеся периферийными с точки зрения географии конфликта, также оказались в центре внимания израильской региональной стратегии. Во-вторых, в орбиту периферийной стратегии, или «кругов сдерживания» арабо-мусульманского окружения входили этнические меньшинства региона: курды, арабы-христиане, друзы и др.

Израильский исследователь Й. Альфер выделил пять критериев, которыми руководствовался Израиль при выстраивании альянсов в регионе [Alpher, 2015, p. 28]. Первый — контроль над территорией: иракские и сирийские курды, сирийские и ливанские друзы, ливанские марониты, южные суданцы, все они осуществляли полный или частичный военный контроль над территорией своего проживания. Второй —

возможность доступа к потенциальным союзникам: до маронитов можно было добраться по морю, до курдов — через Иран и Турцию (до сирийских друзей добраться было невозможно, не вступив в территориальную войну с Сирией, поэтому ряд планов по установлению связи с ними так и не был реализован). Третий — готовность к борьбе с общим врагом: здесь также выделяются курды и марониты. Четвертый — удовлетворение стратегических потребностей Израиля: курды и южные суданцы могли предоставить разведанные о вражеских государствах (об Ираке и Судане, соответственно) и позволить заставить врасплох арабские военные подразделения, в противном случае способные воевать с Израилем. Пятый — стоимость: реализация доктрины периферии не требовала больших затрат, потому что израильские поставки оружия осуществлялись в основном за счет арабского оружия, захваченного в ходе израильских войн.

По итогу более 20 лет реализации можно зафиксировать следующие достижения израильской периферийной стратегии в рамках создания альянсов на Ближнем Востоке. Во-первых, Израиль добился частичного признания и принятия своего существования на политической карте Ближнего Востока. Естественно, некоторые форматы сотрудничества продолжали носить скрытый характер, однако само наличие каналов коммуникации на уровне официальных лиц, реализация программы сотрудничества подтверждают принятие Израиля и его руководства.

Во-вторых, Израиль создал модель сотрудничества с мусульманскими странами Ближнего Востока. Израильскому руководству было необходимо продемонстрировать отсутствие религиозного контекста в арабо-израильском и палестино-израильском конфликте. Вместе с тем представлялось важным на практике показать открытость к сотрудничеству, что могло стать основой для дальнейшего диалога с арабскими государствами региона.

В-третьих, подобные тесные контакты позволили Израилю обойти изоляцию со стороны

враждебного окружения и преодолеть блокаду. Наиболее наглядным проявлением может быть достигнутое и реализованное соглашение с Ираном в середине 1950-х гг. по импорту нефти в Израиль. Благодаря данным поставкам Израиль удовлетворял подавляющее большинство своей потребности в нефти. Более того, энергетическое сотрудничество стало драйвером расширения экономического и военного сотрудничества между странами, которое также затрагивало стратегически важное направление. Примером является запуск в 1977 г. совместной ирано-израильской военной программы в рамках проекта «Цветок», направленной на разработку современных ракетных систем, ставший одним из шести контрактов по формуле «нефть в обмен на вооружение». Общая стоимость контрактов оценивалась в \$1,2 млрд Иран заплатил около \$300 млн наличными и еще \$250 млн нефтью и таким образом стал финансировать несколько израильских научно-исследовательских проектов [Kaye, Nader, Roshan, 2011, p. 13].

В-четвертых, Израилю удалось использовать установленные контакты в целях обеспечения национальной безопасности. Помимо обмена информации в трехстороннем формате Израиль — Турция — Иран в рамках разведывательного альянса «Корона» / «Трезубец», а также проведения контрразведывательных операций, имели место совместные мероприятия, проводившиеся на земле. Так, Иран и Израиль рассматривали Ирак как общую угрозу, что послужило еще одним основанием для сотрудничества. К 1960-м гг. Израиль поддерживал иракских курдов, боровшихся с центральным режимом; Иран также рассматривал иракских курдов как «ахиллесову пяту» иракского режима. Таким образом, Моссад и САВАК — израильская и иранская разведывательные организации — объединили усилия для оказания помощи курдам в борьбе с центральным правительством Ирака [Melman, Javedanfar, 2007, p. 79].

Учитывая, что сотрудничество между Израилем, с одной стороны, и Турцией и Ираном, с другой, не было формализовано, говорить о

сформированном союзе не приходится. Однако, учитывая, что сотрудничество между странами было направлено в том числе на сдерживание ряда арабских государств, некоторые черты альянса данные отношения в себе содержали. Данные отношения не носили характера союза по многим причинам. Ключевым, в случае Ирана, был отказ от официального признания Израиля. Индикаторами отсутствия подлинно союзнических отношений могут быть подходы данных государств на многосторонних площадках, где тесные отношения в области экономики и безопасности не были конвертированы в политическую поддержку. Ярким примером является поддержка Турцией и Ираном Резолюции 3379 Генеральной Ассамблеи ООН «Ликвидация всех форм расовой дискриминации», принятой на заседании Генассамблеи ООН 10 ноября 1975 г. и постановившей, что «сионизм является формой расизма и расовой дискриминации».

При анализе внешней политики Израиля представляется важным учитывать позицию и роль стратегического союзника в лице США. Вашингтон поддерживал курс своего союзника в отношении Турции и Ирана, равно как в и отношении таких стран, как Эфиопия. Имели место также израильско-американские обмены мнениями по вопросам сближения с ливанскими маронитами и иракскими курдами. Но в целом участие США было довольно ограниченным по сравнению с двумя крупнейшими партнерствами, которые установил Израиль. Поскольку Турция и Иран играли важную роль на Ближнем Востоке в условиях холодной войны, Израиль выстроил стратегию так, чтобы привлечь внимание США. В отношении других направлений, таких, как сотрудничество с ливанскими маронитами или иракскими курдами, политическая и военная элита Вашингтона была менее обеспокоена, хотя и наблюдала за происходящим [Samaan, 2017, p. 94].

Распад формального альянса произошел в связи со сменой внешнеполитических приоритетов Тегерана и Анкары, что было обусловлено внутренними изменениями: революция в Иране

1979 г. и приход к власти в Турции представителей политического ислама, партии «Справедливости и развития» в 2002 г. Исламская революция в Иране стала поворотной точкой в израильско-иранских отношениях, поскольку произошел диаметральный разворот от сотрудничества к конфронтации. Отношения между Израилем и Турцией продолжали сохраняться и развиваться, однако позже и они претерпели изменения. Во многом это было обусловлено пересмотром Турцией своей роли в регионе, в результате чего палестинский вопрос занял одно из важных мест в ближневосточной повестке Анкары. Позиционируя себя как одного из претендентов на лидерство не только в регионе, но и в исламском мире, Турция не могла сохранять прежний союзнический формат отношений с Израилем и обходить стороной вопрос оказания помощи Палестине. При этом диалог по вопросам безопасности между двумя странами продолжался, развивалось военно-техническое сотрудничество. Однако публично Анкара продолжала занимать пропалестинскую позицию. Первая Интифада, операция «Литой свинец» и инцидент с «Мави Мармара» привели к ослаблению стратегического партнерства между Израилем и Турцией.

Отчасти выход из сети альянсов с Ираном и Турцией Израиль смог компенсировать за счет подписания мирных соглашений с Египтом и Иорданией. Данные события, а также распад СССР и последующее ослабление позиций его союзников в регионе во многом сняли с повестки экзистенциальную угрозу со стороны арабских государств региона. Основной фокус Израиля с точки зрения источника угрозы сместился в сторону Ирана и его союзников.

Современная периферийная стратегия Израиля во многом выходит за рамки региона Ближнего Востока. Она отличается от предшествующей по числу и мотивации ее акторов, по целям, которые перед ней ставятся, и по способам их достижения и направлена на «третий и четвертый круг» государств — Центральную Азию, Кавказ, умеренные арабские государства

Ближнего Востока, Северной Африки и немусульманские страны Средиземноморья [Костенко, 2017, с. 103].

Одной из главных целей является создание кругов сдерживания вокруг Ирана, поскольку ключевой угрозой безопасности Израиля, с точки зрения израильских исследователей [Наyman, Yavne, Kurz, 2023], являются ядерная и ракетная программа Тегерана, расширение сети его прокси на территории Ливана (в лице «Хезболлы») и Сирии, а также растущее влияние на территории Палестины, в частности, в секторе Газа.

По перечисленным причинам Израиль проявляет большую активность в направлении Центральной Азии, представляющей особый интерес ввиду того, что этот регион представлен мусульманскими государствами, тесное сотрудничество с которыми позволяет сдерживать попытки по маргинализации Израиля в исламском мире. Более того, учитывая глобальный тренд на смещение экономического центра силы в сторону Азии, данный вектор становится более оправданным. Одним из главных достижений в этом направлении стало открытие в 2023 г. посольства Израиля в Туркменистане, граничащем с Ираном по Каспийскому морю. Ключевым звеном в данной цепи стало достижение стратегического характера отношений с Азербайджаном, имеющим протяженную границу с Ираном. В приграничных районах израильские компании реализуют инвестиционные программы, осуществляют подготовку специалистов в области кибербезопасности, развивают сотрудничество в сфере космоса и т. д. Основой для развития отношений послужил ряд факторов. Во-первых, естественным мостом на пути сближения между Израилем и Азербайджаном стала Турция, являющаяся союзником Баку. Во-вторых, Азербайджан стал одним из главных поставщиков нефти в Израиль. И в-третьих, азербайджанский рынок был привлекателен с точки зрения сбыта вооружения и военной техники ввиду продолжающегося армяно-азербайджанского конфликта. Помимо этого

Азербайджан имеет важное значение в новой израильской стратегии альянсов ввиду того, что большинство его населения исповедует ислам шиитского толка, хотя политическая система страны и остается светской. Таким образом, Израиль демонстрирует успешную модель сотрудничества с государством не только исламского, но и шиитского мира. В этом смысле Израиль наглядно показывает, что в ирано-израильской конфронтации отсутствует религиозный компонент с его стороны.

Если регион Южного Кавказа и отчасти Центральная Азия могут рассматриваться в качестве периферии Ближнего Востока и укладываются в изучаемую в настоящей статье проблему по выстраиванию альянсов, то Средиземноморское и Африканское направление новой периферийной стратегии Израиля выходят за рамки обозначенной географии исследования. В связи с этим отношения с Грецией и Кипром, а также с государствами Восточной Африки представляют собой отдельную тему исследования.

Ключевое место в израильской региональной стратегии по выстраиванию союзов занимают монархии Персидского залива, или, как их называют израильские эксперты, «прагматичный суннитский лагерь» [Shalom, Kurz, 2022, p. 16]. Державшиеся в секрете контакты между Израилем и рядом монархий Залива существовали на протяжении многих лет. В этом смысле подписание Соглашений Авраама в 2020 г. во многом стало формализацией давно установленных контактов. Естественно, официальное оформление нормализации отношений между Израилем, с одной стороны, и ОАЭ (а позже с Марокко и Суданом), с другой стороны, открыло новое окно возможностей для сотрудничества в области экономики, технологий, инвестиций и т. д. Важную роль в процессе нормализации отношений между Израилем и ОАЭ сыграли США, которые не только предоставляли площадку, но и фактически стали одной из сторон соглашения.

Однако до нормализации отношений на повестке дня стоял вопрос создания так называемого «Ближневосточного НАТО», куда могли

войти арабские государства региона. Поддержка инициативы звучала в том числе от некоторых политических лидеров региона, в частности от короля Иордании Абдаллы II. Предложение во многом стало продолжением идеи создания Ближневосточного стратегического альянса (MESA), озвученной в 2017 г., — партнерства в сфере безопасности между странами Совета сотрудничества стран Персидского залива, включающего Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовскую Аравию и ОАЭ с добавлением Иордании и Египта. Инициатива впервые прозвучала в ходе визита президента США Д. Трампа в Саудовскую Аравию в 2017 г. Изначально MESA задумывался для создания потенциала стран Персидского залива по противодействию Ирану без вмешательства США, России или Китая. Однако в последнее время представители Госдепартамента пытаются изменить фокус несформированного блока чтобы он отражал более широкие стратегические цели. Заместитель помощника госсекретаря США по делам Персидского залива Тим Лендеркинг заявил, что альянс будет заниматься «Ираном, киберпроблемами, атаками на инфраструктуру и координацией управления конфликтами от Сирии до Йемена», а также борьбой с терроризмом [Farouk, 2019]. Учитывая наличие тайных контактов между Израилем и рядом арабских государств Залива, а также стратегический характер союзнических отношений с США, Израиль мог стать частью данной коалиции.

Предвосхищая возможную перспективу создания альянса на Ближнем Востоке, в 2022 г. Израиль объявил о том, что вместе с несколькими другими странами Ближнего Востока он формирует новую объединенную сеть ПВО под руководством США, известную как Ближневосточный альянс ПВО (MEAD). В том же году США собрали руководителей оборонных ведомств Саудовской Аравии, Катара, Египта, Иордании, Объединенных Арабских Эмиратов, Бахрейна и Израиля для обсуждения иранской воздушной угрозы. Вероятно, речь идет о подерживаемой США инициативе регионального

стратегического сотрудничества, направленной на противодействие иранским ракетам и беспилотникам, предполагающей обмен радарной информацией и интеграцию многоуровневых систем противоракетной обороны [Schenker, 2022]. Важно напомнить, что первые совместные морские учения с участием Израиля, США, ОАЭ и Бахрейна прошли уже в 2021 г.

Дополнительным форматом многостороннего регионального сотрудничества стал саммит в Негеве в 2022 г., объединивший глав внешнеполитических ведомств Израиля, США, ОАЭ, Египта, Марокко и Бахрейна. Планируется перевести данный формат кооперации на постоянную основу [Негевский форум... 2022]. Саммит нацелен на укрепление сотрудничества между странами в области экономики и дипломатии, однако будущее данного формата остается неопределенным ввиду отказа Марокко от проведения встречи в 2023 г. и событий октября 2023 г.

Расширение сотрудничества между Израилем и арабскими государствами региона стало возможным в силу, как минимум, двух причин. Во-первых, благодаря постепенной маргинализации палестинского вопроса в общем арабском дискурсе. Во-вторых, из-за появления новой угрозы, представленной Ираном и его союзниками. Таким образом, основная проблема, препятствующая сближению между арабским миром и Израилем, уходила на второй план, а вместо нее центральное место заняли общие опасения относительно растущего влияния Ирана.

Изложенная выше динамика позволяет заключить, что главным драйвером арабо-израильской нормализации стали США. Если в рамках первой стратегии Израиля по выстраиванию альянсов Вашингтон принимал опосредованное участие, то на современном этапе он стоит в авангарде сближения между своими региональными союзниками. Как и ранее, в основе выстраивания региональных альянсов вопрос обеспечения безопасности является приоритетным. В этом смысле сотрудничество между Израилем и араб-

ским миром как в экономической, так и в других сферах хотя и становится второстепенными, но все же обладает цементирующим свойство. Важной отличительной чертой, по сравнению с предыдущей стратегией, является подход Израиля к выстраиванию новых многосторонних форматов по вопросам безопасности, экономики и дипломатии.

Как было отмечено, предыдущий альянс распался в связи с внутренними трансформациями. Новые потенциальные альянсы также могут оказаться под угрозой существования в силу ряда причин. Во-первых, не исключена очередная трансформация в арабских государствах. Одним из примеров может служить революция 2011 г. в Египте, в результате которой вырос уровень антагонизма с Израилем. Однако после прихода к власти ас-Сиси ситуация изменилась. Во-вторых, иранская дипломатическая активность на Ближнем Востоке по нормализации отношений с арабским миром, реализуемая при поддержке Китая, может стать дополнительным препятствием в сближении между, например, Саудовской Аравией и Израилем, особенно по вопросу противостояния Ирану. Достижение компромиссов между Эр-Риядом и Тегераном по региональной повестке может снизить приоритет кооперации с Израилем, направленной против Ирана. В-третьих, эскалация на палестинском направлении может вернуть данную проблему на региональную повестку дня. Главным следствием этого станет приостановка сближения Израиля и арабского мира, особенно если Саудовская Аравия продолжит реализовывать свои проекты, направленные на укрепление позиций на Ближнем Востоке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Костенко Ю. И. «Новая периферийная стратегия» Израиля. *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 1(52). С. 101–118 [Kostenko Y. I.

“New Periphery Strategy” of Israel. *MGIMO Review of International Relations*. 2017. No. 1(52). Pp. 101–118 (in Russian)].

Негевский форум регионального сотрудничества станет постоянным. *Министерство иностранных дел Израиля*. 18.09.2022 [The Negev Regional Cooperation Forum Will Become Permanent. *Ministry of Foreign Affairs*. 18.09.2022 (in Russian)]. URL: <https://www.gov.il/ru/departments/news/negev-summit-becomes-permanent> (accessed 01.12.2023).

Alpher Y. *Periphery: Israel's Search for Middle East Allies*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2015. 227 p.

Farouk Y. The Middle East Strategic Alliance Has a Long Way to Go. *Carnegie Middle East Center*. 08.02.2019. URL: <https://carnegieendowment.org/2019/02/08/middle-east-strategic-alliance-has-long-way-to-go-pub-78317> (accessed 20.10.2020).

Hayman T., Yavne R., Kurz A. (Eds). *Strategic Analysis for Israel 2023*. Tel Aviv: The Institute for National Security Studies, 2023. 96 p.

Kaye D. D., Nader A., Roshan P. A Brief History of Israeli-Iranian Cooperation and Confrontation. *Israel and Iran: A Dangerous Rivalry*. CA: RAND Corporation, 2011. Pp. 9–18.

Melman Y., Javedanfar M. *The Nuclear Sphinx of Tebran*. New York: Carroll and Graf Publishers, 2007. 304 p.

Samaan J.-L. *Israel's Foreign Policy beyond the Arab World: Engaging the Periphery*. Routledge Studies in Middle Eastern Politics Series. London: Routledge, 2017. 172 p.

Schenker D. Regional Security Cooperation Partnerships in the Middle East. *The Washington Institute for Near East Policy*. 21.09.2022. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/regional-security-cooperation-partnerships-middle-east> (accessed 01.12.2023).

Shalom D., Kurz A. (Eds). *Strategic Assessment for Israel 2022*. Tel Aviv: The Institute for National Security Studies, 2022. 84 p.

СОВРЕМЕННЫЙ ИЗРАИЛЬ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЕВРЕЙСКОЙ ИММИГРАЦИИ

CONTEMPORARY ISRAEL: PECULIARITIES AND PROBLEMS OF JEWISH IMMIGRATION

© 2023 **Ирина Викторовна Масюкова**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН, Москва, Россия
i-masykova@yandex.ru
ORCID ID: 0000-002-9646-6336

Irina V. Masyukova

Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies RAS, Moscow, Russia
i-masykova@yandex.ru
ORCID ID: 0000-002-9646-6336

Статья посвящена особенностям еврейской иммиграции последнего периода — увеличению числа негалахических евреев в условиях интенсивности крайне правых и ортодоксальных тенденций в Израиле. Уделяется внимание трудностям решения проблем негалахических евреев (переход в иудаизм, вопрос о светском браке и т. д.). Раскрывается усиление конфронтации между светским и религиозным Израилем. Отдельное внимание уделяется требованиям крайне правых реформировать Закон о возвращении. Автор анализирует особенности иммиграционной политики правительства в связи с конфликтом на Украине и делает акцент на реакции израильского общества по отношению в новой «волне» еврейской иммиграции в 2022–2023 гг. В заключении делается вывод, что давление крайне правых и ультраортодоксальных кругов ведет к обострению внутривнутриполитической обстановки в стране и ограничению еврейской иммиграции.

Ключевые слова: Израиль, негалахические евреи, еврейская иммиграция, Закон о возвращении, ультраортодоксы, Украина

Для цитирования: Масюкова И. В. Современный Израиль: особенности и проблемы еврейской иммиграции. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 87–94. DOI: 10.18254/S268684310029255-8

The paper deals with the peculiarities of Jewish immigration of the latest period — the increase of Non-Halakha Jews under the conditions of intensity of extremely right-wing and ultraorthodox tendencies in Israel. The author analyses the problems of Non-Halakha Jews and difficulties of their solutions (conversion to Judaism, secular marriage). The growth of confrontation between secular and religious Israel is emphasized. Special attention is paid to the demands of ultraorthodoxes to reform the Law of Return (to ban the immigration of grandchildren etc.). The author notes the peculiarities of immigration policy of the government in connection with the Ukrainian conflict. The reaction of Israeli society with regard to new “wave” of Jewish immigration in 2022–2023 is emphasized. Finally, it is concluded that under the pressure of extremely right-wing and ultraorthodoxes, there the deterioration of the internal political situation in the country and the restriction of Jewish immigration is to be expected.

Keywords: Israel, Non-Halakha Jews, Jewish immigration, Law of Return, ultraorthodoxes, Ukraine

For citation: Masyukova Irina V. Contemporary Israel: Peculiarities and Problems of Jewish Immigration. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 87–94. DOI: 10.18254/S268684310029255-8

ВВЕДЕНИЕ

Одна из основных целей создания Государства Израиль, отметившего в 2023 г. свое 75-летие, заключалась в «собрании изгнанных» («кибуц галуיות») и рассеянных по всему миру евреев в единой стране. В Декларации Независимости (1948) подчеркивалось, что «Государство Израиль будет открыто для репатриации и объединения в нем... евреев; ...приложит все усилия к развитию страны на благо всех ее жителей, ...осуществит полное общественное и политическое равноправие своих граждан без различия религии, расы и пола» [Декларация Независимости Государства Израиль, 1948]. Идея «собрания евреев» получила дальнейшее развитие и практическое воплощение в одном из краеугольных законов страны — в Законе о возвращении (1950) и дополнениях (1970). За 75 лет еврейская иммиграция прошла большой и тернистый путь с характерными этапами и особенностями, преодолевая спады и подъемы, но всегда вовлекая огромные человеческие ресурсы, строя и обогащая страну. Неоценимый вклад во всестороннее развитие Израиля внесла русскоязычная иммиграция 1970-х и особенно 1990-х гг. из бывшего СССР — самая массовая за всю историю страны, создавшая своеобразный «русскоязычный Израиль» [Масюкова, 2022].

Современный Израиль, добившись значительных достижений и успехов во многих областях, сталкивается как с новыми глобальными вызовами современного мира, так и с новыми тенденциями развития израильского общества. В последний период происходит усиление крайне правых и ультраортодоксальных сил, противостояние между светским и религиозным Израилем. Для продолжающейся еврейской иммиграции характерно постоянное снижение галахических евреев, в связи с чем в резкой форме раздаются требования ультраортодоксов ограничить поток негалахических евреев (в основном с постсоветского пространства), реформировать Закон о возвращении (запретить иммиграцию третьего поколения) и сделать Израиль более «закрытой» страной.

НЕГАЛАХИЧЕСКИЙ ИЗРАИЛЬ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ — СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Массовая русскоязычная иммиграция в Израиль в конце 1980-х — начале 1990-х гг. привлекла внимание отечественных и зарубежных исследователей, посвятивших ряд публикаций изучению проблем негалахических евреев из бывшего СССР в израильском обществе [Кенигштейн, 2007, с. 218–250; Рывкина, 1996;

Масюкова, 2009, с.107-132]. Проблемам негалахических евреев была посвящена конференция «Репатрианты-неевреи в Израиле: какие проблемы?», проходившая в 2016 г. с участием израильских и российских специалистов в Израиле в рамках Восьмых Штерновских чтений.

Религия занимает особое место в Израиле, и законам Галахи (нормативной части иудаизма) должны соответствовать религиозная, семейная и гражданская жизнь евреев, а также определение еврея по Галахе: «...еврей тот, кто родился от матери-еврейки или перешел в еврейство и не принадлежит к другой религии» [*Закон о возвращении*, 1950].

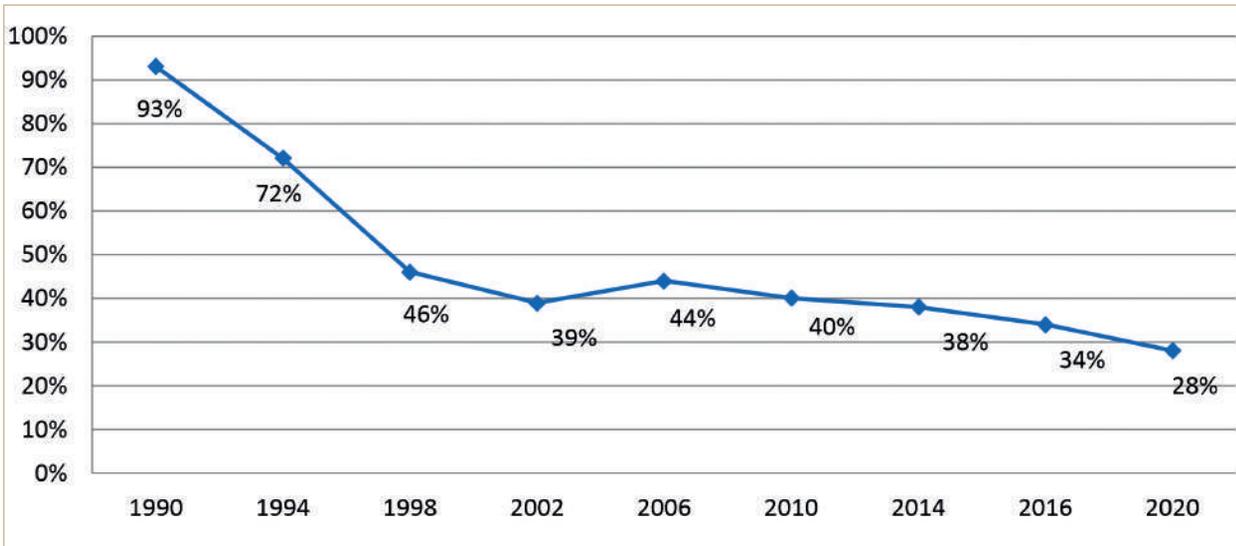
По данным отчета Информационно-исследовательского центра Кнессета, за тридцать лет — с 1990 до 2020 гг. — количество галахических евреев в составе иммиграции из стран СНГ неуклонно снижалось, сократившись с 93% (1990) до 28% (2020). (См. *Илл. 1*). Аналогичная тенденция уменьшения галахических евреев наблюдалась также среди иммигрантов из Франции — до 27% и США — до 30% [Жоган, 2019].

По данным МВД Израиля в 2012–2019 гг. наибольшее число негалахических евреев-

иммигрантов прибыло из Украины — 67%, из Белоруссии — 64% и из России — 61%.

Негалахические евреи прибывают в Израиль в составе смешанных семей в соответствии с Законом о возвращении (1950) и, получив израильское гражданство, становятся полноправными гражданами страны. Они вносят вклад в ее развитие: работают на благо страны, защищают ее рубежи, воспитывают детей как будущих граждан, платят налоги и т. д., но при этом, не являясь евреями по Галахе, официальные власти определяют их в категорию населения «другие». Численность этой категории постоянно увеличивается: если по данным ЦСБ (2015) негалахических евреев насчитывалось 359 тыс. человек, то в начале 2019 г. их численность возросла до 400 тыс. и по последним данным ЦСБ (2022) составляет 465 тысяч израильтян, не являющихся галахическими евреями и отнесенными властями в категорию «другие». В руководстве страны в связи с создавшейся ситуацией специальный консультативный комитет рекомендовал создать новую категорию «расширенного еврейского населения».

В современном Израиле негалахические израильтяне, чтобы не оказаться гражданами

Илл. 1. Галахические евреи в составе иммиграции из стран СНГ в 1990–2020 гг. (в %)

Fig. 1. Halakhi Jews as part of immigration from the CIS countries in 1990–2020

«второго сорта», вынуждены решать помимо обязательных проблем адаптации в новом обществе дополнительные вопросы, от которых во многом зависит их успешная интеграция, карьера, материальное благосостояние, благополучие их семей и многое другое.

Одной из таких проблем является вопрос о прохождении *гиюра* (перехода в иудаизм). Еще в связи с массовой русскоязычной иммиграцией в 1990-х гг. и необходимостью решения этой проблемы, правящие круги предприняли ряд встречных мер. Для ускорения и упрощения этого процесса в стране были созданы специализированные организации: Управление по проблемам *гиюра* (1995), Институт современного иудаизма (1998) с отделениями по всей стране, курсы Министерства абсорбции и специальная программа подготовки к прохождению *гиюра* в Армии обороны Израиля (АОИ).

На протяжении многих лет на всех уровнях израильского общества не затихают дискуссии по проблеме *гиюра*, острая полемика между светскими и ортодоксальными кругами периодически возникает среди депутатов кнессета, в СМИ и среди рядовых израильтян. Проблема *гиюра* непосредственно связана с решением важных жизненных вопросов: заключение брака, проблема захоронений, признании еврейства у детей и др.

Проблема прохождения ортодоксального *гиюра* (только он официально признается в Израиле) — длительный и сложный процесс приобщения к религиозному образу жизни, и очень небольшое количество гражданских лиц смогло преодолеть этот «барьер». Более успешно этот вопрос решался в АОИ, где совместно с Еврейским агентством для Израиля (ЕА Сохнут) была разработана система курсов прохождения *гиюра* — «Натив», на которую Министерство обороны в 2016 г. выделило 17 млн шекелей. Курс для военнослужащих, среди которых значительное количество негалахических евреев, был намного короче, чем на гражданской службе, и этот вопрос успешно решался при поддержке армейского раввината.

Любые попытки решения проблем *гиюра* вызвали резкую критику со стороны ультраортодоксов, считавших, что *гиюр* теряет религиозное значение и неевреи, приняв иудаизм, стремятся поселиться в Израиле из прагматических соображений, не становясь частью еврейского народа. Безуспешной оказалась попытка бывшего министра юстиции Моше Ниссима упростить проблему *гиюра* в 2018 г.: он представил проект и рекомендации по введению закона о переходе в иудаизм. С нападками и критикой выступили лидеры ультраортодоксов — А. Дери (партия «ШАС») и М. Гафни («Яддут-ха Тора») [Мошкова, 2018].

Попытки решения проблем негалахических евреев проходят на фоне усиления конфронтации между светскими и религиозными кругами страны. Приход к власти крайне правого и ультраортодоксального правительства Б. Нетаньяху еще больше осложнил положение негалахических евреев, создавая препятствия для поиска компромисса и диалога между противоборствующими сторонами.

Жизненно важными и нерешенными в течение многих лет проблем негалахических израильтян остаются вопросы семьи и брака. На протяжении всей истории Государства Израиль проблемы оформления семейно-брачных отношений, непосредственно затрагивающие каждого израильтянина, находятся под юрисдикцией раввинских судов (Закон о юрисдикции раввинских судов (браки и разводы) 1953 г.). Официально запрещены браки евреев с неевреями, возникают трудности при получении развода и заключении повторного брака. Негалахические евреи из смешанных семей вынуждены заключать брак за рубежом, что вызывает напряжение в израильском обществе: выдвигаются требования о компенсации расходов граждан, трудности возникли в период пандемии и т. д.

Многие годы ведется упорная, но безуспешная борьба за создание **института светского (гражданского) брака**. Неоднократные попытки проведения законопроекта в кнессете потерпели неудачу (2004, 2006 гг.). В последующие годы

в связи с усилением правых и ультрарелигиозных сил проект провалился и при голосовании: 44 «против», 22 — «за» (2020). Законопроект о гражданских браках был представлен партией «Наш дом Израиль» (НДИ), против голосовали депутаты Ликуда, Кахоль-Лаван, партий «Ямина» и «Объединенный арабский список». Анализируя итоги голосования, представитель НДИ Ю. Малиновская подчеркнула: «правящая коалиция забыла, что такое демократия и либерализм ... снова дав понять десяткам тысяч израильтян, которые служат в армии, регулярно ходят на резервистские сборы, работают и платят налоги, что они являются гражданами второго сорта и им не положены все права, которыми пользуется большинство» [ЗАГСов не будет...]. Более 70% населения страны, как еврейского, так и арабского происхождения, по данным организации *Hiddush*, выступает за светские браки. Поездки за рубеж, еженедельные свадебные круизы на Кипр, в страны СНГ и т. д. только частично решают проблемы светских (гражданских) браков, но в целом положение негалахических евреев в этом вопросе остается без изменений. В результате многие, не только негалахические, но и галахические пары не хотят связываться с раввином, подвергаться проверкам на еврейство и предпочитают регистрировать брак за границей либо вообще обходиться без регистрации. По официальным данным из девяти тысяч пар, ежегодно выезжающих за границу, лишь около двух тысяч вынуждены выезжать для заключения брака, остальные принципиально не хотят регистрировать свой брак через раввина [Будут ли в Израиле... 2021].

По данным различных социологических исследований и опросов израильтян для решения давно назревших проблем необходимо отделение религии от государства, сокращение монополии Главного раввина в вопросах семейно-брачных отношений, упрощение процедуры *гиюра*, а также стремление правящих кругов идти на компромисс, невзирая на давление ультраортодоксов.

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Б. НЕТАНЬЯХУ (2022–2023)

Длительный правительственный кризис в Израиле привел к проведению пяти общенациональных выборов (с 2019 по 2022 гг.), на которых постепенно усиливались позиции правых и ультрарелигиозных сил, одержавших убедительную победу на последних выборах в 2022 г.: 64 места получил праворегиозный блок, 46 — левоцентристские еврейские партии [Фишер, 2023]. В новом руководстве МВД Израиля, как и в ряде других министерств, ключевые посты достались представителям религиозных кругов, часть которых полагала, что благодаря иммиграции в Израиле уже проживает достаточное количество евреев, а учитывая при этом постоянный приток негалахических евреев, к иммиграции следует подходить избирательно и, если требуется, то сокращать ее.

В связи с конфликтом на Украине и проведением специальной военной операции, в Израиль хлынул массовый поток иммигрантов. По данным Министерства алии и интеграции Израиля в 2022 г. в страну прибыло 72 тыс. иммигрантов из многих стран дальнего и ближнего зарубежья, что примерно в 2,4 раза больше, чем за 2021 г., и представляет рекордное количество за последние 23 года. Численность иммигрантов, согласно данным ЕА за 2022 г., по странам (в порядке убывания): из России — 37 364, с Украины — 14 800, из Северной Америки — 3500, из Франции — 2049, из Белоруссии — 1993, из Эфиопии — 1498, из Аргентины — 985, из Великобритании — 526, из Южной Америки — 426, из Бразилии — 356 (остальное количество — из других стран) [В Израиль за год.. 2022]. По возрастному составу наибольшие группы — иммигранты в возрасте от 18 до 35 лет (27%), младше 18 лет (24%), от 36 — до 50 лет (22%), от 51 до 64 (14%) и старше 65 лет (13%) [Таиров, 2022].

В целом 60% новых иммигрантов — люди трудоспособного возраста. По профессиональному составу среди прибывших было около 3 тыс. врачей и медработников, более 2,5 тыс. учителей и воспитателей; к занятиям в вузах Израиля приступили около 3 тыс. студентов и 3,3 тыс. солдат пополнили ряды АОИ [Официально вступил... 2023].

На фоне российско-украинского кризиса массовая иммиграция в этот период прежде всего проходила из России, Украины и Белоруссии. По данным официальной статистики Израиля, из 70 тыс. новых иммигрантов, прибывших с 1 декабря 2021 по 1 декабря 2022 г., 54% составили иммигранты из России, 21% с Украины, 3% из Белоруссии. В связи с увеличивавшимся потоком иммигрантов израильские власти развернули программу «Домой в Израиль» для желающих экстренно иммигрировать из этих стран [Новый министр интеграции... 2023].

В 2022 г. правительство Израиля предприняло ряд мер, оказывая помощь и поддержку новым иммигрантам. По предложению Министерства алии и интеграции и Министерства финансов предлагалось выделить 90 млн шекелей (более 25,5 млн долл.) для иммигрантов. Ассигнования как дополнительная нагрузка на бюджет требовались на обеспечение и обустройство иммигрантов в стране: консульские услуги при проверке и оформлении документов; материальную поддержку — выплат «корзины абсорбции», создание дополнительных мест в ульпанах для изучения иврита и т. д. [В Израиле предложили... 2022].

В сентябре 2022 г. после объявления частичной военной мобилизации в России бывший премьер-министр Яир Лапид попросил авиакомпанию *Эл-Ал* увеличить количество рейсов из России, оказывая поддержку выезду евреев.

Новое крайне правое и ультранационалистическое правительство Б. Нетаньяху критично оценивало иммиграционный поток с постсоветского пространства и с первых дней пребывания у власти высказывало сомнения в адрес иммигрантов из бывшего СССР. Так, новый министр

интеграции Офир Софер (блок «Религиозный сионизм») среди негативных факторов особо выделил, что 72% прибывших иммигрантов из России и Украины в 2022 г. не являлись евреями по Галахе. По данным на 2023 г.: около 40 тыс. человек из 55 тыс. иммигрантов — негалахические евреи. Этот разрыв, по мнению О. Софер, нужно сократить, внося изменения в Закон о возвращении, на основании которого евреи со всего мира имеют право на иммиграцию в Израиль с автоматическим получением гражданства [Новый министр интеграции... 2023].

Многие представители как нового, так и предыдущего состава руководства страны высказывались за внесение изменений в Закон о возвращении и ограничение иммиграции из стран СНГ.

Еще резче оценил создавшуюся ситуацию экс-министр по вопросам интеграции в предыдущем правительстве Пнина Тамено-Шете, выразив возмущение тем, что более 40% прибывших в 2022 г. россиян, получив израильский паспорт, вскоре возвратились в Россию. По ее словам, «5600 российских бенефициаров Закона о возвращении иммигрировали в Израиль... в рамках операции «Возвращение домой» они добирались рейсами, финансируемыми израильским правительством, и приземлившись, получали конверт с наличными и оплаченные такси до отеля, все это полностью субсидировано израильскими налогоплательщиками». При этом, по мнению экс-министра, «когда треть этих иммигрантов пользуется добротой Государства Израиль, а затем уезжает, чтобы продолжить жить в России, — это серьезная проблема» [Касем, 2023].

Учитывая создавшуюся ситуацию, израильское правительство нового созыва выступило против масштабного приезда евреев из стран СНГ. Ужесточение миграционной политики проходило по нескольким направлениям: с 2023 г. прекращалась выплата (от 690 долл. до 1020 долл. в зависимости от размера семьи) дополнительного ежемесячного денежного пособия (к «корзине абсорбции») для иммигрантов

из России, Украины и Белоруссии. Отменена программа экстренной репатриации для евреев из России и Белоруссии, теперь рассчитывать на ускоренную процедуру получения гражданства могут только иммигранты с Украины. Среди ограничительных мер рассматривается также вопрос о возможности отмены права на получение загранпаспорта вместе с гражданством; ужесточаются требования к предоставляемым документам и др. [Я еврей... 2023].

Проблемы еврейских иммигрантов постоянно обсуждаются в ходе острых дискуссий как в СМИ, так и на правительственном уровне. Особое внимание уделяется вопросу о реформировании Закона о возвращении (запрет на иммиграцию внуков). Предлагается также внесение поправки, по которой право на возвращение будет отделено от права на гражданство: с одной стороны, иммигранту предоставляется право на работу и средства проживания, а с другой, он должен выучить язык, получить знания о стране и т. д., то есть продемонстрировать на практике готовность связать свою судьбу с судьбой страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном Израиле проблемы еврейской иммиграции; вопросы, связанные с негалахическими израильтянами; проблемы реформирования Закона о возвращении и многие другие находятся в центре противоборства светских и религиозных кругов. В последний период эта конфронтация обострилась. По результатам опросов, проведенных израильским Институтом демократии, почти половина (49%) родившихся в Израиле евреев считают, что они должны иметь больше прав, чем нееврейское население страны; большинство израильтян-евреев хотят больше внимания уделять еврейскому характеру страны, а не демократическим принципам, включая гражданское равенство [Худякова, 2023]. С другой стороны, все чаще раздаются требования отделения религии от государства, определения официального статуса негалахических евреев, а также необходимости

налаживания диалога и стремления к поиску компромисса в противоречивом многоликом израильском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Будут ли в Израиле гражданские браки? 03.08.2021 [Will There Be Civil Marriages in Israel? 03.08.2021 (in Russian)]. URL: <https://radio1064.co.il/news/budut-li-v-izraile-grazhdanskie-braki> (accessed: 08.05.2023).

В Израиле предложили выделить 25 млн долл. на поддержку репатриантов из России. 29.09.2022. *РБК* [Israel proposed to allocate \$25 million to support repatriates from Russia. 29.09.2022. *RBC* (in Russian)]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6334dc549a794749353146c9> (accessed: 09.08.2023).

В Израиль за год репатрировались рекордные 70 тыс. человек. 27.12.2022. *РБК* [A Record 70 Thousand People Repatriated to Israel over the Course of the Year. 27.12.2022. *RBC* (in Russian)]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/12/2022/63ab331d9a7947613adaf52d> (accessed: 28.08.2023)

Декларация Независимости Государства Израиль. 14 мая 1948 г. [Israeli Declaration of Independence. May 14, 1948 (in Russian)]. URL: <https://isralove.org/load/47-1-0-3964> (accessed: 21.08.2023).

ЗАГСов не будет: кнессет провалил законопроект НДИ о гражданских браках. *Вести Израиля* [There Will Be No Registry Offices: The Knesset Failed the NDI Bill on Civil Marriages. 14.10.2020. *News of Israel* (in Russian)]. URL: <https://www.vesty.co.il/main/article/r1weg00Evv> (accessed: 20.04.2023).

Закон о возвращении. 1950 [Law of Return. 1950 (in Russian)]. URL: <https://main.knesset.gov.il/ru/activity/pages/law.aspx?LawId=1> (accessed: 19.08.2023).

Касем Х. Израиль отказал россиянам в экстренной репатриации. Что это значит? 21.04.2023. *NEWS.ru* [Kassem H. Israel Refused Emergency Repatriation to the Russians. What Does It Mean? 21.04.2023. *NEWS.ru* (in Russian)]. URL: <https://news.ru/near-east/izrail-otkazal-rossiyanam-v-ekstrennoj-repatriacii-chto-eto-znachit/> (accessed: 05.08.2023).

Кенигштейн М. Чужие среди своих? Иммигранты-неевреи в Израиле. «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. М., Иерусалим: Мосты культуры, 2007. с. 218–250 [Kenigshtayn M. Are The Strangers Among Us? The Non-Jews Immigrants in Israel. “Russian” Face of Israel: The Characteristic Features of Social Portrait. Ed. M. Kenigshtayn. Moscow-Jerusalem: Mosty Kultury, 2007. Pp. 218–250 (in Russian)].

Коган И. 86% репатриантов последних семи лет не евреи? Израиль в фокусе. 31.12.2019. *EurAsia Daily* [Kogan I. 86% of Repatriates of the Last Seven Years Are Not Jews? Israel in focus. 31.12.2019. *EurAsia Daily*. (in Russian)]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/12/31/86-repatriantov-poslednih-semilet-ne-evrei-izrail-v-fokuse> (accessed: 18.05.2023).

Масюкова И. В. Проблемы негалахических евреев в израильском обществе. *Израиль в современном мире*. ИВ РАН. М.: Реалтекст, 2009. С. 107–132 [Masyukova I. V. The Problems of Non-Khalaha Jews in Israeli Society. *Israel in Contemporary World*. IOS RAS. Moscow: Realtekst, 2009. Pp. 107–132 (in Russian)].

Масюкова И. В. *Очерки по истории еврейской эмиграции из СССР/СНГ в Израиль (1960–1990-е гг.)*. М.: ИВ РАН, 2022. 200 с. [Masyukova I. V. *Essays on the History of Jewish Emigration from the USSR/CIS to Israel (1960-1990s)* Moscow: IOS RAS, 2022. 200 p. (in Russian)].

Мошкова Т. Почему внутренние проблемы Израиля не решаются и насколько это опасно? *Центр востоковедных исследований, международных отношений и публичной дипломатии*, 2018. [Moshkova T. Why Are Israel’s Internal Problems Not Being Solved and How Dangerous Is This? 2018. *Center for Oriental Studies, International Relations and Public Diplomacy* (in Russian)]. URL: <http://vostis.ru/analiticheskie-materialy/pochemu-vnutrennie-problemy-izrailya-ne-reshayutsya-i-naskolko-eto-opasno.html> (accessed: 14.08.2023).

Новый министр интеграции Израиля высказался за ограничение миграции в страну неевреев. 02.01.2023. *TASS* [The New Minister of Integration of Israel Has Spoken out in Favor of Limiting the Migration of Non-Jews to the Country. 02.01.2023. *TASS* (in Russian)]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16734477> (accessed: 11.08.2023).

Официально вступил в должность новый министр алии и интеграции, депутат Кнессета Офир Софер. 02.01.2023. *Министерство алии и интеграции*. [The new Minister of Aliyah and Integration, Knesset Member Ofir Sofer, Officially Took Office. 02.01.2023. *Minister of Aliyah and Integration* (in Russian)]. URL: <https://www.gov.il> (accessed: 14.08.2023).

Рывкина Р. Евреи в постсоветской России — кто они? *Социологический анализ проблем российского еврейства*. М.: УРСС, 1996. 240 с. [Ryvkina R. The Jews in Post-Soviet Russia. Who are They? *Sociological Analysis: The Problems of Russian Jews*. Moscow: URSS, 1996. 240 p. (in Russian)].

Тайров Р. Репатриация евреев в Израиль в 2022 г. оказалась максимальной за 23 года. 27.12.2022. *Forbes*. [Tairov R. Repatriation of Jews to Israel in 2022 was the highest in 23 years. 27.12.2022. *Forbes*. (in Russian)]. URL: <https://www.forbes.ru/society/483150-repatriacia-evreev-v-izrail-v-2022-godu-okazalas-maksimal-noj-za-23-goda> (accessed: 17.08.2023).

Фишер Д. Смерть израильской демократии? 03.02.2023. *STMegi* [Fisher D. The Death of Israeli Democracy? 03.02.2023. *STMegi* (in Russian)]. URL: <https://stmegi.com/opinions/posts/104920/smert-izrailskoj-demokratii/> (accessed: 30.07.2023).

Худякова Д. Разберемся сами: коренные израильтяне не хотят слушать «понаехавших». 23.01.2023. *NEWS.ru*. [Khudyakova D. Let’s figure it out for ourselves: The native Israelis do not want to listen to those who have come in large numbers. 23.01.2023. *NEWS.ru*. (in Russian)]. URL: <https://news.ru/near-east/razberemsa-sami-korennye-izrailtyane-ne-hotyat-slushat-ponaehavshih/> (accessed: 17.08.2023).

«Я еврей, вот вам крест». Репатриацию в Израиль усложняют: что нужно знать. 18.04.2023. *RTVI* [“I am a Jew, Here Is a Cross to You.” Repatriation to Israel Is Becoming More Complicated: What You Need to Know. 18.04.2023. *RTVI* (in Russian)]. URL: <https://rtvi.com/opinions/ya-evrej-vot-vam-krest-repatriacziyu-v-izrail-uslozhnyat-chto-nuzhno-znat/> (accessed: 10.08.2023).

ПЕРЕМЕНЫ В МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ИЗРАИЛЯ: ПРИЧИНЫ И ЭТАПЫ

CHANGES IN ISRAELI MIGRATION POLICY: CAUSES AND STAGES

© 2023 **Нина Абрамовна Семенченко**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
semnina2008@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-2977-7484

Nina A. Semenchko

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, RAS, Moscow, Russia
semnina2008@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-2977-7484

Вдумчивая миграционная политика была всегда одним из основных направлений в деятельности государства Израиль. В первые годы после создания государства в основе иммиграционной политики лежала концепция «плавильного котла». Однако интеграция выходцев из стран Востока в конце 1940-х – начале 1950-х гг. (особенно их социально-культурная адаптация) проходила с большим трудом. Поэтому концепция претерпела изменения. Но к 1970-м гг. стало очевидно, что приток мигрантов из стран Востока не укладывался в ее рамки. В итоге концепция стала уступать место новой идеологии мультикультурализма. Массовая иммиграция 1990-х гг. из СССР/СНГ в Израиль привела к существенной корректировке всей иммиграционной политики, прежде всего, в программах абсорбции. В статье сделана попытка проанализировать причины и этапы этих перемен. Автор также обращает внимание на то, что наряду с иммиграцией с первых лет после создания государства наблюдался и эмиграционный процесс. За годы существования Израиля позиция политического руководства страны в этом вопросе также коренным образом менялась.

Ключевые слова: Израиль, иммиграция, абсорбция, эмиграция, восточные общины, «русская-зычная иммиграция»

Для цитирования: Семенченко Н. А. Перемены в миграционной политике Израиля: причины и этапы. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 95–103. DOI: 10.18254/S268684310029245-7

Migration policy has always been one of the State of Israel's main activities. In the first years of its existence Israel undertook the “melting pot” concept in the migration matters. However, people coming from the East in the late 1940s – early 1950s had difficulties in getting adapted to their new homeland. By the 1970s it became clear that The Melting Pot concept failed and should be changed. Finally, it gave way to the multiculturalism ideology. The mass immigration from the USSR/CIS to Israel, which took place in the 1990s, led to changes not only in the original concept of the “melting pot”, but also in the whole immigration policy and, above all, in absorption programs. The author seeks to analyze the causes and stages of those changes. The author also gives heed to the fact that along with immigration, from the very first years after the creation of the state, there was an emigration process. Over the years of Israel's existence, the position of the Israeli officials on this issue has also changed radically.

Keywords: Israel, immigration, absorption, emigration, Eastern communities, Russian-speaking immigration

For citation: Semenchenko Nina A. Changes in Israeli Migration Policy: Causes and Stages. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 95–103. DOI: 10.18254/S268684310029245-7

ВВЕДЕНИЕ

Современный Израиль относится к переселенческим государствам, куда направлялись и продолжают направляться эмигранты из разных стран. Сама идея создания еврейского государства была основана на «собирации всех евреев на землю Израиля».

Израиль стал «собирать» себя задолго до создания. В конце XIX века еврейское население Палестины составляло 25 тыс. человек: первые иммиграционные волны начались с 1882 г. Это были иммигранты нового типа, движимые национальным сознанием и ставившие целью создание национального очага. До 1948 г. в рамках пяти таких волн в Палестину прибыли (легально и нелегально) 626 тыс. евреев [SAI, 1992, p. 170].

Несмотря на столь многолетний опыт у руководства еврейской общины в Палестине — *ишув* — не было четкого плана приема и размещения иммигрантов; действовали в зависимости от ситуации. В рамках полученного мандата на Палестину Великобритания брала на себя обязательства поощрять еврейскую иммиграцию, «прочно поселять евреев на земле». Таким об-

разом, начиная с 1921 г., процесс переселения евреев в Палестину находился под контролем мандатных властей.

После провозглашения независимости Израиля в 1948 г. одной из первоочередных задач, стоящих перед новым государством, была организация переезда и обустройства новых иммигрантов. С самого начала руководство страны обозначило официальную позицию в этом вопросе. В «Декларации независимости Израиля» от 14 мая 1948 г. говорилось, что «государство Израиль будет открыто для еврейской иммиграции и “кибуц галуиот” (собираения диаспор)» [Официальная газета, 1948]. Таким образом, государство взяло на себя ответственность за организацию перемещения евреев в Израиль, за их обустройство на новой родине (обеспечение жильем, работой, обучение ивриту). Понятия «иммиграция евреев в Израиль» («алия») и «иммигранты» («олим») стали неотъемлемой частью израильской действительности.

Молодому государству предстояло решить демографическую проблему — увеличить численность населения страны. Еврейская иммиграция рассматривалась как важное средство

для достижения этой цели. Определенная часть евреев Европы приехала в Палестину еще в 1930-е гг. — после прихода Гитлера к власти в Германии. Многих уцелевших во II Мировой войне евреев руководство *ишува* по окончании войны переправило группами (часто нелегально) в Палестину. В дальнейшем встал вопрос о безотложной эвакуации евреев из арабских стран и других стран Востока [Семенченко, 2002b]. Иммиграция не только отвечала демографической задаче, но и означала спасение от репрессий местных властей и враждебных действий со стороны населения.

Миграционная политика стала одним из основных направлений в деятельности первого израильского правительства. После непростых переговоров между руководством Израиля и руководителями ВСО¹ была достигнута договоренность о том, что Еврейское агентство совместно с Израилем будет продолжать заниматься вопросами иммиграции за рубежом. В свою очередь, все аспекты абсорбции внутри Израиля станут исключительной компетенцией израильского министерства иммиграции [Семенченко, 2000, с. 81–82]. Таким образом, миграционная политика велась по двум направлениям: внешнему и внутреннему.

За годы существования Израиля внешняя миграционная политика оставалась практически неизменной, а вот во внутренней (прежде всего в области абсорбции и интеграции) произошло немало перемен.

О МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ВНЕ ИЗРАИЛЯ

Долгие годы правительство Израиля вместе с Еврейским агентством вели во многих странах агитационную деятельность среди еврейского населения и занимались их переселением в Израиль. В первые же годы были организованы эвакуации целых общин — иракской, йеменской, марокканской и др. Эти общины отличались

друг от друга по многим критериям — языком, социальным составом, уровнем образования и т. д. Тем не менее в Израиле они воспринимались как единое целое — «восточные евреи».

Одной из первых еврейских общин, переместившихся в Израиль, была **Иракская**. В отличие от многих других восточных общин, начиная с 1918 г. среди иракских евреев стала активно развиваться сионистская деятельность. В 1929 г. она ушла в подполье. Ее представители добились в Ираке заметных успехов в экономической и финансовой сферах, в торговле. После создания еврейского государства и вступления Ирака в войну арабских стран против Израиля, евреям было запрещено выезжать из Ирака. Опасаясь за дальнейшую судьбу этой общины, Израиль организовал секретную операцию по эвакуации евреев в Израиль [Хилэл, 1985]. Всего из Ирака в 1948–1951 гг. было вывезено около 123 тыс. евреев (включая беженцев, нелегально направлявшихся в Израиль через Иран) [Хилэл, 1985].

Йеменская община была эвакуирована полностью. Эта операция вошла в историю под названием «Волшебный ковер». С июня 1949 г. по сентябрь 1950 г. в Израиль прибыло около 49 тыс. йеменских евреев.

Среди первых общин, эвакуированных из Северной Африки, была **марокканская** — самая большая еврейская община региона. Всего в 1948–1956 гг. в Израиль переехало около 67 тыс. марокканских евреев, подразделявшихся на две группы. Одна группа состояла из потомков евреев, бежавших в Марокко из Испании и Португалии, а также слившихся с их общинами местных евреев. Вторая включала потомков евреев, по легендам поселившихся в Марокко после разрушения первого Иерусалимского храма, а также принявших иудаизм берберов [Chouraqui, 1973, p. 144]. Марокканские евреи не сразу попадали в Израиль. Сначала их перевозили во Францию и размещали в фильтрационных лагерях, где они находились на каран-

1 ВСО — Всемирная сионистская организация.

тине в ожидании отправки в Израиль [Лиссак, 1986, с. 13]. В тот период Израиль и Еврейское агентство также организовывали эвакуацию евреев с Балкан и других регионов, но выходцы с Востока составляли большинство этой иммиграционной волны.

Агитационная кампания за переселение в Израиль продолжалась и после массовой «алии» конца 1940-х – начала 1950-х гг. Несмотря на то, что поток переселенцев значительно сократился, иммиграция евреев в Израиль не прекращалась, а вопрос о малочисленности еврейского населения в стране оставался актуальным [Семенченко, 2008]. Начиная с 1961 г. соответствующие израильские органы стали проводить операции по эвакуации эфиопских евреев и переселению их в Израиль.

Особое место в иммиграционной политике Израиля занимал Советский Союз. Израиль всегда был заинтересован в иммиграции советских евреев с их численным и человеческим капиталом. В 1951 г. была создана специальная организация «Натив» — Бюро по связям с евреями СССР и стран Восточной Европы, проводившее подпольную деятельность среди еврейского населения и призывавшее иммигрировать в Израиль. Помимо помощи по выезду, «Натив» координировал борьбу за право выезжать в Израиль. В настоящее время «Натив» главным образом ведет деятельность среди евреев СНГ и стран Балтии.

Вопрос о выезде евреев из СССР постоянно поднимался на дипломатическом уровне и нередко включался в повестку дня международных форумов. Проблема была окончательно решена после происшедших в конце 1980-х гг. перемен в миграционной политике Москвы и восстановления консульских, а затем и дипломатических отношений между СССР/РФ и Израилем. В 1989 г. советское руководство сняло ограничения на эмиграцию в Израиль. В том же году эмигрировало более 70 тысяч советских евреев, притом лишь 12 тысяч оказались в Израиле,

большинство направились в США [Носенко, Семенченко, 2015, с. 197]. После введения американскими властями в октябре 1989 г. квоты на въезд еврейских беженцев из СССР, была достигнута договоренность между Израилем и Москвой о прямой пересадке переселенцев в Бухаресте из советских самолетов в израильские. Иммигранты лишились возможности направляться в другие страны; в Израиль хлынул поток советских евреев.

АБСОРБЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ

В Израиле абсорбцией новоприбывших занималось Министерство иммиграции и абсорбции. Перед властями вставала задача в кратчайшие сроки обеспечить их жильем, оказать помощь в изучении иврита и трудоустроить. Не имея опыта в этой сфере, руководство молодого государства приняло на вооружение распространенную модель «плавильного котла» или, как она называлась в Израиле, «мизуг галуйот» — «слияние диаспор». На практике это означало принудительную ассимиляцию новых переселенцев, их подчинение образу жизни, культуре и мировоззрению принимающей стороны. Однако, учитывая внутриизраильскую специфику, отсутствие мира с соседними странами, социально-экономические трудности, а также массовый характер процесса переселения и культурно-этнические особенности иммигрантов, концепция оказалась трудно реализуемой.

Особенно тяжело проходила абсорбция выходцев из стран Востока. Остро встала проблема с жильем. Для новых иммигрантов было решено построить временные палаточные и барачные «городки» — «маабарот»². Условия жизни в густонаселенных городках были крайне неудовлетворительными. Тяжелые жилищные условия, безработица, недостойное, а порой унижающее, отношение со стороны ашкеназских³ чиновников и общества в целом значительно

2 Последняя «маабра» была упразднена лишь в 1960 г.

3 Ашкеназы — евреи-выходцы из стран Европы.

усугубляли ситуацию. В дополнение к этим и другим трудностям интеграция выходцев из мусульманских стран сталкивалась с социально-культурными барьерами см. [Семенченко, 2009].

В культурно-бытовом отношении многовековое проживание среди арабского этноса оказало неизбежное влияние на еврейское население; восточные евреи привезли с собой элементы чужой культуры и традиций. Власть и выходцы из Европы не были готовы к встрече с евреями из арабских стран, говоривших на другом языке и соблюдавших иные традиции.

Нахождение в «мааброт» объективно порождало изоляцию от остального общества, укрепляло сплоченность общин и стремление сохранить свои традиции и самобытность. «Плавильный котел» не получался, более того, наблюдался обратный процесс. В жизнь коренных израильтян стали проникать элементы культуры восточного еврейства — праздники, мелодии. Большую популярность получили народные восточные певцы [Шамир, 2000, с. 11]. Участие премьер-министра М. Бегина в 1979 г. в этническом празднике выходцев из Марокко «Мимунa» было воспринято как легитимация их культурных традиций.

К 1970-м гг. стало очевидно, что реализация концепции «плавильного котла» сопряжена с определенными трудностями и требуется корректировать миграционную политику. Оценивая итоги первой массовой «алии», известный израильский социолог М. Лиссак в многостороннем исследовании израильской иммиграционной политики 50-х гг., оценил ее итоги как **провал концепции «плавильного котла»** [Лиссак, 1999], уступившей место идеологии мультикультурализма.

Следующей иммиграционной волной конца 1960-х – периода 1970-х гг. стал первый массовый заезд евреев из СССР. Их абсорбция проходила негладко. Израиль постепенно отходил от победной эйфории, царившей после Шестидневной войны (1967 г.). Продолжалась война

на истощение, разразилась Октябрьская война 1973 г., в 1977 г. сменилась власть⁴. Тем не менее эти обстоятельства не помешали правительству выполнять обязательства по абсорбции около 170 тысяч советских олим. Было сделано все возможное, чтобы «оправдать» борьбу за выезд евреев из Советского Союза. Власти стремились поселить советских иммигрантов в новые дома; проявляли о них заботу; обеспечивали хорошо оплачиваемой работой и т. д. [Shama, Iris, 1977], что вызвало широкое недовольство простых израильтян, особенно выходцев из стран Востока, молодежи, многодетных семей и жителей густонаселенных городов [Масюкова, 2022, с. 119]. Иммигранты оказались в сложной ситуации. С одной стороны, государство оказывало им помощь, с другой, отношение к ним израильтян в целом нельзя было назвать благожелательным. К тому же, из-за отсутствия дипотношений между СССР и Израилем, выходцы из Советского Союза не имели связей с родными. Не исключено, что сложившаяся ситуация подтолкнула их активно пройти интеграцию по схеме «плавильного котла». С годами они преодолели первоначальный шок и разочарование, выучили иврит и «потерялись» среди израильтян, «растворились». Израильские социологи, сторонники концепции «плавильного котла» Э. Лешем и М. Лиссак с одобрением указывают на успешную интеграцию этой иммиграционной волны [Масюкова, 2022].

Как отмечают многие израильские исследователи, иммиграционная волна 1990-х гг. из СССР/СНГ, так называемая «русская алия», имела уникальный характер по сравнению с другими волнами еврейской иммиграции. Одной из ее главных особенностей была большая численность — как в абсолютном, так и в относительном выражении (около миллиона человек — 15% всего израильского населения). Она также была уникальна с точки зрения высокого уровня человеческого капитала: процент лиц с высшим образованием среди этих иммигрантов

4 В 1977 г. блок Маарах уступил управление страной победившему на парламентских выборах блоку Ликуд.

был выше, чем в среднем у населения Израиля [Lissitsa, Peres, 2011, p. 207]; 54% работоспособных иммигрантов были людьми с высшим образованием, учеными и представителями свободных профессий [Семенченко, 2000, с. 87]. Она отличалась и своим демографическим составом [Семенченко, 2002(а), с. 98].

Специфика этой «алии», темпы прибывания иммигрантов, международные факторы, внутриполитическое и экономическое положение в стране побудили правительство избрать новую модель адаптации — «прямую абсорбцию». Программа «прямой абсорбции» давала возможность новоприбывшим самостоятельно распоряжаться определенной суммой денег — ссудой, получаемой ими в первый год жизни в стране (т. н. «корзиной абсорбции»). Размеры корзины устанавливаются в зависимости от состава семьи и возраста ее членов, она включает средства на аренду жилья и оплату коммунальных услуг в течение первого года. С 01.05.1993 «корзина» выдается безвозмездно, а ранее она подлежала возврату, если иммигрант покидал страну ранее 5 лет с момента приезда [Адлер, 2000]; государство оказывало безвозмездную помощь лишь в изучении иврита.

Имея высокий культурно-образовательный уровень и «свободную абсорбцию», представители новой волны за короткий срок создали собственные весьма разнообразные средства массовой информации (обширная русскоязычная пресса включала одну ежедневную газету, десять еженедельников и около 30 местных газет, а также несколько радиостанций и один общественный телеканал). Кроме того, появились ассоциации самопомощи, образовательные учреждения (от детского сада до колледжа) [Lissitsa, Peres, 2011, p. 208], библиотеки, культурные центры и политические партии. В деловой сфере были открыты «русские» магазины и супермаркеты, развлекательные центры, театральные группы и ансамбли. Русскоговорящие иммигранты самоутверждались в Израиле и приобрели определенный социальный, политический и культурный статус.

Впервые в Израиле перед иммигрантами открылись несколько возможных путей аккультурации: ассимиляция, разделение (сепаратная модель), маргинализация, интеграция [Lissitsa, Peres, 2011, p. 208]. Принимающее общество по-прежнему предпочитало полную интеграцию «русских» с полным отказом от некоторых кодов своего прошлого. «Русские» иммигранты, как следует из опросов, проведенных Л. Ременник и А. Прашицки, предпочитали частичную аккультурацию: выборочное принятие некоторых поведенческих норм, преобладающих в израильской культуре, сохраняя при этом близость к родной культуре [Remennik, Prashizky, 2012]. Иммигранты считали важным критерием интеграции овладение ивритом, знание особенности местной культуры и успешное решение профессиональных и жилищных проблем. Полное принятие израильского образа жизни, по их мнению, слишком суровое требование. Это был очередной новый момент в израильской абсорбционной политике.

ОТНОШЕНИЕ К ЭМИГРАЦИИ

Вскоре после создания государства начался процесс «йерида» — эмиграция из Израиля [Семенченко, 2022, с. 371], ставший неожиданным явлением для израильских властей и общественности: эмиграция воспринималась как предательство сионистского проекта. Первые три десятилетия ее рассматривали как серьезную угрозу существованию государства. В 1970-х гг. израильские власти все еще резко высказывались в отношении тех, кто покидал страну. После прихода к власти блока Ликуд в 1977 г. и поворота страны в сторону неолиберализма на фоне расширяющегося процесса глобализации в мире, в Израиле изменилось отношение к либеральным ценностям. В середине 1980-х гг. официальный подход к «йордим» был пересмотрен. Более того, в 90-е гг. (в период «русской алии») была разработана специальная программа для возвращающихся эмигрантов, которым предоставлялись те же льготы и ссуды, которые

получают «олим» (см. [Крылов, 2022]). Наряду с выражением «йоред» (эмигрант) появилось понятие «тошав хуц» (внешний резидент) т. е. израильтянин, проживающий за границей. Радикальный дискурсивный сдвиг в восприятии израильской эмиграции произошел лишь в середине 1990-х гг., когда наряду с глобализацией стал развиваться транснационализм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За 75 лет существования Израиля произошло немало перемен — демографические, географические, экономические, социальные. Перемены имели место во внешней и во внутренней политике Тель-Авива, затронули миграционную политику, формы абсорбции и интеграции новоприбывших. Изменилось отношение к эмигрирующим израильтянам. С самого начала Израиль был настроен на переселение евреев всех диаспор. В целях слияния представителей разных диаспор израильское руководство проводило политику «плавильного котла». Иммиграция до и после образования государства Израиль осуществлялась в основном группами и волнами.

Евреи, иммигрировавшие из разных стран со времени основания государства были носителями разных, часто плохо сочетающихся друг с другом культур, имели разную социально-экономическую базу и различный политический опыт [Фридгуд, 2000, с. 36]. Представители восточных традиционных общин не могли отказать от привезенных культур и традиций. Второе и третье поколения этих иммигрантов постепенно стали частью израильского общества, но при этом сохранили своеобразие. Поскольку выходцы из стран Востока составляли значительную долю населения и (что немало важно) избирателей, власти были вынуждены мириться с их самобытностью, что привело к первому отходу от идеи «плавильного котла».

Вторая массовая иммиграция 1990-х гг. внесла более серьезные коррективы в миграционную политику. Были полностью пересмотрены кри-

терии абсорбции и интеграции иммигрантов. Массовость этой иммиграции, ее высокий культурно-образовательный уровень и устойчивая ментальность вынудили на этот раз найти другой путь адаптации. Была введена «прямая абсорбция», которая дала иммигрантам возможность интегрироваться «по-своему».

Целый ряд факторов воздействовал на миграционную политику Израиля на протяжении всего его существования. Однако именно крупномасштабные иммиграционные потоки, каждый со своими особенностями, оказывали решающее влияние на перемены в позиции государства по ключевым аспектам миграционной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Адлер Ш. Программы профессиональной переквалификации новых репатриантов в Израиле. *Миграционные процессы и их влияние на израильское общество*. Ред. А. Д. Эпштейн, А. В. Федорченко. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока; Иерусалимский университет; Открытый университет Израиля, 2000. С. 90–103 [Adler Sh. Government Programs of Professional Absorption of New Immigrants in Israel. *Mass Migration and Its Impact on Israeli Society*. A. D. Epshtein, A. V. Fedorchenko (Eds.). Moscow: Institute of Israeli and Middle Eastern Studies, 2000. Pp. 90–103 (in Russian)].

Крылов А. В. Смогут ли реэмигранты вывести Израиль из политического кризиса? *Контуры трансформаций в политике, дипломатии и обществе государства Израиль*. Сборник статей по материалам I Междунар. израилеведческ. научн. конф. «Чтения им. А. Е. Бовина». М.: ИВ РАН, 2022. С. 392–413 [Krylov A. V. Will the Re-Emigrants Be Able to Lead Israel out of the Political Crisis? *The Outlines of Transformations in Politics, Diplomacy and Society of the State of Israel*. Moscow: IOS RAS, 2022. Pp. 392–413 (in Russian)].

Лиссак М. (מ. ליסק) *Большая Алия пятидесятих годов: провал политики «плавильного кот-*

ла» (העליה הגדולה בשנות החמישים: כישלונו של כור ההיתוך). Иерусалим: Мосад Бялик, 1999 [Lissak M. *The Great Aliya of the Fifties: The Failure of the "Melting Pot" Policy*. Jerusalem: Mosad Biyalik, 1999 (in Hebrew)].

Лиссак М. (מ. ליסק) Иммиграционная политика 50-х годов (מדיניות העלייה בשנות החמישים). *Иммигранты и мааброт 1948–1952* (עולים ומעברות 1948–1952). Иерусалим: Яд Ицхак Бен Цви, 1986. С. 10–30 [Lissak M. Immigration Policy of the Fifties. *Immigrants and Maabrot 1948–1952*. Ed. by M. Naor. Jerusalem: Yad Ben Zvi, 1986. Pp. 10–30 (in Hebrew)].

Масюкова И. В. *Очерки по истории Еврейской эмиграции из СССР/СНГ в Израиль (1960–1990-е гг.)*. М.: ИВ РАН, 2022. 199 с. [Masyukova I. V. *Essays on the History of Jewish Emigration from the USSR/CIS to Israel (196–1990's)*. Moscow: IOS RAS, 2022. 199 p. (in Russian)].

Носенко Т. В., Семенченко Н. А. *Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг.* М.: ИВ РАН, 2015. 259 с. [Nosenko T. V., Semenchenko N. A. *The Vain Enmity. Essays of the Soviet–Israeli Relations 1948–1991*. Moscow: IOS RAS, 2015. 259 p. (in Russian)].

Официальная газета (עתון רישמי) № 1. Тель-Авив, 14.05.1948 [Official Newspaper No. 1. Tel Aviv, 14/05/1948 (in Hebrew)].

Семенченко Н. А. Встреча двух общин: первые шаги по формированию израильского общества. *Мат-лы VI ежег. междунар. междисциплинарн. конф. по иудаике*. Ч. 3. М.: Сэфер, 2009. С. 201–219 [Semenchenko N. A. Meeting of Two Communities: The First Steps of Building the Israeli Society. *Proceeding of the Sixteenth Annual International Conference on Jewish Studies*. Pt. 3. Moscow: Sefer, 2009. Pp. 201–219 (in Russian)].

Семенченко Н. А. Израильская политика иммиграции и абсорбции. *Иммиграционная политика Западных стран: альтернатива для России*. Ред. Г. Вишнякова. Межд. Орг. по миграции. Московская иссл. прогр. по иммиграции. М.: Гэндалф. 2002b. С. 96–129

[Semenchenko N. A. Israeli Immigration and Absorption Policy, *Immigration Policy of Western Countries: An Alternative for Russia*. Intern. Organization for Migration. Moscow Research Program on Immigration. Ed. by G. Vishnyakova. Moscow: Gandalf, 2002b. Pp. 96–129 (in Russian)].

Семенченко Н. А. Иммиграция 1990-х гг. в Израиль: некоторые особенности. *Восток (Oriens)*. 2002a. № 3. С. 97–104 [Semenchenko N. A. Immigration to Israel in the 1990s: Some Features. *Vostok (Oriens)*. 2002a. No. 3. Pp. 97–104 (in Russian)].

Семенченко Н. А. Массовая иммиграция в Израиль 1948–1953 гг.: первые трудности. *Израиль глазами «русских»: культура и идентичность*. ИВ РАН. М.: Наталис, 2008. С. 102–123 [Semenchenko N. A. Immigration of 1948–1953 and Its Impact on Israel's Culture. *Israel Through "Russian" Eyes: Identities and Cultures*. IOS RAS. Moscow: Natalis, 2008. Pp. 102–123 (in Russian)].

Семенченко Н. А. Некоторые аспекты израильской политики абсорбции: от прошлого к настоящему. *Миграционные процессы и их влияние на израильского общество*. Ред. А. Д. Эпштейн, А. В. Федорченко. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, Иерусалимск. ун-т, Открытый ун-т Израиля, 2000. С. 72–89 [Semenchenko N. A. New Aspects in the Governmental Absorption and Integration. *Mass Migration and Its Impact on the Israeli Society*. A. D. Epshtein, A. V. Fedorchenko (Eds.). Moscow: Inst. of Israeli Studies, etc. 2000. Pp. 72–89 (in Russian)].

Семенченко Н. А. Современные еврейские диаспоры: израильская эмиграция. *Контуры трансформаций в политике, дипломатии и обществе государства Израиль*. Мат-лы Междунар. израилеведч. научн. конф. «Чтения им. А. Е. Бовина». М.: ИВ РАН, 2022. С. 317–391 [Semenchenko N. A. Modern Jewish Diasporas: Israeli Emigrants. *The Outlines of Transformations in Politics, Diplomacy and Society of the State of Israel*. Moscow: IOS RAS, 2022. Pp. 317–391 (in Russian)].

Фридгуд Т. Поколения и политика: некоторые изменения в мировоззрении и политические

предпочтениях в современном Израиле. *Миграционные процессы и их влияние на израильского общество*. Ред. А. Д. Эпштейн, А. В. Федорченко. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; Иерусалимский ун-т; Открытый ун-т Израиля, 2000. С. 36–71 [Friedgut T. Generations and Politics: Changes in Status Outlook and Identity in Israel. *Mass Migration and Its Impact on the Israeli Society*. A. D. Epshtein, A. V. Fedorchenko (Eds.). Moscow: Inst. of Israeli Studies, etc. 2000. Pp. 36–71 (in Russian)].

Хиллэл Ш. (שללל). *Восточный ветер* (רוח קדים). Тель-Авив: Иданим, 1985. 360 с. [Hillel Sh. *Eastern Wind*. Tel Aviv: Edanim Publ., 1985. 360 p. (in Hebrew)].

Шамир М. Меня не тревожат космополитические тенденции русской алии. *Статьи по вопросам культурной абсорбции. Мат-лы конф. Центра просв. и к-ры при Гистадруте*. Израиль, 2000. С. 9–13 [Shamir M. I Am Not Worried about the Cosmopolitan Tendencies of Russian Aliyah.

Articles on Issues of Cultural Absorption. Proceedings of the Histadrut Conference, Center for Education and Culture. Israel, 2000. Pp. 9–13 (in Russian)].

Chouraqui A. N. *Between East and West. A History of the Jews of North Africa*. New York: Athenaeum, 1973. 376 p.

Lissitsa S., Peres Yo. Criteria of Sociocultural Adjustment: The Case of the Russian Community in Israel since 1989. *International Journal of Intercultural Relations*. 2011. No. 35. Pp. 205–212.

Remennick L., Prashizky A. Russian Israelis and Religion. What Has Changed after Twenty Years in Israel? *Israel Studies Review*. 2012. Vol. 27. Iss. 1. Pp. 55–77.

(SAI) *Израильский статистический ежегодник* (שנתון סטטיסטי לישראל) Иерусалим. 1992. No. 43. С. 170 [Statistical Abstract of Israel (SAI). No. 43, Jerusalem, 1992. p. 170 (in Hebrew)].

Shama A., Iris M. *Immigration without Integration. Third World Jews in Israel*. Cambridge, MA: Cambridge Univ. Press, 1977. 221 p.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПАЛЕСТИНЕ

CIVIL SOCIETY ACTIVITIES IN PALESTINE

© 2023 **Елизавета Владимировна Чугунова**

студентка 4-го курса Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), факультет международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения, Москва, Россия
eustagoes2hollywood@gmail.com
ORCID ID: 0009-0006-1580-920X

Elizaveta V. Chugunova

4th year undergraduate student, Russian State University for the Humanities (RGGU), Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Moscow, Russia
eustagoes2hollywood@gmail.com
ORCID ID: 0009-0006-1580-920X

Еще в период Британского мандата у палестинцев стали зарождаться аутентичная политическая культура и прообраз гражданского общества. С течением времени это общество прошло несколько этапов формирования, и под влиянием ряда внутри- и внешнеполитических факторов стало главным звеном всеобщей мобилизации ради освобождения Палестины и формирования у палестинцев национального самосознания. С другой стороны, будучи зависимым от финансовой помощи из-за рубежа, оно стало продвигать ценности различных международных организаций и перестало ориентироваться только на внутренние актуальные проблемы Палестины. Гражданское общество в Палестине — своего рода исключительный субъект политического процесса, так как существует в отсутствие государства, в контексте продолжающегося десятилетиями арабо-израильского конфликта и при низком уровне поддержки со стороны Палестинской национальной администрации. В работе рассматриваются история палестинского гражданского общества, направления его деятельности, социальные, политические и экономические проблемы, с которыми оно сталкивается и которые создает. Особое внимание уделено палестинскому онлайн-активизму и его характерным особенностям.

Ключевые слова: Палестина, гражданское общество, палестинское гражданское общество, палестино-израильский конфликт, онлайн-активизм

Для цитирования: Чугунова Е. В. Деятельность гражданского общества в Палестине. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 104–111. DOI: 10.18254/S268684310029207-5

The authentic political culture of Palestinians and the prototype of civil society began to arise as far back as the British Mandate period. Since then, it has passed several stages of its formation, and due to the influence of several domestic and foreign policy factors it has, on the one hand, become the main element of general mobilization towards liberation of Palestine and the creation of the Palestinian self-identity. On the other hand, because of its dependence on foreign financial help, it has started to promote international institutions' values and stopped focusing on domestic crucial issues of Palestine exclusively. Civil society in Palestine is a kind of exceptional subject of the political process, as it exists in absence of a state, in context of the decades-long Arab-Israeli conflict and with a low level of the Palestinian National Authority's support. This paper addresses directions and social, political and economic problems the Palestinian civil society faces and creates, and special attention was paid to online activism and its features.

Keywords: Palestine, civil society, Palestinian civil society, Israeli-Palestinian conflict, online activism

For citation: Chugunova Elizaveta V. Civil Society Activities in Palestine. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 104–111. DOI: 10.18254/S268684310029207-5

ВВЕДЕНИЕ

В условиях высокой степени социально-политической раздробленности, этнополитических конфликтов и отсутствия национального государства с едиными и стабильными органами управления гражданское общество как система внегосударственных отношений и институтов [Гаджиев, 1994, с. 48–49] дает населению возможность реализовать права и выражать потребности и интересы, а также играет центральную роль в экономическом, социальном и политическом развитии. Гражданское общество не может полностью заменить государство, но может существовать без него. В то время как при стабильной политической системе гражданское общество может быть достаточно инертным, в недееспособном конфликтном государстве у него появляются стимулы к мобилизации [Buzan, Wæver, De Wilde, 1998]. В какой-то мере примером такого случая является Палестина, где госструктуры сформированы фрагментарно (например, отсутствует армия), две ключевые политические силы — ФАТХ и ХАМАС — противостоят друг другу, теряют сторонников и не могут принять эффективные меры по улучшению уровня жизни палестинцев.

Можно сказать, что гражданское общество в Палестине в своем роде уникально, в том числе как предмет для изучения. Во-первых, оно существует в контексте продолжающегося десятилетиями арабо-израильского конфликта, демонстрируя при этом высокую степень стрессоустойчивости, что отличает его от гражданских обществ в большинстве других стран Ближнего Востока, существующих в более мирных условиях. Во-вторых, одно из направлений деятельности палестинских негосударственных организаций (НГО) — удовлетворение базовых потребностей граждан в медицинских услугах, в образовании, в гуманитарной помощи, в чистой воде, что, как правило, относится к прямым обязанностям государственных служб.

В-третьих, поддержка организаций гражданского общества осуществляется на крайне низком уровне как правительством Израиля, так и Палестинской национальной администрацией, которые зачастую видят в них угрозу, по причине чего финансирование идет в основном из-за рубежа [Lu, 2014, p. 20] и приводит к неоднозначному облику палестинского гражданского общества. С одной стороны, во многом именно гражданское общество формирует национальное самосознание и политическую культуру па-

лестинцев, которые, с международно-правовой точки зрения и де-факто, являются этническим меньшинством на территории государства Израиль, борется с их маргинализацией и стремится сохранить палестинскую аутентичность. С другой стороны, «под влиянием стран / международных организаций-доноров создается новый тип гражданского общества, представленного технократическими институтами, активно использующими соцсети, члены которых придерживаются идеологии неолиберализма, относятся к урбанизированному среднему классу и работают на пользу не только их страны, но и международного сообщества [Маркетти, 2015]. Создание суверенного национального палестинского государства потребует трансформации функций и основной идеи организаций гражданского общества в Палестине, что возможно осуществить успешным образом только на основе глубокого анализа их эволюции и проблем их деятельности на современном этапе.

Модель гражданского общества, играющего ключевую роль в политических процессах, может стать актуальным примером для других стран. На данный момент многие из них сталкиваются с политической нестабильностью, социальным неравенством и экономическим кризисом, и развитый сектор негосударственных организаций помогает решать проблемы бедности, безработицы, низкого уровня жизни и нарушения прав человека, повышать степень участия всех социальных групп в политическом развитии.

История возникновения и эволюция гражданского общества в Палестине

Зарождение политической культуры у палестинцев началось в период Британского мандата в 1920–1940 гг.: арабское освободительное движение выступало за предоставление Палестине независимости и прекращение еврейской иммиграции. Создавались первые политические организации, проходили крупные антиеврейские восстания. В 1936 г. был создан Верховный

арабский комитет, объединивший палестинские политические партии и возглавивший национально-освободительное движение палестинцев против британского мандата. Комитет призывал к участию во всеобщей забастовке, к неуплате налогов, требовал запрета на продажу земли евреям, прекращения их иммиграции и выступал против их национальной независимости; в 1937 г. Комитет был запрещен британскими властями.

После войны за независимость Израйля 1947–1949 гг., по итогам которой сотни тысяч палестинцев были убиты или бежали в другие страны, Палестина потеряла значительную долю потенциала для создания сильного гражданского общества. К тому же Западный берег реки Иордан оказался аннексирован Иорданией, а сектор Газа — Египтом, и в то время, как Иордания оставляла за различными социальными группами свободу выражать свои интересы, если это никак не угрожает монархии, египетская администрация запретила большинство организаций гражданского общества. Таким образом, к 1967 году, когда произошла Шестидневная война между арабскими странами и Израилем, и Египет и Иордания фактически отказались от своих претензий на палестинские территории, в Газе функционировало менее двадцати негосударственных организаций, в то время как на Западном берегу их число было значительно больше. Это неравномерное распределение НГО между двумя территориями продолжается по сей день. В 1970–1980 гг. было создано много организаций гражданского общества, занимавшихся правозащитной деятельностью, предоставлявших медицинские, юридические и образовательные услуги, жилье [Asi, 2020].

Переломным моментом для гражданского общества Палестины стала первая интифада (от арабского «восстание», «избавление») — стихийное восстание арабов против израильского контроля, проходившее с 1987 по 1991 г. Главной формой участия в протесте стало гражданское неповиновение. В ответ на действия повстанцев Израиль принял жесткие меры: арабские школы

и университеты в течение длительного времени были закрыты, был введен комендантский час и ограничено передвижение людей и товаров. Тогда палестинские политические партии создали во всех районах «народные комитеты», удовлетворявшие практически все бытовые нужды населения: в питании, медицинской и сельскохозяйственной помощи, в образовании и безопасности [Shafi, 2004].

В целом, организации гражданского общества в 1980-е и начале 1990-х гг. не играли традиционной роли буфера между государством и гражданином, защищающим население от нарушения прав и чрезмерного государственного контроля и помогающим сглаживать социальные и политические противоречия, будучи нацелены на замену израильских государственных служб и создание самодостаточной инфраструктуры.

Еще одной важной вехой как для истории Палестины и ее гражданского общества стало создание Палестинской национальной администрации (ПНА) в 1994 году: впервые палестинцы установили собственное политическое руководство над Западным берегом реки Иордан и сектором Газа. Однако уже почти тридцать лет ПНА показывает свою неэффективность: сохраняются высокие уровни безработицы и бедности, авторитарная модель правления мешает проведению новых инициатив, напряженные отношения между ФАТХ и ХАМАС приводят к регулярным вооруженным столкновениям. По этой причине сектор гражданского общества стал более влиятельным: к началу 2000-х гг. НГО предоставляли более половины всех медицинских услуг и почти все дошкольное образование. Другие отрасли также в большой степени зависели от деятельности НГО, в особенности сельское хозяйство. Кроме того, на современном этапе у гражданского общества появилась еще одна значимая сфера деятельности — онлайн-активизм, который призван распространять информацию обо всех событиях протестных акций и о нарушениях Израилем прав палестинцев, продвигать положительный образ Палестины и искать поддержку правозащитных организаций

и палестинских диаспор по всему миру. Таким образом, участие современного гражданского общества в жизни населения проявляется не только в экономической сфере, как в период с конца 1980-х до начала XXI в.: оно стало заметно более политизированным.

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Можно выделить несколько основных целей гражданского общества в Палестине. Первая из них — обеспечение населения всем необходимым, что зачастую невозможно получить от государства или за счет собственных средств: образованием, медицинскими и юридическими услугами, жильем, пищей, чистой водой и так далее.

Существует большое количество негосударственных некоммерческих организаций, работающих именно в направлении улучшения качества жизни палестинцев. Самые известные из них — медицинские НКО: Палестинское общество медицинской помощи (PMRS) и Палестинское общество красного полумесяца (PRCS); образовательная организация *Tamer Institute for Community Education*, Ассоциация социального обеспечения (WA), предоставляющая жилье и еду нуждающимся, Комитет по оказанию помощи в сельском хозяйстве (PARC), в том числе занимающийся строительством доступного жилья и ремонтом домов для семей с низким доходом и Палестинская гидрологическая группа (PHG), обеспечивающая доступ жителей Газы и Западного берега к чистой воде.

Вторая цель — добиться демократизации Палестинской национальной автономии, то есть изменить политическую систему таким образом, чтобы все социальные группы были представлены в органах власти и могли влиять на процессы принятия решений. В этом направлении успехи в деятельности гражданского общества невелики. Одна из негосударственных организаций, собирающая и публикующая в открытом доступе мнения жителей ПНА о по-

литических проблемах, — Палестинский центр политических и социологических исследований (PCPSR). По итогам опроса, проведенного этим центром среди жителей Восточного Иерусалима в 2022 г., всего 6% респондентов планируют участвовать в следующих президентских и парламентских выборах; 41% говорят о том, что их, вероятнее всего, не устроят кандидаты, а 34 просто «не видят в этом смысла» [Special Public Opinion Poll, 2022]. На Западном берегу и в секторе Газа значения значительно выше, хотя также сравнительно невелики: в президентских выборах готовы поучаствовать 49%, а в парламентских — 69 [Public Opinion Poll, 2022]. Эти результаты свидетельствуют о том, что большая часть палестинцев не стремится повлиять на результаты выборов из-за разочарования в кандидатах, честности и прозрачности избирательного процесса. Кроме того, в этом же опросе приведена информация, что 77% палестинцев хотели бы отставки Махмуда Аббаса, бессменного главы ПНА с 2005 года. Однако власть не сменяется, в последний раз выборы в Палестинский законодательный совет проходили в 2006 г., и как таковой значимой площадки для совместного обсуждения актуальных вопросов с представителями власти у палестинцев не существует.

Третья цель — прекратить «израильскую оккупацию» и образовать собственное суверенное национальное государство. Этот нарратив является центральным во всех палестинских сообществах в соцсетях, в них Израиль зачастую обвиняют в проведении политики апартеида. Помимо того, что арабы, живущие в Израиле, стремятся отказаться от израильских товаров и услуг, а палестинские НГО, по сути, создают собственную «экономику внутри экономики», самое масштабное движение гражданского общества против «израильской оккупации и колонизации» — BDS (Boycott, Divestment, Sanctions «Бойкот, изоляция и санкции») — достаточно активно собирает вокруг себя сторонников. Его главная декларируемая цель — добиться свободы, равенства и права вернуться для

всех беженцев из Палестины. Деятельность BDS заключается в призывах ко всем компаниям не инвестировать в израильскую экономику и не открывать там филиалы, а также к государствам вводить различные экономические санкции против Израиля и исключить его из международных организаций, «пока он не выполнит свои международные обязательства» [Tripp, 2013, p. 125]. Палестинцы прибегают и к менее мирным формам протеста: вторая интифада [Cuhadar, 2010, p. 211] и «интифада единства» апреля — мая 2021 года сопровождалась многочисленными вооруженными столкновениями палестинских активистов и израильской армии.

Четвертая цель — обеспечить соблюдение прав всех палестинцев, включая маргинализированные группы. На данный момент одной из распространенных форм деятельности гражданского общества в Палестине считается правозащитная — так называемое «юридическое сопротивление». Ей занимаются некоторые крупные организации гражданского общества — Addameer Prisoner Support, следящая за тем, как Израиль и Палестинская администрация обращаются с палестинскими заключенными, арестованными на Западном берегу, и оказывает им юридическую помощь, а также Палестинский центр по правам человека (PCHR), документирующий нарушения международного права и прав человека Израилем и оказывающий юридическую поддержку жертвам этих нарушений.

Что касается прав женщин, ими занимаются НГО Аль-Каус и Женский центр юридической и психологической помощи. Они борются с насилием по половому признаку, в том числе с «убийствами чести», и выступают за полное равенство мужчин и женщин. Можно сказать, что эти формы активизма и организации более привлекательны, нежели кампания BDS, для зарубежной, особенно западной аудитории, так как она более позитивно воспринимает такие формулировки, как «соблюдение прав человека», «улучшение положения женщин» и так далее, чем «бойкот», «изоляция» и «санкции». Соответственно, сочувствующие палестинско-

му народу скорее окажут помощь правозащитным организациям [Debating Forms... 2011].

Выделяется новая сфера деятельности гражданского общества — онлайн-активизм. Палестинское общество достаточно «молодое»: на 2022 год медианный возраст палестинцев был 21,2 год. К тому же аналитический центр *Kepios* установил, что 70,6% жителей палестинских территорий имеют доступ к Интернету [Kemp, 2022]. В последние годы наблюдается растущая тенденция к использованию Интернета как ресурса информации, как публичную площадку для обсуждения политических вопросов, для документирования нарушения прав и убийств палестинцев израильскими военными и полицией и для координации протестов (особенно ярко это проявилось во время событий апреля — мая 2021 г.)

При изучении сообществ и аккаунтов в Twitter, Facebook, Instagram¹ и Tik-Tok, посвященных политической ситуации в Палестине и Израиле, можно прийти к выводу, что они часто выкладывают информацию не только на арабском, но и на английском языке, используют узнаваемые слоганы и хэштеги и короткие видео (см. например: [Free Palestine]). В целом, палестинский интернет-активизм во многом вдохновляется американским: так, в 2020 г. в сети широко распространился хэштег *#PalestinianLivesMatter*, созданный по аналогии с *#BlackLivesMatter* для широкого освещения репрессий, проводимых Израилем против палестинцев [Gil, 2021]. К тому же, активисты пользуются содействием известных личностей, например, Беллы Хадид, открыто заявляющей о поддержке борьбы за освобождение Палестины [Walsh, 2022].

ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

На данный момент гражданское общество сталкивается со следующими проблемами:

1. Противостояние со стороны Израиля. Протесты против политики оккупации жестко пре-

секаются израильскими военными и полицией. В августе 2022 г. израильская армия совершила рейды на офисы семи общественных организаций, конфисковала документы и оборудование и заблокировала двери в помещения. Шесть из этих организаций были признаны террористическими [Израиль/ОПТ, 2022]. В онлайн-поле конфронтация со стороны Израиля проявляется в цензуре и блокировке некоторых активистов и негативных комментариев [Fatafta, Nashif, Arafteh, 2019].

2. Конфликт интересов с ПНА. Во-первых, руководство Палестинской национальной администрации фактически борется с организациями гражданского общества за финансовую помощь от международных и иностранных доноров. Во-вторых, гражданское общество в целом и в частности (например, организация *Maada*, ведущая деятельность по обеспечению свободы прессы) выступает за свободные СМИ, что может идти вразрез с основной линией ПНА. В-третьих, ПНА авторитарна, а многие НГО стремятся к ее демократизации, что не в интересах Махмуда Аббаса и его администрации.

3. Спонсорство из-за рубежа. Спонсируемые из-за границы НГО и сами доноры (Европейский союз, ООН, USAID — Агентство США по международному развитию и др.) отчасти неизбежно фокусируются на том, чтобы были выполнены условия контракта, а не достигнута конечная цель, будь то свобода для палестинского народа или обеспечение нуждающихся необходимыми вещами и услугами. В добавление к этому, попадая в зависимость от финансовой помощи из-за рубежа, организации гражданского общества могут стать инструментами в руках международного сообщества и отдельных его институтов для продвижения выгодной повестки. Поэтому в глазах палестинцев часть таких организаций выглядят «агентами Запада», что приводит к росту недоверия.

4. Некоторые действия гражданского общества опасны. Помимо таких форм протеста, как

¹ Платформа принадлежит компании *Meta*, признанной экстремистской на территории Российской Федерации.

«юридическое сопротивление» и экономический и культурный бойкот Израиля, существуют и менее мирные. И в секторе Газа, и на Западном берегу проходят так называемые «марши возвращения» или «ночные смятения», цель которых в том, «чтобы лишить израильских солдат, поселенцев и жителей приграничных израильских городов спокойного сна». Протестующие используют «коктейли Молотова», поджигают шины и всю ночь шумят. Хотя в последние годы тенденция к вооруженному протесту снизилась, и он остался популярным только у сторонников ХАМАС и военизированных группировок, на протестах 2021 г. было достаточно много столкновений израильской армии и полиции с палестинскими протестующими.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОСЛЕ 07.10.2023

После начала вторжения ХАМАС в Израиль и полномасштабной вооруженной эскалации конфликта гражданское общество продолжило еще более активно призывать к бойкоту Израиля. Так, ведущие палестинские организации ГО подписали публичное письмо Европейскому парламенту [Palestinian Civil Society... 2023] и подали срочное обращение в Комиссию по расследованию ООН [Palestinian Organizations Send... 2023], в которых потребовали привлечь Израиль к ответственности за «преднамеренные целенаправленные нападения на гражданских лиц и инфраструктуру в Газе» и потребовали от Израиля соблюдать обязательства по международному праву.

В публичном письме технологическим компаниям 57 палестинских и других ближневосточных организаций гражданского общества призвали «разобраться со случаями разжигания ненависти в Интернете, подстрекательства и насильственных высказываний в адрес палестинцев, главным образом на иврите», мешать распространению дезинформации и не подвергать «непропорциональной» цензуре высказывания палестинцев в соцсетях [Civil Society Organizations Call... 2023].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организации гражданского общества — основные акторы в социально-экономическом и политическом развитии палестинского общества. Они способны предоставить необходимые товары и услуги нуждающемуся населению и привлечь внимание к актуальным проблемам как палестинской, так и зарубежной аудитории и международных доноров. Развитие гражданского общества — необходимый компонент демократического общества, и в Палестине оно развито на выдающемся уровне.

В последнее десятилетие главным нововведением в деятельности гражданского общества Палестины стал онлайн-активизм. Он представляется самым доступным, безопасным и эффективным способом выражения гражданской позиции. Однако даже он не даст ощутимых положительных результатов, если между организациями гражданского общества и руководством ПНА не будет прозрачного и равноправного диалога.

Деятельность палестинских активистов не всегда организована, ограничена по количеству вовлеченных в нее людей, порой неэффективна или несет социально опасный характер и часто подавляется как с израильской, так и с палестинской стороны. Однако в последние годы наблюдается устойчивый тренд на мобилизацию усилий, направленных на улучшение условий жизни, прекращение военных столкновений и борьбу с авторитаризмом, который объединяет все палестинское общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гаджиев К. С. *Политическая Наука: пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов*. М.: Сорос: междунар. отношения, 1994. 400 с. [Gadzhiev K. S. *Political Science: A Manual for Teachers, Graduate Students and Students of Humanities Faculties*. Moscow: Soros: International Relations, 1994. 400 p. (in Russian)].

Израиль/ОПТ: солидарность с палестинцами означает прекращение всякой поддержки апартеида. *Amnesty International*. 07.12.2022. [Israel/ OPT: Solidarity with the Palestinians Means Ending All Support for Apartheid. *Amnesty International*. 07.12.2022. (in Russian)]. URL: <https://eurasia.amnesty.org/2022/12/07/izrail-opt-solidarnost-s-palestinczami-oznachaet-prekrashhenie-vsyakoj-podderzhki-aparteida/> (accessed 27.02.2023).

Маркетти Р. Роль гражданского общества в конфликтах: от эскалации до милитаризации. *Россия в глобальной политике*. 28.10.2015. [Marchetti R. The Role of Civil Society in Conflicts: From Escalation to Militarization. *Russia in Global Affairs*. 28.10.2015. (in Russian)]. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/rol-grazhdansko-go-obshhestva-v-konfliktah-ot-eskalaczii-do-militarizaczii/> (accessed 20.02.2023).

Asi Y. M. Building a Nation without a State: Civil Society in Palestine. *Arab Center Washington DC*. 23.12.2020. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/building-a-nation-without-a-state-civil-society-in-palestine/> (accessed 20.02.2023).

Buzan B., Wæver O., De Wilde J. *Security. A New Framework for Analysis*. Boulder and London: Lynne Rienner. 1998. 240 p.

Civil Society Organizations Call on Tech Companies to Respect Palestinian Digital Rights in Times of Crisis. *Global Voices*. 23.10.2023. URL: <https://globalvoices.org/2023/10/23/civil-society-organizations-call-on-tech-companies-to-respect-palestinian-digital-rights-in-times-of-crisis/> (accessed 05.11.2023).

Cuhadar E. Israel and Palestine: Civil Societies in Despair. *Civil Society and Peacebuilding*. Ed. by T. Paffenholz. Lynne Rienner Publishers, 2010. Pp. 207–233.

Debating Forms of Resistance. *Al-Shabaka*. 11.04.2011. URL: <https://al-shabaka.org/roundtables/debating-forms-resistance/> (accessed 28.02.2023).

Fatafta M., Nashif N., Arafah N. Digital Censorship in the Palestinian Context. *Al-Shabaka*. 12.11.2019. URL: <https://al-shabaka.org/labs/>

[digital-censorship-in-the-palestinian-context/](https://al-shabaka.org/labs/digital-censorship-in-the-palestinian-context/) (accessed 27.02.2023).

Free Palestine (Group). *Facebook*. URL: <https://www.facebook.com/groups/1253534124720528/> (accessed 27.02.2023).

Gil I. Palestinians Are Using Online Activism to Forge a New Narrative. *Equal Times*. 02.06.2021. URL: https://www.equaltimes.org/palestinians-are-using-online#.Y_5Ma3ZByUk (accessed 27.02.2023).

Kemp S. Digital 2022: Palestine. *Datereportal*. 16.02.2022. URL: <https://datereportal.com/reports/digital-2022-palestine> (accessed 28.02.2023).

Lu R. *Palestinian Arab Minority Civil Society Organizations on the Global Stage: 1995 — Present*. 2014. 65 p.

Palestinian Civil Society Organizations Submit Recommendations for the European Parliament Motion for a Resolution on Palestine. *Al-Haq*. 17.10.2023. URL: <https://www.alhaq.org/advocacy/21914.html> (accessed 05.11.2023).

Palestinian Organizations Send Urgent Appeal on Israel's Escalation of its Oppression against Palestinians in Every Part of Historic Palestine. *Al-Haq*. 03.11.2023. URL: <https://alhaq.org/advocacy/2076.html> (accessed 05.11.2023).

Public Opinion Poll No. (84). *PCPSR*. 28.06.2022. URL: <https://pcpsr.org/en/node/912> (accessed 22.02.2023).

Shafi A. *Civil Society and Political Elites in Palestine and the Role of International Donors: A Palestinian View*. EuroMeSCo Paper (33), 2004. 16 p.

Special Public Opinion Poll Among Palestinians of East Jerusalem. Comparing the Results of 2010 and 2022 polls. *PCPSR*. Nov. 2022. URL: <https://pcpsr.org/en/node/931> (accessed 22.02.2023).

Tripp C. *The Power and the People: Paths of Resistance in the Middle East*. Cambridge University Press, 2013. 410 p.

Walsh K. Bella Hadid Says Her Vocal Support for Palestine Has Lost Her Jobs. *Glamour*. 16.08.2022. URL: <https://www.glamour.com/story/bella-hadid-says-support-palestine-lost-her-jobs> (accessed 27.02.2023).

ЭКОНОМИКА «ДОЛГОЙ ВОЙНЫ» В ЛИВИИ: КАК ПОЛИТИКА ОПРЕДЕЛЯЕТ ЭКОНОМИКУ В ЛИВИЙСКОМ КРИЗИСЕ (2011–2017)

THE ECONOMICS OF “LONG WAR” IN LIBYA: HOW POLITICS DEFINE THE ECONOMY IN THE LIBYAN CRISIS (2011–2017)

© 2023 Григорий Валерьевич Лукьянов

научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва,
Россия

gvlukyanov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5569-2492

Grigoriy V. Lukyanov

Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow,
Russia

gvlukyanov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5569-2492

В статье на материале изучения ливийского кризиса в 2010-х гг. выявлены характеристики взаимозависимости политических и экономических трансформаций, проходивших под влиянием системного ослабления государственных институтов и иностранного военно-политического вмешательства стран НАТО в результате событий арабской весны и февральской революции 2011 г. в Ливии. Приведены примеры взаимного влияния процессов политической и экономической фрагментации и децентрализации в условиях динамичной трансформации продолжительного военно-политического кризиса, характеризующегося множественностью расколов и многоуровневой структурой конфликтов. Описано влияние выявленных факторов на складывание и развитие гуманитарного кризиса в стране.

Ключевые слова: Северная Африка, Ливия, ливийский конфликт, ливийский кризис, политэкономия конфликта, регионализация, урбанизация, фрагментация, децентрализация

Для цитирования: Лукьянов Г. В. Экономика «долгой войны» в Ливии: как политика определяет экономику в ливийском кризисе. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 112–122. DOI: 10.18254/S268684310029254-7

The paper, based on the study of the Libyan crisis in the 2010s, reveals the characteristics of the interdependence of political and economic transformations that took place under the influence of the systemic weakening of state institutions and foreign military and political intervention of NATO countries because of the Arab Spring and the February 2011 revolution in Libya. Examples of mutual influence of the processes of political and economic fragmentation and decentralization in the conditions of dynamic transformation of a prolonged military-political crisis characterized by multiple splits and multi-level structure of conflicts are presented. The impact of the identified factors on the formation and development of the humanitarian crisis in the country is described.

Keywords: North Africa, Libya, Libyan conflict, Libyan crisis, political economy of conflict, regionalization, urbanization, fragmentation, decentralization

For citation: Lukyanov Grigoriy V. The Economics of “Long War” in Libya: How Politics Define the Economy in the Libyan Crisis. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 112–122. DOI: 10.18254/S268684310029254-7

Военно-политический кризис в Ливии продолжается без малого двенадцать лет. В течение этого длительного периода времени территория богатейшего государства на средиземноморском побережье Северной Африки подверглась последовательному разорению и деградации.

В 2011 г. в рамках непродолжительной, но действенной операции «Одиссея. Рассвет» / *Odyssey Dawn* (19–31 марта 2011 г.) и куда более длительной 222-дневной операции «Объединенный защитник» / *Unified Protector* (23 марта – 31 октября 2011 г.) вооруженные силы США и их союзников во исполнение положений Резолюции СБ ООН 1973 о создании бесполетной зоны над Ливией не только уничтожили значительную часть военной инфраструктуры войск Ливийской Джамахирии, но также нанесли невосполнимый урон и потери гражданскому населению и ряду гражданских объектов.

Наиболее известны грандиозный проект сложных гидротехнических сооружений «Великая рукотворная река», созданный в период правления Муаммара Каддафи и призванный обеспечить водой пустынные районы страны. Тем не менее были уничтожены или поврежде-

ны и другие объекты, призванные обеспечивать жизнедеятельность гражданского населения в крайне неблагоприятных климатических условиях. Процесс восстановления разрушенного встретил немало преград, вызванных причинами как внутреннего, так и внешнего характера, и затянулся в долгосрочной перспективе на неопределенный период.

С конца 2011 г. по всей территории Ливии развернулась серия локальных вооруженных конфликтов, целью которых стало удержание контроля над ключевыми объектами инфраструктуры и производственными мощностями. Эти объекты были способны обеспечить стабильный приток доходов местным группам и сообществам в условиях распада единой экономической системы под влиянием возросших центробежных тенденций и кризиса центральной власти.

Экономическая и социальная инфраструктура, в течение нескольких десятилетий являвшаяся предметом особой гордости политического руководства Ливийской Джамахирии во главе с Муаммаром Каддафи, предметом зависти и вождения десятков и сотен тысяч мигрантов-переселенцев из Азии, Африки и Европы, неуклонно разрушалась в условиях

непрекращающейся вольницы независимых вооруженных формирований, коллапса легитимности центральных органов государственной власти и кризиса политических институтов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕГРАДАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ВОЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Избранный в 2012 г. Всеобщий национальный конгресс (ВНК) и сформированные им кабинеты министров во главе с Али Зейданом (2012–2014) и Абдаллой Абдуррахманом ат-Тани (2014) не сумели совладать с деструктивными **последствиями гражданской войны 2011 г.** и преодолеть усиленное Революцией 17 февраля наследие эпохи Джамахирии: рост племенного автономизма, центробежные тенденции [Mezran, Talverdian, 2014] и естественные ограничения [Aslan, 2014] экономической модели государства-рантье, ставшие особенно очевидными на выходе из режима долгосрочных экономических и политических санкций (1992–2005)¹.

Усилившиеся в 2012 г. дискуссии о неизбежности федерализации Ливии [Libya and Federalism... 2012; *The Case for a New Federalism in Libya...* 2014], как о единственном способе хотя бы формально сохранить единое государство, из года в год все чаще находили поддержку на местах и подогревали критику в адрес инициатив и реформ правительства ВНК, направленных на централизацию бюджета и усиление фискальных мер. Сильней всего центробежные устремления были поддержаны [Wehrey, 2012] в исторически обособленной области Киренаика, где проживает меньше четверти населения страны, но сосредоточена значительная часть предприятий нефтедобычи и экспортной инфраструктуры².

Также за пределами возможностей центрального правительства оказалось совладать с миграционными потоками [Noaldo, 2012]: остановить или замедлить начавшийся в 2011–2012 гг. постепенный отток коренного ливийского населения и возросший приток мигрантов из Центральной и Западной Африки, рассматривавших Ливию в качестве транзитной территории на пути в страны Южной (Италия), Западной (Франция, Великобритания) и Центральной (Германия, Австрия) Европы.

Разразившееся в 2014 г. противостояние между исламистским альянсом «Рассвет Ливии», защищавшим легитимность ВНК, и созданного им Правительством национального спасения (ПНСп) Халифы Гвейли, и Ливийской национальной армией (ЛНА), выступившей в поддержку новоизбранной Палаты представителей (ПП) и временного правительства А. ат-Тани, превратилось в долговременный конфликт, лишь усиливший процессы **децентрализации и разрушения внутренних связей** между отдельными элементами ливийской экономики. Несмотря на то, что ПП получила международное признание, она лишилась поддержки в Триполи и была вынуждена переместиться в Тобрук. Депутаты и созданное ими правительство с нуля создавали органы и инфраструктуру управления, чего даже за три года в полной мере сделать так и не удалось.

К ослаблению авторитета центральных властей среди подавляющей части населения добавился **конфликт юрисдикций** между двумя представительными органами власти — ПП и ВНК. Каждый из них обрастал новыми административными структурами, воссоздавал собственную систему исполнительных органов и продуцировал законодательную базу их деятельности. На определенном этапе (2014–2015 гг.) на контро-

1 Подробнее о влиянии режима международных санкций на экономику, социальную сферу и политическую систему Ливии см. в: [Niblock, 2011, p. 60–92], а на период экстенсивного и интенсивного роста национальной экономики в условиях (ре)интеграции в мировую экономику (2005–2011) см. в: [Otman, Karlberg, 2007].

2 Примечательно, что иная ситуация имеет место в *исторической* Триполитании, где благодаря динамичному росту численность населения выше, а производственные мощности ограничены лишь переработкой сырья, но не добычей в силу объективных географических условий [Ali, Hashim, Rostam, Jusoh, 2011].

лируемом силами ЛНА и находящемся под эгидой ПП северо-востоке клоны появились даже у дислоцированных в Триполи Центрального банка [Assad, 2017] и Национальной нефтяной компании [Libya Rivals Fight... 2015]. При этом объем фискальной нагрузки на население — как на физических, так и на юридических лиц — как минимум, удвоился. Чтобы избежать двойного налогообложения и сохранить доходы, населению пришлось вывести экономическую деятельность из легального поля, что окончательно легитимировало «черный рынок» и теневую экономику в масштабах всей страны, с одной стороны, и лишило государство потенциальных доходов — с другой.

Регионализация сделала отдельные территории страны куда более тесно интегрированными с внешними рынками и экономическими системами приграничных районов государств-соседей, с которыми Ливия имеет сухопутные границы:

На западе — с Алжиром (вилайет Иллизи и отчасти Уаргла);

На северо-западе — с Тунисом (вилайеты Меденин и Татавин);

На северо-востоке — с Египтом (мухафазы Матрух и Вади-эль-Гедид);

На юго-востоке — с Суданом (Северная провинция (*аш-Шамалия*) и Северный Дарфур);

На юге — с Чадом (регионы Тибести, Борку и Восточный Эннеди);

На юго-западе — с Нигером (департамент Бильма в составе региона Агадес).

В приграничной полосе в течение многих десятилетий процветает нелегальная торговля контрабандным ливийским топливом, представляющим продукт примитивной перегонки нефти в кустарных условиях на частных мини-заводах. Здесь же активно идет меновая торговля, а через южные границы Ливии регулярно перемещаются группы мигрантов из стран Африки Южнее Сахары, направляющиеся к средиземноморскому побережью. В условиях непрекращающегося вооруженного противостояния в Ливии эти люди превратились в мощный двигатель транс-

граничной торговли и источник заработка для вооруженных формирований и простых местных жителей.

На севере экономическое выживание прибрежных районов Ливии связано с историческими партнерами по торговле на море — Мальтой и Италией. Эти связи могут быть крепче, чем у многих прибрежных городов друг с другом. Ярчайший пример — крупнейшие города-порты: Мисурата на северо-западе и Бенгази на северо-востоке. Из-за военно-политической ситуации морское сообщение между ними после 2011 г. практически полностью прекратилось, тем временем, именно через эти порты в Ливию поступают товары, которые она не производит, но в которых остро нуждается. В первую очередь, речь идет о продуктах питания, но ими набор товаров трансграничной торговли не ограничивается: в случае с Мальтой немаловажным фактором остаются тесные финансовые связи, установившиеся задолго до революции 1969 г., приведшей к власти М. Каддафи.

Помимо всегда существовавшей определенной экономической зависимости от приграничных территорий, важной предпосылкой к децентрализации, регионализации и ориентации приграничных областей Ливии на экономику приграничных районов сопредельных стран стало частичное, а местами полное **разрушение** в результате боевых действий 2011 г. **единой системы экономических связей**, обеспеченных топливно-энергетическим комплексом. Созданная во времена Джамахирии единая инфраструктура, соединявшая в себе диверсифицированную в пространстве (между различными регионами) совокупность предприятий и объектов добычи, переработки и транспортировки нефти, газа и производных продуктов, соединяла политически неоднородную и разобщенную страну надежными экономическими «скрепами» и «стяжками». Сначала связующие коммуникации были разрушены бомбардировками ВВС стран-участниц операций «Рассвет Одиссея» и «Объединенный защитник», а затем территории были заняты самостоятельными

революционными бригадами и группами ополчения. Элементы такой системы в определенных условиях и при соответствующем желании были способны работать и автономно, но с куда меньшей производительностью и более высокими затратами, что могло прямо сказаться на их прибыльности.

Система экспорта «черного золота», кормившая и способная в будущем кормить буквально все население страны, не способна стабильно функционировать, если страна распадется на части: единый экономический комплекс прекратит функционировать, нефть перестанет поступать на мировой рынок, а вырученные средства не смогут обеспечить потребности населения и основных общественных институтов — племен, в том виде, в каком это было в период форсированной модернизации при Каддафи.

Тем не менее гражданская война 2011 г. и последующая серия вооруженных конфликтов на первоначальном этапе актуализировали и поставили в общественном сознании на первое место политические и социальные конфликты, оттеснив экономику на второй план. Такое могло произойти только в обществе, долгое время не ощущавшем серьезной экономической нужды и пользовавшемся природными богатствами и благами, без раздумий о необходимости поддержания работоспособности системы. В обществе, которое в своем большинстве, — а подавляющая часть ливийцев очень молода (средний возраст, по данным за 2015 г., составил 27 лет [Libya: Average Age... 2023]), — после 2011 г. мечтало о преодолении «изоляции», в которой оно особенно сильно ощущало себя в 2000-е гг., когда со снятием международных санкций окончательно пали информационные барьеры, а защитные механизмы, выработанные для противодействия санкциям, продолжали функционировать (о политических ценностях и взглядах ливийской молодежи в период и после арабской весны, к примеру, см.: [Lührmann, 2015]).

Линия государственной границы и прилегающие территории по обе ее стороны превратились в центр торгово-экономической актив-

ности, где осуществляются торговые сделки всех видов, в т. ч. и бартерные. В экономическом отношении **Ливия стала напоминать страну-«бублик»**, где основная часть торговли, а за ней и другие виды экономической деятельности смещаются на периферию, в приграничные области, а центральные районы начали приходить в запустение, несмотря на наличие на отдельных территориях разрабатываемых запасов нефти.

В то же самое время возросла реальная **обособленность городских центров**. Местные власти самостоятельно заботились о выживании и сохранении благосостояния жителей, поэтому с учетом наличных ресурсов и возможностей они приступили к построению обособленных и независимых, замкнутых на себя и на внешнюю торговлю экономических систем. В этих условиях приходится говорить о ширящемся неравенстве между городами в зависимости от их расположения [Libya: Understanding... 2015].

Большие города, такие, как Триполи, Бенгази и Себха сами по себе жизнеспособны: несмотря на причиняемые перманентными вооруженными столкновениями разрушения, они представляют собой густонаселенные агломерации с многоуровневым хозяйством и многочисленным постоянным населением. В более выгодном положении находятся приграничные города поменьше, среди которых выделяется прибрежный Мисурата, обладающий собственными морским и воздушным портами, позволившими ему сохранить статус «морских врат» западной Ливии. Небольшие городские центры, не являющиеся транспортными хабами и удаленные от границы, в некоторых случаях переживают отток коренного населения из-за нехватки средств для выживания. В особом положении оказались города, ставшие местом активных боевых действий и в их результате полностью (Сирт) [Libya: Displacement... 2016] или частично (Бани-Валид) разрушенные: разрушения инфраструктуры и последовавший исход значительной части населения привели к снижению уровня социальной и экономической активности и падению уровня жизни. Число таких городов

может увеличиваться, несмотря на установившееся во второй половине 2017 г. затишье в вооруженном противостоянии между силами ЛНА и сторонниками ПНЕ, ввиду сохранения разногласий, независимости вооруженных отрядов на местах и присутствия в стране радикальных исламистских формирований, как, например, ИГ³ [Ashour, 2015]. Ярчайшим примером является расположенный на востоке Ливии город Дерна, который в 2014–2017 гг. стал, как и Бенгази, полем постоянного противостояния ЛНА и противников маршала Х. Хафтара в Киренаике. Гуманитарная ситуация в городе вызывает много вопросов у правозащитников, гуманитарных организаций и международных наблюдателей [Libya: Humanitarian Situation... 2017].

Политическая автономия и экономическая автаркия городов усиливались в условиях продолжавшегося вооруженного противостояния между силами, заявлявшими о лояльности различным правительствам в Триполи и Тобруке, и после того, как в марокканском Схирате при поддержке Миссии ООН было заключено соглашение и принят план политического урегулирования. С образованием Правительства национального единства (ПНЕ) во главе с Фаизом Сарраджем в 2015 г. и его передислокацией из Туниса в Триполи в первой половине 2016 г. **конфликт юрисдикций** между ним и временным правительством Ат-Тани в Тобруке так и не был разрешен даже по прошествии двух лет. Несмотря на продемонстрированную готовность Ат-Тани и председателя ПП Агилы Салеха к переговорам с возглавляемыми Ф. Сарраджем ПНЕ и Президентским советом по широкому кругу вопросов эффективного управления и различным аспектам экономического взаимодействия, неспособность сторон достичь политического компромисса оказала негативное воздействие на реализацию достигнутых с большим трудом договоренностей. Далеко не последнюю роль сыграла неудовлетворенность

военного руководства ЛНА условиями Схиратских соглашений. Армия продемонстрировала способность выступить в качестве монолитной политической силы и активно отстаивать свои корпоративные интересы всеми доступными способами.

В 2017 г. социально-экономическая ситуация не претерпела кардинальных изменений к лучшему; скорее наоборот. Многолетнее военно-политическое противостояние, разрушившее инфраструктуру, кризис государственных институтов и экономическая деградация исчерпали накопления населения и привели в негодность немногие существовавшие в Ливии производственные мощности. На повестку дня вышла гуманитарная составляющая кризиса, не замечать которую уже невозможно.

ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА К ГУМАНИТАРНОЙ КАТАСТРОФЕ

Политические амбиции руководства Ливийской национальной армии во главе маршалом Халифой Хафтаром в не меньшей степени, чем активность вооруженных групп международных исламистских террористических структур, таких как «Исламское государство» и «Аль-Каида»⁴, в Ливии [Быстров, 2017], подрывают усилия гражданских властей под эгидой ПНЕ и ПП, ставящих цель выстроить функциональные работоспособные экономические и политические институты как базис для политического урегулирования и восстановления государства. Отсутствие институциональной основы затрудняет не только преодоление политической фрагментации и разобщенности, но и мешает восстановлению единой социально-экономической системы и социальной поддержки населения в масштабах всей страны. Прямое следствие — последовательно ухудшающаяся гуманитарная ситуация в полностью зависимой от импорта стране.

В 2015 г. в Ливию было импортировано товаров на общую сумму 11,4 млрд долларов —

3 Запрещенная на территории РФ террористическая организация.

4 Запрещенная на территории РФ террористическая организация.

практически в два раза меньше, чем в 2010 г., когда общий объем импорта оценивался в 24,3 млрд долларов [Libya. ОЕС, 2015]. Важности этим показателям придает осознание того, что, будучи нефтяной житницей и одним из ведущих экспортеров «черного золота» в регионе, Ливия практически не производит и не экспортирует ничего кроме нефти и газа⁵. В том же 2015 г. объемы экспорты сократились до 8,78 млрд долларов с 45,1 млрд долларов в 2010 г. При этом структура экспорта явно отражает [Libya. ОЕС, 2015] проблемный характер экономики: 69% объемов экспорта — это сырая нефть, 21% — попутный газ, 3,7% — нефтепродукты. Доходы, а вслед за ними и платежеспособность государства, даже без учета разобщенности структур ПНЕ и ПП, за прошедшие годы сократились многократно: ни о каком накоплении средств речь не идет, только о расходах на первичные нужды, значительно превосходящие доходы. От нефтедобычи напрямую зависит выживание и стабильность любого политического режима и эффективность политического управления в Ливии при сохранении существующей модели экономического развития.

Значительная часть финансовых средств, принадлежавших как семье Каддафи, так и ливийскому государству и арестованных в иностранных банках в 2011 г., за редким исключением [SA to Return Gaddafi Billions, 2013] так и не были возвращены в страну. В 2017 г. в некогда богатейшем государстве региона (с крупнейшим золотовалютным запасом) достиг апогея кризис наличных денег [Quillen, 2018], которых как гражданам, так и иностранцам перестало хватать для удовлетворения элементарных потребностей. **Покрыть дефицит наличности на северо-востоке удалось лишь с помощью экстренной эмиссии денег, напечатанных и отчеканенных в России** [Онтиков, 2017]. На западе и юге кризис

ощущается и по сей день, что стимулирует развитие бартерной торговли.

В лучшие годы, когда численность населения Ливии была намного меньше, политическая ситуация внутри страны стабильнее, а доходы от экспорта значительно выше, страна тем не менее удовлетворяла за счет импорта не менее 80% внутренних потребностей в продовольствии и только 15–20% обеспечивались местным сельским хозяйством и производством, весьма ограниченными естественными климатическими и экологическими условиями [Егорин, 1996, с. 58–73]. Важнейшей составляющей государственной политики продовольственного обеспечения в Ливии, как и практически всех соседних арабских стран, всегда было государственное субсидирование продовольственного сектора и удержание фиксированных низких цен на основные продукты питания путем прямого государственного регулирования. В условиях продолжающегося политического кризиса единого государства в Ливии как такового все еще не существует, поэтому ни одно из правительств — ни ПНЕ, ни временное правительство в Тобруке, ни мифическое ПНСп Х. Гвейли, которое отдельные наблюдатели пытались «воскресить» в течение всего 2017 г., — не имело и не имеет ни достаточной политической воли, ни экономических возможностей для поддержания внутреннего рынка продовольствия, для осуществления закупок за рубежом и для влияния на цены по всей территории страны, которую никто из них не контролирует. В результате цены на хлеб и другие продовольственные товары в Ливии в 2017 г. значительно выросли [Libya: Reach... 2017].

В 2017 г. в Ливии продолжал спорадически расти уровень инфляции [Ливия — Уровень инфляции... 2004–2023] и падал курс национальной валюты [Libyan Dinar Drops... 2017], некогда одной из самых стабильных в регионе [Раск, 2017], сохранялся стабильно высокий уровень

5 Несмотря на то, что страна прошла большой путь развития аграрного сектора производства и создания собственной пищевой промышленности, естественные ограничители стали непреодолимым барьером для выхода на самообеспечение продуктами питания [Смирнова, 2011, с. 93–150].

безработицы (в т. ч. среди лиц, имеющих высшее образование⁶), падал доход на душу населения [Libya. In Transition... 2023], что неуклонно повлекло за собой неотвратимое обеднение населения [Examining and Reducing Poverty in Libya... 2023] (около 40% населения проживают за чертой бедности) [Poverty Persists in Libya... 2011]. С учетом притока в страну транзитных мигрантов, направляющихся в Европу, и снижения общего числа трудовых мигрантов, занятых в экономической деятельности на территории Ливии, в т. ч. сезонных рабочих в сельском хозяйстве, возрастает спрос на продовольствие, а предложение уменьшается. В нынешних условиях Ливия способна [Вартанян, 2017] за счет внутренних ресурсов удовлетворить едва ли больше 7% продовольственных потребностей собственного и пришлого населения. По данным Международной продовольственной организации, не менее 1,3 млн ливийцев нуждаются в продовольственной помощи извне, что говорит о том, что страна находится на грани гуманитарной катастрофы и голода [Libya. World Food... 2023].

Дефицит продовольствия, пожалуй, самая главная, но не единственная составляющая гуманитарной катастрофы в Ливии периода второй гражданской войны. Помимо дефицита продуктов питания в стране ощущалась острая нехватка лекарственных препаратов, квалифицированных врачей и медперсонала. Самой уязвимой перед этими вызовами группой населения являются дети: по данным ЮНИСЕФ, около 21,4% детей в Ливии в возрасте до 5 лет, т. е. рожденных после событий 2011 г., страдали от нехватки веса [Libya. UNICEF, 2023]. Во многих районах страны разрушена или пришла в негодность система водоснабжения, отчего воды, доступ к которой в Ливии всегда был ограничен в силу естественных факторов, не хватает

не только для производства, но и для бытовых нужд граждан даже в столь крупных и значимых городах, как Триполи [Gatenby, 2017] и Тобрук [Al-Narathy, 2017].

Особую группу незащищенных не только в социально-экономическом, но и правовом отношении составляют перемещенные лица. Речь о транзитных мигрантах, следующих с юга на север в поисках лучшей жизни в развитых государствах Европейского Союза. После падения режима Каддафи Ливия из страны реципиента иностранной рабочей силы — в лице как сезонных трудовых мигрантов, так и переселенцев, рассматривавших Ливию в качестве постоянного места жительства и стремившихся получить ее гражданство, — превратилась в страну-транзитера. В условиях перманентной нестабильности и отсутствия государственного контроля произошло складывание «ливийского миграционного коридора» [El Ghamari, 2016], находящегося вне зоны прямой ответственности какого-либо заинтересованного государства под защитой призрачного суверенитета Ливии как члена ООН.

Ни одно государство, заинтересованное если не в прекращении, то хотя бы в регулировании миграционного потока, не способно действовать на территории суверенного ливийского государства, не нарушая международного права, и не настроив против себя местное население. В ливийской исторической памяти, способной показаться короткой в виду сравнительной «молодости» государства, сильны воспоминания об опыте итальянского завоевания (1911–1912) и колонизации (1912–1943), о британско-французской оккупации (1943–1950)⁷ и о бомбардировках ливийской территории ВВС США и их союзниками (1986, 2011).

Хотя миграционный вопрос неоднократно ставился на повестку переговорного процесса

6 Несмотря на долговременный военно-политический кризис ливийская система высшего образования продолжала функционировать, готовить и выпускать на рынок труда квалифицированных специалистов [Exploring the Challenges... 2016].

7 С позиций официальной национальной историографии времен М. Каддафи, закончившейся только в 1970 г. с изгнанием последних иностранных военных баз с ливийской территории.

представителем Миссии ООН по поддержке в Ливии (МООНПЛ) и агентами международных гуманитарных организаций, он так и не получил должного освещения, признания и решения на национальном уровне. На фоне всего комплекса проблем, вставшего перед ливийским обществом и органами местного самоуправления, перед политическими акторами локального и регионального уровня, в Ливии все еще отсутствует не только экономическая и юридическая база, но и политическая воля для обеспечения мер защиты жизни и здоровья, не говоря уж о правах мигрантов.

Коридор обеспечивает беспрепятственное движение мигрантов из стран Африки Южнее Сахары. Наибольшая их часть оказывается в Ливии после пересечения ее самой незащищенной и потому абсолютно прозрачной и проницаемой южной границы, пользуясь услугами контрабандистов, связанных с местными кочевыми и полукочевыми племенами туарегов. В силу того, что туареги достаточно малочисленны, довольно сильно разобщены по племенному принципу и контролируют лишь часть территорий на юге и на северо-западе Ливии, движение переселенцев по ливийской территории не может быть обеспечено силами одного клана или объединения контрабандистов.

Отвечая на вызовы гуманитарного характера подобного масштаба, государственные структуры в их нынешнем разобщенном состоянии бессильны что-либо изменить без финансовой и материальной помощи извне, с одной стороны, а также политической и организационной поддержки снизу, т. е. со стороны локальных акторов. Это верно как в кратко-, так и среднесрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Быстров А. А. Об активизации боевых действий в Ливии. *Институт Ближнего Востока*. 18.11.2017. [Bystrov A. A. On the Intensification of Hostilities in Libya. *Middle East Institute*. Nov. 18,

2017 (in Russian)]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=39161#more-39161> (accessed 15.12.2023).

Вартанян А. М. Продовольственная безопасность Ливии после свержения М. Каддафи: промежуточные итоги. *Институт Ближнего Востока*. 26 окт. 2017 [Vartanian A. M. Food Security in Libya after the Overthrow of M. Gaddafi: Intermediate Results. *Middle East Institute*. Oct. 26, 2017 (in Russian)]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=38678> (accessed 15.12.2023).

Егорин А. З. *Современная Ливия. Справочник*. М.: ИВ РАН; ИИИБВ, 1996. 342 с. [Egorin A. Z. *Modern Libya. Reference Book*. Moscow: IOS RAS; ПНБВ, 1996. 342 p. (in Russian)].

Ливия — Уровень инфляции 2004–2023. Данные. *Trading Economics* [Libya — Inflation Rate 2004–2023 Data. *Trading Economics* (in Russian)]. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/libya/inflation-cpi> (accessed 15.12.2023).

Онтиков А. Россия отчеканила монеты для Ливии. *Известия*. 02.11.2017. [Ontikov A. Russia Minted Coins for Libya. *Izvestia*. Nov. 2, 2017 (in Russian)].

Смирнова Г. И. *Ливия: от тотального государственного контроля к либерализации экономики?* (50-е – 2008 г.). М.: ИВ РАН, 2011. 213 с. [Smirnova G. I. *Libya: From Total State Control to Economic Liberalization?* Moscow: IOS RAS, 2011. 213 p. (in Russian)].

Al-Harathy S. Water Crisis Looms in Tobruk, Residents Threaten to Close Oil Port. *Libyan Observer*. 24 July 2017. URL: <https://libyaobserver.ly/news/water-crisis-looms-tobruk-residents-threaten-close-oil-port> (accessed 15.12.2023).

Ali O. Kh., Hashim N., Rostam K., Jusoh H. Population Growth in the Region of Tripoli, Libya. *Australian Journal of Basic and Applied Sciences*. 2011. No. 5(11). Pp. 1609–1615 URL: <http://ajbasweb.com/old/ajbas/2011/November-2011/1609-1615.pdf> (accessed 15.12.2023).

Ashour O. Between ISIS and a failed state: The Saga of Libyan Islamists. *Rethinking Political Islam Series*. August 2015. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/Libya_Ashour-FINALE.pdf (accessed 15.12.2023).

Aslan N. *Evaluating Rentier Theory and Resource Curse Theory: The Case of the Libyan Civil War*. Thesis... Master of Science in Political Science and International Relations of Middle East Technical University Northern Cyprus Campus, 2014. 114 p. URL: <http://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12616972/index.pdf> (accessed 15.12.2023).

Assad A. Libya's Central Bank Hints at Rejecting Al-Sirraj's Call for Unification with Eastern Parallel Bank. *The Libyan Observer*. 26 Nov. 2017. URL: <https://libyaobserver.ly/economy/libyas-central-bank-hints-rejecting-al-sirrajs-call-unification-eastern-parallel-bank> (accessed 15.12.2023).

El Ghamari M. Migration Crisis and the Libyan Gate to Africa. *Securitologia*. 2016. No. 2. URL: https://www.civitas.edu.pl/wp-content/uploads/2015/03/Securitologia_2_2016_035_049.pdf (accessed 15.12.2023).

Examining and Reducing Poverty in Libya. *The Borgen Project*. URL: <https://borgenproject.org/poverty-in-libya/> (accessed 15.12.2023).

Exploring the Challenges for the Higher Education in Libya. *UNIGOV Consortium*, 2016. 64 p. URL: [http://www.tempus-unigov.eu/sites/default/files/Exploring the challenges %20web%29_0.pdf](http://www.tempus-unigov.eu/sites/default/files/Exploring%20the%20challenges%20web%29_0.pdf) (accessed 15.12.2023).

Gatenby V. Libya Suffers Severe Water Shortages. *Al-Jazeera*. 28 Oct. 2017. URL: <https://www.aljazeera.com/videos/2017/10/28/libya-suffers-severe-water-shortages/> (accessed 15.12.2023).

Libya and Federalism: Past Contexts and Future Fates. Doha: Al Jazeera Centre for Studies, 2012. 7 p. URL: [http://studies.aljazeera.net/mritems/Documents/2012/5/15/20125159143270734Libya and Federalism.pdf](http://studies.aljazeera.net/mritems/Documents/2012/5/15/20125159143270734Libya%20and%20Federalism.pdf) (accessed 15.12.2023).

Libya Rivals Fight for Control of National Oil Corporation. *Middle East Eye*. 23 March 2015. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/libya-rivals-fight-control-national-oil-corporation> (accessed 15.12.2023).

Libya. In *Transition & Recovery. World Food Program USA*. URL: <https://www.wfpusa.org/countries/libya/> (accessed 15.12.2023).

Libya. *OECD*. 2015. URL: <https://oec.world/en/profile/country/lby?yearSelector1=2015> (accessed 15.12.2023).

Libya. *UNICEF*. 2023. URL: <https://data.unicef.org/country/lby/> (accessed 15.12.2023).

Libya. *World Food Program*. 2023. URL: <https://www.wfp.org/countries/libya> (accessed 15.12.2023).

Libya: Average Age of the Population from 1950 to 2100* (Median Age in Years). *Statista*. 20 July 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/455663/average-age-of-the-population-in-libya/> (accessed 15.12.2023).

Libya: Displacement in Sirte and Idp Needs Assessment and Protection Monitoring. *REACH*. 22 June 2016. URL: <https://www.reach-initiative.org/what-we-do/news/libya-displacement-in-sirte-and-idp-needs-assessment-and-protection-monitoring/> (accessed 15.12.2023).

Libya: Humanitarian Situation Deteriorating in Encircled Derna. *REACH*. 17 Nov. 2017. URL: <https://www.reach-initiative.org/what-we-do/news/libya-humanitarian-situation-deteriorating-in-encircled-derna/> (accessed 15.12.2023).

Libya: Reach and Cash & Markets Working Group Launch the Price Monitoring System. *REACH*. 30 Oct. 2017. URL: <https://www.reach-initiative.org/what-we-do/news/libya-reach-and-cash-markets-working-group-launch-the-price-monitoring-system/> (accessed 15.12.2023).

Libya: Understanding Local Market Systems to Promote Cash-Based Interventions. *REACH*. 15 Dec. 2017. URL: <https://www.reach-initiative.org/what-we-do/news/libya-understanding-local-market-systems-to-promote-cash-based-interventions/> (accessed 15.12.2023).

Libyan Dinar Drops to Record Lows on Black Market. *Reuters*. 10 April 2017. URL: <https://www.reuters.com/article/libya-currency-idUKL8N1HI486/> (accessed 15.12.2023).

Lührmann A. From the Core to the Fringe? The Political Role of Libyan Youth during and after the Revolution. *Youth, Revolt, Recognition. The Young Generation during and after the "Arab Spring"* / Ed. by I. Schäfer. Berlin: Mediterranean Inst. Berlin Humboldt Uni., 2015. Pp. 27–34. URL: <https://edoc.hu-berlin.de/bitstream/handle/18452/3766/26.pdf?sequence=1> (accessed 15.12.2023).

Mezran S. K., Talverdian L. *Libya's Challenges: Avoiding the State of Anarchy*. ISPI Policy Brief no. 225. March 2014. 7 p. URL: http://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/pb_225mezran_2014_0.pdf (accessed 15.12.2023).

Niblock T. *"Pariah States" in the Middle East: Iraq, Libya, Sudan*. Boulder, Lynne Rienner Publ., 2011. 256 p.

Noaldo M. *Migrations Through and From Libya: A Mediterranean Challenge*. IAI Working Papers 15, 14 May 2015. 20 p. URL: <http://www.osce.org/networks/newmedtrackII/166526?download=true> (accessed 15.12.2023).

Otman W. A., Karlberg E. Assessing Libya's Post-Sanctions Initiatives. *The Libyan Economy*. Springer, 2007. Pp. 403–414. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/3-540-46463-8_12 (accessed 15.12.2023).

Pack J. *Libya's Liquidity Crunch and the Dinar's Demise: Psychological and Macroeconomic Dimensions of the current crisis*. Washington, D.C.: US-Libya Business Association, 2017. Pp. 1–29. URL: [\[in-Libya-report-USLBA-210417-LH.pdf\]\(#\) \(accessed 15.12.2023\).](https://www.libyaherald.com/wp-content/uploads/2017/04/Liquidity-Crunch-</p></div><div data-bbox=)

Poverty Persists in Libya Despite Oil Riches. *The National*. 3 March 2011. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/africa/poverty-persists-in-libya-despite-oil-riches-1.384738> (accessed 15.12.2023).

Quillen S. Libya's Cash Crisis Worsens Three Years into Civil War. *The Arab Weekly*. 25.06.2017. URL: <https://the arabweekly.com/libyas-cash-crisis-worsens-three-years-civil-war> (accessed 15.12.2023).

SA to Return Gaddafi Billions. *AFP*. 13 June 2013. URL: <https://www.news24.com/Fin24/SA-to-return-Gaddafi-billions-20130613> (accessed 15.12.2023).

The Case for a New Federalism in Libya. Washington, D.C.: Atlantic Council, 2014. 9 p. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/186843/IssueBriefFederalismInLibya_Hariri_5.pdf (accessed 15.12.2023).

Wehrey F. The Struggle for Security in Easter in Libya. *The Carnegie Papers. Middle East*. September 2012. 25 p. URL: http://carnegieendowment.org/files/libya_security_2.pdf (accessed 15.12.2023).

Внесен Минюстом в реестр иноагентов.

ЗАГАДКА ПЯТОЙ ЧЕРЕДЫ, ИЛИ ПЕРВЫЙ ЛОЦМАН В ИСТОРИИ ЕГИПТА (ОБ ОДНОЙ ГИПОТЕЗЕ О. Д. БЕРЛЕВА)¹

THE FIFTH STAGE ENIGMA, OR THE FIRST PILOT IN THE HISTORY OF EGYPT (ON A HYPOTHESIS OF OLEG D. BERLEV)

© 2023 **Роман Александрович Орехов**

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра
египтологических исследований РАН, Москва, Россия
radamant67@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3840-3529

Roman A. Orekhov

PhD (History), Researcher, Center for the Egyptological Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
radamant67@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3840-3529

В 2023 году исполнилось 90 лет со Дня рождения выдающегося отечественного египтолога О. Д. Берлева (1933–2023). Положение этого ученого в отечественной египтологии совершенно особое. Он не оставил после себя учеников, но его фундаментальные знания, эрудиция позволили увидеть жизнь древних египтян буквально изнутри. Поэтому эта статья не просто дань памяти нашему выдающемуся соотечественнику, она стремится показать, что его идеи продолжают сохранять актуальность, и порой задают совершенно неожиданные векторы научного поиска. В частности, анализируя тексты биографии вельможи Уни (VI династия), Берлев предположил, что царь Пепи I специально учредил для него особую должность — «начальника пятой череды дворцовых садовников хентиуше». Дело в том, что характерная организация рабочей силы в Египте эпохи Древнего царства требовала участия только четырех черед (т. е.

¹ Автор выражает искреннюю благодарность М. В. Панову и А. В. Сафронову за ценные советы и замечания при подготовке статьи.

4 контингентов отрядов), сменяющих одна другую в течение четырехмесячного сезона. Смены менялись для отдыха или перераспределялись на различные работы. Очевидно, что целью учреждения данной нестандартной должности были определенные обязанности сановника, которые отличали его от остальных участников рабочего процесса. Берлев приходит к выводу, что именно в этой должности Уна совершил пять победоносных походов в Азию. Однако в таком случае возникает вопрос, каким образом крупный хозяйственный чиновник мог руководить армией и флотом? Развивая гипотезу Берлева, автор статьи приходит к выводу, что настоящей обязанностью Уни в походах были не его полководческие дарования, а умение провести военные суда с пехотой через каналы и русла в сторону Средиземноморского или Левантийского побережий. Другими словами, Уни являлся не военным стратегом, а лоцманом, к которому переходило командование армией на время опасных переходов через Дельту. Поэтому эта функция не противоречила обязанностям «начальника дворцовых садовников», т. е. работников, отвечающих за гидротехническую сферу в целом.

Ключевые слова: О. Д. Берлев, автобиография Уни, хентиуше, военные походы в Азию

Для цитирования: Орехов Р. А. Загадка Пятой череды, или Первый лоцман в истории Египта (об одной гипотезе О. Д. Берлева). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 123–137. DOI: 10.18254/S268684310029229-9

2023 marks the 90th anniversary of the eminent Russian Egyptologist O. D. Berlev (1933–2023). This scientist is in a league of his own in Russian Egyptology. He had left no apprentices, but his fundamental knowledge and erudition made it possible to see the life of Ancient Egyptians literally on the inside. Therefore, this article is not just a tribute to the memory of our distinguished compatriot; rather it seeks to show that his ideas remain relevant and sometimes set a completely unexpected direction of scientific research. For example, while analyzing the biographical texts of the official named Uni (Sixth Dynasty), Prof. Berlev suggested that King Pepi I had established a special position for him: “the head of the fifth phyle of palace gardeners *Khentiushe*”. The fact is that a typical organization of labor force in Old Kingdom Egypt required the participation of only four phyles (i.e., 4 contingents of detachments), who replaced one another in course of a four-months season. Work gangs took shifts for rest or were redistributed for various types of work. Obviously, the purpose of establishing a non-typical position was the official’s certain duties which distinguished him from other participants of the work process. Prof. Berlev concluded that in this position Uni headed five victorious military campaigns in Asia. However, in this case a question arises: how could a high economic official lead the army and navy? Elaborating the hypothesis of Prof. Berlev, the author concludes that the real duty of Uni in these campaigns were not his military talents, but rather his ability to guide warships with infantry through waterways and channels towards the Mediterranean and Levantine coasts. In other words, Uni was not a military strategist, but rather a talented navigator to whom the command of the army passed for the entire time of venturesome crossings through the Nile Delta. Therefore, this function is consistent with his duties as the “head of the palace gardeners”, i.e. workers responsible for the water-engineering sector as a whole.

Keywords: Oleg D. Berlev, the Autobiography of Uni, Khentiushe, military campaigns in Asia

For citation: Orekhov Roman A. The Fifth Stage Enigma, or The First Pilot in the History of Egypt (On a Hypothesis of Oleg D. Berlev). *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 123–137. DOI: 10.18254/S268684310029229-9

Хентише — это такой род деятельности, которая сама по себе никак не означала высокого общественного положения того, кто ею занимался

Ю. Я. Перепелкин

В 2023 году исполнилось 90 лет со Дня рождения отечественного египтолога Олега Дмитриевича Берлева (1933–2023). В связи с данным обстоятельством хотелось бы отдать настоящей публикацией своеобразную дань памяти нашему выдающемуся соотечественнику. Вместе с тем это исследование демонстрирует, что идеи Берлева сохраняют актуальность и порой задают совершенно неожиданные векторы научного поиска².

Текст автобиографии / жизнеописания вельможи Уни, видного общественно-политического деятеля Египта второй половины Древнего царства, многократно переводился, комментировался и, по сути, стал хрестоматийным³. Ниже пойдет речь об одном необычном повороте в карьере этого человека. Жизнь Уни, происходившего из знатного провинциального рода, охватывала правление трех царей начала и середины VI династии — Тети, Пепи I и Меренра (2345–2278 гг. до н. э.). Этот человек начинал свою карьеру простым воином при царе Тети, а затем значительно продвинулся по службе, чему в немалой степени способствовало его происхождение. Подлинный его взлет про-

изошел в царствование Пепи I. При следующем царе — Меренра — он не только сохранил занимаемые должности, но и приумножил их, став «начальником Юга», что делало его почти неограниченным властелином на территории от области Первых порогов до Афродитополя [Urk. I, 1933, 105]. Тем не менее наибольший интерес для нашего исследования представляют именно первые этапы его биографии.

Так, после прохождения службы в армии, в начале царствования Пепи I, Уни получил должность «старшего жреца-чтеца дворца Джебат при величестве Пепи (Xrj-Hbt smsw n DbAt xr Nm nj Ppj)» [Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 243]⁴, и почти одновременно с этим должность «друга, наставника жрецов его пирамидного города (smr sHD Nm-nTr nj njwt mr.f)». Далее Пепи I назначает Уни на «должность судьи, (уст дворца) Нехен (//// [rDj wj Nm]. F m zAb jrj Nxn)»⁵. И, наконец, царь максимально приближает к себе Уни, назначая его на «должность единственного друга, начальника дворцовых садовников хентиуше (rDj wj Nm.f m smr watj jmj-rA xntj-S prw-aA)». Относительно последнего назначения Берлев замечает следующее: «Уни был назначен на последнюю должность реально, а не в порядке наследования царских титулов. Это видно из того факта, что он оказывается 5 начальником дворцовых хентиуше, наряду с 4 другими. Характерная организация рабочей силы требовала участия четырех черед (т. е. 4 контингентов отрядов), сменяющих одна другую в течение че-

2 Данная работа повторно возвращается к теме жизнеописания Уни, впервые начатой автором в 2018 г. [Орехов, 2018]. Первая апробация темы прошла на заседании секции Древнего Востока в ходе доклада «Об одном необычном повороте в карьере чиновника Уни» — на XXI Сергеевских чтениях 30.01.2019.

3 К числу классических исследований следует отнести [Roccati, 1982, p. 187–197; Lichtheim, 1984, p. 18–22; Piacentini, 1990; Hoffman, 2002; Strudwick, 2005, p. 352–356; Перепелкин, 1980]. Наиболее интересные исторические работы в этой области принадлежат Ж. Ричардс и П. Пьячентини [Piacentini, 1990; Richards, 2002].

4 Назначение данного учреждения неизвестно. В жизнеописании сановника встречаются разные категории государственных (дворцовых) учреждений. Так, Уни употребляет термин aH (дворец) в значении ‘царь’, ‘правительство’, ‘личные покои царя’ [Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 104]. Как замечает Берлев, aH — это буквально «завеса», отделявшая во дворце wsxt правую часть, недоступную никому, кроме специальных слуг, телохранителей и т. д., от сравнительно доступной левой. В завесе были прорезаны отверстия для глаз, чтобы царь мог видеть тех, кто подходил к завесе для общения с ним, с докладами, сообщениями и пр. [Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 104]. Во избежание путаницы все переводы титулов Уни даны по Берлеву.

5 Т. е. человека, который слушал приговоры царя, сидевшего за завесой, и возвещал их присутствующим в зале сановникам».

тырехмесячного сезона⁶. Желая наградить Уни этой престижной должностью, царь должен был лишить ее какого-нибудь из четырех ее исполнителей (что, как правило, не считалось возможным) или учредить специально для Уни пятую череду. Именно это и сделал царь и именно это утверждает Уни, говоря о том, что он «потеснил четырех начальников» [Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 18–19].

В другом месте ученый продолжает развивать ту же тему: «Желая назначить Уни на эту должность, царь не мог удалить кого-то из четырех, но он мог дать им пятого товарища, учредив соответственно пятую череду садовников. Поскольку череды служили из расчета платы натурой, определенной на год, плата делилась на 360 дней года, причем на каждую должность приходилось, таким образом, 90 дней платы, плата на каждый день рассчитывалась, распределяясь между должностями череды по определенной шкале. Мы не знаем, как считали плату пятой череды, которую то и дело вводили в систему четырех черед⁷. Аналог подобным расчетам можно найти в известном описании Плутарха об образовании дополнения к году сверх всех 360 дней, зачатых Солнцем. Отнимая 1/70

от каждого дня, Тховт получает результат 360/70, т. е. 5 1/7 (Plut. De Is. et Os., 12). Если так, то должность эта была чисто почетной, давая лишь очень небольшую плату. Эта ступень важна, так как она дала чиновнику высший придворный ранг — «друг единственный», и так как она показывает, насколько устойчивы порядки назначений на должности, с которыми приходится считаться царю. Человек, назначенный на должность, не может быть произвольно исключен из нее» [Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 244–245].

Вышесказанное требует некоторого пояснения. Безусловно Берлев прав, когда допускает участие в рабочем процессе дополнительных «черед». Однако их количество, равно как и количество составных частей могло различаться. Так, на основе данных Абуирского архива, Познер-Криже установила наличие в поминальном храме Нефериркара, помимо пяти основных черед, занятых в обслуживании храма, дополнительной шестой череды везира царя Ниусерра Миннефера — *jmj nfrt* [Posener-Kriéger, 1976, p. 569]. При условии, что каждая череда состояла из приблизительно сорока человек, по двадцать в каждом подразделении, общее количество персонала составляло двести человек. Однако

- 6 Термин «череда» (*zA* происходит от глагола *zAw* «защищать») впервые был введен Ю. Я. Перепелкиным [Перепелкин, 1966]. Наряду с ним в отечественной историографии используются другие термины — «смена», предложенный М. Э. Матье, или «судовая вахта» [Савельева, 1960; Савельева, 1962, с. 109; 243]. В зарубежной историографии принят греческий термин «φύλη» (фила), взятый из билингв птолемеевского времени. Основополагающие работы: [Edel, 1969; Posener-Kriéger, 1976, p. 567–574; Eyre 1987; Roth, 1991]. Представляется, что термины «смена» или «череда» более отражают египетские реалии, т. к. в них заложен принцип сменяемости / взаимозаменяемости. Термин же «фила» принадлежит греческой родовой организации, которая вряд ли применима к реалиям эпохи пирамид. При этом надо учитывать, что термин «череда» (*zA*) употреблялся на протяжении почти трех тысячелетий.
- 7 Следует отметить, что организация трудового процесса в Египте носила многоуровневый характер и отражала задачи, стоявшие перед обществом. Например, при строительстве пирамид основополагающей трудовой единицей было «ополчение» (*Tst*), состоявшее приблизительно из 1500 тыс. человек, работавших в каменоломнях или при доставке материалов на строительную площадку. При этом ополчение подразделялось на несколько корабельных отрядов (*ap*), а каждый отряд, в свою очередь, на 4–5 «смен/черед». Могло происходить и последующее дробление «череды» на несколько рабочих партий [Савельева, 1960]. Однако организация хозяйства в припирамидных или солнечных храмах не предполагала наличия крупных специализированных соединений. П. Познер-Криже на материалах Абуирского архива поминального храма Нефериркара установила, что в организации его персонала решающая роль отводилась пяти филам (аналог термина «череда», принятый в западной историографии. — *P. O.*) — *tA-wr*; *wADt*; *jmj-nfrt*; *wr*; *nDs*, в названии которых лежал принцип корабельной вахты — «левый борт», «правый борт», «носовая» и «кормовая вахта» [Posener-Kriéger, 1976, p. 566]. В провинциальном вельможеском хозяйстве заметную роль играли «корабельные ватаги» (*jswt*), занятые как в сельскохозяйственном производстве, так и на подсобных работах [Перепелкин, 1988, с. 165].

с учетом нерегулярных черед, полагает исследовательница, это количество могло доходить до 250–300. Возникает закономерный вопрос, в каком случае требовалось участие дополнительных «черед»?

Познер-Криже убеждена, что дополнительные «череды» помогали выдерживать комплектацию и регулярность храмовых «черед», когда происходили крупные праздники, в ходе которых требовалось участие всех подразделений одновременно. Например, в ходе праздника «плавание Ра», отмечавшегося в святилище Солнца царя Ниусерра, служившего местом сбора всех участников [Posener-Kriéger, 1976, p. 570].

К похожему выводу приходит и Э. Эдель. Так, согласно документам архива храма Солнца Усеркафа, число людей в подразделениях «фил», задействованных при работах в храме, могло варьироваться от 20, до 22 и 23 человек [Edel, 1969, p. 5]. Другими словами, в каждой филе, с учетом текущих работ, в разные периоды времени находилось от 40 до 46 человек. К большому сожалению, мы не располагаем дворцовыми ведомостями, но можем допустить, что организация во дворце, где работал Уни, была аналогичной. Что же могло произойти в связи с назначением Уни?

В классическом понимании, например, грамматики Эделя, искомый фрагмент его биографии звучит следующим образом: «ich verdrängte vier Vorsteher...., die sich dort befanden (nS(j) n(j) jmj-rAw xntjw-S nj Prw-aA wnw jm)» [Edel, 1955, § 634; Hannig, 2003, p. 662], т. е. «я вытеснил / устранил четырех начальников дворцовых хентиуше, которые там были» [Urk. I, 100]. Берлев же утверждает, что это не совсем так, смягчая категоричность словоупотребления «вытеснил» [Hannig, 2003, p. 662] — только потеснил! Однако с учетом вышеприведенных аналогий, можно допустить, что своим назначением Уни не просто потеснил, а именно восполнил / дополнил персонал дворцовых хентиуше! Последнее обстоятельство зависело в первую очередь от

того, какие обязанности царь вменял Уни. Они сводились к следующему: «в этой должности он (т. е. Уни) командовал армиями и совершил 5 походов в Азию. В этой должности он разбил дело царицы, главной жены Пиопи I. В этой должности он упоминается в адресе Дахшурского указа, датированного 21-м учетом» [Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 245].

Следует заметить, что если почетная должность царского фаворита (т. е. «единственного друга») позволяла Уни участвовать в «гаремном деле» (его сути мы сейчас не касаемся), то из этого вовсе не вытекала его руководящая роль в военном походе, как это понимает Берлев. А если это так, то дело заключалось именно в специфике занимаемой должности, т. е. «начальника дворцовых хентиуше». В автобиографии Уни свидетельствует об этом совершенно определенно! Остановимся на этом моменте более подробно⁸.

8 Иероглифический текст приводится по изданию: [Tresson 1919, 3–5] (сверка по [Urk. I, 98–110]).

xsf.n Hm.f jxt n aAmw Hrjw-S 15 jrj.n Hm.f mSa n Dbaw aSAw m Smaw mr-qdw.f xntj m Abw mHtj m Mdnjt m tA MHAw m gswj prj mr-qd(w).snj 16 m sDr m \$n-sDrw m jrTt nHsjw m MdA nHsjw m JAm nHsjw 17 m WAwAt nHsjw m KAAw nHsjw m tA *mH hAb w(j) Hm.f Xr-Hat mSa pn 18 sT HAtjw-a sT sDAwtj-bjtj sT smrw watjw Hwt-aAjt sT Hrjw DADAw HqAw Hwwt njw Sma tA-mHw smrw jmj-rA - aww 19 jmj-rAw Hmw-nTr njw Sma tA-mH jmj-rAw gsw pr Xr-Hat TAst njt Smaw tA-mHjw Hwwt nawt HqAwwt.sn nHsjw njw xASwt jptn 20 jnk wn(w) jrj n.sn sxrw sT jAt.(j) m jmj-rA xntj-S pr-aA n mjtj n(j) st.(j) 21 jr nfr n nHm wajw jmj xADw Tbtwj m-a Hrj-wAt jr nfr n jTT wajw jmj dAjw m njwt nb 22 jr nfr n jTT wajw jmj watj nbjt m-a s nb mAaqj sn m Jw-mHj sbA-n-Jj-(m)-Htp wart @r-nb-MAat sT w(j) m jAt tn 23 /////////////// wbA.n.j Tnw Tswt jptn nj zp wbA.tj nj bAk nb jj.n mSa pn m Htp 24 xbj.n.f tA Hrjw-S jj.n mSa

pn m Htp pds.n.f tA Hrjw-S 25 jj.n mSa pn m Htp sSnj.n.f wnw.f jj.n mSa pn m Htp Sa.n.f 26 dAb.f jArtr.f jj.n mSa pn m Htp stj.n.f xt m ///.f nb jj.n mSa pn 27 m Htp smA.n.f Tzwt jmj.f m Dbaw aSAw jj.n mSa pn m Htp [jnj.n.f.Tswt] 28 jmj.f aSAwt wrjt m sqrw anxw Hzj w(j) Hm.f Hr.s jr jxt nbt hAb w(j) Hm.f jr mAa mSa [pn] 29 m zp w djw jr drj tA Hriw-Sa jr Tnw bSt.sn m Tswt jptn jrj.k (wj) jr HzT w(j) Hm.[f Hr.s jr jxt nbt] 30 Ddt wnt btkw nXtw m hAstjw pn m ^rt-tp-gHs DAjkj

31 m nmjw Hna Tswt jptn jrj.n (.j) diw jr tA m-pHwj qAwW n Tswt 32 Hr-mHtj tA Hrjw-S sT gstt nj mSa pn m Hrt jj.n.(j) jnDrj.n(.j) sn mr-qdw. sn SmAw(.j) 33 btkw nb jm.sn

«Когда задумал его величество поход против азиатов, жителей страны песков, собрал его величество войско из многих десятков тысяч со всего Верхнего Египта от Элефантины на юге до Афродитополя на севере, из обеих половин Дельты (?)⁹, из крепостей (?) и укреплений (?), (а также) нубийцев Ирчет, нубийцев Меджа, нубийцев Иама, нубийцев Вават, нубийцев Каау и из страны Чемех. И отправил его величество меня во главе этого войска, командиров его, царских казначеев его, единственных друзей дворца, царских приближенных, глав и властителей подворий Верхнего и Нижнего Египта (снабженцев?), друзей, начальников переводчиков, начальников жрецов Верхнего и Нижнего Египта, командиров *гес-пер* (?) во главе отрядов усадеб и городов Юга и Севера, (а также) нубийцев этих стран. Я давал им (всем) приказания, хотя был при этом только начальником дворцовых хентиуше. Благодаря моему положению ни один из них не причинил зла другому, ни один из них не отнял хлеба и сандалий у путника, ни один из них не отнял одежды ни в одном (встречном) селении, ни один из них не отобрал козы ни у одного человека.

Я вел их от Северного острова, от Врат Имхотепа, области Хор, Владыка Маат¹⁰. Когда я был

9 Эдель интерпретирует это сложное место в тексте как «die beiden Seiten des Reiches in ihrer Gesamtheit» [Edel, 1955, § 162]. Возможно, здесь подразумеваются именно восточная и западная Дельта, так как в предыдущем тексте речь шла о Верхнем Египте.

10 Возможно, исходя из названия местности, район пирамидного города Снофру. В этой связи возможна отсылка

на этом посту, [...] мне было доложено число этих войск — никогда не сообщалось это какому-либо рабу.

Это войско вернулось благополучно, разорив страну азиатов. Это войско вернулось благополучно, растоптав страну азиатов. Это войско вернулось благополучно, срыв укрепления / крепости ее. Это войско вернулось благополучно, изрубив смоковницы и виноградники. Это войско вернулось благополучно, предав огню //// (?) правителей ее всех. Это войско вернулось благополучно, пленив воинов числом десятки тысяч.

Хвалил меня его величество за это весьма. Посылал меня его величество пятикратно вместе с войском усмирять страну азиатов всякий раз, когда они восставали. При этом выполнял я все это так, что хвалил меня его величество больше всех. Когда (мне) доложили, что объявились мятежники чужаки у Носа Газели, я переправился с частью войска на кораблях и пришвартовался у горной гряды, к северу от Земли обитателей песков, в то время как вторая половина армии продвигалась пешком. Я вернулся после того,

как захватил их всех, после того как был поражен каждый сеющий смуту среди них».

Здесь сознательно приведен полный текст данного эпизода биографии Уни, чтобы показать всеегипетский масштаб военного мероприятия, задуманного Пепи I. Из текста мы можем извлечь полезную информацию относительно организации египетского войска, его составных частей, национальную принадлежность отдельных воинских отрядов, способов передвижения и приемов воинской тактики. Однако уже Д. Вильдунг обратил внимание на то, что в биографии Уни «ничего не говорится собственно о самой кампании, а только о выводе и продвижении частей и успешном возвращении армии» [Wildung 1977, с. 16]¹¹. Уни никогда не говорит о собственной доблести, как он проявил себя, будучи воином, что становится характерной чертой биографий второй половины Древнего царства¹². Единственное, что можно наблюдать, так это то, что он постепенно входил в царское доверие, став «царским другом»¹³. Но в этом нет ничего необычного, так поступали очень многие до него и стремились всячески отметить это

к Дахшурскому указу [Urk. I, 209–213], так как хентиуше города Снофру могли принимать участие в организации стоянки египетских кораблей во время азиатских кампаний. О данных топонимах см. [Hannig, 2003, р. 1544; 1571]. Замечу, что такое количество войска и флот могли разместиться только в очень удобной гавани, возможно, именно в районе припирамидного города Снофру, где имелись более удобные бухты, см. также [Piacentini, 1990, р. 29]. Д. Вильдунг также полагает, что область дислокации этих воинских соединений была расположена между Дахшуром и Саккарой [Wildung 1977, с. 15–16].

11 Об этом пишет и Ж. Веркуттер: «любопытно, что после упоминания сбора армии на севере Египта, Уни не приводит никаких деталей военных операций» [Веркуттер, 2015, с. 303].

12 Например, здесь можно сравнить данные биографии Уни и его современника Пепинахта [Urk. I, 132–135].

13 В этой связи правомерен вопрос, не связано ли назначение Уни на командную должность с тем обстоятельством, что он был везирем. Дело в том, что гробница Уни была повторно обследована в 1999 г. и на одном из косяков ложной двери (одной из двух) значился этот высший титул (см. [Richards, 2002, р. 93, fig. 15]). Однако текст биографии, помещенный Уни в эту же гробницу, не отражал назначения на эту должность. Уни командовал воинскими соединениями именно в должности «начальника дворцовых хентиуше»! Следовательно, если он и надеялся получить эту почетную должность (возможно и получил), то она знаменовала финал его карьеры, возможно, даже посмертный. Ричардс в этой связи справедливо полагает, что монументальная гробница Уни представляла собой символ величия центральной власти в местном Абидосе и служила в большей степени идее консолидации общества накануне краха государства Древнего царства [Richards, 2002, р. 94–96]. Личность Уни подходила для этого лучше всего. Вероятно, в этой связи, и должность его отца Иуу, также везира, была почетной, и служила той же самой цели. Ведь современники Иуу, верховные сановники Кагемни и Мерерук, были погребены не в провинции, а в столичной Саккаре. Поэтому более справедливо утверждать, что решающую роль в назначении Уни на командную должность сыграла не его родословная, а профессиональные навыки в должности «начальника дворцовых хентиуше», т. е. должности, на которую он был назначен за личные заслуги, как отметил Берлев, а не в порядке наследования.

в собственных жизнеописаниях. Тем не менее у такого необычного поворота в карьере действительно есть объяснение.

Как свидетельствует сам Уни, первоначально он был только «наставником дворцовых хентиуше» (sHD xntjw-S), а затем продвинулся до статуса их «начальника» (jmj-rA xntjw-S) [Urk. I, 98; 100; 208–209]. В чем же состояли их повседневные обязанности? Так как проблеме хентиуше посвящена значительная литература (см. [Fettel, 2010, p. 3–20]), обозначим только принципы, на основании которых исследователи подходят к данной теме. Прежде всего, должность хентиуше заслуживает особого внимания из-за непонимания ее значения, относительно которого ни одна из выдвинутых на сегодняшний день гипотез не нашла общего консенсуса [Nuzzolo, 2010, с. 304]. Как считает М. Нуццоло, если в Новом царстве этот термин довольно четко обозначает «садовника» [Wb. III, 310, (11)], то во времена Древнего царства эта семантическая валентность не имеет аналогов по причине отсутствия контекста [Nuzzolo, 2010, с. 304].

В самом деле, любой исследователь, пытающийся трактовать термин хентише (и не только), прежде всего будет отталкиваться от орфографии титула. Далее наиболее логичным будет поместить его носителя в соответствующий контекст. Например, изобразительный, который визуально подскажет его хозяйственную или иную функцию. Но этот контекст зачастую очень туманен. Поэтому более предпочтительный вариант, когда сам египетский текст (желательно нарратив) объясняет нам сущность

данного титула или максимально приближает к его пониманию. И, наконец, временная составляющая. Безусловно, в идеале, все составляющие должны дополнять друг друга.

Например, Берлев отталкивается именно от орфографии: «Слово *ше* (S), если речь действительно идет о нем, двузачно: 1) водоем, любой, от океана (небесный океан, например) до пруда / лужи, и 2) результат использования водоема в пустыне — сад. Пустыня, точнее, граница между таковой и культурным массивом, — преимущественная область для сада: и вода более или менее близка для полива вручную каждого дерева, и сад занимает землю, непригодную для пашни. Откуда и детерминация знаком «пустыня»» [Берлев, Ходжаш, 2004, p. 66]. Таким образом сад (дворцовый или пирамидный, здесь не важно) находится на границе поймы и пустыни.

Далее следует изобразительный ряд. Для Берлева таким эталоном является изображение в гробнице везира Даги (XI династия), где хентиуше и их начальник представлены за уборкой винограда [Берлев, Ходжаш, 2004, p. 66]¹⁴. Какой же вывод делает Берлев? Он полагает, что *хентиуше* изначально были «садовниками» в припирамидных и дворцовых хозяйствах, т. е. выполняли весь круг работ, связанный с этой деятельностью, включая орошение пустынных земель, в том числе и высотных садов при царских пирамидах. Более того, хентиуше дворца и припирамидных поселений были связаны в рамках одного бюрократического ведомства. Все другие их функции (как то: жреческие, обслуживание храма) вторичны по отношению к ос-

14 Здесь можно привести куда более близкий по времени пример — «хентише дворца (xntj-S pr-aA) Нинемти», который изображен среди процессии дароносцев (VI дин. [Cleveland, 1930, p. 737]). Нинемти несет на подносе смоквы, а его правая рука сжимает живую утку. Его рядовой статус подчеркивают титулы «начальник поручений (jmj-r wrwwt)» и «брат собственный (sn-Dt)», т. е. по отношению к более статусному родственнику (см. [Перепелкин, 1966]). Мы видим этого же Нинемти на другом рельефе, где он участвует в сельскохозяйственных работах и числится также царским уабом (wAb nswt), т. е. служителем, обладающим ритуальной чистотой для входа в чистое помещение в храме [Cleveland, 1930, p. 736]. Уабы, как и другие служители, были организованы в четыре «череды», при этом каждая служила помесечно, получая помесечно довольствие от храма. В храмовой иерархии они стоят ниже пророков и магов. За отлынивание от службы их наказывают плетьюми [Берлев, Ходжаш, 2004, с. 95]. Крайне негативная коннотация роли уаба содержится в папирусе Анастатси II, где трудность его работы связывается с тремя ежедневными службами, когда жрец постоянно должен находиться в реке [Gardiner 1937, p. 16–17 (7,6–7,7)].

новному содержанию титула [Берлев, Ходжаш, 2004, р. 65–67]. Прав ли в своем выводе Берлев? Думается, да. Но были ли хентиуше изначально только садовниками? Приведем другой пример.

В построениях венгерской исследовательницы П. Андраши первична именно гидротехническая функция данных работников¹⁵. Согласно Андраши, Sj — это особый тип земель, которые нуждаются в орошении. Поэтому следует обратить внимание прежде всего на основное значение *ше*, как то: «водоем, бассейн», и, который следует понимать в первую очередь как «оросительный бассейн», который искусственно заилен (т. е. в целях сохранения запасов воды. — Р. О.) и снабжен отводящими каналами. Со временем этот термин стал обобщенным и абстрактным и использовался для обозначения царских или припирамидных владений, обслуживающих заупокойный культ. Как и Берлев, Андраши полагает, что эти земли располагались на краю пустыни и, следовательно, нуждались в принудительном орошении. Именно отсюда произошло и обозначение людей, которые должны были обрабатывать и управлять этими Sj. Рассматривая обязанности и задачи хntjw-S, Андраши проводит определенные параллели между ними и жрецами-ка (Hmw-kA) частных лиц. Принимая отдельные аспекты теории А. М. Рот о функции хntjw-S как царских сопровождающих, она предполагает, что данный титул, часто присваиваемый высокопоставленным лицам VI династии, не только напрямую связан с обеспечением дворца или припирамидного хозяйства, но также является признаком тесных связей между царем и рядом высокопоставленных чиновников. Заметим, что последнее имеет прямое отношение к Уни.

Справедлива ли позиция венгерской исследо-

вательницы? Очевидно, что справедлива, ведь и обычные пашни, и высотные земли, включая сады, надо было орошать. Но это вовсе не исключает, что хентиуше были и садовниками, и земледельцами или просто водоносами. Относительно всех этих функций в Библии содержится интересный комментарий: «Потому что земля, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею, не такова, как земля Египетская, из которой вы вышли, где ты, посеяв семя свое, поливал ее при помощи ног твоих, как овощной сад» (Втор. 11, 10)¹⁶.

Тем не менее в выводах и Берлева, и Андраши отсутствует важная составляющая — тот самый нарратив, позволяющий связать воедино их первоначальные наблюдения. А ведь в случае с Уни у нас их целых два — «Дахшурский указ» Пепи I и автобиография. Чтобы воспользоваться этими источниками, нужно принять во внимание еще один существенный факт. Несмотря на то, что хентиуше известны еще с первой династии, их активность и более заметная роль приходится на время правления Унаса, когда у них появляются первые административные должности, и особенно на середину VI династии [Богданов, 2000, с. 201–207]. Из приблизительно двухсот пятидесяти носителей этой должности в различных ее вариантах, восемьдесят процентов приходится именно на VI династию [Adams, 2003, р. 99]. Почему?

Если мы примем во внимание предыдущие наблюдения, то причина может заключаться в том, что вторая половина Древнего царства знаменовалась стремительным сокращением нильских паводков, что приводило к заметному сокращению прибрежных угодий, за которые египтяне были вынуждены постоянно бороться¹⁷. Поэтому совершенно закономерно, что это обстоятельство способствовало выдвижению

15 Последняя сводная работа исследовательницы автору недоступна, поэтому здесь я опираюсь главным образом на историографический очерк работы Й. Феттеля [Fettel, 2010, р. 14–19].

16 В этих словах весьма правдоподобно отражены египетские реалии — тяжкие периоды засухи, когда воды не хватало не только для полива огородов, но и пашни. Так, на время правления XX и XXI династий пришлось сильная 200-летняя засуха, достигшая пика в 1000 г. до н. э. [Macklin et al. 2015, р. 116, 119]. Возможно, что эти события были так или иначе связаны с событиями, описанными в книге Исход, и опосредованно отражены в книгах Второзакония. Но это также были реалии времени Уни.

17 Геофизические исследования показали, что в период позднего Древнего царства территория некрополя Северной

на первый план особой категории трудового населения, а главное, его организации. В этой связи имя Уни не случайно упоминается в числе одного из адресатов Дахшурского указа Пепи I, который закреплял прибрежные земли за расположенными рядом с ними припирамидными городами, в частности пирамидным городом Снофру и давал определенные привилегии его насельникам [Urk. I, 209–213].

Согласно положениям этого указа, Пепи I освобождает не просто штаты жрецов города Снофру, а именно тех самых *xntjw-S* [Hannig, 2003, p. 959–961]. Как показывают результаты раскопок немецкой археологической миссии в Дахшуре, труд этих людей в городе Снофру был крайне востребован. Рядом с территорией длинного храма археологи обнаружили остатки многочисленных деревьев, пальм и платанов, некоторые разновидности хвойных кипарисовых пород, привезенных из Сирии. Рядом с садом также располагались остатки бассейна и кустарниковой ограды [Alexanian, Arnold, 2016, p. 15, fig. 5]. Отметим, что поддержание функционирования такого сада требовало значительных усилий и представляло идеальную сферу деятельности для хентиуше города Снофру. Поэтому мы вправе воспринимать их как работников, отвечающих в первую очередь за гидротехническую сферу, т. е. за тех, кто, обеспечивая водой пирамидное хозяйство — пашни, сады, огород. Поэтому буквальная трактовка титула, «те, кто во главе водоема, озера, пруда» вполне правомерна.

В этой связи важен еще один момент. Так, Берлев отмечает, что походы в Азию были совершены под занавес правления Пепи I [Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 19]. При этом общее время его царствования оценивается египтологами приблизительно в пятьдесят лет [Baud, Dobrev 1995, p. 49]. Учитывая, что Дахшурский указ датирован 21 учетом, т. е. приблизительно 42 годом правления царя, можно допустить, что в военных мероприятиях резиденции был также

задействован потенциал города Снофру, точнее, его гавани, которые и обслуживали хентиуше. Учитывая, что походов Уни было пять, можно допустить, что они проходили раз в год до 47 года правления Пепи I, т. е. последний поход произошел за три года до смерти царя.

Именно первичная функция хентиуше, как работников гидротехнической сферы, предопределила и последующую вторичную — как снабженцев, так как она имела отношение в первую очередь к судоходности каналов, по которым это снабжение осуществлялось. На основе материалов Абусирского архива Т. Н. Савельева убедительно показала, что если служба жрецов и их начальников в «чередках» была более связана с религиозными церемониями и ритуалом, то хентиуше занимались доставкой по Нилу на специальных грузовых ладьях (*bjt* и *wA*) в поминальный храм зерна, тканей и жертвоприношений из столицы и святилища Солнца, и только помогали жрецам при исполнении ритуалов [Савельева, 1992, с. 89, 92]; см. также [Posener-Kriéger, 1976 (I), p. 47–52, tab. I [c-d], tab. IV/2, tab. VII].

И. В. Богданов также отмечает, что сущность запрета § 5 Дахшурского указа Пепи I не отягощать хентиуше лишними заданиями свидетельствовала о том, чтобы они концентрировались на своих непосредственных обязанностях — перевозках, буквально — на «транспортировке по воде и по суше (*zbjt Hrj(t) mwt/tA*)». При этом перевозки осуществлялись ими профессионально. Так как хозяйственные организмы дворца и ряда некрополей тесно связывались между собой, задача сообщения между инстанциями лежала как раз на хентиуше [Богданов, 2000, с. 142–143].

Если это так, то значение и роль этих людей заметно возросли, когда последствия засухи стали ощущаться более явственно, т. е. во второй половине Древнего царства. Именно в этом факте следует искать и причину того, что должность хентише начинает присваиваться сановникам

Саккары и Абусира уже была частично засыпана песком из Западной пустыни [Giddy, Jeffreys, 1992, p. 7]. См. также: [Barta, 2013; Alexanian et al., 2012, p. 132; Alexanian, Arnold, 2016, p. 3, 6–7].

высокого ранга. Так, в гробничной надписи номарха Сабни мы читаем: rDjt.n(j) Nat 24 sTAt m tA mHw-Smaw m xntj-S n Mn-anx-Nfr-kA-Ra «Было дано мне 24 сот пахотной земли в Верхнем и Нижнем Египте в (должности) хентише пирамиды “Устойчив жизнью Неферкара” (т. е. пирамиды царя Пепи II)» (Urk. I, 140, 9–11). Очевидно, что помимо того, что в обязанности Сабни входило поставлять продукты в столицу, в припирамидное хозяйство Пепи II (сам сановник имел с этого доход), надпись определенно свидетельствует, что Сабни в том числе отвечает перед царем за благополучное функционирование хозяйств, приписанных к пирамиде. Ведь от людей, подобных Сабни, по сути, зависела жизнь государства.

Контроль за водоснабжением и каналами, включая поставки в резиденцию и храмовые хозяйства, означал и другую функцию царских хентиуше — они участвовали в экспедициях. Так, на скалах Нубии, Хатнуба и Восточной пустыни сохранились надписи руководителей xntjw-S pr-aA [Богданов, 2000, с. 159]. При этом экспедиции могли носить как внутренний, так и внешний характер.

О последнем свидетельствуют в первую очередь биографические надписи чиновника Ини, младшего современника Уни¹⁸. Ини был «носителем печати бога при величестве Пепи I (xtmtj-nTr xr Nm n Ppy)», а также «хранителем печати бога на двух больших кораблях, который доставляет товары чужеземных стран своему богу (xtmtj-nTr m wiAwu aA(wy) [in]n xrt xAswt n nTr.f)», т. е. царю. За свою долгую карьеру при

дворе Пепи I, Меренра и Пепи II он совершил несколько морских походов в Азию, на Левантское побережье. Как и Уни, он командовал кораблями и баржами, на которых доставлял в Египет особо ценные товары и грузы. Но, что более важно в данной ситуации, — Ини являлся «хентише погребального комплекса “Пребывает стабильной красота / молодость Пепи (xnty-S Mn-nfr Ppy /Mn-nfr Mry-Ra)”» [Marcolin, 2006, p. 286]. Опубликовавший эту важную надпись итальянский египтолог М. Марколин, оставил слово хентише без перевода, ограничившись его интерпретацией — нейтральным термином «служитель погребального комплекса (“the attendant of the funerary complex”）」 [Marcolin, 2006, p. 286]¹⁹. А ведь обязанности Ини были фактически идентичны обязанностям Уни!

В самом деле, многие поручения Уни в должности «начальника Юга» так или иначе были связаны со строительством пирамиды Меренра, т. е. с доставкой различных грузов и материалов на кораблях. В частности, для этой цели на Юге он прорывал специальные каналы и вывозил по ним из каменоломен гранит и другие горные породы [Urk. I, 108–109]. Поэтому Уни не случайно похваляется в своем жизнеописании тем, что «sT n wn[t] mw Hr Tsw mnj(w) jr #a-nfr-Mrj-n-Ra m Htr», букв., «хоть и не было воды в протоках (т. е. конечно же была, но мало. — Р. О.), благополучно причалил я к пирамиде “Меренра, сияющий красотой”» [Urk. I, 108]. Следовательно, был востребован его опыт, который он получил, будучи «наставником» и «начальником дворцовых хентиуше»! В этой связи можно до-

18 Биографические надписи Ини представляют собой на сегодняшний день единственный известный эпиграфический источник Древнего царства, предоставляющий относительно широкое и ясное информативное представление о географических горизонтах и целях посещений египтянами сирийско-палестинского побережья в течение VI династии, ранее известные лишь на основе иконографических и археологических свидетельств.

19 Этому правилу следует и И. В. Богданов, переводя данный титул как «чиновник» [Богданов, 2012, 115]. Например, Богданов совершенно справедливо отмечает, что в эпоху Среднего царства к титулу xntj-S добавляются дополнительные детерминативы — знак «клин земли» и знак «отрезок канала», которые сохраняются и в эпоху Нового царства, и позже (далее ссылка на [Fettel, 2010, p. 41, 46, 49–50]). В Новом царстве появляются уже новые детерминативы: знаки «вода» и «дерево». И наконец, исследователь совершенно правильно сближает титулы «начальника хентиуше Птаха (jmj-rA xntjw-S n ptH) и «начальника матросов Птаха» (jmj-rA nfw(w) n ptH), допуская, что должности xntjw-S Среднего царства относятся к корабельщикам! Но ведь Уни в статусе «начальника дворцовых хентиуше» был именно хентише-корабельщиком!

пустить еще одну функцию хентиуше в храмовых и царских хозяйствах Древнего царства — бурлацкую (вспомним пункт § 5 Дахшурского указа Пепи I о «транспортировке по воде и по суше» — см. выше).

Хотя эта сфера деятельности засвидетельствована по памятникам Нового царства [Düring, 1995, p. 162–163], нет ничего невероятного в том, что она практиковалась и в Древнем. По крайней мере, основные глаголы, обозначающие данную операцию, такие, как «тащить, вытягивать» — sTA и jtH — определенно засвидетельствованы в Древнем царстве [Hannig, 2003, p. 236–237, 1267–1268]. Если Уни был человеком, организовавшим работы в пустыне, проводящим в ней протоки и каналы, и, вывозящим по ним добытый материал к строящимся пирамидам и храмам, то подобный род деятельности был применим и для доставки барж в столичном регионе. А в храмовых или дворцовых хозяйствах этим определенно занимались хентиуше.

Уни также сообщает, что сильно угодил его величеству в организации охраны (m jrjt str-sA), в подготовке царской дороги (m jrjt wAt njswt), а также подготовке стоянок (m jrjt aHaw) [Urk. I, 100]. А ведь именно эти навыки были востребованы в первую очередь для подготовки предстоящей военной экспедиции! Пепи I много времени проводил в разъездах, а эти путешествия, как правило, совершались на кораблях по Нилу. Правильно организованная стоянка позволяла египтянам учесть многие факторы, связанные именно с безопасностью царской персоны, — внезапное нападения врага; принимая во внимание особенности береговой линии и течения реки, можно было добиться полной безопасности судов.

В связи с военными походами Уни представляются важными сведения о мореходстве вблизи египетского побережья, сохраненные у Диодора Сицилийского: «Плавание вдоль побережья этого моря (т. е. Средиземного. — Р. О.) чрезвычайно длительно и всякая высадка на берег

исключительно трудна. Хотя путь вдоль побережья от Паретония в Ливии до Иопы в Келесрии составляет около 5000 стадий, однако здесь не найдешь безопасной гавани, кроме Фароса (т. е. вблизи Александрии. — Р. О.). К тому же вдоль почти всего египетского побережья тянется узкая песчаная полоса отмели, незаметная для всех неопытных мореходов, посещающих эти воды. Поэтому иные мореходы, считая себя по неведению уже вне опасности со стороны моря, с радостью плывут к берегам и терпят крушение, когда их корабли неожиданно садятся на мель. Иногда же волны выбрасывают корабли на сушу, если своевременно издали не заметят берега, так как он лежит низко, — одних на болотистые и топкие места, других же в пустынные области» [Diod. Sic. I, 31]. Все это позволяет нам совсем иначе взглянуть на мероприятия, в которых принимал участие Уни.

Очевидно, что сбор египетского ополчения в столице и последующий переход в сторону Азии осуществлялись на кораблях (впоследствии часть отряда, спешившись, могла передвигаться и сухопутным путем). Мы знаем место, откуда это ополчение начинало свое движение, — северный остров Снофру, а также конечный пункт движения — область «Носа газели», гористый район на территории Синая или в Южной Палестине²⁰. Занимая должность начальника дворцовых хентиуше, Уни прекрасно разбирался в искусстве прокладки каналов и знал, в каком месте и как нужно провести суда через протоки и русла, чтобы вывести корабли через Дельту в сторону Средиземного моря и при этом вернуть обратно. В данном факте следует искать и ответ на вопрос, почему именно Уни докладывали о количестве войск и почему в такой незначительной (по его словам) должности «начальника дворцовых хентиуше» он вел всю эту «армаду». Ответ достаточно прост.

В современной практике судовождения есть правило: если большое торговое судно или военный корабль проходят неизвестную труднопро-

20 См. более подробно в дискуссии [Piacentini, 1990, p. 31–32].

ходимую местность, канал, пролив или заходят в крупный порт, то на борт корабля поднимается лоцман, к которому на все время опасного перехода передается командование кораблем. И хотя это правило современного судовождения (которое, впрочем, берет начало еще в античности, достаточно вспомнить «Перипл Эритрейского моря»), оно замечательным образом объясняет, каким образом человек, занимающий крупную хозяйственную должность, и который никоим образом не проявил себя воинскими подвигами, встал тем не менее во главе целой армии.

P.S. Когда данное исследование находилось в процессе завершения, А. Сафронов любезно обратил мое внимание на титул jmj-jrtj , которым Уни никогда не обладал. В самом деле, согласно «Лексикону морских терминов», титул допускает широкий спектр толкования от «кормчего» до «лоцмана (Pilot)» [Jones, 1988, p. 49]. Тем не менее для времени Древнего царства словарь Р. Ханнига основным значением jmj-jrtj дает именно — «кормчий (Steuermann)» [Hannig, 2003, p. 76–77]²¹. Причина этого достаточно проста: египетские кормчие прекрасно ориентировались в навигации по Нилу, но экспедиции в удаленные области страны, каменоломни или дальнюю морскую зону требовали особого опыта и знаний.

Особая ответственность возлагалась и на служителей культовых ладей, в частности, ладей солнечного бога Ра, которые перемещались во время праздников по крупнейшим религиозным центрам Египта. Вероятно, по этой причине, словарь Ханнига закрепляет за jmj-jrtj только одно значение в смысле «лоцман», а именно $\text{jmj-jrtj m wjAwj aAwj}$, «Lotse in den beiden großen Barken», т. е. «лоцман на двух великих (солнечных) барках» [Hannig, 2003, p. 77 {1702}]. Эта единственная надпись содержится на небольшом фрагменте ложной двери и занесена в каталог Каирского музея под номером CG 1730 [Borchardt, 1964, p. 160]. Однако непосредственно обращаясь к памятнику, мы видим, что

носитель этого титула был также $\text{hnty-S Mn-nfr Prru}$ — «Хентише пирамиды Упрочена красота / молодость Пепи». Другими словами, перед нами предстает человек, обязанности которого были во многом схожи с обязанностями казначея Ини или «начальника дворцовых садовников» Уни, но относились не к хозяйственной или военной, а преимущественно к культовой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Берлев О. Д., Ходжаш С. И. *Скульптура Древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Каталог*. М.: Восточная литература, 2004. 568 с. [Berlev O. D., Khodzhash S. I. *Sculpture of Ancient Egypt in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Catalogue*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 568 p. (in Russian)].

Богданов И. В. *Ранняя история института хентише в Египте эпохи Старого царства*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2000. 292 с. [*The Early History of the Khentiushe Institute in Egypt of the Old Kingdom*. PhD Thesis. St. Petersburg, 2000. 292 p. (in Russian)].

Богданов И. В. Ливанская древесина hntj-S в египетских источниках эпохи Древнего царства. *Письменные памятники Востока*. 2012. № 1 (16). С. 112–131 [Bogdanov I. V. Lebanese Wood hntj-S in the Egyptian Sources of the Old Kingdom. *Written Monuments of the East*. 2012. No. 1 (16). Pp. 11–131 (in Russian)].

Веркуттер Ж. *Египет и долина Нила*. Т. 1: *С древнейших времен до конца Древнего царства. 12000–2000 гг. до н. э.* СПб.: Нестор-История, 2015. 382 с. [Vercoutter J. *L'Égypte et la Vallée du Nil*. Т. 1. *Dès origines à la fin de l'Ancien Empire 12 000–2000 av. J.-C.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015. 382 p. (in Russian)].

Диодор Сицилийский. *Историческая библиотека в 3-х томах*. Пер. Э. Д. Фролова. Т. 1 М.: Рубежи XXI. 456 с. [*Diodorus Siculus. Library of*

²¹ Термин «кормчий, знающий воды (aS-Nat gx mw)» характерен для времени Нового царства [Gardiner, 1937, p. 17(9,2)].

History: In 3 Vols. Transl. by E. D. Frolov. Vol. I. Moscow: Rubezhi XXI. 456 p. (in Russian)].

Орехов Р. А. Поручение, которое выполнял на юге царский чиновник Уни (в свете теории Э. Блоксам). *Вестник древней истории*. 2018. № 78 (3). С. 501–518 [Orekhov R. A. The King's Official Weni Errand in the South (on the Question of E. Bloxam's Hypothesis). *Vestnik Drevney Istorii*. 2018. № 78 (3). Pp. 501–518 (in Russian)].

Перепелкин Ю. Я. *Частная собственность в представлении египтян Старого царства. Палестинский сборник*. 1966. № 16 (79) [Perpelkin Yu. Ya. *Private Property in the View of the Egyptians of the Old Kingdom. Palestinskiy sbornik*. 1966. No. 16 (79)].

Перепелкин Ю. Я. Жизнеописание вельможи Уны. М. А. Коростовцев, И. С. Кацнельсон, В. И. Кузицин (ред.). *Хрестоматия по истории древнего Востока*. Ч. 1. М.: Высшая школа, 1980. С. 21–24 [Perpelkin Yu. Ya. The Autobiography of Weni. M. A. Korostovtsev, I. S. Katsnel'son, V. I. Kuzishchin (eds.). *Anthology of the Ancient East History*. Pt. 1. Moscow: Higher School, 1980. Pp. 21–24 (in Russian)].

Перепелкин Ю. Я. *Хозяйство староегипетских вельмож*. М., 1988. 304 с. [Perpelkin Yu. Ya. *Economy of Old Egyptian Nobles*. Moscow, 1988. 304 p. (in Russian)].

Савельева Т. Н. *Аграрный строй Египта в период Древнего царства*. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 292 с. [Savelieva T. N. *Egyptian Agriculture during the Old Kingdom*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. 292 p. (in Russian)]

Савельева Т. Н. К вопросу о значении терминов [pr], [Hwt] и [Hwt aAt] в надписи Мечена (XXVII в. до н. э.). *Древний Египет*. М., 1960. С. 181–194 [Savelieva T. N. Question of the Meaning of Terms “pr”, “Hwt” and “Hwt aAt” in the Inscription of Metchen. *Ancient Egypt*. Moscow, 1960. Pp. 181–194 (in Russian)]

Савельева Т. Н. *Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства: III–VIII династии*. М.: Наука, 1992. 179 с. [Savelieva T. N. *Temple Economies of Egypt in the Old Kingdom*

(3rd–8th Dynasties). Moscow: Nauka, 1992. 179 p. (in Russian)].

Шэхаб Эль-Дин Т. *Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV–VIII династий*. Дис... канд. ист. наук. СПб., 1993. 25 с. [Shahab El-Din T. *Autobiography in Ancient Egypt in the Era of the 4th–8th Dynasties*. PhD Thesis. St. Petersburg, 1993. 25 p. (in Russian)].

Adams M. *The Title xntj-S in the Old Kingdom*. Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts. August, 2003. p.

Alexanian N., Bebermeier W., Blaschta D., Ramisch A. The Pyramid Complexes and Ancient Landscape of Dahshur/Egypt. eTopoi. *Journal for Ancient Studies*. 2012. No. 3. Pp. 131–133.

Alexanian N., Arnold F. *The Complex of the Bent Pyramid as a Landscape Design Project*. 2016. URL: https://www.academia.edu/30540635/The_complex_of_the_Bent_Pyramid_as_a_landscape_design_project (accessed 07.08.2022).

Barta M. In Mud Forgotten: Old Kingdom Palaeoecological Evidence from Abusir. *Studia Quaternaria*. 2013. No. 2 (Vol. 30). Pp. 75–82.

Baud M., Dobrev V. De nouvelles annales de l'Ancien Empire égyptien. Une “Pierre de Palerme” pour la VIe dynastie. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale*. 1995. No. 95. Pp. 23–92.

Borchardt L. *Catalogue Général des Antiquités Égyptiennes du Musée du Caire Nos 1295–1808*. Denkmäler des Alten Reiches (ausser den Statuen). Teil II. Le Caire, Organisme Général des Imprimeries Gouvernementales, 1964. 291 p.

Cleveland – Berman L. *Catalogue of Egyptian Art*. Cleveland: The Cleveland Museum of Art, 1999. 568 p.

Düring N. *Materialien zum Schiffbau im Alten Ägypten*. Berlin: Achet Verlag, 1995. 218 p.

Edel E. *Altägyptische Grammatik I*. Roma: Pontificium Institutum Biblicum, 1955. 307 p.

Edel E. Das Sonnenheiligtum des Königs Userkaf. *Die Kalksteintäfelchen. Beiträge zur Ägyptischen Bauforschung und Altertumskunde*. 1969. № 8. Pp. 1–22.

Eyre C. J. Work and the Organisation of Work in the Old Kingdom. *Labor in the Ancient Near East*.

M. A. Powell (ed.). New Haven, 1987. Pp. 5–47.
 Fettel J. *Die Chentiu-schi des Alten Reiches*. Inauguraldissertation. Heidelberg, 2010. 763 p.
 Gardiner A. H. *Late-Egyptian Miscellanies*. Bruxelles: Edition de la Fondation Egyptologique Reine Elisabeth, 1937. 142 p.
 Giddy L., Jeffreys D. G. Memphis, 1991. *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1992. № 78. Pp. 1–11.
 Hannig R. *Ägyptisches Wörterbuch I*. Altes Reich und Erste Zwischenzeit. (Hannig-Lexica 4, Kulturgeschichte der antiken Welt, 98). Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2003. 1686 p.
 Hoffman T. Die Autobiographie des Uni von Abidos. *Lingua Aegyptia. Journal of Egyptian Language Studies*. 2002. № 10. Pp. 225–237.
 Jones D. *A Glossary of Ancient Egyptian Nautical Titles and Terms*. London – New York: Kegan Paul International Limited, 1988. 294 p.
 Lichtheim M. *Ancient Egyptian Literature*. Vol. I. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press, 1984. 200 p.
 Macklin M. G., Toonen W. H. J., Woodward J. C., Williams M. A. J. [et al.], A New Model of River Dynamics, Hydroclimatic Change and Human Settlement in the Nile Valley Derived from Meta-Analysis of the Holocene Fluvial Archive. *Quaternary Science Reviews*. 2015. № 130. Pp. 109–123.
 Marcolin M. Iny, a Much-Traveled Official of the Sixth Dynasty. Unpublished Reliefs in Japan. M. Barta ed. *Abusir & Saqqara in the Year 2005*. Praga: Czech Institute of Egyptology, Faculty of Arts, Charles University in Prague, 2006. Pp. 282–310.

Nuzzolo M. The V Dynasty Sun Temples Personnel. An Overview of Titles and Cult Practice through the Epigraphic Evidence. *Studien zur Altägyptischen Kultur*. 2010. No. 39. Pp. 89–312.
 Piacentini P. *L'autobiografia di Uni, principe e governatore dell'alto Egitto*. Pisa: Giardini Editori, 1990. 110 p.
 Posener-Kriéger P. *Les Archives du temple funéraire de Néferirkarê-Kakaï. Les papyrus d'Abousir. Traduction et Commentaire*. 2 vol. Le Caire, 1976.
 Richards J. E. Text and Context in Late Old Kingdom Egypt. The Archaeology and Historiography of Weni the Elder. *Journal of the American Research Center in Egypt*. 2002. No. 39. Pp. 75–102.
 Roccati A. *La littérature historique sous l'Ancien Empire Égyptien*. Part. I–II. Paris: Editions du Cerf, 1982. 319 p.
 Roth A. M. *Egyptian Phyles in the Old Kingdom. The Evolution of a System of Social Organization*. Chicago, 1991. 270 p.
 Strudwick N. *Texts from the Pyramid Age*. Leiden–Boston: Brill, 2005. 522 p.
 Tresson P. *L'inscription d'Ouni*. (*Bibliothèque d'étude*, 8). Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1919.
 Urk. I – Sethe K. *Urkunden des Alten Reiches*. Bd I. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1933. 308 p.
 Wb. — Erman A., Grapow H. *Wörterbuch der aegyptischen Sprache*. Bd. I–V. Leipzig: Hinrich, 1929–1931.
 Wildung D. *Imhotep und Amenhotep: Gottwerdung im alten Ägypten*. (*Münchener ägyptologische Studien* 36). München: Deutscher Kunstverlag, 1977. 320 p.

ОБ ОПИСАНИИ ПОКОРЕНИЯ ОДА НОБУНАГА УДЕЛА ТАКЭДА В «СИНТЁ:-КО: КИ»

ON THE DESCRIPTION OF ODA NOBUNAGA'S CONQUEST OF THE TAKEDA DOMAIN IN "Shinchō-kō ki"

©2023 **Святослав Александрович Полхов**

кандидат исторических наук, независимый исследователь
takeda2001@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-4705-7488

Sviatoslav A. Polkhov

PhD (History), independent scholar, Moscow, Russia
takeda2001@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-4705-7488

В статье рассматриваются особенности нарратива хроники «Синтё:-ко:ки», одного из ценнейших источников по истории Японии периодов Сэнгоку и Адзуты–Момояма, написанного О:та Гю:ити (1527–1613), вассалом Ода Нобунага (1534–1582). Анализируются характерные черты описания завоевания Нобунага удела дома Такэда, ставшего важным этапом политического объединения Японии в конце XVI в. Автор хроники стремится обосновать неминувность победы армии Ода и поражения Кацуёри, главы дома Такэда. Кацуёри предстает в хронике как недостойный власти, несправедливый и жестокий правитель, являющийся антитезой Ода Нобунага, который в сочинении О:та Гю:ити наделяется качествами добродетельного конфуцианского властителя. Падение дома Такэда объясняется в духе буддизма как воздаяние за гибель людей во время войн, ведшихся тремя поколениями дома Такэда (Нобутора, Сингэн, Кацуёри). Нарратив О:та Гю:ити в соответствующих фрагментах хроники свитка XV, где описывается «усмирение» княжества Такэда, становится более выразительным, сближаясь по стилю с более ранними военными эпопеями периодов Камакура и Муромати. В целом, в повествовании о завоевании

удела Такэда отражена пронизывающая и другие части летописи интенция О:та Гю:ити, заключающаяся в возвеличивании военной доблести и могущества Ода Нобунага. Для достижения цели автор хроники использует как конфуцианские, так и буддийские понятия и концепции. В приложении приведен комментированный перевод на русский язык отрывка из свитка XV, где рассказывается о покорении владений Такэда.

Ключевые слова: О:та Гю:ити, «Синтё:-ко: ки», Ода Нобунага, Такэда Кацуёри, нарратив

Для цитирования: Полхов С. А. Об описании покорения Ода Нобунага удела Такэда в «Синтё:-ко: ки». *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 138–146. DOI: 10.18254/S268684310029204-2

The paper examines the features of the narrative of the chronicle “Shincho-kō ki”, one of the most valuable sources on the history of Japan of the Sengoku and Azuchi-Momoyama periods, written by Ota Gyuichi, a vassal of Oda Nobunaga. The characteristic features of the description of Nobunaga’s conquest of the Takeda domain, which became an important stage in the political unification of Japan at the end of the 16th century, are analyzed. The author of the chronicle seeks to justify the inevitability of the victory of the Oda army and the defeat of Katsuyori, the head of the Takeda house. Katsuyori appears in the chronicle as an unjust and cruel ruler, who is the antithesis of Oda Nobunaga, who in the work of Ota Gyuichi is endowed with the qualities of a virtuous Confucian ruler. The fall of the Takeda house is explained in the spirit of Buddhism as retribution for the deaths of people during the wars waged by three generations of the Takeda house (Nobutora, Shingen, Katsuyori). The narrative of Ota Gyuichi in the corresponding fragments of the chronicle of book XV, which describes the “pacification” of the Takeda domain, becomes more expressive, closer in style to earlier military epics of the Kamakura and Muromachi periods. In general, the narrative of the conquest of the Takeda inheritance reflects the intention of Ota Gyuichi, which permeates other parts of the chronicle, which consists in exalting the military valor and dignity of Nobunaga. At the same time, the author of the chronicle uses both Confucian and Buddhist ideas and concepts. The appendix to the article also contains a commented translation into Russian of an excerpt from book XV, which tells about the conquest of the Takeda domain.

Keywords: Ota Gyuichi, Shincho-kō ki, Oda Nobunaga, Takeda Katsuyori, narrative

For citation: Polkhov Sviatoslav. A. On the Description of Oda Nobunaga’s Conquest of the Takeda Domain in “Shincho-kō ki”. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 138–146. DOI: 10.18254/S268684310029204-2

После сокрушительного поражения в битве при Нагасино в 1575 г. Такэда Кацуёри (1546–1582) окончательно утратил влияние в провинции Микава и вынужден был обороняться от натиска сил Токугава Иэясу (1542–1616), союзника Нобунага, в провинции То:то:ми. Падение замка Такатэндзин в 1581 г., гарнизону которого Кацуёри не смог оказать действенной помощи [О:та Гю:ити, 1996, с. 349–351], стало ударом по репутации главы дома Такэда в глазах его вассалов. Перед вторжением войска Нобунага, его вассалы и союзники провели тайные перегово-

воры с некоторыми магнатами из удела Такэда и сумели привлечь их в свой лагерь. Многие самураи дома Такэда были разочарованы военными неудачами Кацуёри и осознавали подавляющее превосходство сил Нобунага. Для провинциальных владетелей (*кунисю*: 国衆) на первый план вышел вопрос о выживании их собственного клана, и они не готовы были сражаться за Кацуёри. Подобные настроения среди *кунисю*: оказались одним из главных факторов скоротечного падения дома Такэда: военная кампания, начатая Нобутада, старшим сыном Нобунага,

потребовала чуть больше месяца и победоносно завершилась в начале 3-й луны 10 года Тэнсё: (начало апреля 1582 г.). В результате было сокрушено могущественное княжество Такэда и сделан важный шаг на пути политической консолидации Японии.

Конкретный ход военных действий *Ко:сю: сэй-бацу* (甲州征伐; «Покорение провинции Каи») подробно изложен в многочисленных работах японских историков. В данной работе рассматриваются особенности нарратива хроники «Синтё:-ко: ки», XV свиток которой повествует о покорении удела дома Такэда (провинции Каи, Синано, часть провинций Суруга и Ко:дзукэ). Как описывается завоевание, как оправдывает действия Нобунага и объясняет крушение дома Такэда составитель летописи?

В свитке XV «Синтё:-ко: ки» в значительном объеме содержатся точные и верифицируемые сведения; в хронике включены и совершенно уникальные данные, отсутствующие в других источниках. Повествуя о завоевании княжества Такэда, хронист приводит копии трех документов, обладающих огромной ценностью для изучения политики Ода Нобунага в области Канто: в 1582 г.: 1) инструкцию Нобунага военачальникам в связи с выступлением в поход в провинцию Синано; 2) памятную записку Нобунага о распределении владений в Восточной Японии после падения дома Такэда; 3) установление Нобунага для провинций Каи и Синано.

Гю:ити, как и многие авторы «военных повестей» периода Адзуты–Момояма и начала эпохи Токугава, сосредоточивается на изложении действительно происходивших или достоверных с его точки зрения сведений, преимущественно описывая случившееся; в его хронике практически нет красочных и вымышленных картин батальных сцен, речей и подвигов воинов, обнаруживаемых в более ранних военных эпопеях периода Камакура или Муромати. Однако при рассказе о завоевании княжества Такэда хронист несколько отступает от «фактографического» подхода. Так, чтобы описать трагизм и безвыходность положения, в котором оказался глава дома

Такэда Такэда Кацуёри и его приближенные, Гю:ити прибегает к более «художественному» стилю, характерному для прежних «военных повестей». В духе буддийских постулатов о бренности и переменчивости сущего он изображает резкую перемену в положении знатных дам из рода Такэда: еще недавно они гордились своим преуспеянием, разъезжая в украшенных серебром и золотом экипажах и повозках, окруженные любовью, почтением и заботой, однако после вторжения армий Ода они были вынуждены бежать: «Именитые дамы, дети босыми брели по непроходимым горным тропам, [их] стопы были алыми [от крови]. Жалкий [вид] беглецов был совершенно нестерпим для глаз», — сетует хронист [О:та Гю:ити, 1996, с. 388]. Данный фрагмент «Синтё:-ко: ки» можно сопоставить со знаменитым описанием бегства Тайра из Дадзайфу в св. VIII «Повести о доме Тайра»: «Не было у них ни карет, ни паланкинов. Фениксов паланкин только по названию мог таковым считаться, — государь ехал в простых носилках. А нежные дамы, начиная с Матери страны — государыни, и все вельможи и царедворцы, подвернув края хакама и сасинуки, миновали плотину Мидзуки и пешком устремились к заливу Хакодзаки, торопясь обогнать друг друга. ... Непривычные столь долго *ходить пешком, они поранили ноги, и алые капли крови запытали песок*» [*Повесть о доме Тайра*, 1982, с. 364].

В то же время для нарратива Гю:ити при описании покорения удела Такэда характерно стремление оправдать действия Нобунага и его военачальников. Такэда Кацуёри изображается недобродетельным правителем, притесняющим собственных подданных. Гю:ити пишет, что крестьяне из владений дома Такэда заранее поджигали свои дома и сами приходили к лагерю армии Ода. Такэда Кацуёри (Такэда Сиро:) предстает в сочинении О:та Гю:ити с одной стороны как жестокий правитель, обременяющий простой люд новыми поборами, а с другой стороны как мздоимец и несправедливый судья, прибегающий к лютым казням. Тем са-

мым в рамках конфуцианских представлений он изображен как недостойный князь. В других частях труда Гю:ити не забывает упомянуть о созидательной деятельности Нобунага на благо «простого люда»: он приказывает проложить удобные дороги, отменяет пошлины и заставы, досаждающие путникам, не перекладывает расходы по восстановлению святилища Исэ на крестьян и т. п. Хронист стремится изобразить процветание и благодарность «народа» Нобунага: «Простой народ, [пребывая в довольстве], не гасил [огонь в] очагах. “[Пусть] годами сравнится с Дунфан Шо и Си-ван-му, а удачей уподобится Судатте”, — только и думали все люди» [О:та Гю:ити, 1996, с. 177]. Тем самым он противопоставляет Кацуёри своему господину, пекущемуся о «благое народа» и наделенному добродетелями конфуцианского владыки.

Изобличая пороки Кацуёри, автор «Записей» тем самым обосновывает неизбежность его поражения и победы Нобунага, ведь все жители удела Такэда, «и верхи, и низы», «возненавидев» Кацуёри, только и ждали момента, когда можно будет присоединиться к Нобунага и «явить ему преданность».

Вместе с тем бедственное положение Такэда Кацуёри, вынужденного после стремительного продвижения армий Ода и предательства многих видных вассалов бежать из новой резиденции Симпу, автор хроники объясняет с помощью буддийских концепций: «Коли подумать, предавать смерти [множество] людей — дело, непосильное человеку низкого звания. Так повелось, что люди, рожденные владетелями провинции, возжелав захватить другие земли, из-за этого убивают множество людей. Три колена [дома Такэда] — от Нобутора до Сингэн и от Сингэн до Кацуёри — убили многие тысячи людей, сколько, неизвестно. Но в [нашем] мире расцвет

и упадок, перемены времени невозможно отратить. И вот в мгновение ока тогда явственно [воспоследовало] воздаяние. Не ропща против Неба, не вина людей¹, [уходя] из мрака, блуждали [они] на пути мрака², из страданий погружались в страдания. О, жалкий Кацуёри».

Падение дома Такэда, беды и невзгоды, постигшие Кацуёри, согласно О:та: Гю:ити предопределены кармой: это воздаяние за убийство множества людей тремя поколениями Такэда (Нобутора, Сингэн, Кацуёри). Хронист в этой связи осуждает присущее *сэнгоку даймё* стремление к захвату чужих земель, однако ни в коей мере не порицает Нобунага, своего бывшего сюзерена, бывшего не менее жестоким завоевателем, чем князя Такэда.

Рассказ об «усмирении» Такэда Гю:ити использует как еще один повод для возвеличивания могущества и военной доблести как Ода Нобунага, так и его старшего сына Ода Нобутада. Автор «Записей» превозносит личную отвагу, проявленную Нобутада во время штурма замка Такато: в провинции Синано. Победив могучего врага, Нобутада стяжал славу в Японии и должен стать на века образцом («зеркалом») для потомков, — с восхищением отмечает Гю:ити. Вместе с тем автор «Синтё:-ко: ки» не пытается скрыть или преуменьшить доблесть противников Нобунага и Нобутада, тем самым еще раз подчеркивая значительность их победы. «Героизм», описываемый и восхваляемый хронистом, безотносительно достоверности описанного, соответствует идеалам и ценностям самурайства периода Сэнгоку. Гю:ити несомненно одобряет в первую очередь то, что положительно оценивали представители его социальной группы, стремясь также запечатлеть достойные для подражания модели поведения для будущих поколений (как они виделись ему

1 «Не ропща против Неба, не вина людей» — выражение из «Лунь юй» («Суждения и беседы», XIV.35): «Учитель ответил: Не ропщу на Небо, но не виню людей. Занимаясь низшим, высшее постиг. Не Небесам ли и известен я?» [Конфуций, 1995, с. 133].

2 «[Уходя] из мрака, блуждали [они] на пути мрака» (*кураки ёри кураки мити ни маёи*) — фраза восходит к словам 7 главы «Лотосовой сутры»: «[Переходя из темноты в темноту, [живые существа] никогда не слышат имени Будды» (перевод А. Н. Игнатовича) [Игнатович 1998, с. 163].

как представителю японского военного дворянства XVI столетия). Гю:ити с неподдельным восхищением живописует отвагу немногих воинов, оставшихся до самого конца с Такэда Кацуёри и храбро атаковавших окружившие их лагерь превосходящие силы врага. Цутия Масацунэ «взял лук, и накладывая одну за другой стрелы на тетиву, быстро пускал [их], яростно расстрелял все». «Застрелив [из лука] множество хороших воинов, [Цутия] взрезал живот вслед [за господином] — достославные и беспримерные свершения», — одобрительно пишет Гю:ити. По его оценке, Такэда Нобукацу, старший сын Кацуёри, «неистово бился, [снискав] себе славу и честь». В то же время переход в стан Ода Нобунага вассалов Такэда в хронике не осуждается. Гю:ити рассматривает такие случаи не как предательство, а как проявление «преданности» по отношению к Нобунага. Сам властитель Адзуты в письмах обычно также не только не порицает, но и одобрительно отзывается о присоединившихся к нему самураях врага.

Таким образом, нарратив покорения удела Такэда в св. XV в целом соответствует интенциям О:та Гю:ити, отчетливо отображаемым и в других местах его труда. С одной стороны он стремится оправдать Нобунага, а с другой возвеличивает его могущество и военные свершения. При этом хронист задействует как буддийские, так и конфуцианские идеологемы и постулаты.

ПЕРЕВОД ФРАГМЕНТА СВИТКА XV «СИНТЁ:-КО: КИ»³

2 луна, первый день. «Кисо Ёсимаса⁴ из провинции Синано открыто принял сторону [князя Нобунага], посему велите направить войско», — сообщил посланец Наэги Кю:бё:э⁵ князю Самми-но Тю:дзё: Нобутада об [успешной] уловке⁶. Тогда, не мешкая, [Тю:дзё: Нобутада] через Хирано Канъэмон доложил о том князю Нобунага.

Тогда [князь Нобунага] повелел [Нобутада] повести войска, [стоящие] на границе, взять под охрану заложников и [сообщил], что после того [он сам] выступит в поход. Тотчас Наэги Кю:бё:э с сыном объединили силы с Кисо. Первым делом выдали в заложники Агэмацу Куро:до, младшего брата Ёсимаса. [Князь Нобунага] возрадовался и препоручил [его] Сугая Куэмон.

2 луна, 2 день. Такэда Сиро: с сыном и Тэнкю:⁷, узнав об измене Кисо, направили коней из нового замка Симпу⁸, с [армией из] примерно 15 тыс. [человек дошли] до Уэхара в Сува⁹, встали [там] лагерем, распорядились [подготовить оборону] всех проходов.

2 луна, 3 день. Князь Нобунага повелел двинуть силы со всех направлений. Из Суруга — князь Иэясу, из Канто: — Хо:дзё: Удзимаса, из Хида вторгнутся [отряды] под началом Канамо-

3 При переводе за основу взят отрывок свитка XV «Записей о князе Нобунага» списка Ё:мэй бунко [О:та Гю:ити, 1996, с. 378–379, 381–386]. Во время работы автор обращался и к аналогичным фрагментам из рукописи Матида, близкой к списку Ё:мэй [О:та Гю:ити, 1921, с. 229, 231–234].

4 Кисо Ёсимаса (1540–1595), могущественный владетель долины Кисо в провинции Синано (*Кисо дани*; 木曾谷), расположенной в верховьях реки Кисо в Синано (уезд Кисо на юго-западе преф. Нагано, а также часть территории г. Накацугава, преф. Гифу), ранее подчинившийся Такэда Сингэн и женившийся на его дочери.

5 Наэги Кю:бё:э — То:яма Томотада (?–?), владетель замка Наэги на востоке провинции Мино (г. Накацугава, преф. Гифу).

6 «[Успешной] уловке» — *готё:ряку* (御調略), то есть о том, что удалось в результате тайных переговоров переменить Кисо Ёсимаса на сторону Нобунага.

7 «С сыном» — сына Такэда Кацуёри (Такэда Сиро:) звали Такэда Нобукацу (1567–1582). Тэнкю: — Такэда Нобутоё, двоюродный брат и высокопоставленный вассал Кацуёри, пользовавшийся его доверием.

8 Замок Симпу — провинция Каи (г. Нирасаки, преф. Яманаси). Ожидая вторжения армий Нобунага и Токугава Иэясу, Кацуёри начал в 1581 г. строить Симпу — новый замок, который должен был стать новым военным и политическим центром княжества Такэда, но Кацуёри не успел завершить задуманное строительство.

9 Уэхара — замок в уезде Сува провинции Синано (г. Сува, преф. Нагано).

ри Горо:хати, из [уезда] Ина¹⁰, разделив [войско] на две части, [по отдельности] вторгнутся князь Нобунага и князь Самми-но Тю:дзё Нобутада, повелел [его милость].

2 луна, 3 день. Войско Самми-но Тю:дзё: Нобутада из провинций Овари и Мино, передовые отряды [которого вели] Мори Сё:дзо: и Дан Хэйхати, подошло к двум проходам — Кисо и Ивамура.

Враги [князя Нобунага] обороняли труднопроходимое место у прохода Ина, соорудили крепость в Такигасава, разместили там Симодзё: Идзу-но ками, но старейшина дома Симодзё: Кю:бэй¹¹ совершил предательство и [во] 2 луну, 6 день прогнал [из замка] Идзу-[но ками], выпустил войско Кавадзири Ёхё:э из прохода Ивамура и принял сторону [князя Нобунага].

2 луна, 12 день. Князь Самми-но Тю:дзё: Нобутада направил коня [в поход], в тот день расположился лагерем в Дота. В 13 день изволил раскинуть лагерь в Ко:но. В 14 день прибыл с войском в Ивамура. [Князь Нобунага] отрядил Такигава Сакон, Кавадзири Ёхё:э, Мо:ри Каватино ками, Мидзуно Кэммоцу, Мидзуно Со:бё:э [в помощь Тю:дзё: Нобутада].

2 луна, 14 день. Огасавара Камон-но дайбу, владетель замка Мацуо в провинции Синано¹², доложил, что будет преданно служить [князю Нобунага], поэтому Дан Хэйхати и Мори Сё:дзо: [во главе] передовых отрядов двинулись из прохода Цумаго к проходу Сэйнандзи и перешли через перевал Кисо¹³. Когда [они] вели войско вверх к перевалу Насино, Огасавара

ра Камон-но дайбу присоединил свои силы, в разных селениях [они] пустили дым. Во вражеском замке Иида¹⁴ заперлись Бандзай и Хосина Дандзё:, решив, что [им] не устоять, [во] 2 луну, 14 день, [они] бежали с наступлением ночи.

2 луна, 15 день. Мори Сё:дзо:, проскакав примерно 3 *ри*, в месте, зовущемся Итида, сразил тех, кто не успел отступить, — примерно 10 всадников.

2 луна, 16 день. Вражеский военачальник Имафуку Тикудзэн-но ками¹⁵ двинул *асигару* из Ягохара на перевал Тории. К войску Кисо же присоединился Наэги Кю:бё:э с сыном, [эти силы] спешно поднялись из Нараидзака, и на перевале Тории сошлись [с врагом], дали сражение.

Список добытых голов:

Атобэ Дзибу-но дзё:, Аруга Бинго-но ками, Касаи, Касахара, число голов было больше 40. Сразили лучших [воинов].

Войско — подкрепление из прохода Кисо:

Ода Гэнго, Ода¹⁶, Ода Магодзю:ро:, Инаба Хикороку, Кадзивара Хэйдзиро:, Цукамото Ко-дайдзэн, Мидзуно То:дзиро:, Янада Хикосиро:, Нива Кансукэ.

Это войско, объединившись с Кисо, удерживало перевал Тории. Враг —сын Баба Мино-но ками, — укрепился в замке Фукаси¹⁷ и противостоял войску [Ода] на перевале Тории. Князь Самми-но Тю:дзё: Нобутада соблаговолил перейти из Ивамура через горные кручи и труднопроходимые места и расположился лагерем в Хирая. На другой день соизволил перенести лагерь в Иида. В [замке] О:сима укрепился

10 Ина — уезд провинции Синано, соответствует части территории преф. Нагано.

11 Симодзё: Идзу-но ками — Симодзё: Нобуудзи (1529–1582), владетель замка Ёсиока в уезде Ина провинции Синано. Симодзё: Кю:бэй — младший брат Симодзё: Нобуудзи.

12 Мацуо — замок в уезде Ина провинции Синано (г. Иида, преф. Нагано). Огасавара Камон-но дайбу — Огасавара Нобуминэ (1547–1598), женатый на племяннице Такэда Сингэн, владетель замка Мацуо.

13 «Проходы» в «Синтё:-ко: ки» — горные перевалы и труднопроходимые места, удобные для обороны от вражеского войска.

14 Иида — уезд Ина провинции Синано (г. Иида, преф. Нагано).

15 Имафуку Тикудзэн-но ками — Имафуку Масакадзу (?–1582), управитель замка Такасима и уезда Сува в провинции Синано (сейчас часть территории г. Сува в преф. Нагано).

16 После фамилии пропущено *иусё:* («прозвище») отпрыска дома Ода.

17 Фукаси — замок в уезде Тикума провинции Синано (г. Мацумото, преф. Нагано).

враг — Хината Гэнтокусай¹⁸, [который был там] военным предводителем. Обара Танго-но ками, Сё:ё:кэн, Аннака из Канто:¹⁹ также были присоединены к гарнизону и обороняли замок. Когда князь Тю:дзё: Нобутада соизволил приблизить коня [к О:сима], [они] решили, что удача едва ли будет [к ним] благосклонна, и ночью бежали. Князь Самми-но Тю:дзё: Нобутада тотчас же соблаговолил расположиться в замке О:сима. Здесь [он] разместил Кавадзири Ёхё:э и Мо:ри Кавати, а передовые отряды переместил в Иидзима. Мори Сё:дзо:, Дан Хэйхати, Огасавара Камон-но дайбу, владельцу замка Мацуо, [князь Нобутада] приказал [вести] передовые силы. Крестьяне же заранее поджигали свои дома и приходили [к лагерю армии Ода]. Причина в том, что в последние годы Такэда Сиро: налагал новые подати, устанавливал новые заставы, и страданиям народа и крестьян не было конца. Тяжкие преступления [он] прощал, беря подношения, за незначительные проступки, говоря, что [делает это] в назидание другим, [приказывал] либо предать распятию, либо зарубить. Стеная и скорбя, и благородные, и низкорожденные, и верхи, и низы возненавидели [Такэда Сиро:]. В ту пору в сердце все желали перейти в высочайший удел Нобунага, и потому решив, что сейчас [наступил] благоприятный момент, верхи и низы, присоединившись, явили преданность [князю Нобунага]. Тем временем [с приказом] тщательно разузнать и доложить о ходе военных действий у проходов Кисо и Ина,

от князя Нобунага в ставку [князя Нобутада] в провинции Синано посланцами отправлены были двое — Ину и Муко. Вернувшись, [они] донесли, что князь Самми-но Тю:дзё: Нобутада соблаговолил остановить коня в О:сима, и [ничего] непредвиденного не [случилось].

Меж тем, в недавние годы для сдерживания [нападений] из провинции То:то:ми, [даймё Такэда] возвел в провинции Суруга в Эдзири крепость и разместил [там] Анаяма Гэмба²⁰. Когда [князь Нобунага] повелел: «Теперь явите преданность», [тот] тотчас же согласился²¹. [Анаяма Гэмба] оставил в заложниках жену и детей в провинциальной ставке Каи²², но [во] 2 луну, 25 день под покровом дождливой ночи [их] выкрал. Узнав о предательстве Анаяма и решив защищать [свой замок]-резиденцию, [во] 2 луну, 28 день Такэда Сиро: Кацуёри с сыном и Тэнкю: отступили из Уэхара в Сува и отвели войско к [замку]-резиденции в Симпу.

3 луна, первый день. Князь Самми-но Тю:дзё: Нобутада двинул войско из Иидзима, перешел через [реку] Тэнрю:гава и соизволил расположить войско на Каинумахара. [Нобутада] послал вперед *асигару* [во главе с] Кавадзири Ёхё:э, Мори Кавати-но ками, Дан Хэйхати, Мори Сё:дзо:, Огасавара Камон-но дайбу, владелец замка Мацуо, [стал] провожатым. Князь Самми-но Тю:дзё: Нобутада в сопровождении лишь десяти [всадников из] *онхоро-но сю*²³, поднявшись [на конях] от реки на высокую гору [расположенную напротив] замка Такато:²⁴, где укре-

18 О:сима — замок в уезде Ина провинции Синано (поселение Мацукавамати в уезде Симоина, преф. Нагано).

19 Обара Танго-но ками — Обара Цугутада (?–1582), приближенный Такэда Кацуёри, выполнявший важные административные и военные поручения, оставался с Кацуёри до самого конца. Сё:ё:кэн — Такэда Нобукадо, младший брат Такэда Сингэн и дядя Такэда Кацуёри. Аннака — Аннака Ситиро:сабуо:, владелец замка Аннака в уезде Усуи провинции Ко:дзукэ (сейчас — часть территории г. Аннака в преф. Гумма).

20 Замок Эдзири — уезд Ихара провинции Суруга (поселение Эдзири в районе Симидзуг. Сидзуока, преф. Сидзуока).

21 Анаяма Байсэцу — Анаяма (Такэда) Нобутада (1547–1582). Анаяма — боковая ветвь дома Такэда. Известия об измене Анаяма Байсэцу еще больше подорвали моральный дух армии Такэда, Кацуёри решил отступить в Симпу, опасаясь за безопасность Каи.

22 «в провинциальной ставке» — *кокуфу* (国府), то есть в городе Ко:фу (г. Ко:фу, преф. Яманаси), где ранее располагались резиденция даймё и вассалов Такэда и находился призамковый город.

23 *Онхоро-но сю* (御ほろの衆) — группа избранных приближенных вассалов Нобутада.

24 Такато: — уезд Ина провинции Синано (г. Ина, преф. Нагано).

пился Нисина Горо:²⁵, соблаговолил оценить расположение и состояние вражеского замка. В тот день [он] встал лагерем на Каинумахара.

Замок Такато: — горный замок, с трех сторон [огражденный горными] кручами, с тыла — горным отрогом. У подножия замка с запада на север, бурля, течет [река] Фудзикава. Замок был построен очень надежно. Проход к тому месту [длиной был] примерно 3 тё:, внизу — широкая река, вверху — большая гора, [это] труднопроходимое место, [узкая] дорога мимо горных обрывов, [по которой] всадники проедут лишь один за другим [в ряд]. В низовьях реки был брод. Ночью с провожатым Огасавара Камон-но дайбу, [владельцем замка] Мацуо, здесь переправились отряды Мори Сё:дзо:, Дан Хэйхати, Кавадзири Ёхё:э, Мо:ри Кавати и подступили ко главному входу [в замок] на другом берегу реки. Хосина Дандзё: был владельцем замка Иида. После отступления из этого замка [он] заперся в замке Такато:. Тут, пустив огонь в замке, ночью [он] передал Мацуо Камон, что явит преданность [князю Нобунага], но времени, чтобы о том доложить [уже] не было, [в] 3 луну, 2 день на заре, соблаговолив двинуть войско, князь Тю:дзё: Нобутада, атаковал [замок] со стороны тыльного входа на отроге горы. В направлении главного входа бросились в атаку Мори Сё:дзо:, Дан Хэйхати, Мо:ри Кавати, Кавадзири Ёхё:э, Камон-но дайбу [из] Мацуо, бились несколько часов, сразили множество [врагов], и потому уцелевшие бежали. В это время Тю:дзё: Нобутада сам соизволил взять оружие, и стремясь опередить [других], приблизился к краю стен, разрушил ограду и изволил взобраться на стену, приказал сейчас же врываться [в замок], посему, не желая уступать друг другу, [отроки] *окося:* и *оумамавари* ворвались в замок. Через главный и тыльный вход ринулись во множестве [воины] и смешались [в схватке с врагом], сражались [так яростно], [что] сыпались искры [от клинков]. Каждый был ранен, убитые [повсюду лежали] словно разбросанные [в беспорядке] гадательные

палочки. Именитые [самураи Такэда] одного за другим тянули к себе [своих] детей и женщин и закалывали [их], [после чего] бросались в бой, нечего и говорить, бились [они доблестно]. Тут жена Сува Сё:эмон, выхватив меч, неистово сражалась — беспримерная доблесть, неслыханная в прежние времена. Кроме того, один красивый юноша, лет 15–16, из угла [замковой] кухни многих застрелил из лука. Когда закончились стрелы, выхватил меч, неистово сражался и пал в бою. Не сосчитать было раненых и убитых, [лежавших вперемешку] один на другом.

Список добытых голов:

Нисина Горо:, Хара Хаято, Касуга Кавати-но ками, Ватанабэ Киндаю:, Хатано Гэндзаэмон, Хидзи Этиго-но ками, Камбаяси Дзю:бё:э, Имафуку Матадзаэмон, Оямада Биттю:но ками — он был вторым военачальником [при] Нисина Горо:, Оямада Дайгаку, Обата Инаба-но ками, Обата Горо:бё:э, Обата Сэйдзаэмон, Сува Сё:эмон, Иидзима Мимбу-но дзё:, Иидзима Котаро:, Имафуку Тикудзэн-но ками.

Число голов было больше четырех сотен.

Голову Нисина Горо: доставили и преподнесли князю Нобунага. Ныне князь Самми-но Тю:дзё: Нобутада, преодолев горные кручи и труднопроходимые места, пошёл на Такэда Сиро:, могучего и прославленного [полководца] в Восточных землях. И хотя [Такэда Сиро:, избрав своей важнейшей] опорой славный замок Такато:, разместил [там] лучших самураев и оборонял [его], [Нобутада же] сразу же прорвался и взял [замок] штурмом. [Этим князь Нобутада] стяжал славу и в Восточных, и в Западных землях, преемствовал [высочайшему] правлению Нобунага. [Суждена ему] слава на века, [он словно] зеркало, которое должны иметь [перед собой] потомки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Игнатович А. Н. (пер. и комм.). *Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении*

25 Нисина Горо: — Нисина Моринобу (1557–1582), пятый сын Такэда Сингэн, приходился Кацуёри дядей.

Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. М.: Ладомир, 1998. 537 с. [Ignatovich A. N. (transl. and comm.). *The Sutra of Innumerable Meanings. The Wonderful Dharma Lotus Flower Sutra. Sutra of Meditation on the Bodhisattva Universal Virtue*. Moscow: Ladomir, 1998. 537 p. (in Russian)].

Конфуций. Я верю в древность. Семенов И. И. (сост., пер. и комм.). М.: Республика, 1995. 384 с. [Confucius. *I Believe in Antiquity*. Semenenko I. I. (comp., transl. and comm.). Moscow: Republic, 1995. 384 p. (in Russian)].

О:та Гю:ити. Синтё:-ко: ки (Записи о князе Нобунага). Ивасава Ёсихико, Окуно Такаhiro (комм.). 9-е изд. Токио: Кадокава сётэн, 1996.

565 с. [Ота Gyuichi. *Shincho-ko ki*. Iwasawa Yoshihiko, Okuno Takahiro (ed.). 9th ed. Tokyo: Kadokawa shoten, 1996. 565 p. (in Japanese)].

О:та Гю:ити. Синтё:-ко: ки (Записи о князе Нобунага). Кайтэй сисэки сю:ран [Исправленное собрание исторических книг]. Токио: Кондо: сьуппамбу, 1921. С. 1–258 [Ота Gyuichi. *Shincho-ko ki*. Kaitei shiseki shūran [Revised Collection of Historical Books]. Tokyo: Kondō shuppanbu; 1921. Pp. 1–258 (in Japanese)]

Повесть о доме Тайра. Львова И. (пер. и комм.). М.: Худлит, 1982. 703 с. [*The Tale of the House of Taira*. Lvova I. (transl. and comm.). Moscow: Hudozhestvennaya Literatura, 1982. 703 p. (in Russian)].

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ДАНГНГОАЕ (СЕВЕРНОМ ВЬЕТНАМЕ) В КОНЦЕ XVI–XVIII ВВ. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)¹

FORMATION OF A NEW POLITICAL SYSTEM IN DANG NGOAI (NORTHERN VIETNAM) AT THE END OF THE 16th–18th CENTURIES (STATING THE PROBLEM)

© 2023 **Алексей Леонидович Рябинин**

Доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Государственный академический университет гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
rjabinin50@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-1053-4631

Alexey L. Ryabinin

DSc (History), Professor, National University Higher School of Economics, State Academic University for the Humanities, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
rjabinin50@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-1053-4631

1 Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).
The paper was prepared at the State Academic University for the Humanities within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and cultural traditions and values in the context of global history”).

В статье рассматривается специфическая военно-политическая ситуация, сложившаяся в Дайвьете в XVI в. Эта ситуация в итоге привела к разделению властей в Дангнгоае (Северном Вьетнаме) XVII–XVIII вв. на светскую военно-гражданскую власть и власть религиозно-сакральную. Это разделение властей было зафиксировано в конце XVI века, когда наряду с традиционными органами государственного аппарата (Шестью Министерствами, Цензоратом и другими обычными ведомствами) была создана и приступила к работе «ставка правителя» (*фу лиеу*). В работе исследуется структура новых органов власти, а также соотношение новых и традиционных властных институтов. Кроме того, доказывается, что практически вся военная и светско-административная деятельность в Дангнгоае была сконцентрирована в руках военного правителя (*тюа*). Военный правитель эффективно управлял государством посредством своего правительства (*фу лиеу*) и контор-*фиен*. Что же касается традиционных Министерств и ведомств, а также Цензората, официально подчинявшихся императору (*вуа, хоангдэ*), то их военный правитель фактически отстранил от работы и держал под неусыпным контролем.

Ключевые слова: власть, Дайвьет, Дангнгоай, правительство, Министерство, Цензорат, ведомство, контора, военный правитель

Для цитирования: Рябинин А. Л. Формирование новой политической системы в Дангнгоае (Северном Вьетнаме) в конце XVI–XVIII вв. (к постановке проблемы). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 147–165. DOI: 10.18254/S268684310029205-3

The paper examines a specific military and political situation in Daiviet in the 16th century. This situation ultimately led to the separation of powers in Dangngoai (North Vietnam) into secular military and civil power and religiously sacred one in the 17–18th centuries. This was recorded at the end of the 16th century when along with the traditional institutions of the state administration (Six Ministries, Censorate and other regular departments) “the ruler’s headquarters” (*phu lieu*) were created and began to operate. This work examines the structure of the new authorities and the correlation of new and traditional power institutions. In addition, it is proved that virtually all military and secular and administrative activities in Dangngoai were concentrated in the hands of the military ruler (*chua*). The military ruler efficiently ran the state through his government (*phu lieu*) and offices-*phien*. Regarding the traditional Ministries, Censorate and departments, which were officially subordinated to the emperor (*vua, hoangde*), the military ruler actually removed them from activities and kept an unfaltering watch on them.

Keywords: power, Daiviet, Daingoi, government, Ministry, Censorate, department, office, military ruler

For citation: Ryabinin Alexey L. Formation of a New Political System in Dang Ngoai (Northern Vietnam) at the End of the 16th–18th Centuries (Stating the Problem). *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 147–165. DOI: 10.18254/S268684310029205-3

Понятие политическая система нечасто применяется (если применяется) по отношению к восточным государствам и обществам древности и средневековья на Востоке. В то же время это понятие обычно используется применительно к государствам новой и новейшей истории Востока [Воскресенский, 2007]. Что же представляет собой категория «политическая система»?

Как пишет крупнейший российский политолог А. Ю. Мельвиль, ссылаясь на французского коллегу Жана-Вильяма Лапьера (1921–2007), политическая система представляет собой одну из пяти основных систем, в которые включено человеческое общество: 1) биосоциальная (социогенетическая), 2) экологическая, 3) экономическая, 4) культурная и 5) политическая [*Политология*, 2008, с. 103–104].

Объясняя причину все более широкого применения понятия «политическая система» к политическим процессам в обществах самой различной степени древности или модерна, Мельвиль пишет: «Категория **политической системы** в современной политологии все более вытесняет соотносящиеся с ней понятия государства, управления и т. д. Она свободна от сопутствующих правоведческих значений, обусловленных государством, а также позволяет глубже исследовать неформальные структуры, ибо “управление” часто отождествляется с формальными институтами. Эта категория без затруднений применима к архаическим обществам, где политическая деятельность вершится через семейные, племенные и другие неспецифические для современной политики образования» [*Политология*, 2008, с. 104]. Таким образом, категория «политическая система» по Мельвилю вполне применима не только к современному обществу, но и к самым архаичным его этапам, не говоря уже о древности и средневековье.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА НА ВОСТОКЕ

При этом понятно, почему по отношению к древности и средневековью Востока понятие «политическая система» до сих пор применялось мало: властный порядок на древнем и средневековом Востоке ассоциируется почти исключительно с деспотией, с неограниченной единоличной властью правителя. В то же время на Востоке в средние века и в Новое время были периоды, когда разделение властей существовало, пусть и в своеобразной форме: светская военно-гражданская власть и власть религиозно-сакральная действовали отдельно [Рябинин, 2017]. Всем хорошо известна наиболее яркая представительница подобного разделения властей — Япония периода сёгунатов (1185–1867), но о существовании такого же феномена в Дайвьете (Вьетнаме) XVI–XVIII вв. мало кто слышал.

В статье будет рассмотрена специфическая военно-политическая ситуация, сложившаяся в Дайвьете в XVI в., приведшая к разделению властей на светскую военно-гражданскую и религиозно-сакральную власти в Дангнгоае (Северном Вьетнаме) XVII–XVIII вв. Отмечу в очередной раз, что работа стала возможной в результате того, что мне посчастливилось воспользоваться переводом на русский язык написанных на древнекитайском языке (вэньяне) VII и VIII томов вьетнамского летописного свода «Полное собрание исторических записок Дайвьета» («Дай Вьет ши ки тоан тхы»; далее «ТТ» — сокращенное от «тоан тхы»), и с еще не опубликованным переводом «Продолжения Основных анналов Полного собрания исторических записок Дайвьета» («Дайвьет ши ки бан ки тук биен» — далее ТБ — сокращенное от «тук биен»), переведенных и откомментированных Андреем Львовичем Федориным, за что приношу ему самую искреннюю благодарность.

ИМПЕРАТОР ЛЕ ТХАНЬ-ТОНГ ВОЗРОЖДАЕТ «ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ДРЕВНОСТИ»

Империя Дайвьет (название Вьетнама с 1054 по 1804 гг.) добилась максимального могущества за всю предшествовавшую вьетскую историю во второй половине XV в. Именно тогда императору Ле Тхань-тонгу (1460–1497) удалось достичь колоссального территориального расширения страны. После того как в 1471 г. было полностью разбито чамское войско, а само государство Чампа покорено, большая часть его территории стала составной частью Дайвьета [Деопик, 1994, с. 203–205]. Затем наступила очередь лаосского княжества Бонман, которое также было покорено, захвачено и преобразовано в *тъяу* (горный уезд), а затем в *фу* (округ) на западе империи. В результате различные народности Тайбака (преимущественно, тайские) стали платить вьетам дань [Деопик, 1994, с. 205–206].

С чем были связаны усилия императора Ле Тхань-тонга (1460–1497), изнурявшего на-

селение собственной страны, тратившего массу народных сил и человеческих жизней в бесконечных войнах во славу расширения империи? Дело в том, что Ле Тхань-тонг стремился по примеру древнекитайских государей воссоздать «идеальное государство древности». Первую попытку подобного рода предпринял в конце XIV в. «узурпатор» (с точки зрения официальной вьетнамской историографии) Хо Кюи Ли, ликвидировавший крупные частные земельные владения родовой знати и лишивший эту знать зависимых крестьян и рабов. Хо попытался создать идеальное бюрократическое государство, в котором вся власть реализовывалась через чиновничий аппарат.

Кончился эксперимент печально: лишенная огромного имущества недовольная знать стала устраивать заговоры и бунтовать, сторонники старой династии Чан обратились с жалобой на «узурпатора» к Срединной империи, та прислала войска и разгромила армию Хо Кюи Ли. Поражение вьетской армии было обусловлено отсутствием поддержки значительной части родовой аристократии. В результате в Дайвьете на 20 лет было установлено правление китайской администрации, что явилось следствием стремления Хо к жесткой деспотической власти, уничтожения *диен чангов*, репрессий в отношении их владельцев и раскола вьетского общества. За годы оккупации в Дайвьете китайские власти уничтожили огромное количество материальных и духовных ценностей, в том числе практически все ранние хроникальные и летописные своды [Деопик, 1994, с. 176–186].

Ле Тхань-тонг действовал в русле деяний Хо Кюи Ли. Он довершил строительство бюрократического государства, многократно увеличив численность чиновничьего корпуса, держал знать в «черном теле» и расширил границы империи до максимума, что привело к медленно нарастающему кризису, результаты которого начали чувствоваться уже в конце правления

Ле Тхань-тонга. Его наследник Ле Хиен-тонг (1498–1504) в течение недолгого правления с трудом поддерживал равновесие политических сил и хрупкую стабильность готового сорваться в пропасть вьетского государства и общества [Полное собрание... Т. 6., 2018, с. 229–271]. Затем на троне Дайвьета в течение 23 лет царствовали молодые императоры [Полное собрание... Т. 6., 2018, с. 271], которые в силу наследства, оставленного Ле Тхань-тонгом, были абсолютно бессильны стабилизировать ситуацию и старались компенсировать беспомощность развратом и насилием, переходящим в садизм.

Размах народных восстаний и бунтов родовой аристократии в это время превысил мыслимые пределы. Ситуация несколько стабилизировалась, когда в 1527 г. на трон Дайвьета в Тханглонге сел один из самых сильных полководцев того времени Мак ДангЗунг, свергнувший последних правителей династии Ле и создавший династию Маков, которой суждено было сыграть важнейшую роль во вьетской истории XVI века.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ДАЙВЬЕТЕ (ВЬЕТНАМЕ) В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. И ПРИХОД К ВЛАСТИ ЧИНЬ КИЕМА В ГОСУДАРСТВЕ ПОЗДНИХ ЛЕ

Однако прежняя правящая династия Ле не канула в Лету. Принадлежавший к знатному роду Чинь¹ аристократ Чинь Зуи Тхуан вместе с сыновьями Чинь Зуи Зуетом и Чинь Зуи Лиэу еще до 1533 г. в Лангсанге (в Лаосе, недалеко от современного города Самныя, расположенного на границе с вьетнамской провинцией Тханьхоа) возвели на престол Ле Ниня, первого правителя династии Возрожденных Поздних Ле (1533–1789), известного по храмовому имени Ле Чанг-тонг. Последний являлся сыном императора Ле Тьиеу-тонга (1516–1525) и прямым потомком знаменитого Ле Тхань-тонга в пятом

1 Из этого рода происходили: мать национального героя Дайвьета Ле Лоя, являвшегося также первым императором династии Начальных Поздних Ле (Ле Шо, 1428–1527); известный деятель времен правления императора Ле Нянтонга Чинь Кхак Фук; мать императора Ле Тьонг-зыка и его дяди Чинь Зуи Шан, которые его и убили.

поколении [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 171, прим. 3; с. 174, прим. 6; с. 175, прим. 10].

Вскоре на политической арене Вьетнама появилось новое политическое лицо. Это был Нгуен Ким, прямой потомок деда императора Ле Хаен-тонга по женской линии. Вступив в союз с родом Чинь, Нгуен Ким взял под опеку Ле Чанг-тонга и выступал отныне от его имени. В том же 1533 г. молодой император объявил «великого военачальника» Нгуен Кима «верховным отцом-тхыонгфу, великим наставником, распорядителем дел внутри и вовне» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 51–52].

Так начался длительный процесс отстранения от реальной светской и военной власти «законного» правителя государства — императора Дайвьета. Правда, в то время ни Ле Чанг-тонг, ни род Чинь, ни Нгуен Ким не обладали властью в масштабах всего Дайвьета. Всю территорию страны по-прежнему контролировали Маки, управлявшие Северным Вьетнамом из традиционного центра государства — Тханглонга. Уже в этот период Нгуен Ким, не будучи родственником правящей семьи, фактически взял на себя функции регента при молодом Ле Чанг-тонге, чего ранее в истории страны без последующего прямого перехода власти к новой династии не наблюдалось.

Однако, передать по наследству функции регента Нгуен Ким не сумел. В год вероломного убийства Нгуен Кима (он был отравлен ядом, положенным в дыню перебежчиком из лагеря Маков, заранее вместе с «патронами» спланировавшим эту хитроумную операцию в отношении самого опасного противника) [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 58, с. 192, примечание 118], в 1545 г., власть ускользнула из рук рода Нгуенов. Сразу же после смерти «отца и наставника» император объявил «старшим военачальником, главнокомандующим сухопутными и морскими отрядами всех местностей и одновременно верховным распорядителем важных военных и государственных дел внутри [столицы] и вне [ее]», а также «великим наставником» не одного из сыновей покойного Нгуен Кима, а его зятя

Чинь Киема, представителя могущественного клана — рода Чинь, негласно конкурирующего с Нгуенами.

Император специально указал, что «все военные действия и государственные дела, планы и замыслы, пожалование должностей и титулов далеким и близким» Чинь Кием «мог решать на свое усмотрение и только потом докладывать для сведения [императора]» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 58]. По мнению вьетнамского историографа XIX в. Данг Суан Банга, именно тогда, в 1545 г., с назначением Чинь Киема на высшие посты в государстве, династия Поздние Ле стала постепенно терять свои управленческие полномочия [Данг Суан Банг, 2000].

Почему же Нгуен Ким не смог передать принадлежащую лично ему огромную власть детям? Очевидно, это было связано с тем, что оба сына — старший Нгуен Уонг и младший Нгуен Хоанг — были еще молоды, а сопротивление Макам требовало надежного и сильного военачальника. Когда в 8 месяце 1545 г. армия Ле была атакована войсками Маков, узнавшими о смерти Нгуен Кима, нападение было отбито под руководством именно Чинь Киема. При этом войска Маков понесли тяжелые потери. Средневековый вьетнамский историк Ле Куи Дон полагает, что именно эта военная удача во многом предопределила последующее назначение Чинь Киема на высокие посты в государстве и армии династии Ле [Ле Куи Дон, 1973].

Огромные полномочия Чинь Киема время от времени подтверждались императором Ле Чанг-тонгом. Так, в летописи «Полное собрание исторических записок Дайвьета» («Дай Вьет ши ки тоан тхы») под 1546 г. отмечается, что «всякий раз, когда были карательные походы, [император. — А. Р.] поручал великому наставнику-тхайши Лыонг-хуокконгу [то есть, Чинь Киему. — А. Р.] верховное командование. Куда бы [тот] ни пришел, везде побеждал» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 58].

Возможно, концентрацию военных и административных полномочий в руках Нгуен Кима и Чинь Киема можно объяснить слабостью власти

первых императоров династии Возрожденных Поздних Ле, севших на трон в «смутное время», обладавших властью лишь на небольшой части страны, находившихся преимущественно в Лангсанге и вынужденных уступить основную территорию государства Дайвьет династии Маков, правивших в Тханглонге.

Род Чинь закрепляется у власти в государстве Поздних Ле

А. Л. Федорин любезно указал, что ситуация с легитимацией императоров династии Возрожденных Поздних Ле особенно обострилась в связи с тем, что умерший 5 марта 1556 г. император Ле Чунг-тонг не оставил наследника [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 64]. Проблема передачи власти законному правителю стала предметом обсуждения «великого наставника-тхайте» Чинь Киема с «большими вельможами». На собрании высших чинов государства Чинь Кием сказал: «Государство не может существовать ни одного дня без государя» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 64]. Однако поиск законного наследника оказался непростым делом; в результате «удалось найти праправнука Лам-куокконга Ле Чы» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 64]. Сам Ле Чы являлся старшим братом основателя династии Поздняя Ле — Ле Лоя и отцом его ближайшего соратника в организации ламшонского восстания Ле Тхатя. Хотя заслуги рода Ле Зуи Банга (будущего императора Ле Ань-тонга) перед династией Ле были достаточно велики, сам он, когда его нашли «в селении-хьонг Бовэ [уезда] Донгшон» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 64], являлся «до возведения на престол носителем титула Майлинь-хау или Майшон-хау и служил военным чиновником, заместителем начальника стражи-тхывэшы» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 206, пр. 201]. То есть, Ле Зуи Банг, занимая невысокое социальное положение, был (что самое важное) весьма отдаленным родственником умершего Ле Чунг-тонга, попро-

сту говоря, «седьмая вода на киселе», что ставило под сомнение легитимность его правления.

Возможность укрепить легитимность появилась у Ле Ань-тонга в конце 60-х – нач. 70-х гг. XVI в. Именно тогда резко пошатнулось здоровье Чинь Киема; однако военный правитель страны, совершая последние военные подвиги, мужественно удерживал власть. В 1567 г. Чинь Кием «заболел и слег, [однако], лежа на паланкине, отправился в поход, чтобы умиротворить юго-запад» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 75]. Летом 1568 г. «[Чинь Кием, несмотря на] сильную болезнь, отправился в карательный поход, атаковал и разгромил уезды Иенмо, Иенкханг, Фунгхоа и Зявиен, приказал конфисковать рис и вернулся» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 75]. Цена его заслуги и усердие, император Ле Ань-тонг «во второй луне» 1569 г. «дополнительно присвоил великому наставнику-тхайшы Лыонг-куокконгу Чинь Киему [должность] верховного канцлера-тхьонгтыонг [титул] Тхай-куокконг, удостоил [звания] верховного отца-тхьонгфу» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 75].

Наконец, силы покинули Чинь Киема, и он решил законодательно закрепить функции военного правления за своим родом. 2 декабря 1569 г. Чинь Кием, «зная, что сильно болен, послал прошение освободить его от военных полномочий, его слова и помыслы были искренни и убедительны. Император [Ле Ань-тонг] сказал: “Я пока последую тому, о чем просят, и особо прикажу старшему сыну верховного канцлера-тхьонгтыонг Туандык-хау Чинь Кою возглавить морские и сухопутные отряды, а второму сыну фуклыонг-хау Чинь Тунгу вместе с военачальниками и помощниками взаимодействовать с ним, карая врагов, с тем чтобы умиротворить Поднебесную, в соответствии с моими устремлениями”» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 77]. Таким образом, еще до смерти Чинь Киема его несколько урезанные полномочия получил старший сын Чинь Кой, а младший, Чинь Тунг, должен был взаимодействовать с ним. Через три месяца и три недели, 24 марта 1570 г., Чинь Кием умер и император «повелел старше-

му сыну Туандык-хоу Чинь Кою заменить его в [обладании] правами командования войсками и истреблять врага» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 78]. Этого не могла допустить группа оппозиционных военачальников, привлечших на свою сторону младшего брата Чинь Коя — Чинь Тунга.

Чинь Тунг пытается обрести полномочия отца

6 мая 1570 г. Чинь Тунг поднял мятеж против старшего брата и на следующий день во главе войска подошел к ставке императора. Обвиняя брата в разврате и стремлению к мятежу, Чинь Тунг, обращаясь к императору, выразил надежду на поддержку Ле Ань-тонга. Немного поколебавшись, император был вынужден согласиться с предложениями Чинь Тунга и его сподвижников [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 78]. На следующий день войска Чинь Коя блокировали отряды его младшего брата. Начался «братский» обмен письмами и «в словах этих писем было много невежливого» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 79]. 11 мая 1570 г. император попытался склонить братьев к примирению. Однако сторонники Чинь Коя отвергли эти попытки и вскоре началось ожесточенное сражение, по итогам которого Чинь Кой принял решение отвести войска [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 79].

Раздорами среди Чиней воспользовались Маки, направившие стотысячную сухопутную армию и семьсот боевых кораблей для захвата Тханьхоа [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 80]. Чинь Кой, возглавлявший «армию сопротивления» Макам, вскоре осознал, что «не сможет сопротивляться», вместе с некоторыми соратниками и «домочадцами, вышел навстречу и сдался Мак Кинь Диену. Его приняли, присвоили титул Чунглыонг-хау» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 80].

Можно ли усматривать в происшедшем хитроумный план Чинь Тунга по дискредитации брата путем создания для него невыносимых условий

существования на стороне Ле, план, вынуждавший Чинь Коя к измене? Вряд ли. Самый квалифицированный специалист по истории правления Ле-Чинь А. Л. Федорин в устной беседе высказал обоснованную мысль о том, что Чинь Кой просто струсил: под командованием Чинь Коя была большая часть действующей чиньской армии, а значительная часть военачальников на периферии занимала в конфликте братьев выжидательную позицию. Однако, когда на династию Ле напали Маки, все эти военачальники выступили против «узурпаторов».

У Чинь Тунга же войск поначалу было на порядок меньше, чем у брата, но даже с этими скромными силами смелый военачальник сумел защититься во время осады крепости императора Ле Ань-тонга. В итоге Чинь Тунг смог победить и вытеснить Маков с территории династии Ле при помощи тех вооруженных сил, которые могли находиться под началом Чинь Коя, но у Чинь Коя не хватило мужества для войны с Маками, а Чинь Тунг отважился на это даже в почти безнадежной ситуации.

Как бы то ни было, 21 сентября 1570 г. «император издал указ, которым назначил Чинь Тунга Чыонг-куанконгом, главнокомандующим-*тиетте* морских и сухопутных отрядов». Однако полномочия Чинь Тунга были не сравнимы с прерогативами отца, Чинь Киема, который «все военные действия и государственные дела, планы и замыслы, пожалование должностей и титулов далеким и близким мог решать на свое усмотрение и только потом докладывать для сведения [императора]». Ничего подобного полномочиям отца Чинь Тунг от Ле Ань-тонга в сентябре 1570 г. не получил.

Однако на описанный момент Чинь Тунг был удовлетворен разрешением внутривластного кризиса. Как сообщается в седьмом томе ТТ, «главнокомандующий-*тиетте* Чинь Тунг собрал военачальников и устроил пир, успокоив военных. Все указали на небо и поклялись совместно строить планы, помогать друг другу и днем и ночью думать, как распределить войска, удерживать ворота крепостей в различных мест-

ностях, рыть рвы, строить частоколы, устраивать засады в стратегически важных местах, чтобы этим защититься от войск Маков» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 81]. Этот примирительный пир с принесением клятвы верности сумевшей выстоять династии Ле и лично Чинь Тунгу стал вполне своевременным актом, поскольку вскоре последовало «генеральное наступление войск Маков» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 81]. Продолжилась война, в которой Маки нападали, а Ле и Чини защищались.

ЛЕ ПЫТАЮТСЯ ВОССТАНОВИТЬ РЕАЛЬНУЮ ВЛАСТЬ

Правда, через некоторое время войска Ле, в свою очередь, стали переходить в наступление. При этом значительно повысилась политическая и военная роль Ле Ань-тонга. Ранее довольно пассивный император (Чинь Кiem не давал ему возможности проявить характер) вдруг стал выказывать невиданную ранее активность, лично (часто вместе с Чинь Тунгом) возглавляя боевые действия собственного войска в противостоянии с Маками.

Когда в «десятой луне» 1570 г. «дополнительно [объявили] Чыонг-куан Конга Чинь Тунга левым канцлером-*татыонг*, главнокомандующим-*тиетте* военачальников и солдат морских и сухопутных отрядов всех местностей», «император лично стал старшим военачальником-*дотыонг* и возглавил основные войска...» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 83]. Император непосредственно общался с военачальниками и солдатами, лично принимал перешедшие на его сторону новые пополнения воинов. Именно с активным участием в военных действиях Ле Ань-тонга ТТ связывает перелом в военных действиях против Маков: «с тех пор слава об армии стала громогласной. Войска Маков в каждом сражении терпели поражение и, не осмеливаясь вновь наступать, отошли» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 83].

Ле Ань-тонг, до возведения на престол бывший офицером и располагавший военны-

ми компетенциями, не только осуществлял руководство войсками вместе с Чинь Тунгом (император вместе с левым канцлером-*татыонг* [Чинь Тунгом] возглавил основные силы, переправился через реку и прибыл в Кимты) [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 83], но и самостоятельно командовал военными действиями (послал людей строить плавучий мост в верховьях реки Анлиет в Кимбой) [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 83]. Более того, Ле Ань-тонг, по-видимому, непосредственно участвовал в боестолкновениях (император «прямой дорогой добрался до [уезда] Тхуанхыу, чтобы атаковать лагеря Маков») [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 83], чем заработал авторитет в войсках.

Все описанное привело к тому, что военачальник Маков Мак Кинь Диен, осознав невозможность победы над войском Ле, в «двенадцатой луне» 1570 г. «приказал снять лагерь и отойти» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 84]. Это была большая победа; по ее результатам во второй луне 1571 г. «император оценил заслуги и произвел повышения». При этом первым он отметил заслуги Чинь Тунга: «дополнительно объявил левого канцлера-*татыонг*, Чыонг-куанконга Чинь Тунга великим воителем-*тхайуи*, Чыонг-куокконгом» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 84]. Правда, сделано это было как-то формально, без упора ни на «храбрость», ни на «решительность» Чинь Тунга, как в отношении другого героя сопротивления Макам — военачальника Ле Кап Дэ, до возведения на престол бывшего офицером и располагавшего соответствующими военными умениями: «Доанву-хуу Ле Кап Дэ, проявившего **храбрость и решительность** (выделено мной. — А. Р.) и придумавшего много планов, повысили до великого помощника-*тхайфо*» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 84].

В седьмой луне 1571 г. «Маки отправили [Мак] Кинь Диена во главе войск ограбить уезды [провинции] Нгеан» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 85] и военная обстановка снова осложнилась. Ле Ань-тонг и Чинь Тунг руководили опера-

цией совместно: «Император и левый канцлер-*татыонг* Чинь Тунг решили распределить войска» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 85]. В сложной военной обстановке Ле Ань-тонг в отдельные моменты стал лично руководить войсками, чего ранее не случалось. Более того, у Ле Ань-тонга появился новый фаворит, которому он лично отдавал важные поручения. Это был уже упоминаемый Ле Кап Дэ: «Десятая луна. Император приказал великому помощнику-*тхайфо* Доанву-хау Ле Кап Дэ во главе войск захватить [область-*фу*] Тхиен-куан. Полностью умиротворили ее» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 86]. Как можно видеть, Ле Кап Дэ вполне успешно выполнял личные поручения Ле Чунг-тонга, что не могло не вызвать подозрения со стороны Чинь Тунга.

Сложности экономической ситуации и смена императора Чинь Тунгом

Между тем экономическая ситуация в родной провинции династии Ле была угрожающей: «В тот год [1571] на территории [провинции] Тханьхоа не собрали ни одного зерна риса, в народе большой голод, многие разбежались» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 86]. С начала 1572 г. начались грозные предзнаменования: «Весна. Главная луна. Император принес жертвоприношения Небу и Земле на [алтаре] Намзяо. Проводя церемонию, император держал курильницу в руках. Когда она закончилась, курильница неожиданно упала на землю. Сочли это за плохое предзнаменование и отдали указ об изменении эры правления на начальный год [эры] Хонг-фук» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 86].

В ряду сведений, содержащихся в ТТ от третьей луны 1572 г., сообщается о заговоре императорского фаворита Ле Кап Дэ, вознамерившегося убить Чинь Тунга: Ле Кап Дэ якобы «часто зазывал левого канцлера-*татыонг* кататься на лодке, чтобы, доплыв до середины реки, выполнить этот план. Левый канцлер-*татыонг* обнаружил замысел, и он не удался» [*Полное собрание...* Т. 7,

2020, с. 86]. На самом деле заговор готовил сам Чинь Тунг, не удовлетворенный своим статусом при дворе Ле Ань-тонга и стремившийся всеми силами устранить монарха, заменив его более сговорчивым. Обвиняя Ле Кап Дэ, тесно связанного с императором, в государственной измене (покушении на второе лицо государства), Чинь Тунг тем самым бросал тень и на его патрона — Ле Ань-тонга, который, как уверяли сторонники Чинь Тунга, не мог не знать о заговоре.

В это время военная, политическая и экономическая обстановка в зоне, контролируемой династией Ле, резко ухудшилась: «Осень. Седьмая луна [1572 г.]. Маки послали [Мак] Кинь Диена во главе войск вторгнуться на земли Тханьхоа и Нгеана» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 86]. В этой ситуации Чинь Тунг не упоминается среди руководящих государственных лиц, представленных одним лишь Ле Ань-тонгом: «Император посовещался с военачальниками и приказал солдатам и народу всех уездов вдоль рек заранее перевезти имущество и скот в горы и леса, жить скрытно, чтобы уберечься от вражеских войск» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 86].

Между тем сопротивление Макам сопровождалось военными неудачами, голодом и эпидемиями на подвластных династии Ле территориях: «Восьмая луна [1572 г.]. Войска Маков действительно пришли и грабили местное население уездов вдоль рек. Народ разбежался, земли опустели» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 86]. Несмотря на то, что войскам Ле удалось изгнать Маков из Нгеана, обстановка была катастрофической: «В тот год [1572] на землях всех уездов [провинции] Нгеан был неурожай. Не собрали ни единого зерна, в народе большой голод. Кроме голода подверглись эпидемии. Умерло больше половины. Люди в большинстве разбежались, мигрировали на юг или уходили жить на северо-восток. Территория опустела» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 876]. В этой чрезвычайно тяжелой обстановке 25 декабря 1572 г. Чинь Тунг привел в исполнение давно задуманный план по «разоблачению измены» Ле Кап Дэ, что в конце концов привело к отстранению от власти Ле Ань-тонга.

Вот как это описывается в седьмом томе летописного свода «Полное собрание исторических записок Дайвьета»: «Левый канцлер-*татыонг* [Чинь Тунг] внешне делал вид, что не знает [о замысле Ле Кап Дэ убить его], и послал ему много золота. [Ле] Кап Дэ прибыл, чтобы поблагодарить, в связи с этим послали палача спрятаться под пологом, схватить и убить его. Послали людей распространить сообщение, гласившее: “[Ле] Кап Дэ задумал мятеж, император приказал мне убить его. Вам, командирам и солдатам, не следует бояться и убегать, у предателей будут казнены семьи”. Поэтому солдаты сильно испугались и не осмелились действовать, в то время Кань Хап и Динь Нган сказали императору: “Военные полномочия и силы левого канцлера-*татыонг* [Чинь Тунга] велики, Вам будет трудно вместе сосуществовать”. Император послушал их, испугался и засомневался. Затем ночью бежал за пределы [столицы], вместе с четырьмя сыновьями императора. Все вместе прибыли в крепость Нгеан и устроили походную ставку императора. Левый канцлер-*татыонг* вместе с военачальниками решил: “Сейчас император поверил клевете мелких людишек и сразу же легкомысленно перевел драгоценный престол за пределы [столицы]. Поднебесная не может и один день быть без властителя. Ради кого мы вместе с солдатами будем совершать славные подвиги? Уж лучше, как раньше, найдем сына императора и возведем его [на престол]. Этим успокоим сердца людей. Если позже поведем войска и встретим императора, то [и тогда] будет не поздно, в то время пятый сын императора [Ле Зуи] Дам находился в общине Куангтхи уезда Тхуингуен”. Тогда послали людей привезти его, чтобы сделать императором. Это был [Ле] Тхэ-тонг» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 88].

ЧИНЬ ТУНГ САЖАЕТ НА ТРОН МАЛОЛЕТНЕГО ИМПЕРАТОРА

Что же стало с самим императором Ле Ань-тонгом? Его убили по приказу Чинь Тунга. Описывается это в официальной летописи

Ле-Чиней довольно замысловатым образом: «В то время император *Хонг-фук* (эра правления императора Ле Ань-тонга. — *А. Р.*) скрылся в [провинции] Нгеан. Дети императора, Бать, Лыу, Нгань и Тунг, последовали за ним. Левый канцлер-*татыонг* Чинь Тунг послал Нгуен Хыу Лиэу и его людей возвратить императора в город. Император спрятался на тростниковом поле. [Нгуен] Хыу Лиэу и его люди пали ниц и, кланяясь до земли, сказали: “Просим государя выйти и немедленно возвратиться во дворец, с тем чтобы успокоить Поднебесную и [удовлетворить] чаяния сановников и народа. Мы не имеем никаких других намерений”. Затем на четырех сильных слонах отправили императора назад. Послали Банг-куанконга Тонг Дык Ви и его людей сопровождать его. Шли и днем, и ночью, в двадцать второй день (23 февраля 1573 г.) вернулись в [уезд] Лойзыонг. В тот день император опочил» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 91].

В этом летописном отрывке смерть Ле Ань-тонга трактуется вполне благопристойно: возвращаемый в собственный дворец беглый император, сопровождаемый эскортом из числа людей, верных Чинь Тунгу, после длительного дневного и ночного перехода, вероятно, переутомился и умер. Однако сразу же после благостного описания смерти Ле Ань-тонга дается конкретизация того, каким образом «опочил» беглый император: «В то время левый канцлер-*татыонг* [Чинь Тунг] послал Тонг Дык Ви **тайно помочь [императору уйти из жизни] и объявить, что [он] сам удавился** (выделено мной. — *А. Р.*). Почтили посмертным титулом император [Ле] Ань-тонг Строгий» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 91]. В описании смерти Ле Ань-тонга все маски сброшены и тайные завесы сорваны: четко сообщается, что незадачливый император был убит, с указанием убийцы заказчика убийства. При этом лицемерно утверждалось, что Ле Ань-тонг удавился сам.

После смерти отца, убитого по приказу Чинь Тунга, шестилетний император Ле Тхэ-тонг ока-

зался марионеткой в его руках. Во время двадцатисемилетнего правления он, в отличие от отца, никогда не претендовал на военные и политические полномочия по командованию войсками и управлению территориями, контролируемые Ле-Чинями. Естественно, церемонию возведения Ле Тхэ-тонга на трон возглавлял Чинь Тунг: «23 февраля 1573 г. левый канцлер-*татыонг* Чинь Тунг совместно с гражданскими и военными вельможами и приближенными возвел наследника императора на императорский престол. Изменили эру правления. Всеобщая амнистия» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 91].

ЧИНЬ ТУНГ ДОБИВАЕТСЯ ПОЛНОМОЧИЙ ОТЦА И ДАЖЕ ПРЕВОСХОДИТ ИХ

В качестве особой благодарности «как только император [Ле Тхэ-тонг] взшел на престол, он назначил левого канцлера-*татыонг*, великого воителя-*тхайуи*, Чыонг-*куокконга* Чинь Тунга старшим военачальником-*дотыонг* главнокомандующим-*тиетте* сухопутными и морскими отрядами всех местностей и одновременно верховным распорядителем важнейших государственных дел в [столице] и вне [ее]. **Все государственные дела тот решал сам [и лишь] потом докладывал для сведения [императору]** (выделено мной. — А. Р.)» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 91]. Таким образом, Чинь Тунг достиг своей цели: получил от Ле Тхэ-тонга полномочия, которыми обладал его отец Чинь Кiem. Впоследствии Чинь Тунг сохранял за собой эти prerogatives, возглавляя войска и передавая наследникам права реального правителя государства.

Так, в седьмой луне 1573 г. он направил боевые корабли против армии Маков и нанес ей «крупное поражение» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 92], отправляя в седьмой луне [1574 г.] великого помощника-*тхайфо* Лай-*куанконга* Фан Конг Титя и Тан-*куанконга* Чинь Мо во главе войск на выручку [провинции] Нгеан»

[Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 92–93], отдавая в восьмой луне 1575 г. распоряжения крупнейшим военачальникам армии Ле и лично возглавляя «основные войска центрального отряда» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 93], «лично возглавляя основные войска» в войне с Маками в восьмой луне 1577 г. [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 95], поручая военачальнику «возглавить войска и перейти реку» в седьмой луне 1578 г. [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 96], отдавая в седьмой луне 1579 г. распоряжение крупному военачальнику сражаться с армией Маков [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 97], посылая в седьмой луне 1583 г. в ответ на очередное вторжение войск Маков «войска, которые нанесли [противнику] сокрушительный удар за пределами устьев рек и прогнали» армию Маков (в результате чего «войска Маков не осмеливались вновь вторгаться и жители местностей Тханьхоа и Нгеан с того времени получили передышку») [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 101], возглавляя в десятой луне 1583 г. «основные войска», вошедшие «в провинцию-*ло* Нижний Шоннам» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 101], ведя в «главную (первую) луну» 1584 г. солдат, атакуя и захватывая уезды Зявиен, Иенмо и Иенкханг [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 101], лично возглавив в «главную (первую) луну» 1585 г. «основные войска» и произведя «умиротворение в границах Западного округа-*дао*» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 102], а также решив во вторую луну 1585 г. «вернуть войска» из Западного округа-*дао* [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 102].

Лишь осенью 1581 г., когда Ле Тхэ-тонгу было 14 лет, Чинь Тунг с ритуальной вежливостью доложил молодому императору о вторжении большого войска Маков в Тханьхоа и получил приказ «Хоанг Динь Аю возглавить военачальников, повести войска и противостоять» армии Маков [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 98]. Той же осенью 1581 г. Чинь Тунг, не обращаясь к императору, простил преступления вражеского военачальника Тянь-*куанконга* господина Нгуе-

на, так как он был сыном известного военачальника из армии Ле — Нгуен Хью Лиену, на перевоспитание которому и был передан господин Нгуен [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 92].

Захват Чинь Тунгом военной и политической власти в подвластных династии Ле районах не проходил без сучка и задоринки. В 1574 г. Чинь Тунг настолько прибрал к рукам власть в Тханьхоа и Нгеане, что это вызвало заговор: «В то время (1574 г.) главнокомандующий-*тиетте* Чинь Тунг сконцентрировал [власть] в [столице] и вне [ее]. Чинь Винь Тиеу, Чинь Бать и Лыонг-куанконг тайно замыслили убить [его]. Дело раскрылось. Все были брошены в тюрьму в ожидании приговора» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 99].

В октябре 1584 г. Чинь Тунг пришлось решать ритуальные вопросы знаменитого дела об измене его брата Чинь Коя. 8 октября 1584 г. в государстве Маков умер Чинь Кой, вынужденный ввиду сложившихся обстоятельств поднять мятеж и перейти на сторону противника. Как сообщает «Полное собрание исторических записок Дайвьета», «Маки послали людей оплакать его и совершить обряд поминовения. Также отправили солдат отвезти гроб. Позволили членам его семьи, родной матери вместе с женой и детьми, возвратиться [в провинцию Тханьхоа], чтобы похоронить». В результате Чинь Тунг «послал людей принять гроб с телом покойного справа от горы Куаниен [в уезде] Иендинь. Устроили жертвоприношения» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 101].

Только после этого Чинь Тунг обратился к императору с просьбой простить преступления брата, изменившего дому Ле. Ле Тхэ-тонг дал разрешение, в связи с чем «посмертно объявили [Чинь Коя] великим помощником-тхайфо, Чунг-куанконгом; позволили его сыновьям [во главе с] Чинь Шамом позаботиться об исполнении сыновнего долга» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 101]. Сфера полномочий Чинь Тунга расширилась: теперь он обладал всеми внутриполитическим и светскими прерогативами правителя.

Чинь Тунг — полновластный правитель государства Поздних Ле

С 1595 г. к сфере полномочий Чинь Тунга прибавилась область внешних сношений. Как сообщается под шестой луной 1595 г. «с тех пор, как главнокомандующий-*тиетте* [Чинь Кьонг] вернулся в столицу (то есть восстановил власть династии Ле-Чинь над большей частью Дангнгоая. — *А. Р.*), он озаботился привлечением послов с севера. Отправил чиновника Ле Тао Зунга, чтобы вместе с переводчиком Нгуен Нгаком отвезли официальное послание; добравшись до [провинции] Анкуанг, [они] пересекли море, прибыли к Минам в военную ставку двух Гуанов, попросили отправить чиновников на заставу, чтобы великодушно сообразовали принять [их] в управе, в тот год в седьмую луну добрались до главного города провинции, и тогда минский эмиссар инспектора-*сюаньфу* [ши] Дай Яо обратился [в столицу] с просьбой отправить чиновников, чтобы разобрались на месте... Главнокомандующий-*тиетте*, кроме того, повелел передать Ян Инь-цю, чиновнику из округа по военной подготовке Цзоцзян, просьбу восстановить [церемонию] государственной [дани] один раз в четыре года. Пока [ее] еще не привозили, так как были заняты. Попросил назначить день, отправить чиновников, чтобы осуществили проверку. [Ян] Иньцю тогда определил срок — средняя декада второй луны будущей весны, пригласил императора прибыть на заставу, чтобы прояснить, является ли он потомком дома Ле или нет. Династия решила с этим согласиться» [*Полное собрание...* Т. 7, 2020, с. 143]. Таким образом, Чинь Тунг лично занимался организацией регулярных дипломатических отношений с Китаем, восстановлением сроков «принесения дани» (раз в четыре года), оправданием длительной задержки в ее выплате.

Через некоторое время с китайской стороны последовал ответ: в «третьей луне [1597 года]

чиновник из Цзоцзяна Чэнь Дунь-линь послал Ван Цзянь-ли вновь [отправиться в нашу страну] и преподнести хороших лошадей, жемчуг, пояс и прекрасный головной убор главнокомандующему-*тиетте* Чинь Тунгу (выделено мной. — А. Р.) для [поддержания] добрососедских отношений. Также [отправил] текст на двух таблицах, на которых было начертано восемь иероглифов: «Славное возрождение прежнего дела, первостатейные заслуги в становлении государства». Главнокомандующий-*тиетте* (то есть Чинь Тунг) пышно принял его, послал людей сопроводить его [на север] назад в [его] страну» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 165].

С этого времени Чинь Тунг в значительной степени определял взаимоотношения династии Ле с Минами. Ле Тхэ-тонг же лишь играл роль статиста, послушно отправляясь на заставу Чаннам на границе с Китаем для участия в процедуре проверки подлинности законного правителя [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 148]. Когда же Мины выдвинули унижительные требования поднести «правителем Аннама» «золотого человека и золотой печати», император вынужден был вернуться обратно в столицу [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 148–149].

Однако в итоге поездки императора на пограничную заставу Чаннам оказалась вполне успешной: 25 мая 1597 г., «пройдя заставу Чаннамзяо в окрестностях города Лангшона, [император Ле Тхе-тонг] не только встречался с представителями китайской власти, но и вместе со свитой и толпами зевак в лагере из мирских шатров издали преклонил колени перед императором Небесной династии». В китайском лагере были проведены торжественная церемония и большое собрание, на котором происходила проверка подлинности и, соответственно, легитимности правителя династии Ле, выражающаяся в опросах сопровождавших Ле Тхэ-тонга чиновников. В результате китайская сторона оказалась удовлетворенной результатами «проверки» легитимности представителя дома Ле и, как завил китайский чиновник [Ян] Инь-цю: «Отдаленный потомок правителя государства возвратил себе

прежнюю столицу, Его наименование вполне законно. Достоин, чтобы о нем подали доклад [императору]» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 152]. В итоге взаимоотношения Минов и Ле стали налаживаться: «На большой церемонии собрания по проверке и вступлению в контакт все радовались и поздравляли друг друга» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 152].

Когда 4 июня 1597 г. император возвратился в столицу, «императорский экипаж прибыл в Антхюнг, главнокомандующий-*тиетте* Чинь Тунг (привел всех чиновников) лично с поклонами, встретил [императора] в Антхюнге и сопроводил императорский экипаж, возвращающийся во дворец. Император (воссев во дворце Киньтхиен), собрал заседание династии. Главнокомандующий-*тиетте* Чинь Тунг лично привел больших вельмож вместе с гражданскими и военными чиновниками на церемонию поклонов и благодарения» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 154].

Через два года, в 1599 г., китайские региональные власти установили дипломатические контакты уже непосредственно с самим Чинь Тунгом: в «третью луну» 1599 г. «чиновник из Цзоцзяна Чэнь Дунь-линь послал Ван Цзянь-ли вновь [отправиться в нашу страну] и преподнести хороших лошадей, жемчуг, пояс и прекрасный головной убор главнокомандующему-*тиетте* Чинь Тунгу для [поддержания] добрососедских отношений» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 165].

Основной функцией императора стала организация и проведение торжественных молений по случаю неблагоприятных природных явлений и катастроф, прошение у духов защиты от этих явления и их ликвидация. Например, в пятой луне 1597 г. произошла засуха: «всходы риса погибли от сухости». В связи с этим 4 июля 1597 г. «император тайно молился в запретном городе. Также поставил алтарь в крепости Дайла у моста Водяного вьюнка. Провели совместные жертвоприношения святым духам гор и потоков, и тогда пошел дождь» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 154].

В религиозных церемониях император и Чинь Тунг иногда принимали участие совместно: «В том (1599) году [с] третьей луны большая засуха. До шестой луны погода без дождя. Ростки риса засохли и погибли». 3 августа 1599 г. «император лично вместе с Биньан-выонгом прибыли туда, где было стрельбище, возвели алтарь и молились. После этого пошел дождь» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 167].

Впрочем, вплоть до конца XVI в. император все-таки исполнял некоторые правительственные функции. Об этом можно судить хотя бы по тому, что когда в «главной (первой) луне» 1599 г. император [Ле Тхэ-тонг] «заболел и утратил зрение, династия издала указ об отмене [заседаний] династии, аудиенций и церемоний жертвоприношений» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 141]. Уже из этого сообщения становится ясно, что среди функций, выполняемых императором, доминировали ритуальные и религиозные.

После смерти Ле Тхэ-тонга 12 октября 1599 г. Чинь Тунг сам выбрал ему наследника. Решив, что утвержденный Ле Тхэ-тонгом наследный принц «неумен, а следующий сын, [Ле] Зуи Тан, внешне мужествен и величав, смотрится как правитель. (Тайно) посоветался с большими сановниками династии и по повелению возвел его» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 167]. Так на престол Ле был поставлен следующий император Ле Кинь-тонг (1599–1619), правление которого закончилось трагично — участием в заговоре против Чинь Тунга и принуждением к самоубийству. Впоследствии военные правители рода Чинь твердо удерживали военную и светскую административную власть в своих руках и передавали ее по наследству.

Особенно следует отметить 1646 год, который был «отмечен очередными шагами, направленными на укрепление позиций рода Чинь как потомственных правителей Дайвьета: в столице был учрежден храм предков этого дома, по проводимым ритуалам очень похожий на храм предков императорской семьи (Тхаймиеу). Прежние правители страны, Чинь Кием и Чинь

Тунг, получили храмовые имена, по структуре похожие на храмовые имена императоров (соответственно Чинь Тхэ-то и Чинь Тхань-то). В дальнейшем подобные имена после смерти стали получать все *тюа* из этого рода» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 38].

Даже в официальных хрониках XVIII в., не затронутых коррективами ненавидящей Чиней династии Нгуенов, главы, в которых описывалась история императоров династии Поздние Ле, внутренне подразделялись на периоды правления некоторых правителей из рода Чинь. Как пишет Федорин, «судя по сохранившимся фрагментам наиболее древнего ксилографа ТТ (ТТ/Нгуен Ван Хуен), в варианте хроники, увидевшем свет в XVIII в., деление источника на главы по правлениям императоров династии Поздние Ле сопровождалось и внутренним выделением правлений отдельных *тюа* из рода Чинь. При переработке текста хроники в начале XIX в. при династии Нгуен (1802–1945) эта информация из нее была изъята» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 222, прим. 9].

Чини — наследственные правители Дангнгоая (Северного Вьетнама) в XVII веке

В 1651 г. Чинь Чанг, как пишет Федорин во вступительной статье к переводу 8 тома ТТ, «не только попросил Южных Минов утвердить свой реальный титул (Тхань-выонг), по структуре равный титулу наследника императорского престола, но и придумать и ввести для него совсем уж немыслимую и невиданную ранее должность “заместитель правителя государства Аннам”, подтвержденную соответствующими документами и атрибутами» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 40]. Хотя «расчет, по-видимому, состоял в том, что Южные Минов откажут, и тогда от конкретной помощи им можно будет уклониться под благовидным предлогом. Но этого не произошло. Оказавшиеся в отчаянной ситуации, китайцы все эти пожелания при-

няли, и уже в 10 луне того же 1651 г. в Тханглонг прибыло посольство и провело все полагающиеся в этой связи церемонии» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 40]. В результате Чинь Чанг стал «заместителем правителя государства Аннам», то есть обладателем уникального титула, который больше никогда не повторялся.

В «6 луне» 1674 г. Чинь Чанг, задумав распространить на свой род императорскую практику сосуществования двух правителей («реально-го» и «отошедшего от дел», но страхующего властные полномочия действующего монарха) «объявил о своем отречении от власти (провозгласил себя Верховным тюа по примеру Верховных императоров в императорских династиях) и передал свои полномочия наследнику Чинь Кану, которому дали титул Диньнам-выонг» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 64]. Так практика «одновременного сосуществования двух императоров» распространилась и на семью военных правителей, что значительно укрепляло высшую военно-административную власть, в случае смерти одного из двух важнейших должностных лиц оставляя эту власть фамилии Чинь.

О политической системе Дангнгоая в конце XVI в. ярко свидетельствует характеристика, которую дали ей, «строя коварные планы и жалясь Минам» «вельможи Маков»: «Армия Ле — это семья Чиней, рвущаяся к власти» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 147].

Первое упоминание о должности чиновника в ставке правителя (*фудыонг*) относится к 1602 г. Именно тогда в летописной хронике сообщается, что зимой, в десятую луну «повелели Нгуен Зань Тхэ стать старшим контролером-докапшычунг инспекции Финансов и войти в правительство-фудыонг в качества бойтунга» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 79].

Важнейшими вопросами, связанными с проблемой «ставки правителя» (*фудыонг*), являются хронология ее возникновения, ее функции, взаимоотношение с бюрократической структурой Шести Министерств, Цензората и других традиционных органов, созданных по китайскому типу.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДАНГНГОАЯ

А. Л. Федорин полагает, что с одной стороны, «одним из главных лозунгов Чиней (как, впрочем, и династии Мак) было восстановление порядков, существовавших в “золотой век” Ле Тхань-тонга», а потому, «они очень бережно относились к структуре государственного аппарата, существовавшего с тех времен, и всячески избегали ее изменений» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 240, прим. 133]. С другой стороны, «в новых условиях громоздкий, многочисленный и до предела забюрократизированный аппарат образца XV в. был крайне неэффективен и неудобен» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 240–241, прим. 133]. Ставка правителя (*фудыонг*) явилась компромиссом между этими двумя идеями: не упраздняя традиционную бюрократическую систему, «Чини приняли решение создать отдельный неформальный орган для управления всеми гражданскими делами страны. Именовали его в хронике по-разному: *фудыонг*, *фулиеу*, *твьньфу* (этим же термином обозначают современное правительство)» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 241, прим. 133].

Когда же была создана ставка правителя (*фудыонг*)? Федорин считает, что «процесс создания такого правительства начался еще во второй половине XVI в., однако по-настоящему оно заработало уже после 1600 г., когда пришлось решать большое количество сложных административных вопросов уже в рамках всей страны» [*Полное собрание...* Т. 8, 2021, с. 241, прим. 133].

Соглашаясь с точкой зрения Федорина, хотелось бы добавить, что, несмотря на номинальное воссоздание традиционного бюрократического аппарата в возрожденной династии Поздняя Ле (1533–1789), в первые годы ее Возрождения (1533–1593) этот традиционный аппарат представлял собой фактическую пустышку: некоторые заслуженные чиновники получали высшие должности в министерствах (например, в 1556 г. назначили великого охранителя-тхайбао Куанг-куанконга Фам Дока министром Военного ми-

нистерства, распорядителем дел министерства) [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 64], но эти должности не были функциональны, ибо всю реальную работу выполняли военачальники и их войска, поэтому должности представляли собой нечто вроде титула или почетного добавления к нему.

В полную силу бюрократический аппарат, очевидно, заработал только после 1593 г., когда начал наполняться действующими чиновниками. Именно в это время династия Ле-Чинь стала «обрастать» «учеными кадрами»: в «третью луну» 1595 г. устроили «столичный экзамен для лауреатов-кынян Поднебесной у пристани [Ша]тхао, присвоили Нгуен Тхыку и Нгуен Вьет Чангу [степень] *тиениши суаттхан*, четверем человекам во главе с Нгуен Дык Мау — *донгтиениши суаттхан* [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 240, прим. 142]. Укреплялся и военно-гражданский аппарат в целом: через полгода, 28 августа 1595 г. было организовано «большое собрание гражданских и военных чиновников, давших клятву на улице слева от южных ворот города Тханглонга» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 144].

Приблизительно в это время и была создана ставка правителя: «В двенадцатой луне 1594 г. основали резиденцию верховного правителя в квартале-*фыонге* Фуклам. Приказали перенести походную ставку [и расположить ее] слева от южных ворот города» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 240, прим. 141]. «Походная ставка» — это и есть «ставка правителя», его правительство (ср.: японское *бакуфу* — «палаточный лагерь» — место расположения японского верховного военачальника-сёгуна) [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 241, прим. 133].

Таким образом, реальная деятельность официальных органов государственного аппарата (Шести Министерств, Цензората и других традиционных административных структур) и работа «ставки правителя» (*фудыонг*) начались практически одновременно. Причину этой синхронности укажем несколько позднее.

Каково же было устройство «ставки правителя» или правительства военного лидера? Федо-

рин полагает, что по структуре этот орган «во многом напоминал военный штаб одной из армий, да и **формально** (выделено автором. — А. Р.) его возглавляли высшие военные чиновники, чаще всего родственники действующего *тюа* — начальник штаба-*тьюонгфушы* и его заместители — заместитель начальника штаба-*куенфушы* (первый заместитель) и *тхыфушы* (второй заместитель)» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 241]. Следует подчеркнуть, что присутствие в этом важнейшем правительственном органе на высших должностях военных чиновников — начальника штаба-*тьюонгфушы* и его заместителей — первого заместителя начальника штаба-*куенфушы* и второго заместителя начальника штаба-*тхыфушы* — Федорин считает «формальным»: они реально не участвовали в работе правительства.

Каков же был основной действующий кадровый состав правительства военного главы государства? Федорин утверждает, что «главную роль в нем все-таки играли гражданские чиновники — *тхамтунги* (их обычно было два, реже три) и *бойтунги* или *бойтхи* (их было много)» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 241].

КАК РАБОТАЛ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ ДАНГНГОАЯ В XVII–XVIII ВВ.?

А теперь ответим на вопрос, почему реальная работа официальных органов государственного аппарата и «ставки правителя» начались практически одновременно. Дело в том, что, как указывает Федорин, *тхамтунги*, *бойтунги* или *бойтхи* «занимали должности в официальных учреждениях (министерствах, приказах, инспекциях и т. д.), но одновременно были допущены к участию в заседаниях правительства *тюа* Чинь и к выполнению его конкретных поручений и указаний» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 241, прим. 133]. То есть, обе государственные административные структуры, традиционная и вновь учрежденная, в определенной мере управлялись одними и теми же чиновничьими кадрами.

Скорее всего, при наборе в органы этих двух государственных административных структур военный правитель отбирал самые ценные и работоспособные кадры в «ставку правителя», а в традиционные органы набор велся по остаточному принципу. Об этом же свидетельствует сообщение Федорина: «далеко не все чиновники высокого уровня входили в это правительство и, наоборот, в него часто включали молодых подающих надежды администраторов, только начавших делать карьеру и занимавших незначительные посты в имперском аппарате. Назначал *тхамтунгов* и *бойтунгов* лично *тюа*, не спрашивая на это даже формального разрешения императора. И весь XVII век *тхамтунги* были фактическими “премьер-министрами” страны при обладавшем абсолютными властными полномочиями “президенте” — *тюа Чинь*» [Полное собрание... Т. 7, 2020, с. 241, примечание 133].

Складывается впечатление, что «ставка правителя» (*фудьонг*) напоминала не только японское *бакуфу* (сравнение этих двух органов еще ждет своего исследования), но и «Избранную Радугу» при Иване Грозном в конце 40-х – начале 50-х гг. XVI в. или в Негласном комитете Александра I.

Каков был механизм пополнения правительства и административного аппарата *тюа*? Об этом можно судить по данным, зафиксированным в летописи «Продолжение исторических записок Дайвьета»: Лето. Четвертая луна. 1707 г. Левого *тхиланга* министерства Наказаний Чан Динь Зяна и Нгуен Дьонг Бао, обоих, дополнительно ввели в состав правительства-*фулиеу* в качестве *бойтунгов*. [Продолжение исторических записок Дайвьета. Гл. 3, с. 270]. Год *мау-ти*, четвертый год эры *Винь-тхинь*. Цины, сорок седьмой год эры *Кан-си* (1708). Назначили Нгуен Куи Дька министром Военного министерства, ввели в состав *тхамтунгов* [Продолжение исторических записок Дайвьета. Гл. 3, с. 272].

Из приведенных данных можно заключить, что чиновники из различных министерств назначались в Правительство по указанию военного правителя (*тюа*). В результате на высших должностях в правительстве и министерствах

Дангнгоая оказывались одни и те же люди. При этом эффективность работы в правительстве и министерствах была совершенно различной. Если в Министерствах они погрязали в бюрократической волоките, то деятельность Правительства (*фулиеу*) была очень продуктивной. Освобожденный от кадровой перегруженности компактный аппарат, будучи большей частью гражданским, но руководимый на самом верху военными, работал военными методами: быстро и эффективно.

Для того чтобы сделать деятельность правительства еще более эффективной военный правитель (*тюа*) уже в XVII в. стал учреждать так называемые «конторы» (*фиен*), напрямую выполнявшие поручения *тхам тунгов* и *бой тунгов*.

В начале XVIII в. структура *фиенов* приобрела законченный характер и стала фактически дублировать деятельность Министерств. Так, наряду с Министерством Кадров (Чинов) создавалась контора-*фиен* Кадров (Чинов), наряду с Министерством Обрядов (Ритуалов) — контора-*фиен* Обрядов (Ритуалов), наряду с Министерством Юстиции (Наказаний) — контора-*фиен* Юстиции (Наказаний), наряду с Министерством Финансов (Податей) — контора-*фиен* Финансов (Податей), наряду с Военным Министерством — Военная контора-*фиен*, наряду с Министерством Общественных (трудовых) работ — контора-*фиен* Общественных (трудовых) работ.

Персонал в *фиенах* был меньшим по размерам и более компактным, хотя рекрутировался из состава чиновников Министерств. Соответственно и деятельность *фиенов* была значительно более эффективной, чем деятельность министерств. При этом жалование чиновники правительства и контор-*фиенов* получали в Министерствах. Продвижение по службе и переход с одной должности на другую, также учитывались по линии Министерства. При этом некоторых высокопоставленных, но недостаточно сообразительных чиновников могли не взять в правительство, что сказывалось на полити-

ческом авторитете, но не на жаловании чиновников, которое они получали по месту службы в традиционных ведомствах.

Таким образом, всю практическую работу Правительство отныне поручало не Министерствам, а конторам-фиенам. Как повествует летопись «Продолжение исторических записок Дайвьета»: Лето. Четвертая луна. Четвертый день (08 мая 1712 г.). Правительство-фулиеу передало чиновникам конторы-фиен финансов: «Проверить и установить, [сколько] в общинах всей страны населения, земель, с которых платят налоги [государству], сколько роздано в качестве паев наследственным чиновникам, сколько земель военных поселений, сколько не подлежащих возврату земель, а также таких видов земель как *тхонгкао* и отведенные под стрельбища. Увеличилось или уменьшилось, а также выделено по нормам, выделено заслуженным чиновникам, выделено чиновникам-послам, земли *нгулок*, паевые общинные, поминальные, под гробницами. Сколько какого вида было изначально, насколько прибавилось и убавилось, сколько действительно осталось, какое общее количество для каждой местности, для каждого уезда. Этим прояснить положение» [*Продолжение исторических записок Дайвьета*. Гл. 3, с. 291–292].

Таким образом, практически вся военная и светско-административная деятельность в Дангнгоае была сконцентрирована в руках военного правителя (*тюа*), причем через свое правительство (*фулиеу*), чиновников *тхам тунгов* и *бой тунгов*, а также конторы-фиены *тюа* управлял совершенно официально и очень эффективно. Что же касается традиционных Министерств и ведомств, а также Цензората, то, хотя эти учреждения официально подчинялись императору (*вуа; хоанг дэ*), но в действительности они тоже действовали под неусыпным контролем военного правителя (*тюа*), правда, неофициально.

Впрочем, в связи с тем, что эти «императорские» административные органы копировали сложную и архаическую систему громадного и неповоротливого бюрократического аппарата XV в., то результаты их в принципе неэффектив-

ной работы не очень-то и волновали военного правителя (*тюа*). Он скорее рассматривал эти «императорские» органы как резерв для отбора талантливых администраторов для работы в правительстве и конторах-*фиеу*. Такая структура государственного аппарата Ле-Чиней просуществовала вплоть до 1786 г., когда 21 июля войска тайшонов вошли в Тханглаунг и свергли власть военных правителей (*тюа*) Чиней.

В статье лишь намечены некоторые аспекты изучения столь важного для Вьетнама конца XVI – XVIII вв. Феномена, как «ставка военного правителя». Хорошо известный на материале Японии конца XII – середины XIX вв., он еще только начинает всерьез изучаться в качестве главного правительственного органа Давьета указанного периода.

Предстоит еще многое выяснить. Необходимо установить, как конкретно соотносилась деятельность органов, подчиненных «ставке правителя», и традиционных органов: существовали ли сферы деятельности, закрепленные, с одной стороны, за «ставкой», с другой — за министерствами? Кроме того, следовало бы проанализировать совпадающий и несовпадающий кадровый состав традиционных и нетрадиционных органов, и многое другое. Но это уже темы будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Воскресенский А. Д. *Политические системы и модели демократии на Востоке*. М.: Аспект-Пресс, 2007. 190 с. [Voskresensky A. D. *Political Systems and Models of Democracy in the East*. Moscow: Aspect-Press, 2007. 190 p. (in Russian)].

Деопик Д. В. *История Вьетнама*. Ч. 1. М.: МГУ, 1994. 320 с. [Deopik D. V. *History of Vietnam*. Pt. 1. Moscow: MSU, 1994. 320 p. (in Russian)].

Данг Суан Банг (Đặng Xuân Bằng). *Извлечение важнейшего из основ и частных историй Вьетнама* (Việt sử cương mục tiết yếu). Публикация рукописи и ее перевода на современный вьетнамский язык. Ханой, 2000. [Dang Xuan

Bang. *Extraction of the Most Important from the Foundations and Details of the History of Vietnam. Publ. of the manuscr. and its transl. into modern Vietnamese*). Ha-noi, 2000 (in Vietnamese)].

Ле Куи Дон (Lê Quý Đôn). *Сводная история Дайвьета*. (Đại Việt thông sử). Сайгон, 1973 [Le Kyi Don. *Concise History of Dai Viet*. Sai-gon, 1973 (in Vietnamese)].

Политология. Учебник для вузов. М.: МГИМО(У) МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 138 с. [*Political Science. Textbook*. Moscow: MGIMO (Yuni) MoFA RF, TK Welby, Prospekt Publishing House, 2008. 138 p. (in Russian)].

Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дай Вьет ши китоантхы) в 8 томах. Т. 6. *Основные анналы*. Гл. XII–XV. М.: Наука – Вост. лит., 2018. 789 с. [*Complete Collection of Historical Notes of Dai Viet (Dai Viet si Kitoantha) in 8 Vols. Vol. 6. Basic Annals*. Ch. XII–XV. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2018. 789 p. (in Russian)].

Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дай Вьет ши китоантхы) в 8 томах. Т. 7. *Основные анналы*. Гл. XVI–XVII. М.: Наука – Вост. лит., 2020. 934 с. [*Complete Collection of Historical Notes of Dai Viet (Dai Viet si Kitoantha) in 8 Vols. Vol. 7.*

Basic Annals. Ch. XVI–XVII. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2020. 934 p. (in Russian)].

Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет ши китоантхы) в 8 томах. Т. 8. Перевод, комм., вст. статья и прил. А. Л. Федорина. Ин-т Дальнего Востока. М.: Наука – Вост. лит., 2021. 839 с. [*Complete Collection of Historical Notes of Dai Viet (Dai Viet si Kitoantha) in 8 Vols. Vol. 8*. Transl., comm., introd., indexes by A. L. Fedorin. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2021. 839 p. (in Russian)].

Продолжение исторических записок Дайвьета. Глава 3. *Записки о династии Поздняя Ле*. Неопубл. пер., прим. и комм. А. Л. Федорина. [В печати] [*Continuation of Daiviet's Historical Notes*. Ch. 3. Notes on the Later Le Dynasty. Unpubl. transl., notes and comm by A. L. Fedorin [in print]. (in Russian)].

Рябинин А. Л. Сакральная, религиозная и светская власть на Востоке. (К постановке проблемы). *Сакральное на традиционном Востоке*. М.: ИВ РАН, 2017. С. 426–457 [Ryabinin A. L. Sacred, Religious and Secular Power in the East. (Stating the Problem). *The Sacred in the Traditional East*. Moscow: IOS RAS, 2017. Pp. 426–457 (in Russian)].

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ
В ТЕКСТАХ О ПРОСТРАНСТВЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕКСТОВ
ПО ВАСТУВИДЬЕ ИЗ ПУРАН)

REPRESENTATIONS OF TIME IN TEXTS
ABOUT SPACE
(BASED ON THE MATERIALS
OF VASTUVIDYA TEXTS IN THE PURANAS)

© 2023 Елена Валерьевна Тюлина

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН, Москва, Россия
tyulina57@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1758-8990

Elena V. Tyulina

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, RAS, Moscow, Russia
tyulina57@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1758-8990

Пураны («сказания о прежних временах») являются своеобразными изложениями «историй» мира. В сравнении с предшествующей литературой пураны уделяют большее внимание идее времени. В этих огромных произведениях, посвященных истории создания Вселенной и ее последовательному описанию, все мироздание представляется как проявление Верховного божества (в зависимости от направления *пураны* — Вишну или Шивы). Важность временной составляющей объясняется тем, что верховный бог имеет не только материальное, «телесное» проявление в виде *Пуруши* (существа, из которого произошла Вселенная), но и в форме *Калы* (*kala*), т. е. времени. Косвенно протяженность во времени в *пуранах* оказывается связанной с «протяженностью» текста (длительностью его чтения или воспроизведения), что влияет на объем этих памятников:

они включают в свой состав огромный корпус произведений, начиная от мифологических и ритуальных текстов, заканчивая трактатами по различным отраслям знания. Залогом формальной цельности *пуран* является то, что все тексты, даже узкоспециальные, подвергаются переработке в соответствии с некоторыми общими установками. При этом в изложении любой темы появляется временная составляющая. Это коснулось даже таких текстов, как *вастувидья* (тексты по строительству и архитектуре), посвященных скорее категории пространства, а не времени, так как в них излагаются принципы организации и освящения пространства, любых рукотворных объектов и их окружения. В *пуранах* в текстах по *вастувидье* появляется прошлое — «история» возникновения основных ритуалов (например, история появления строительной мандалы). Но основное направление времени в текстах — будущее. Рекомендации о наиболее предпочтительных размерах, пропорциях, планировке подкрепляются предсказаниями о том, как это повлияет на судьбу жителей строящихся зданий, для которых используется народная традиция гаданий и примет. Статья посвящена этим и другим приемам, благодаря которым узкоспециальный текст по *вастувидье* преобразуется в «пуранический» текст.

Ключевые слова: пураны, вастувидья, древняя и средневековая Индия, представления о времени и пространстве

Для цитирования: Тюлина Е. В. Представления о времени в текстах о пространстве (по материалам текстов по вастувидье из пуран). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 166–173. DOI: 10.18254/S268684310029206-4

The *Puranas* (“Tales of former times”) are a kind of presentation of the “history” of the world. In the *Puranas*, in comparison with the previous literature, much attention is paid to the idea of time. In these huge works devoted to the history of the creation of the universe and its consistent description, the entire universe is presented as a manifestation of the supreme deity (depending on the direction of the *Purana* it could be Vishnu or Shiva). The importance of the temporal component is explained by the fact that the supreme god has not only a material, “bodily” manifestation in the form of *Purusha* (a being from which the universe originated), but also in the form of *Kala* (*kala*), i.e., time. Indirectly, the length of time in the *Puranas* is related to the “length” of the text (the duration of its reading or reproduction), which affects the volume of these works, they include a huge corpus of works, ranging from mythological and ritual texts, ending with treatises on various branches of knowledge. The key to the formal integrity of the *Puranas* is that all texts, even highly specialized ones, are processed in accordance with some general guidelines. At the same time, a temporary component appears in the presentation of any topic. This has even affected texts such as *vastuvidya* (texts on construction and architecture), which are devoted to the category of space rather than time, since they set out the principles of organizing and sanctifying the space of any man-made objects and their surroundings. In the *Puranas*, the past appears in *vastuvidya* texts. This is a kind of “history” of the origin of the main rituals (for example, the history of the appearance of the *vastu-mandala*). But the main direction of time is the future. Recommendations about the most preferred sizes, proportions, and layouts are supported by predictions about how this will affect the fate of residents of buildings under construction. For this purpose, the folk tradition of fortune-telling and signs is used. The article shows these and other ways in which the highly specialized text of *vastuvidya* is transformed into a “puranic” text.

Keywords: Puranas, Vastuvidya, ancient and medieval India, concepts of time and space

For citation: Tyulina Elena V. Representations of Time in Texts about Space (Based on the Materials of Vastuvidya Texts in the Puranas). *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 166–173. DOI: 10.18254/S268684310029206-4

В *пуранах*, по сравнению с предшествующей литературой, большое внимание уделяется идее времени. Этот класс произведений получил название «*пураны*» (*purāṇa*) недаром: слово означает «сказания о прежних временах». Изначальное ядро этих своеобразных изложений «историй» мира составляли тексты, соответствующие так называемым «пяти признакам», или *панча-лакшана* (*pañcalakṣaṇa*): творение — *сарга* (*sarga*); гибель и новое творение — *пратисарга* (*pratisarga*); генеалогии богов и мудрецов — *вамша* (*vaṁśa*); периоды мира, каждый из которых имеет своего прародителя Ману, — *манвантары* (*manvantara*); история Солнечной и Лунной царских династий — *вамша-анучарита* (*vaṁśānucarita*) [Тюлина, 2022, с. 304]. Именно обращение к подобным темам и их детальная разработка свидетельствуют об изменении восприятия времени по сравнению с предшествующей литературой.

На смену представлениям о единовременном акте творения Вселенной приходит идея о поступательном развитии мира, его протяженном во времени изменении. Все мироздание представляется в *пуранах* как проявление Верховного божества (в зависимости от направления *пураны* — Вишну или Шивы). Важность временной составляющей объясняется тем, что верховный бог имеет не только материальное, «телесное» проявление в виде *Пуруши* (*puruṣa*), существа, из которого произошла Вселенная, но и в форме *Калы* (*kalā*), т. е. времени. Косвенно протяженность во времени в *пуранах* оказывается связанной с «протяженностью» текста (длительностью его чтения или воспроизведения), что влияет на объем этих памятников: они включают в свой состав огромный корпус произведений, начиная от мифологических и ритуальных текстов, заканчивая трактатами по различным отраслям науки. Залогом формальной цельности *пуран* является то, что все тексты, даже

узкоспециальные, подвергаются переработке в соответствии с общими установками.

Тексты по *вастувидье* (*vāstuvidyā*), датирующиеся примерно VI–IX вв. и посвященные строительству, архитектуре, изготовлению статуй и изобразительному искусству, также вошли в состав *пуран*. В основе этих произведений лежат более древние, профессиональные тексты. Однако выглядят они совершенно иначе, чем их прототипы. Что же превращает тексты по *вастувидье* в тексты *пуран*?

При появлении интереса к идее времени и развития при изложении любой темы в *пуранах* так или иначе появляется временная составляющая, что можно наблюдать даже в текстах по *вастувидье*, посвященных скорее категории пространства, а не времени, так как в них излагаются принципы организации и освящения пространства любых рукотворных объектов и их окружения. Эти «временные» отступления превращают узкоспециальный текст в религиозный.

В качестве примера обратимся к достаточно древней «Матсья-пуране». Входящий в нее блок текстов по строительству относится к VI–IX вв. В самом начале излагается миф о Бхуте¹: в прежние времена, когда Шива, «державший трезубец и ужасный на вид, убил [демона] Андхаку², тогда на землю со лба [Шивы] пролился устрашающий поток пота, из которого возник Бхута» — живое существо «со страшной мордой, необъятное, будто бы проглотившее небо и землю с семью океанами» [The Matsyamahāpurāṇam, 1983; Тюлина, 2010, с. 111–164]. Этот Бхута стал пить кровь демонов — слуг Андхаки, пролившуюся (во время битвы) на землю, но не получил удовлетворения. Страшно голодный, он стал совершать суровый *танас*, посвященный Шиве, и когда бог был удовлетворен его жертвой, попросил в награду возможность сожрать три мира, после чего, он заключил все те три мира, всю землю до конца в пространство своего тела и упал на землю. Испуганные боги, Брахма и

1 Бхута (bhūta) — букв. «Бывший». Так могут называться особые духи, демоны. Вместе с другими демоническими существами они составляли свиту бога Шивы.

2 Андхака (andhaka) — досл. «Слепой», имя демона (асура), сына Кашьяпы и Дити, которого убил Шива.

Держатель трезубца (Шива), а также другие бо- жественные и демонические существа (*данавы, асуры и ракшасы*)³ «встали на него со всех сто- рон. Где на него встали, там он и остался жить. Из-за того, что это место, на котором живут боги, его (Бхуту) стали называть Васту⁴-[дева]» (МП 252. 5–14).

Этот миф упоминается не только в «Матсья- пуране»: в кратком варианте мы встречаем его и в «Агни-пуране» [Agni-purana, 2023]: «В прежние времена было огромное существо, приводившее в ужас всех живых существ. Оно, находящееся на земле и окруженное [другими] богами, известно как Васту-пуруша» (АП 40. 1). Этот образ, несомненно, берет начало в древ- нейших представлениях об антропоморфной Вселенной: миф о Васту-пуруше (Васту-деве) создан на основе более древнего мифа о тво- рении Вселенной из огромного первочеловека Пуруши, который в том или ином виде описы- вается в древних и средневековых текстах. Одно из наиболее известных его описаний находится в «Ригведе», в гимне о Пуруше (РВ X. 90), где рассказывается, как в результате принесения Пуруши в жертву возникло мироздание, раз- личные виды существ и сословия человеческого общества [Rgveda-Samhitā, 1951; Ригведа, 1999].

Вспомним: в *пуранах* говорится, что Вер- ховное божество как категория пространства проявляется именно в виде Пуруши. Таким об- разом, антропоморфная фигура на мандале — это вовсе не изображение Бхуты, а отсылка к мифу творения, свидетельствующая о том, что любое строительство воспринималось как свое- образное создание Вселенной (здание — миро- здание). О связи с этим мифом свидетельствуют и огромные размеры существа, лежащего в ос- нове васту-мандалы, оно «необъятное, будто бы проглотившее небо и землю с семью океанами».

Однако в *вастувидье* миф о Васту-пуруше по- священ не истории возникновения Вселенной, а объяснению появления так называемой васту- мандалы, которая создавалась для подношений, предваряющих строительство. Представления, лежащие в ее основе, основополагающи для науки *вастувидьи*. В мандале отражается целый комплекс представлений о мироздании, его устройстве и творении. В настоящей статье мы не будем подробно говорить о смысле и особен- ностях элементов мандалы, тем более что они уже ранее были описаны и проанализированы [Тюлина, 2010, с. 13–38]. Отметим лишь, что строительная мандала представляла собой квадрат, в котором изображалась фигура кос- мического человека Пуруши, сидящего со сложенными ногами. Его голова оказывается на северо-востоке, ноги на юго-западе, а руки на юго-востоке и северо-западе (ГП I. 46. 2) [Garuda-purāṇam, 2014; Тюлина, 2010, с. 165– 178]. Пуруша вписывался в мандалу таким об- разом, что заполнял квадратное поле, мандала же делилась на малые 64 квадрата, если речь идет о мандале под названием *мандука* (*maṇḍūka*), или на 81 квадрат, если это мандала *парамашайика* (*paramaśāyika*). На этом поле жрец мысленно размещал 45 божеств, занимавших разное коли- чество квадратов.

Изложение мифа о Бхуте служило для объяс- нения, почему в квадрат мандалы вписывается антропоморфная фигура, и почему на квадратах мандалы располагаются божества и мифологи- ческие существа. Этот миф представляет собой интереснейший пример вторичного мифа. При- мечательно, что, подобно первичным мифам, он сформировался на основе достаточно позднего ритуала почитания строительной мандалы раз- личными подношениями, в том числе едой. В этом отношении показательно продолжение

3 *Данавы* (*dānava* m. pl.) — демоны-великаны, сыновья Дану и Кашьяпы. *Асуры* (*asura* m. pl.) — демоны, враги богов. *Ракшасы* (*rakṣasa* m. pl.) — свирепые демонические существа, живущие на кладбищах и в лесах, пожираю- щие трупы и живых людей.

4 *Васту* (*vāstu*) — «место для строительства», «место для жилья». В данном отрывке слово *vāstu* объясняется по принципу т. н. народной этимологии. В тексте дважды используются слова с корнем *vas* — «жить»: *āvās* — «жить», «пребывать» и *nivāsa* — «место, на котором живут», «жилье».

мифа о Бхуте, в котором объясняется, каким образом будет утолен голод этого существа: «Когда боги встали на тело Бхуты, он спросил: “Как же мне существовать в [таком] виде, головой вниз?” На это Брахма и другие [боги] сказали: “Впредь внутрь васту-мандалы будет приноситься подношение пищи *бали*⁵ всем богам⁶ — это и будет твоей пищей”». Предполагалось, что пищей будут служить другие неправильно совершенные жертвоприношения, а также такие подношения, как *бали* и подобные им во время *утсав*⁷. Бхута Васту-дева обрадовался этим словам и «с тех пор известно *жертвоприношение васту*⁸, [которое совершается] перед [строительством] для умиротворения [неблагоприятных воздействий]» (МП 252. 1–19).

Возникновение васту-мандалы имеет длительную историю. Изображение антропоморфной фигуры восходит к древним текстам по планировке алтарей, в основе которых лежала величина роста жертвователя. Стоящая в полный рост фигура человека со временем превратилась в сидящую, и трактовка такого изображения была переосмыслена, исходя из представлений о творении мира. Во время любых ритуальных действий совершалось почитание божеств-хранителей пространства (*lokapāla*), каждый из которых отвечал за свою сторону света (восток, юг, запад и север). По всей видимости, именно они и составляют наиболее древний прототип васту-мандалы. В качестве хранителей пространства почитали и божества, защищающие промежуточные стороны (северо-восток, юго-восток, юго-запад и северо-запад). С течением времени для освящения места для строительства стали почитать 45 божеств, которые располагаются по всей поверхности квадратной мандалы, создаваемой для этого обряда. На участках, посвященных каждому богу, делались свои особые подно-

шения пищи и ритуальных вещей и предметов [Тюлина, 2010, с. 58–74].

Подробное описание длительных ритуальных действий с трудом вписывается в жанр *пураны*, где излагаются мифы, пересказываются легенды и сюжеты, известные из «Махабхараты» и «Рамаяны». Именно для того, чтобы придать «историчность» и ритуальным, и строительным текстам, служит миф о Бхуте — это превращает их в типичный пуранический текст. С помощью мифа тематика ритуальных и строительных текстов оказывается включенной в описание мироздания с его историей возникновения богов и демонических существ и взаимоотношений между ними.

Как уже отмечалось, любое рассуждение об «истории» в *пуранах*, направлено не только в прошлое, но и в будущее [Тюлина, 2022, с. 308–309]. Это происходит оттого, что в представлениях *пуран* время состоит из трех составляющих: прошлого, настоящего и будущего. Без будущего невозможно полное понимание того, что такое время. Поэтому в *пуранах* описываются будущие цари и пророчества о гибели мира. Соответственно, тексты по *вастувидье* можно включать в поток времени иначе, чем в «Матсья-пуране».

В «Агни-пуране», в главе, служащей вступлением для текстов по строительству, строительство храма приравнивается к творению мира со своими обитателями и историей, со своим временем: «Основание храма, [заложенное] наилучшими людьми, преисполненными преданности, является закладкой [творения] всего трехчастного мира [со всем] живым и неживым, [мира] прошлого, настоящего, будущего, [мира] гигантского и, наоборот, микроскопического» (АП 38. 28). И поскольку текст по *вастувидье* посвящен не тому, что уже существует, уже создано, а тому, что лишь когда-нибудь будет

5 *Бали* (*bali*) — жертвоприношение, в основном пищи. Чаще всего оно посвящается второстепенным богам.

6 *Вайшвадевы* (*vaiśvadeva* m. pl.) — т. е. все боги.

7 *Утсавы* (*utsava*) — праздничное мероприятие с танцами и песнями. Здесь имеются в виду торжества по случаю постройки храма или другого здания

8 *жертвоприношение васту* — в тексте *vastuyajñā*.

построено, вполне логично, что для него самым важным является будущее время. Именно будущему посвящена глава, открывающая описание строительства в «Агни-пуране». В ней описывается ожидание строителя и те заслуги, которые он получит за создание того или иного объекта. Описание заслуг мы находим и в древних текстах, где, как правило, оно является концовкой глав или произведений, в которых объясняется, какую награду получит выполнивший описанные в тексте обряды или просто прослушавший, или прочитавший эту информацию.

В «Агни-пуране» описание заслуг разрастается до целой главы, которая является не заключением, а вступлением в огромный блок текстов о строительстве. Она посвящена перечислению и классификации наград за создание различных зданий и изготовление статуй богов, а также сравнению их с заслугами другого рода деятельности: жертвоприношений, обрядов почитания богов и предков и подобного. В качестве примера приведем лишь маленький отрывок: «Даже если храм построен с коварными помыслами или из пыли, он дарует небеса. Построивший один храм попадет на небо, три храма — в мир Брахмы, пять храмов — в мир *Шамбху*⁹, восемь храмов — в мир *Хари*¹⁰. [Человек], построивший шестнадцать храмов, получит блаженство и [окончательное] спасение. Построивший маленький, средний или большой дом *Хари* получит, соответственно, небеса, мир Вишну, освобождение. Бедный человек, даже если он построит самый маленький [храм], получит такую же заслугу, как богач, построивший лучший храм Вишну. Если [человек], приобретя богатство, [потратит] даже крошечную часть на строительство храма для *Хари*, он получит наивысшую благую награду» (АП 38. 7–2). Всего таким описаниям заслуг посвящено 50 стихов. В этой же главе разъясняется, какая награда ждет создателей статуй: «Если совершается жертво-

приношение *возведения*¹¹ статуи, то заслуге нет конца. Заслуга от [изготовления] статуи из дерева больше, чем из глины, из кирпича — больше, чем из дерева, из камня — больше, чем из кирпича... Плод от [создания статуи] из золота и других [металлов] больше, чем из камня. Грехи, сделанные в семи перерождениях, уничтожатся, даже если [возведение статуи только] начато» (АП 38. 32–33).

Строительство храма благотворно сказывается не только на судьбе самого строителя, но и на судьбе его рода, оказывает положительное влияние не только на будущее, но и прошлое: «Сто поколений потомков, а также сто [поколений] предков ведет в мир Вишну Ачьюты тот, кто построит ему дом Бхагавана (т. е. храм). Вишну заключает в себя семь миров. Кто построит ему дом, спасает вечные миры и [сам] получает бессмертие. Сколько лет сохраняется кладка кирпичей, столько тысяч лет [человек], построивший ее, будет находиться на небесах» (АП 38. 46–49).

В этой главе прошлое присутствует также благодаря тому, что в ней приведена история появления подобного знания о величине заслуг — в повествовании появляется царь мира мертвых Яма, и часть подобных утверждений вложена в его уста: описывается, что он некогда так поучал своих слуг, разъясняя, кого можно хватать и отправлять в ад, а кого нельзя. В связи с этим он поясняет, куда должны попасть строители храмов и создатели статуй.

Что касается текстов *вастувидья*, в них также имеются подобные вставки — среди рекомендаций, как и где строить и какие подношения следует принести, разбросаны описания того, что произойдет с хозяином строящегося дома, если эти рекомендации будут или не будут исполнены. Такие вставки тоже служат для создания связи строительной тематики с потоком времени.

9 *Шамбху* (*śambhu*) — «Благосклонный», эпитет Шивы.

10 *Хари* (*hari*) — букв. «Желтый» («Светло-зеленый»). Может быть эпитетом многих богов, здесь имеется в виду Вишну.

11 *Возведение* — в тексте: *āsthāpana* — букв. «Установка».

Для объяснений часто используется комплекс представлений, лежащий в основе васту-мандалы, в частности, функции расположенных на ней богов. В качестве иллюстрации приведем следующий пример из «Матсья-пураны»: «Если жилище возводится, оно должно строиться со всех сторон [симметрично]. Если дом будет [несоразмерно] увеличен с восточной стороны, то это всегда [приводит] к вражде. Если жилище [несоразмерно] будет увеличено с юга¹², [это], несомненно, приведет к смерти. Если увеличено с западной стороны¹³, это приведет к гибели достояния. Если увеличено со стороны Сомы (с севера), то это приведет к большому горю. Если со стороны Агни (с северо-востока, или юго-востока), это приведет к опасности пожара. Если будет увеличено со стороны Ракшаса (с юго-запада), это приведет к гибели детей. Если будет увеличено со стороны Ваю, (т. е. Ветра)¹⁴, это приведет к болезням из-за расстройства ветра [в организме] и к злобе. Если жилище увеличено со стороны Ишаны (с северо-востока), то это всегда приводит к потере пропитания» (МП 256. 29–33).

Для создания такого рода вставок в культуре Индии существовала своя традиция — гадательные таблицы и книги. Трудно сказать, заимствованы подобные тексты из подобных книг, или же пришли из народной традиции. Возможно также, что это порождение самой традиции *вастувидьи*, и возникли подобные приметы на основе осмысления и толкования именно узкоспециальных текстов по строительству. При этом некоторые из них выглядят достаточно искусственными.

Например, угли, найденные на месте будущего дома, предвещали хозяину безумие, черепа — то, что «он собьется с пути» (МП 256. 21). Если же находили осколки раковин, то это указывало на то, что в этом доме женщины будут изменять мужьям (МП 256. 22). Мандалу нельзя было расчерчивать «куском дерева с пеплом и углем,

ногтем, оружием, рогом, костью, черепом. Если [васту] расчерчено этими [предметами, то это приносит] несчастье, горе, страхи и тому подобное» (МП 256. 14–15). Особенно нежелательным было наличие колючки. В тексте дается ряд рекомендаций, как ее найти: «Если в размеченном [пространстве] будет след слона, лошади или собаки, то в соответствующей части тела [васту-пуруши] пронизательный [человек, заметивший это], пусть ищет колючку. Если собака или шакал пересечет протянутый шнур, и если страшно кричит осел, то следует знать [о том, что где-то находится] колючка» (МП 256. 18–19). В тексте она называется *śalya*, что можно перевести как «шип», «колючка». Другое значение этого слова — «вред», «ущерб».

О каких бы объектах ни говорилось, в текстах всегда появляются подобные приметы или предсказания. Мастер должен был учитывать знаки на столбе, шнуре и других инструментах, с помощью которых проводились измерения и разметка мандалы. Если же шнур рвался, то это предвещало смерть хозяина (МП 256. 21). Для разметки участка строительства (васту) были необходимы специальные колышки, что также нашло отражение в рекомендациях и приметах. Нельзя было использовать колышки, оставшиеся от другого строительства, нельзя было забивать колышек острием вверх, это предвещало болезнь хозяину (МП 256 1).

Подобных примет в текстах великое множество. Например, одним из самых уязвимых мест жилища были двери. Уже при разметке васту ничто не должно было преграждать проход в то место, где планировалось сделать дверь. «Если дверь “ранена” улицей, то это приведет к гибели всего рода. Если деревом — появится множество ненавистников, если грязью — страдание, если “повреждена” колодцем — эпилепсия. Если потоком [воды] — возникнет смятение, если колышком — страх огня» и т. д. (МП 255. 10–14). Лишнее отверстие над дверью грозило смертью

12 с юга — т. е. со стороны Ямы и его мира, мира мертвых.

13 Это та сторона, где мог помещаться Ганеша, покровитель торговли.

14 В мандалах Ваю изображается либо на северо-западе, либо на юго-востоке.

и называлось “ртом смерти”» (МП 255. 16). Двери не должны были открываться сами по себе, так как в этом случае хозяина ожидало безумие, или же приводило к гибели потомства (МП 255. 15).

Много примет было связано с измерениями, например: «Если размер [двери] больше, [чем предписано], то [грозит] опасность от царя. Если меньше — ждет грабеж» (МП 255. 16). Есть даже указание, что неверное измерение приводит к смерти хозяина дома (МП 256. 24). Негативно сказывалась на судьбе будущих жителей и неправильная ориентация дома и его помещений по сторонам света: «Если опорные столбы, или здание, или дверные проемы, а также комнаты будут неправильно сориентированы, это приведет к гибели рода» (МП 256. 27–28).

Именно такие вставки превращают текст, посвященный конкретным профессиональным рекомендациям, в религиозный текст, полный предписаний и нравоучений, приводят его в соответствие с повествованием *пураны*. Такой текст предполагает читателя или слушателя, не связанного с данной профессиональной деятельностью, так как перед строителем или скульптором стоят конкретные, утилитарные задачи. Задача подобных вставок — заинтересовать читателя или слушателя текста, оживить узкоспециальный текст. Интересно, что и в наше время именно они пользуются наибольшей популярностью и в индийской, и в западной среде. Сейчас строятся совершенно другие здания, уже забыли, что мандала — совсем не план строящегося дома, а поле для специальных подношений до строительства, в прошлое ушли строительные ритуалы, многие из которых были многодневными, но перечисленные выше предсказания и приметы переходят из одной публикации в другую, и на их основе уже выросла «новая» мифология [Тюлина, 2021, с. 108–116].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП — «Агни-пурана»
ГП — «Гаруда-пурана»

МП — «Матсья-пурана»
РВ — «Ригведа»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Тюлина Е. В. *Храм, мир, текст: вастувидья в традиции пуран*. М.: Восточная литература, 2010. 255 с. [Tyulina E. V. *Temple, World, Text: Vastuvidya in Puranic Tradition*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. 255 p. (in Russian)].

Тюлина Е. В. Вастувидья и ее восприятие в наши дни. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 4. С. 108–116 [Tyulina E. V. *Vastuvidya and Its Perception in Our Days. Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2021. No. 4. Pp. 108–116 (in Russian)].

Тюлина Е. В. Особенности представления о времени в пуранах. *Текстология и источниковедение Востока. Проблемы перевода и интерпретации*. Том V. *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 32, 2022. С. 302–314 [Tyulina E. V. *Features of the Concept of Time in the Puranas. Textual Criticism and Source Study of the East. Problems of Translation and Interpretation. Selected papers. Vol. V. Works of the Institute of Oriental Studies. Issue 32. 2022. Pp. 302–314 (in Russian)*].

Ригведа. Мандалы IX–X. Пер. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999. 559 с. [Rigveda. *Mandalas IX–X*. Moscow: Nauka. 1999. 559 p. (in Russian)].

Agni-purana. *The Agni-purana*. Vol. 1. URL: http://www.aa.tufs.ac.jp/~tjun/data/gicas/ap1_tr_frame.html (accessed 30.09.2023) (in Sanskrit).

Garudapurāṇa. Varanasi: Chaukhamba Vidyabhavan, 2014. 408 p. (in Sanskrit).

The Matsyamahāpurāṇam. Text in Devanagari. Translation and Notes in English. Pt II. Delhi: Nag Publishers, 1983. 1228 p. (in Sanskrit and English).

Rgveda-Samhitā with Commentary of Sayanacharya. Vol. 5. Poona: Vaidika Saṁśodhana Maṇḍala, 1951. 1133 p. (in Sanskrit).

ДРЕВНЕКИТАЙСКИЙ РИТУАЛЬНЫЙ
КАННИБАЛИЗМ
В ПОЗДНЕСШАНСКИЙ ПЕРИОД
(ОК. 1250–1046 ГГ. ДО Н. Э.)
ANCIENT RITUAL CANNIBALISM
IN LATE SHANG CHINA
(CA. 1250–1046 BC)

© 2023 **Дмитрий Евгеньевич Куликов**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН Москва, Россия
vostok1991@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-9569-1005

Dmitry Ye. Kulikov

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies RAS, Moscow, Russia
vostok1991@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-9569-1005

В настоящей статье автор предпринимает попытку интерпретировать письменные, эпиграфические и археологические источники истории государства Шан позднего периода как свидетельство практики ритуального каннибализма. Одним из религиозных сосредоточий позднешанской культуры являлись массовые регулярные человеческие жертвоприношения, регламентированные государством. Ритуальное поедание человеческой плоти являлось частью этих жертвоприношений, обеспечивающих непрерывную коммуникацию людей с сакральными силами. Автор полагает, что антропофагические ритуалы шанских ванов представляли собой способ обретения магической силы, заключавшейся в жертвенной пище. Удовлетворяя гастрономические потреб-

ности своих царственных предков, шанские ваны преумножали свой собственный сакральный авторитет и власть, позволяющие им поддерживать социальную стабильность и порядок в государстве и тем самым выступать в роли гаранта общественного благополучия.

Ключевые слова: Шан, Иньской, гадательные надписи, ритуальный каннибализм, человеческие жертвоприношения

Для цитирования: Куликов Д. Е. Древнекитайский ритуальный каннибализм в позднешанский период (ок. 1250–1046 гг. до н. э.). *Восточный Курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 174–185. DOI: 10.18254/S268684310029244-6

In this paper the author attempts to interpret traditional, epigraphic and archaeological sources of the history of the late Shang state as evidence of the practice of ritual cannibalism. One of the religious concentrations of the Late Shang culture was large-scale regular human sacrifices regulated by the state. The ritual consumption of human flesh was a part of these sacrifices ensuring continuous communication of people with sacred forces. The author believes that the anthropophagic rituals of the Shang kings were a way of acquiring magical power which consisted in sacrificial food. Satisfying the gastronomic needs of their royal ancestors was employed by the Shang kings to increase their own sacred authority and power allowing them to maintain social stability and order in the state and thereby act as a guarantor of public well-being.

Keywords: Shang, Yinxi, oracle-bone inscriptions, ritual cannibalism, human sacrifice

For citation: Kulikov Dmitry Ye. Ancient Ritual Cannibalism in Late Shang China (ca. 1250–1046 BC). *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 174–185. DOI: 10.18254/S268684310029244-6

В древнекитайских исторических анналах сохранилось упоминание о страшной смерти старшего сына чжоуского Вэнь-вана (文王)¹ — Бо И-као (伯邑考). Это случилось в конце периода царствования последнего шанского вана Чжоу-синя (紂辛; 1075–1046 гг. до н. э.). Подробности произошедшего сохранились в *Ди ван ши цзи* (帝王世紀; «Летопись [деяний] поколений императоров и царей»): «Чжоу[-синь] вскоре заключил Вэнь-вана [в темницу]. Старшего сына Вэнь-вана звали Бо И-као. [Он был направлен] заложником в Инь и стал возничим Чжоу[-синя]. Чжоу-синь сварил из него суп и, преподнеся его Вэнь-вану, сказал: “Совершенному мудрецу надлежит не есть суп из [собственного] сына”. Вэнь-ван принял [суп] и съел его. Чжоу[-синь] сказал: “Кто называет Си-бо мудрецом? Он съел суп из [собственного] сына

и даже не узнал об этом!”. Чжоу[-синь], налив сливового вина, пожаловал его Вэнь-вану» (紂既囚文王，文王之長子曰伯邑考，質於殷，為紂禦。紂烹以為羹，賜文王，曰：“聖人當不食其子羹”。文王得而食之。紂曰：“誰謂西伯聖者？食其子羹尚不知也”。紂酌梅酒以賜文王) [Хуанфу, 1936, с. 26–27].

Оставим за скобками герменевтическую интерпретацию этого текста² и попытаемся дать экзегетическое толкование главному событию, отраженному в приведенном пассаже: из Бо И-као сварили суп. Об этом персонаже, кроме его жуткой смерти, ничего не известно. Суп был сварен по заказу Чжоу-синя, и ван лично угощал им Вэнь-вана — отца Бо И-као, попутно наливая ему ароматного вина. Нетрудно догадаться, что присутствовали и другие лица, бывшие гостями шанского вана. Все они, включая Вэнь-вана,

1 Вэнь-ван — посмертное имя чжоуского вождя Цзи Чана (姬昌; ок. 1152–1056 гг. до н. э.), одного из главных исторических персонажей позднешанского периода. Известен также как Си-бо (西伯; «Правитель Запада»). Отец У-вана (武王; 1046–1043 гг. до н. э.), свергнувшего власть правителей Шан (商) и установившего эпоху правления Чжоу (周; 1046–256 гг. до н. э.).

2 С этой точки зрения история Бо И-као подробно исследована С. И. Блюмхеном [Блюмхен, 2018, с. 132–161].

участвовали в пиршестве, имевшем, по всей видимости, ритуальный характер. Вероятнее всего, трапезе предшествовало жертвоприношение в честь царских предков или иных божеств шанского пантеона. Кроме Вэнь-вана, суп из человеческого мяса ели и другие гости. Таким образом, перед нами вырисовывается картина жертвенной каннибальской трапезы.

Для древнекитайских историографов ужасная смерть Бо И-као служила лишним свидетельством жестокости и коварства Чжоу-синя. Это вполне оправданно с точки зрения этикоморальных установок и взглядов на древнюю историю, сложившихся ко времени создания окончательной редакции текста. Естественно, первоначальная версия в этом случае была переработана, в результате чего были утрачены (или не были известны авторам вовсе) те религиозные представления эпохи Шан, которые, по нашему мнению, и стояли за историей Бо И-као. Восстановить первоначальный смысл этой истории возможно лишь гипотетически, однако для нас важно уже то, что описанный случай находит косвенные подтверждения в сведениях эпиграфических и археологических источников позднешанского периода, с которыми древние авторы знакомы не были.

Гадательные надписи на панцирях, черепахах и костях животных, как и археологические материалы, свидетельствуют о массовых человеческих жертвоприношениях и различных способах умерщвления людей. Наряду с этим некоторые данные содержат сведения о ритуальном каннибализме. Прежде чем перейти к анализу этих данных, вернемся к тексту *Ди ван ши цзи*.

В процитированном отрывке понятие варки записано иероглифом *пэн* (烹), обозначающим не только способ приготовления пищи, но и вид казни путем отваривания в котле-триподе *дин* (鼎) [Ван Ли, 2000, с. 656]. Иначе говоря, в древнем Китае в постшанский период существовали виды казни людей, имеющие сходство с приготовлением пищи. В подобного рода пенитен-

циарной лексике сохранились отголоски древнего каннибализма. То, что в позднюю эпоху было жестоким наказанием, не связанным с ритуально-религиозными практиками, во времена Шан представляло собой ритуальные действия, имевшие сакральное значение в религии шанцев.

По всей видимости, Чжоу-синь сварил суп из Бо И-као, так как этого требовали ритуальные предписания. Суп — это вкусная еда, а еда предназначена не только для употребления людьми, но и для кормления духов предков и божеств. Строго говоря, царские повара сварили из Бо И-као не суп, а приготовили мясное блюдо — что-то вроде томленного в собственном соку мяса: первоначальное значение иероглифа *гэн* (羹) — «соус с разными приправами» или «мясной сок» [КРС, 1888, т. 1, с. 144]. Этот иероглиф состоит из двух компонентов — *гао* (羔; «ягненок») и *мэй* (美; «прекрасный»). Упоминание «ягненка» указывает на то, что лучшим вкусом обладает мясо молодого барашка — именно из него получается кушанье, в котором, согласно словарю *Шо-вэнь цзе-цзы* (說文解字) «Толкование письмен и разбор иероглифов», сочетаются *у вэй* (五味; «пять вкусов»)³. Обычно в такое блюдо клали различные приправы и пряности: вкус приготовленного мяса получался насыщенным и ароматным. Об этом блюде упоминается в *Ши-цзине* (詩經; «Канон стихов») (*Шан сун*; 商頌; «Гимны [дома] Шан». *Ле цзу*; 烈祖; «Прославленный предок», в переводе А. А. Штукина — «Гимн царю Чэн-тану») в связи с жертвоприношением царскому предку Чэн-тану (成湯)⁴: «亦有和羹既戒既平饗假無言時靡有爭»

«Вкусом приятен мясной этот чистый отвар,
Мы осторожно и мирно приносим свой дар.
К жертве явись; мы безмолвны, молчанье храним»
(пер. А. А. Штукина) [*Шицзин*, 1987, с. 305].

Судя по описаниям жертвенных церемоний в «Каноне стихов», после того как предки вкусили

3 Имеется в виду сладкое, кислое, горькое, острое и соленое.

4 Чэн-тан — основатель государства Шан.

поднесенные яства, остальная часть пищи подавалась на стол участникам ритуальной трапезы. В обязанность хозяина — главного жертвователя входило накормить и напоить ароматным вином званых гостей. Этимологически иероглиф *гэн* восходит к омонимичному иероглифу 鬻 [Шо-вэнь, 2000, с. 255], в котором присутствует изображение треножника *ли* (鬲) — сосуда, применявшегося наряду с треногой *дин* для приготовления мясной жертвенной пищи. Как можно заключить, мясной отвар *гэн* прежде всего являлся блюдом, применявшимся в ритуалах жертвоприношений.

Если признать, что Бо И-као стал жертвой шанского религиозного обряда, то следует задаться вопросом о целях этого ритуала. То, что наследник Вэнь-вана был не просто предан ритуальному закланию, а разделан и приготовлен для удовлетворения гастрономических потребностей высших сил, свидетельствует об особой ценности подобной жертвы.

После подношения царским предкам или иным божествам ван подал мясное яство высокопоставленным гостям, в числе которых главной фигурой был Вэнь-ван. Какие бы чувства чжоуский вождь ни испытывал (по-видимому, он не мог не знать, что ест блюдо из собственного сына), ему следовало соблюдать ритуальные предписания и с благоговением вкушать освященную жертвоприношением пищу, даже если она приготовлена из мяса человека, которым был его родной сын. Никто не смел нарушить ритуал, и его надлежало исполнить так, чтобы хозяин пиршества мог сказать: «禮儀卒度笑語卒獲»

«И весь мы исполним обряд, как предпишет закон. Улыбки и наша беседа пристойны вполне» (пер. А. А. Штукина) [Шицзин, 1987, с. 190]⁵.

Согласно сведениям *Ли-цзи* (禮記; «Записки о [ритуальной] благопристойности») (гл. *Тань Гун шан*; 檀弓上; «Тань Гун. Часть первая»), «в прошлом Вэнь-ван отстранил Бо И-као и по-

ставил [наследником младшего сына] У-вана» (昔者文王舍伯邑考而立武王) [ЛЦИЧ, 2004, с. 54]. В комментаторской традиции этот случай поясняется как практиковавшееся в то время правило наследования, по которому младший сын становился главой семьи [Li Chi, 1967, p. 120]. Обращает на себя внимание, что после того как Вэнь-ван «отстранил» (*шэ*; 舍) Бо И-као, последний оказался при дворе шанского вана, где и был съеден. Иероглиф *шэ* также имеет значения «отдать без сожаления; отдать, пожертвовать». Вполне вероятно, что Вэнь-ван сознательно пожертвовал своим сыном, следуя некоему обряду.

В традиционных сочинениях не упоминаются потомки Бо И-као, поэтому можно сделать вывод, что он не был женат. Отсутствие семьи указывает на его юный возраст. С точки зрения жреческой кулинарии, если бы он был уже зрелым человеком, то из него вряд ли бы стали делать отвар *гэн*, для приготовления которого использовалось мясо ягненка, графически изображенного в знаке *гэн*. Как представляется, для заклания и ритуальной стряпни выбирались «непорочные агнцы» — молодые люди, не вступившие в брак. Содержание ритуала, согласно которому Вэнь-ван пожертвовал своим сыном, нам неизвестно, однако можно утверждать, что Бо И-као был сакральной жертвой.

В *Ди ван ши цзи* Вэнь-ван отдал шанскому вану своего сына в заложники, тот служил при дворе возницей и был умерщвлен лишь с той целью, чтобы Чжоу-синь зло поиздевался над несчастным отцом. В действительности институт заложничества относится к гораздо более позднему периоду истории Китая. К тому же, Вэнь-ван не просто отправил своего сына, а «отверг» его, «пожертвовал» им, т. е. не надеялся, что тот вернется назад. Бо И-као был не просто старшим сыном, но, по-видимому, и первенцем Вэнь-вана. Можно предположить, что именно по этой причине его следовало отдать жрецам шанского вана. Вероятно, в то время в Шан существовал обряд, по которому для определенной категории

5 См. Ши-цзин, Сяо я (小雅) «Малые оды», Чу цы (楚茨) «Густые кавунцы», в переводе А. А. Штукина — «Жертвоприношение предкам» (II, VI, 6).

людей или по определенным случаям надлежало приносить первенцев в жертву шанским духам и божествам. В этом случае такой обряд имел отношение к подношению первин — первых плодов, следы которого сохранились в гадательных надписях.

На гадательных костях имеется знак, дешифрованный как *чжэн* (蒸) «парить; варить на пару» в значении жертвоприношения [Го, Чжан, Чжан, 2020, с. 420]. Этот знак представляет собой изображение двух рук, символизирующих подношение, и сосуда для пищи (*доу*; 豆). Как полагает Чэнь Мэнцзя (陳夢家; 1911–1966), просо, подносимое в ходе исполнения шанского ритуала *чжэн*, принадлежало новому урожаю и предназначалось для кормления умерших предков в родовых храмах [Чэнь Мэнцзя, 2004, с. 529]. Таким образом, подношение просом было приурочено к первому месяцу, чтобы в новом году получить хороший урожай. Такой ритуал можно расценивать как подношение свежесобранных злаков, т. е. первин.

Как свидетельствуют надписи, подношения проса происходили в храмах предков: «...卜彭貞其延蒸秠... 饗父庚父甲家止»⁶ («... гадали, Пэн прорицал: продолжим исполнять подношение-*чжэн* (клеяким) просом... устроим трапезу, в храме-*цзя* Отца Гэна и Отца Цзя совершим ритуал-*чжи*?») [Хэцзи, 1978–1983, № 30345].

Судя по этой инскрипции, подношения зерном устраивались в храмах предков. Вероятно, там же проходило пиршество (*сян*; 饗), причем оно часто упоминается в записях гаданий о ритуале *чжэн* (см., например: [Хэцзи, 1978–1983, № 27221, 27456 / фронтальная сторона]). Иначе говоря, вместе с ритуальным кормлением предков ван устраивал торжественную трапезу для участников ритуала.

Интересно, что помимо подношения злаков при исполнении ритуала *чжэн* преподносились и другие дары, например, ароматное вино *чан* (鬯): «于翌日癸蒸新鬯王受...» («В следующий день *гуй* совершим подношение-*чжэн* новым

ароматным вином, ван получит [поддержку]?») [Хэцзи, 1978–1983, № 30975]. Здесь жертвенное вино названо «новым» (*синь чан*; 新鬯), т. е. подношение-*чжэн* было совершено молодым вином, приготовленным из зерна нового урожая.

Представляется, что высшим силам подносились не только первины в виде злаков и вина. К этой категории можно отнести животных, если они только что были получены шанским ваном: «其蒸新二牛用卯» («Определенно совершим подношение-*чжэн* новыми двумя быками, употребим [в жертву через] разделывание?») [Хэцзи, 1978–1983, № 34583].

В этой надписи быки называются «новыми», так как они, видимо, были только что добыты или преподнесены. Их следует считать «первыми плодами» животноводства. По всей видимости, у шанцев, как и у многих других народов, существовал обычай кормления духов предков едой, приготовленной из первин. Во время торжественных трапез после жертвоприношения сакральным силам каждый участник съедал часть освященной пищи.

Высшим силам шанского пантеона также жертвовались первые плоды других коллективных хозяйственных действий: рыболовства, охоты, военных кампаний. О последних, вероятно, сообщается в следующей надписи:

庚辰卜其蒸方以羌在必王受祐

«[В день] *гэн-чэнь* гадали: если совершить подношение-*чжэн* цянами, приведенными *фанями*, в храме [предков], ван получит поддержку?» [Хэцзи, 1978–1983, № 34596].

В этой инскрипции речь идет о том, что глава некоего соседнего с Шан сообщества захватил и преподнес шанскому вану цянов — людей из близлежащих областей. На основании того, что цяны были объектами ритуала *чжэн*, можно предположить, что они были преподнесены в виде ритуальных кушаний подобно «первым плодам» — блюдам из проса и говядины.

Если Бо И-као был жертвой, добровольно преподнесенной высшим силам отцом в качестве

6 В шанских надписях знак *чжи* (止) употребляется в прямом значении — «нога», а также обозначает вид жертвоприношения [Го, Чжан, Чжан, 2020, с. 431].

Илл. 1. **Фрагмент гадательной кости**

По: [Хэцзи, 1978–1983, № 499]

Fig. 1. **Oracle Bone Fragment**

Source: [Collection of Oracle Bones Inscriptions, 1978–1983, No. 499]

первенца, то высшая ценность такой жертвы заключалась в ее невинности и чистоте. В случае же с цянами из приведенной гадательной надписи мы видим, что это были пленники, добытые в результате вооруженного рейда. Скорее всего, они воспринимались шанцами как «преступники», играя роль козла отпущения. Несмотря на различие представлений об этих жертвах, между ними, похоже, просматривается связь: и Бо И-као, и *цяны* в качестве жертв отсылают к идее подношения первин.

На одном из фрагментов гадательной кости сохранилась часть надписи следующего содержания (см. Илл. 1):

... 兔允執羌隻(獲)二十出(又)五而二

«... Ту действительно захватил цянов, поймали двадцать и пять [человек], сварили двоих» [Хэцзи, 1978–1983, № 499].

В этой надписи в значении «сварить» истолкован шанский знак *эр* (𠄎), которому соответствует иероглиф *эр* (𠄎) «варить» [Ван, Гу, 2007, с. 118]. Из двадцати пяти *цянов*, отловленных неким Ту, двое было сварено. Это можно расценивать как свидетельство выборочного приготовления и употребления в пищу человеческого мяса. Если пленники употреблялись не только в жертву, но и в пищу, то в этом просматривается ритуальная форма мести и присвоения силы убитых врагов.

Особой ритуальной ценностью обладали черепа захваченных пленников, в особенности, если они принадлежали предводителям враже-

ских племен. В Иньское обнаружено несколько человеческих черепов с выцарапанными на них надписями. В надписи из трех знаков на фрагменте одного из черепов — *Фан бо юн* (方白(伯)用) «*фан бо* употребили [в жертву]» [Цзин, 1954, № 5281] сообщается, что голова принадлежала некоему *фан бо* (方白(伯)) «вождю племени», т. е. предводителю соседнего с шанцами сообщества.

На фрагменте другого черепа сохранились знаки *жэнь-фан бо* (人方白(伯)) «*бо* (вождь) [племени] *жэнь-фанов*» [Чэнь, 2004, илл. № 137] — свидетельство того, что шанский ван хранил череп захваченного и обезглавленного вождя сообщества восточных *и* (夷). Вероятно, в представлениях шанцев сила врага была сокрыта в его голове, поэтому, лишив его головы, можно было присвоить его силу. Освященная в ходе ритуального подношения голова представляла собой сакральный предмет и поэтому подлежала хранению. Употребляли ли владельцы черепов в пищу, остается неизвестным.

Ритуальное заклятие правителей соседних с Шан государственных образований также подтверждается гадательными надписями, например:

亥卜... 羌二方白(伯)... 其用于... 且(祖)丁父甲...

«[В день] ... -хай гадали... двух вождей племени Цян... определенно употребим [в жертву] для... Цзу-дина [и] Отца Цзя?» [Хэцзи, 1978–1983, № 26295].

Илл. 2. Котел *янь* из могилы 84AWBM259
(музей Иньсюй в Аньяне)

Fig. 2. *Yan* Cauldron from Tomb 84AWBM259
(Yinxu Museum in Anyang)

Source: URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1739111080516882108&wfr=spider&for=pc>
(accessed 02.12.2023)

Илл. 3. Котел *янь* из могилы № 1046
(музей Иньсюй в Аньяне)

Фото © автора

Fig. 3. *Yan* cauldron from the grave No. 1046
Photo © by the author

На материале некоторых археологических находок вполне отчетливо просматриваются следы ритуального каннибализма. В Иньсюе, на территории столичного города позднешанского периода, в разных местонахождениях были найдены человеческие черепа в ритуальных бронзовых котлах-треножниках *янь* (甗). Один из этих сосудов был обнаружен в 1984 г. в могиле 84AWBM259 царского некрополя в Сибэйган (西北崗) (см. Илл. 2). Бронзовый котел с помещенным в него черепом находился на выступе *эрцэнтай* (二层台) среди четырнадцати человеческих черепов. Так как сосуд был сильно деформирован (сплюснут), археологам не удалось сразу изъять череп для исследования. Он привлек внимание исследователей позднее, когда была сделана аналогичная находка в другом месте Иньсюя.

Второй сосуд *янь* был раскопан 1999 г. в могиле № 1046 в северной части Люцзячжуан (劉家莊) (Иньсюй) (см. Илл. 3). Между внутренним и внешним гробами были обнаружены два человеческих костяка, у одного из которых

отсутствовала голова: она лежала в бронзовом котле *янь*, обнаруженном подле скелета обезглавленного человека. Ученые выяснили, что череп ориентировочно принадлежал пятнадцатилетней девушке и попал в сосуд не случайно (некоторые считали, что он мог туда попросту закатиться), а был намеренно помещен с целью термической обработки [Аньян Иньсюй... 2021; Се Су, 2019, с. 269].

Шанский котел *янь* представляет собой древнюю модель пароварки. Он состоит из двух отделений, разделенных решеткой: 1) нижнего, на трех ногах, в форме сосуда *ли* (鬲); сюда заливалась вода для нагревания на огне) и 2) верхнего, в виде котла *цзэн* (甑; емкость для приготовления пищи на пару). В обоих иньсюйских сосудах *янь* черепа находились в верхнем отделении и, таким образом, были отварены на пару.

Судя по местам находок, котлы с человеческими головами имели отношение к погребальному культу и соответствующим жертвоприношениям. Не исключено, что приготовленные в котлах головы были употреблены в пищу

участниками заупокойной тризны. Головы принадлежали сопроводительным жертвам, погребенным вместе с хозяевами могил. Головы для приготовления были изъяты выборочно, т. е. не все жертвы подлежали обезглавливанию с последующим кулинарным применением. Возможно, для духов и божеств, питавшихся преимущественно кровью, приготовленные на пару человеческие головы расценивались как особенно изысканные кушанья. В знак почтения умершего участникам похоронного ритуала полагалось отведать сакральной пищи.

По сути, жертвоприношение означает кормление, ведь духи предков, пребывая в загробном мире, нуждались в пище подобно живым. Если предки вкушали подношения из человеческой плоти, по всей видимости, они не гнушались ею и при жизни. Вероятно, шанская антропофагия имела очень древние корни и сохранялась в позднесанский период в качестве ритуала наряду с человеческими жертвоприношениями, не требующими кулинарной обработки.

Рассмотрев вопрос употребления древними китайцами в пищу мяса драконов, С. Кучера (1928–2020) пришел к заключению, что в древнекитайских представлениях различные фантастические животные воспринимались как звери, которых можно приручать и, значит, употреблять в пищу, а если это так, то, несмотря на всю свою необычность, они могли приноситься в жертву [Кучера, 2010, с. 389]. Сходная логика определяла отношение шанской элиты к людям из инородческих племен, населявшие окрестные земли. Если из их мяса можно было готовить вкусные блюда, то последние, безусловно, служили жертвенными подношениями.

Ритуальное заклание людей — одна из отличительных черт культуры Шан и краеугольный камень шанской официальной идеологии. Обряды каннибализма вполне могли быть частью этой практики и совершались по разным поводам. Как отмечено выше, участники ритуальных пиршеств употребляли в пищу мясо как особо ценных сакральных жертв, так и специально добытых пленников. Шанский ван угощал гостей

приготовленной человечиной, предназначенной для предков, а предки-каннибалы продолжали в своем посмертном существовании вкушать угощения из человеческой плоти, как они это делали при жизни.

По всей видимости, ритуальные повара Чжоу-синя владели многими секретами приготовления человеческого мяса. Примечательно, что кроме случая с Бо И-као, следы древней антропофагической рецептуры сохранились в древнекитайских традиционных произведениях. Так, в *Хань-фэй цзы* (韓非子; «[Трактат] “Хань Фэй-цзы”») (гл. 3. *Нань янь*; 難言; «Трудные речи») сообщается об ужасных казнях некоторых персонажей периода царствования Чжоу-синя: «И-хоу был зажарен, Гуй-хоу завялен, у Би-ганя вырезали сердце, Мэй-бо был изрублен в крошево» (翼侯炙鬼侯腊比干剖心梅伯醢) [*Хань Фэй-цзы*... 1995, с. 38].

Кулинарная лексика, использованная здесь для выражения различных видов экзекуции, свидетельствуют о том, что все эти герои стали жертвами ритуального каннибализма шанского вана. Вероятно, они были ритуально умерщвлены, приготовлены, принесены в жертву духам царских предков и съедены в ходе жертвенного пиршества.

Под «зажаренным» (*янь*; 炙 «поджаривать; жарить [на вертеле]») И-хоу (翼侯) подразумевается Э-хоу (鄂侯) [*Хань Фэй-цзы*, 1995, с. 40] — один из трех князей (наряду с Вэньваном и Цзю-хоу; 九侯), получивших от Чжоу-синя титул *гун* (公). Он упоминается в *Ши-цзи* (史記; «Исторические записки»), где сообщается о том, что его «засушили»: «Э-хоу соперничал с Чжоу в силе, в спорах был острее, [Чжоу убил его] и засушил [тело] Э-хоу» (鄂侯爭之彊辨之疾并脯鄂侯) [Сыма Цянь, 2001, с. 176]. Независимо от того, зажарили или засушили этого исторического персонажа, важно то, что Э-хоу был не просто убит, а ритуально заклан и использован для приготовления жертвенного блюда.

На гадательных костях часто можно встретить такие термины, обозначающие ритуальное со-

жжение, как *цзяо* (爇) и *ляо* (燎) [Ван, Гу, 2007, с. 100–105]. Считается, что жертвы этих ритуалов сжигались полностью. Что же касается знака *янь* (焮), состоящего из трех графем «огонь» (*хо*; 火), то он истолковывается двояко — как сожжение или поджаривание на огне [ЦГВЦД, 2014, с. 1137]. В случае последнего значения смысл надписи «妣庚惟焮用羌» («[Для] Прародительницы Гэн именно совершим ритуал поджаривания *янь*, употребив [в жертву] цянов?» [Хэцзи, 1978–1983, № 22131]) заключается в ритуальном поджаривании для последующего применения в пищу и подношения прародительнице.

Под следующим персонажем — Гуй-хоу (鬼侯) подразумевается упоминаемый в *Ши-цзи* Цзю-хоу (九侯) [Хань Фэй-цзы, 1995, с. 40]. О нем известно, что «Цзю-хоу имел красавицу-дочь, которую он ввел [во дворец] Чжоу[-синя]. Но дочь Цзю-хоу не любила распутства, и Чжоу, разгневавшись, убил ее, а затем изрубил в крошево Цзю-хоу» (九侯有好女入之紂九侯女不喜淫紂怒殺之而醢九侯) [Сыма Цянь, 2001, с. 176]. Не исключено, что Цзю-хоу был убит за то, что отказался есть мясо своей дочери, которая в свою очередь также была предана закланию. Так или иначе, Цзю-хоу был завялен. Иероглиф *ла* (腊) «вялить; сушить; сухое, с костями, мясо» позволяет связать этот вид ритуальной казни с жертвоприношением, записанным на гадательных костях как *чжи* (𩚑 = *чжи*; 臠 «сушеное мясо»):

甲子臠人

«[В день] *цзя-цзы* засушим человека (людей?)» [Хэцзи, 1978–1983, № 22475].

Сложно предположить, была ли у такого рода «засушивания» иная цель, чем приготовление блюда для ритуальной трапезы. Что касается версии о том, что Цзю-хоу был «изрублен в крошево», то этот вид ритуального умерщвления записан иероглифом *хай* (醢) «размозжить», «превратить в кисель».

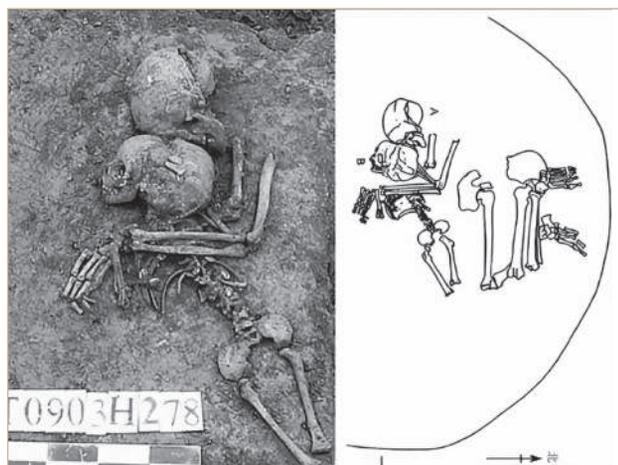
Согласно Хань Фэй-цзы, аналогичной экзекуции был подвергнут Мэй-бо (梅伯), бывший одним из владетельных князей позднешанского периода. Именное значение иероглифа *хай* —

«мясной сок» [КРС, 1888, т. 2, с. 96]. Полагаем, что Мэй-бо постигла участь Бо И-као: он был превращен в мясной отвар *гэн*.

Если вышеуказанные персонажи относились к влиятельным правителям соседних земель, то Би-гань (比干) был представителем придворной шанской элиты и даже близким родственником вана: то ли дядей, то ли младшим братом Чжоу-синя [Сыма Цянь, 2001, с. 297, 319]). Согласно *Ши-цзи*, Би-гань неоднократно увещевал вана отказаться от распутных и безобразных поступков. Шанскому правителю надоело выслушивать речи сановника, и однажды он приказал разрезать грудь Би-ганя, чтобы увидеть, есть ли в сердце мудреца семь отверстий [Сыма Цянь, 2001, с. 176]. В действительности это убийство очень похоже на жертвенный ритуал с извлечением сердца.

В жертвенной яме H278 Иньсюя были обнаружены костяки взрослого человека и ребенка [Иньсюя, 2023]. У ребенка были отрублены конечности. Увечья взрослого представляют собой ужасное зрелище: при жизни ему отрубили руку, разрубили пополам, изъяли позвоночник и почти все ребра (см. *Илл. 4*). По-видимому, жертву выпотрошили со всеми внутренностями. Вполне вероятно, ритуальное изъятие сердца находилось в одном ряду с формой заклания, представленного останками жертвы этой ямы.

На примере Би-ганя можно заметить, что ритуальной ценностью обладали не только знатные люди из нешанских кланов, но и высокопоставленные шанцы, обладавшие выдающимися способностями. Думается, употребление в пищу сановников-шанцев следует считать либо эксцессами царской ритуальной практики, либо свидетельством особого почитания этих персонажей, однако в последнем случае они должны были умереть естественной смертью, а не быть убитыми. Не исключено, что Би-гань добровольно согласился быть принесенными в жертву. Как бы то ни было, вышеприведенные сообщения важны в качестве свидетельств шанского ритуального каннибализма, зафиксированных в памятниках традиционной литературы.

Илл. 4. Жертвенная яма H278
 Fig. 4. Sacrificial pit H278
 Source: URL: http://www.360doc.com/content/12/0121/07/6148393_1076201095.shtml
 (accessed 02.12.2023)

Различные ритуалы и обряды, в том числе человеческие жертвоприношения и ритуальная антропофагия, возвращали шанских жертвователей к божественному источнику жизни в надежде, что этот источник не иссякнет, и жизнь на земле будет иметь продолжение. Путем жертвоприношений поддерживался жизненный цикл, состоящий из непрерывной коммуникации людей и высших сил. В еде, будь то хлеб, вино, мясо домашних животных или человеческая плоть, освященных жертвоприношением, заключалась магическая сила, которую люди обретали вместе с этой пищей. Главный жертвователь — шанский ван задабривал жертвенной едой могущественных предков и божеств и разделял ее с подданными на ритуальных пиршествах.

Получая регулярное жертвенное кормление, шанские высшие силы не оставались голодными в потустороннем мире и ниспосылали блага потомкам. По-видимому, одним из наиболее ценных жертвенных даров было человеческое мясо. Если предки пребывали в удовольствии, они умножали магические силы правителя Шан, который, соблюдая ритуальные предписания, поддерживал космологический порядок. Таким образом, правитель выступал гарантом благополучия людей, приобретая взамен сакральный авторитет, власть и богатство. Жизнь по принципу: ты — мне, я — тебе, обеспеченная циркуляцией подношений в качестве божественной пищи, в том числе человеческим мясом, была

оправдана религиозной идеологией и поддерживалась ритуальной деятельностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аньян Иньской чуту вэньу, цинтун янь ю и кэ бэй чжуго дэ жэнь тоу, цзечу идуань цань-жэнь лиши (安阳殷墟出土文物, 青铜甗有一颗被煮过的人头, 揭出一段残忍历史; Среди культурных памятников, раскопанных в Иньское близ Аньяна, обнаружен бронзовый котел *янь* со сваренной человеческой головой, эта находка проливает свет на кровавую страницу истории). *Вэньшэ лиши* (文社历史; *История литературного общества*). 2021 [Among the Cultural Monuments Excavated in Yinxu near Anyang, a Bronze Yan-type Cauldron with a Boiled Human Head was Discovered, Showing a Bloody Period of History. *Literary Society History*. 2021 (in Chinese)]. URL: https://history.sohu.com/a/506873343_121080227.shtml (accessed 08.09.2023).

Блюмхен С. И. Герменевтика имен и образов: Бо И-као, Бо-и и Шу-ци. *XLVIII Конференция «Общество и государство в Китае»*. Т. 1. М.: ИВ РАН, 2018. С. 132–161 [Blyumkhen S. I. Hermeneutics of Names and Images Bo Yi-cao, Bo Yi and Shu Qi. *The 48th Conference “Society and State in China”*. Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2018. Pp. 132–161 (in Russian)].

Ван Ли гу ханьюй цзыдянь (王力古漢語字典; Словарь древнекитайского языка [под редакцией] Ван Ли). Пекин: Чжунхуа шуцзюй (中華書局), 2000. 1817 с. [Wang Li Ancient Chinese Dictionary. Beijing: Zhonghua Shuju, 2000. 1817 p. (in Chinese)].

Ван Пин (王平), Гу Бинь (顧彬). Цзягувэнь юй Инь Шан жэнь цзи (甲骨文与殷商人祭; Надписи на панцирях и костях и человеческие жертвоприношения в Инь-Шан). Чжэнчжоу: Дасян чубаньшэ (大象出版社), 2007. 269 с. [Oracle-Bone Inscriptions and Human Sacrifice in Yin-Shang. Zhengzhou: Daxiang Chubanshe, 2007. 269 p. (in Chinese)].

Го Сюйдун (郭旭东), Чжан Юаньсинь (张源心), Чжан Цзянь (张坚). Иньсюй цзягусюэ да цыдянь (殷墟甲骨学大辞典; Большой словарь слов науки о [надписях] на панцирях и костях из Иньсюя). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ (中国社会科学出版社), 2020. 1372 с. [Guo Xudong, Zhang Yuanxin, Zhang Jian. The Comprehensive Dictionary of Science of Oracle bones Inscriptions from Yinxi. Beijing: Zhongguo Shehui Kexue Chubanshe, 2020. 1372 p. (in Chinese)].

(Иньской) Иньсюй каогу со фасянь цзуй кэ па дэ дунси (殷墟考古所发现最可怕的东西; Самые страшные вещи, обнаруженные археологами в Иньсюе). Гэжэнь тушугуань (个人图书馆; Личная библиотека). 2023 [The Most Terrifying Thing Discovered in the Yin Ruins by Archaeologists. Personal Library. 2023 (in Chinese)]. URL: http://www.360doc.com/content/12/0121/07/6148393_1076201095.shtml. (accessed 10.10.2023).

(КРС) Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом императорской дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым. Т. 1–2. Пекин: Типография Тун-вэнь-гуань, 1888. 628+666 с. [Chinese-Russian Dictionary Compiled by the Former Head of the Spiritual Mission, Archimandrite Palladius, and the Senior Dragoman of the Imperial Diplomatic Mission in Beijing P. S. Popov. Vol. 1–2. Beijing: Tongwenguan, 1888. 628+666 p. (in Russian)].

Кучера С. Р. Музыка и культ в Древнем Китае: проблемы восприятия музыки и ее исполнения во время религиозных действ. Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел 1. Небесные чиновники. Цз. 1. Пер., вст. статья и прил. С. Кучеры. М.: Восточная литература, 2010. С. 343–390 [Kuchera S. R. Music and Cult in Ancient China: Problems of Perception of Music and Its Performance During Religious Rituals. Ritual of the Zhou Dynasty (Zhou Li). Section 1. Heavenly Officials. Juan 1. Translation from Chinese, Introductory Article and Appendices by S. Kuchera. Moscow: Vostochnay Literatura RAS, 2010. Pp. 343–390 (in Russian)].

(ЛЦИЧ) Ли-цзи и чжу (礼记译注; «Записи о благопристойности» с переводом и комментариями). Ред. Ян Тяньюй (杨天宇). Т. 1–2. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ (上海古籍出版社), 2004. 861 с. [Annotation of the Book of Rites. Ed. by Yang Tianyu. 2 vols. Shanghai: Shanghai Guji Chubanshe, 2004. 861 p. (in Chinese)].

Се Су (谢肃). Шан дай цзисы шунь яньцзю (商代祭祀遗存研究; Исследование археологических памятников жертвоприношений эпохи Шан). Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ (社会科学文献出版社), 2019. 314 с. [Xie Su. The Research on the Archeological Remains Left by the Sacrificial Offering Activities in the Shang Dynasty. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 2019 314 p. (in Chinese)].

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1. Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под общ. ред. Р. В. Вяткина. М.: Восточная литература, 2001. 415 с. [Sima Qian. Shu ji. Historical Records. Vol. 1. Transl. and comm. by R. V. Vyatkin and V. S. Taskin. Ed. by R. V. Vyatkin. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. 415 p. (in Russian)].

Хань Фэй-цзы цюань и (韓非子全译; «Трактат “Хань Фэй-цзы”» с полным переводом [на совр. кит. яз.]). Пер. и комм. Чжан Цзюэ (张觉). Гуйян: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ (贵州人民出版社), 1995. 1159 с. [Han Feizi with Full Translation. Transl. and comm. by Zhang Jue. Guiyang: Guizhou Renmin Chubanshe, 1995. 1159 p. (in Chinese)].

Хуанфу Ми (皇甫謐). *Ди ван ши цзи* (帝王世紀; *Летопись [деяний] поколений императоров и царей*). Шанхай: Шанхай шангьу шугуань (上海商務書館), 1936. 54 с. [Huangfu Mi. *Di Wang Shi Ji*. Shanghai: Shanghai Shangwu Shuguan, 1936. 54 p. (in Chinese)].

(Хэцзи) *Цзягувэнь хэцзи* (甲骨文合集; Свод надписей на панцирях и костях). Ред. Го Можо (郭沫若), Ху Хоусюань (胡厚宣). 13 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй (中华书局), 1978–1983. 5241 с. [Collection of Oracle Bones Inscriptions. Ed. by Guo Muoro, Hu Houxuan. 13 vols. Beijing: Zhonghua shuju, 1978–1983. 5241 p. (in Chinese)].

(ЦГВЦД) *Цзягувэнь цзыдянь* (甲骨文字典; Словарь письменных знаков на панцирях и костях). Ред. Сюй Чжун-шу (徐中舒). Чэнду: Сычуань цышу чубаньшэ (四川辞书出版社), 1998. 1613 с. [Oracle-Bone Inscriptions Dictionary. Ed. by Xu Zhongshu. Chengdu: Sichuan Cishu Chubanshe, 1998. 1613 p. (in Chinese)].

(Цзин) *Чжань хоу Цзин Цзинь синь хо цзягу цзи* (戰後京津新獲甲骨集; Новая коллекция панцирей и костей, собранная в Пекине и Тяньцзине после [антияпонской] войны). Ред. Ху Хоусюань (胡厚宣). 4 т. Пекин: Цюньлянь чубаньшэ (群聯出版社), 1954. 140 с. [New Collection of Oracle Bones Collected in Beijing and Tianjin after the [Anti-Japanese] War. Ed. by Hu Houxuan. 4 vols.

Beijing: Qunlian Chubanshe, 1954. 140 p. (in Chinese)].

Чэнь Мэнцзя (陳夢家). *Иньсюй бу цы цзун шу* (殷墟卜辭綜述; *Общий свод сведений о гадательных надписях из Иньсюя*). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 2004. 827 с. [Chen Mengjia. *A Summary of the Yin Ruins Oracle-Bones*. Beijing: Zhonghua Shuju, 2004. 827 p. (in Chinese)].

Шицзин. Книга песен и гимнов. Пер. А. А. Штукина. М.: Художественная литература, 1987. 350 с. [Shijing. *Book of Poetry*. Transl. by A. A. Shtukin. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1987. 350 p. (in Russian)].

(Шо-вэнь) *Вэнь бай дуйчжао «Шо-вэнь цзе-цзы» и шу* (文白对照“说文解字”译述; Сопоставление текстов на вэньяне и байхуа. *Интерпретация и описание [словаря] «Толкование письмен и разбор иероглифов»*). Ред. Ли Эньцзян (李恩江). Чжэнчжоу: Чжунъюань нунминь чубаньшэ (中原农民出版社), 2000. 1469 с. [Comparison of Texts in Wenyan and Baihua. Interpretation and Description of the [Dictionary] “Discussing Writing and Explaining Characters”. Ed. by Li Enjiang. Zhengzhou: Zhongyuan nongmin chubanshe, 2000. 1469 p. (in Chinese)].

Li Chi. Book of Rites. Transl. by James Legge. Vol. 1. New Hyde Park, New York: University Books, 1967. 479 p.

ПРОБЛЕМА ГРЕЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ НА ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЕ ГОНЧАРСТВО В 1-М ТЫС. ДО Н. Э.

THE PROBLEM OF GREEK INFLUENCE ON EGYPTIAN POTTERY DURING 1ST MILLENNIUM BCE

© 2023 **Виктория Игоревна Ярмолович**

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра египтологических исследований Российской академии наук; младший научный сотрудник, Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
viktoriya.yarmolovich@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-9306-5433

Victoria I. Yarmolovich

PhD (History), Research Fellow, the Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences; Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
viktoriya.yarmolovich@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-9306-5433

Статья посвящена греческому влиянию на древнеегипетскую керамику в Поздний период (VII–IV вв. до н. э.). Данные из различных исторических источников демонстрируют, что в рассматриваемую эпоху в Египте проживало значительное число греков, ведущих привычный для них «греческий» образ жизни. Активизация экономических отношений с представителями греческой цивилизации стала толчком к тому, что в Долину Нила начинает поступать значительное количество импортной керамики (транспортная тара, расписные и недекорированные столовая посуда и бытовая керамика) из разных гончарных мастерских греческих колоний. В результате

такого тесного взаимодействия, включая и культурно-политические связи, с представителями греческой цивилизации происходил постоянный обмен традициями. Гончары старались угодить греческому населению, производя формы сосудов, изначально непривычные для египтян. Но и сами местные жители интересовались сосудами, подражавшими и имитировавшими греческие формы.

Ключевые слова: материальная культура, Египет, Поздний период, Мемфис, Навкратис, керамика, лекиф.

Для цитирования: Ярмолович В. И. Проблема греческого влияния на древнеегипетское гончарство в 1-м тыс. до н. э. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 186–195. DOI: 10.18254/S268684310029247-9

The paper focuses on the Greek impact on ancient Egyptian pottery during the Late period (7th–4th centuries BCE). According to evidence of various historical sources at that period a lot of Greeks lived in many Egyptian cities. They maintained a customary way of life. Moreover a lot of Greek pottery (amphorae, various black glazed pottery, and etc.) was imported to Egypt due to extensive trade with various Greek colonies. Cultural and political contacts were maintained as well. As a result of this active interaction with Greek civilization there was cross-cultural exchange between Egyptians and Greeks. Potters could try to meet the needs of Greeks, adapting new shapes of vessels which were unusual for Egyptians. Egyptians could also be interested in the vessels which imitated Greek shapes.

Keywords: material culture, Egypt, Late period, Memphis, Naukratis, pottery, lekythos

For citation: Yarmolovich Victoria I. The Problem of Greek Influence on Egyptian Pottery during 1st Millennium BCE. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 186–195. DOI: 10.18254/S268684310029247-9

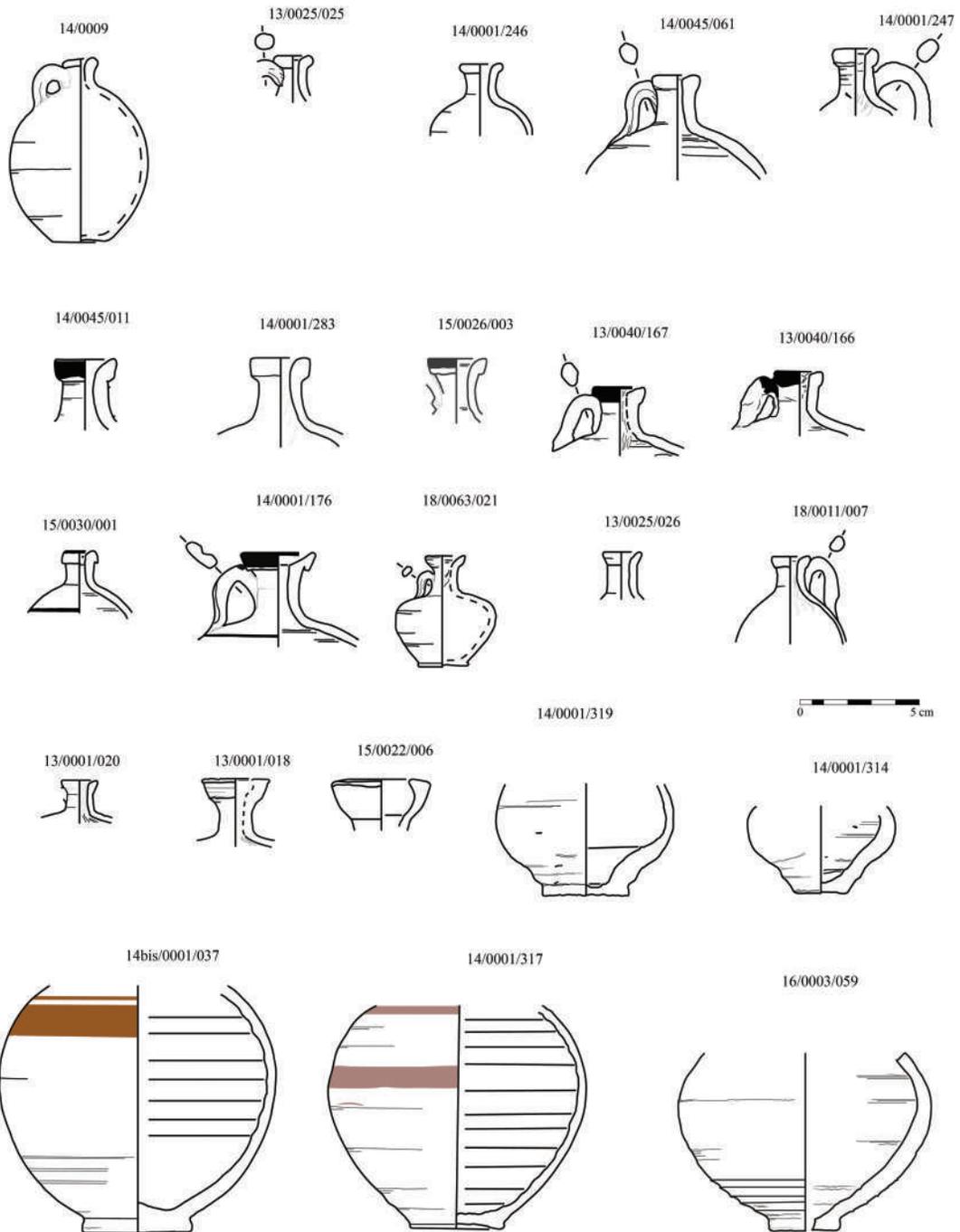
В ходе археологических исследований, которые с 2001 года под руководством д. и. н. Г. А. Беловой проводит Центр египтологических исследований Российской академии наук на территории древнего города Мемфис¹, изучается большое количество глиняных сосудов. Среди прочих глиняных сосудов [Laemmel, 2022a; Laemmel, 2022b] были найдены узкогорлые кувшины с несколькими вариантами форм тулов (Илл. 1)². Специалисты часто называют такие кувшины арибаллическими лекифами (англ. aryballoid lekythoi; фр. lécythes-aryballisques) [Malykh, 2015, p. 114] или просто лекифами (фр. lécythe) [Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 113 (cat. No. 473), 114 (cat. No. 474–475)], подразумевая, что они подражают греческим сосудам.

Лекифы — форма кувшинчиков с одной ручкой, распространенная на территории Греции и ее колоний. Они имели характерный раструбообразный венчик и вытянутую шею, низкую ножку [Блаватский, 1953, с. 55]. Тулову придавали шаровидную [Блаватский, 1953, с. 55], цилиндрическую [Sidorova, 2001, pl. 30–33; Tugusheva, 2003, pl. 41] или коническую³ форму. Лекифы бытовали с VI по III в. до н. э. Их использовали в быту для хранения жидкостей и в погребальных обрядах. В V в. до н. э. появляются арибаллические лекифы, отличающиеся от предшественников приземистым округлым туловом небольшого размера [Блаватский, 1953, с. 55]. Они тоже были в ходу вплоть до III в. до н. э.

1 Концессия включает в себя Ком-Туман, Ком-Дафбаби, Тель-Азизию. Подробнее о раскопках см.: [Belova, Ivanov, 2022a; Belova, Ivanov, 2022b; Иванов, 2022].

2 Тип С5 по типологии автора статьи. См.: [Ярмолович, 2020].

3 Например, лекиф, приписываемый мастеру Амасису (31.11.10), из коллекции Метрополитен-музей (Нью-Йорк) [Terracotta lekythos, 2023].

Илл. 1. Узкогорлые кувшинчики из археологических раскопок ЦЕИ РАН в Мемфисе
 Рисунки © В. И. Ярмолович, С. А. Ламмель, Р. А. Орехова, Е. Г. Толмачевой
 Fig. 1. Juglets from the excavations of the Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy
 of Sciences in Memphis
 Drawings © V. I. Yarmolovich, S. A. Lammel, R. A. Orekhov, E. G. Tolmacheva

Греческие лекифы и арибаллические лекифы неоднократно находили в слоях VII – конца IV в. до н. э. египетских археологических памятников вместе с другими типичными для греческой культуры сосудами. К ним относятся транспортная тара, столовая посуда и бытовая керамика.

К. Смолариковой удалось выявить, что наибольшая концентрация греческого импорта приходится на памятники Нижнего Египта⁴ [Smolárikova, 2002, p. 23]. Так, он был зафиксирован, помимо Мемфиса, в Телль эль-Масхуте, Мендесе, Мигдоле, Телль эль-Херре⁵, Телль эль-Баламуне, Телль Дафне [Spencer, 2014a; Spencer, 2014b; Weber, 2014; Johnston, 2014], в Навкратисе [Villing, Schlotzhauer, 2006], в Ракотисе (Александрия) [Belova, 2019, p. 18, 21–25], в Буто (Телль эль-Фарайн), Саисе, Бенхе, Бубастисе, Гелиополе, на Ком-Хадиде, Ком-Фирине [Spencer, 2014d, p. 51, fig. 52, 63, p. 181–182, fig. 120, 121, p. 273–274], в Ком-Баруде, Ком-Кортасе. К этому списку могут быть добавлены Телль-Тимай [Hudson, 2016, p. 75–108; Hudson, 2014, p. 242–243, fig. 4(1)] и Фонис-Гераклей [Grataloup, 2015, p. 139, fig. 7.2; Grataloup, 2008, p. 253; *Egypt's Sunken Treasures*, 2008, p. 344 (cat. 375), 345 (cat. 377–380, 382), 346 (cat. 387), 347 (cat. 391, 392), 348 (cat. 398, 399, 401, 402), 349 (cat. 403, 407), 350 (cat. 418); Belov, 2018, p. 22–24]. А в оазисах (в частности, в Фаюме и Харге [Smolárikova, 2002, p. 42; Wuttmann, 1996, p. 429–430, fig. 64]) и Верхнем Египте [Smolárikova, 2002, p. 42–46]⁶ греческая керамика редка. Сосуды привозились из многих мест: из Афин, Спарты, Коринфа, Хиоса, Мендеса, Милета, Лесбоса, Коса, Книда, Самоса и т. д. [Smolárikova, 2002, p. 47–55]. Самые ранние экземпляры

относятся ко второй половине VII в. до н. э. [Smolárikova, 2002, p. 23–46].

В мемфисской области древнегреческие сосуды зафиксированы как в городе, так и в некрополе. Они часто встречаются среди керамического материала Российской археологической экспедиции ЦЕИ РАН в Мемфисе: фрагменты канфаров, солонок, лекифов, фрагменты и целые амфоры [Laemmel, 2021a: 173–227; Belova, 2018, p. 20, fig. 18]. У. М. Ф. Питри во время раскопок дворца Априя (Ком-Туман) нашел фрагменты тонкостенных сосудов [Petrie, 1909b, p. 15, pl. XXII (8); Petrie, Mackay, Wainwright, 1910, p. 41] и ручки амфор с клеймами [Petrie, 1909b, p. 16, pl. XXVII (1–20)].

На Ком-Кал'а, который в древности также был частью Мемфиса, экспедиция Питри обнаружила чернолаковые лекифы и светильники около храма фараона Мернептаха (XIX династия, Новое царство) [Petrie, 1909a, pl. XLVI (5–7, 9, 10)]. В описании одного лекифа, хранящегося в Египетском музее в Каире, указано, что он происходит с Ком-Кал'а [Edgar, 1911, p. 24 (26191)]. Позднее, в 1950-х гг. на этом же коме работала экспедиция Пенсильванского университета. В публикациях материалов экспедиции представлены ножки импортных амфор и столовая посуда [Anthes, 1965, p. 161, pl. 68 (656–658)]⁷. Значительное число сосудов различных форм (ойнохои, гидрии, кратеры, лекифы, канфары и чаши) из Мемфиса хранятся в Музее археологии и антропологии Пенсильванского университета [Smoláriková, 2002, p. 33].

Ножка эгейской амфоры [Jones, Jones, 1987, p. 44, 46, fig. 9(b)] находилась среди материала, найденного на территории здания, где бальзамировали быков Аписа (Ком-Ханзир, северный Мемфис).

4 Перечисленные далее памятники рассматриваются в монографии К. Смолариковой [Smolárikova, 2002, p. 23–42]. В скобках и подстрочных примечаниях указаны дополнительные данные об исследованиях греческой керамики, вышедших после труда Смолариковой.

5 Импортная керамика, в том числе из Греции, была опубликована в двухтомном исследовании К. Дефернез. См. [Defernez, 2001a, p. 165–213; Defernez, 2001b, p. 258–274, 341–364, 391–419, pl. XXXI–XLI, LVI–LIX, LXXXVI–LXXX, LXXXIX–XCIV].

6 К списку К. Смолариковой можно добавить публикацию [Masson, 2007, p. 361–367].

7 Смоларикова указала, что часть керамики Позднего периода была ошибочно датирована Римским периодом. Подробнее см.: [Smoláriková, 2002, p. 33].

В мемфисском некрополе достаточно часто находят импортную керамику. Амфоры VII–IV вв. до н. э. были обнаружены в Абу-Роаше [Marchand, 2007, p. 181, fig. 13], в Гизе [Малых, 2010, с. 141–142, 146–147; Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010, p. 190, fig. 58.2 (98/3/25); Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 68, 102, 201, fig. 33 (99/24/36, 99/24/21), p. 92 (00/31/63, 04/II/61/12); Kormysheva, 2015, p. 55, fig. 26 (08/12-3/7), p. 118, fig. 43 (08/15-1/8), p. 166, p. 226 (13/47-1/5), fig. 60 (11/17-1/51, 13/47-1/9, 10); Малых, 2018, с. 189, ссылка 59)], в Абусире [Smoláriková, 2007, p. 191–192, fig. 4; Smoláriková, 2002, p. 35–37, p. 40, p. 42, pl. I (A, B, C2–3), II.2, III (A, C); Coppens, Smoláriková, 2009, p. 98–104, pl. 24–25; Smoláriková, 2008a, p. 163–167, 174–175, fig. 51 (55–58); Smoláriková, 2008b, p. 192–193, 199–200, fig. 56 (43–45)] и в Саккаре [Aston, Aston, 2010, p. 58, 103, 136–137, 143–144, 160–164, fig. 2(154), 18(303), 31(313, 345–346), 33(347); Lecuyot, 2007, p. 199, 242 (S.P.76), fig. 1.10, 2.1 (BE.20); Saqqara III... 2008, p. 440, 442, 448, fig. 541 (no 51–55), p. 542 (56–61); French, Ghaly, 1991, p. 101–102 (nos. 1–6); Gallorini, 2007, p. 794, 796, fig. 2 (No. 1038), 3 (No. 2093); Rzeuska, 2007, p. 213–214, fig. 6–10; Aston, 2005, p. 120, pl. 131(159), p. 128, pl. 137(220); French, Bourriau, 2018, p. 187–197, 285–288, fig. 38–41, p. 235, p. 301, fig. 54 (d)]. Столовая керамика тоже представлена в исследованиях, например, в публикациях, посвященных Саккаре⁸ [Saqqara III... 2008, p. 438–439, fig. 540 (45); Aston, Aston, 2010, p. 160, pl. 47 (443–446), p. 266, pl. 60 (P362 + 82–207); French, Bourriau, 2018, p. 179–182; fig. 35 (a–h); Jéquier, Dunham, 1928, p. 36, fig. 38; Myśliwiec, 1998, p. 89] и Абусиру [Smoláriková, 2002, p. 35–42]. Более того в 1902–1904 гг. экспедиция немецкого археолога Л. Борхардта открыла греческое кладбище в Абусире, к востоку от пирамиды царя Древнего царства Ниусерра. Смоларикова считает, что оно использовалось всего 20–30 лет, после чего было заброшено приблизительно в третьей

четверти IV в. до н. э. Находки дают возможность предположить о том, что погребенные в этом некрополе служили в египетской армии [Smoláriková, 2002, p. 35, p. 71–74; Smoláriková, 2000, p. 68].

В Египте отмечены находки амфор, сформированных из египетских глин, но имитирующих иноземные формы. Они были сделаны по всей территории Египта, в т. ч. в мемфисской области [Defernez, Marchand, 2006; Малых, 2018]. В частности, такие имитации обнаружены в некрополях Абу-Роаша [Pichot, Marchand, 2016, p. 254, fig. 7b], Гизы [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, 274, fig. 118 (05/67/16); Kormysheva, 2015, p. 129, fig. 47 (08/15–2/1)] и Саккары [French, Ghaly, 1991, p. 106, no. 25; Myśliwiec, Kuraszkiewicz, 2010, p. 226, 228, fig. 63–64 (No. 4–5, 12)].

Причины поступления большого количества импортной керамики в VII в. до н. э. в Египет кроются в активизации отношений с греками после достаточно долгого перерыва. По некоторым оценкам, перерыв длился почти 500 лет: практически не велась активная торговля и не поддерживались культурные отношения между египтянами и греками. Исследователи не исключают, что уже ко второй четверти VII в. до н. э. в Египте находились наемники из Ионии и Карики [Smoláriková, 2002, p. 17], причем египтяне не только торговали с греками, но и позволяли им селиться и участвовать в политических событиях, происходивших в их государстве. Греки проживали во многих городах Египта, среди которых особое место занимали Навкратис, Дафны и Мемфис. Смоларикова справедливо отметила, что керамика позволяла иноземцам, в данном случае грекам, сохранять привычный уклад жизни [Smoláriková, 2002, p. 67].

Город Навкратис (совр. Ком-Ги'ейф, эль-Нибейра, эль-Никраш) в западной Дельте был первым поселением, в котором обосновались греческие наемники, служившие у фараонов XXVI династии. Древнегреческий историк

8 Также в музейных коллекциях есть сосуды, происхождение которых остается под вопросом из-за утраченного первоначального контекста. См.: [Smoláriková, 2002, p. 34].

Геродот (V в. до н. э.) сообщает, что греки заселили город в конце правления XXVII династии, при царе Амасисе (570–526 гг. до н. э.). Он же играл роль порта, через который обязательно должны были проходить торговые иноземные судна [Геродот, 1972, с. 136 (178–179)]. При этом у Страбона (I в. до н. э. – I в. н. э.) идет речь об основании Навкратиса в начале XXVI династии (царствование Псамметиха I, 664–610 гг. до н. э.) милетцами: «ибо милетцы во время Псамметиха (а он жил во время Киаксара Мидийца) на 30 кораблях приплыли к Большитинскому устью и, высадившись там, укрепили стеной упомянутое выше поселение, но с течением времени они поднялись вверх по реке до Саисского нома, нанесли поражение городу Инара в морском сражении и основали Навкратис немного выше Схедии» [Страбон, 1994, с. 739 (18)]. Так, исходя из античных письменных источников, мы видим, что авторы разошлись во мнениях о том, когда Навкратис стал греческим городом.

Находки археологов, проводивших раскопки на территории поселения, свидетельствуют о том, что греки пришли в этот город не ранее третьей четверти VII в. до н. э. [Villing, Schlotzhauer, 2006, р. 5]⁹. В частности, самая ранняя греческая керамика на памятнике, привезенная в Египет из Аттики, Коринфа, восточной Греции и Карики, датируется именно этим периодом [Villing, Schlotzhauer, 2006, р. 5; Smoláriková, 2002, р. 90]. Таким образом, изучение археологических материалов позволило исследователям предположить, что Навкратис был заселен греками при царе Псамметихе I в позднем VII в. до н. э., а в середине VI в. до н. э. фараон Амасис провел реорганизацию города и даровал ему особое положение [Demetriou, 2012, р. 111; Villing, Schlotzhauer, 2006, р. 5].

Так или иначе, Навкратис был тесно связан с греческой культурой. К 620 г. до н. э. он становится крупным торговым городом, игравшим важную роль в экономике Египта и Греции [Страбон, 1994, 744(33); *Кембриджская история*

древнего мира, 2011, с. 54–55]. Здесь располагались храмы, посвященные разным древнегреческим богам [Геродот, 1972, с. 136 (178); Smoláriková, 2002, р. 29]. Находясь вблизи Саиса (столицы Египта при XXVI династии), он имел привилегии: в частности, все негреческие торговые корабли были обязаны проходить через Навкратис, даже если они собирались торговать в других египетских городах и поселениях [Геродот, 1972, с. 136 (179)]. Греки вывозили из него различные египетские товары (фаянс, папирус, дерево, льняную ткань и т. д.) [Smoláriková, 2002, р. 69–70], а сами ввозили в Египет вино, серебро и масло [Smoláriková, 2002, р. 28; Малых, 2018, с. 192].

Другим известным городом на территории Египта, где жило большое количество греков, были Дафны (совр. Тель Дефенна) в восточной Дельте. Город был основан при Псамметихе I [Leclère, 2014, р. 2]. Он несколько раз упоминается в труде Геродота. В частности, греческий историк пишет, что после того, как Псамметих I взшел на престол, он разрешил поселиться ионянам и карийцам в Египте: «...ионянам же и карийцам, которые помогли ему [вступить на престол], Псамметих пожаловал участки земли для поселения друг против друга на обоих берегах Нила. Эти поселения назывались станами. Земли эти царь пожаловал им и, кроме того, все остальное по обещанию. ... А ионяне и карийцы долгое время жили в этой области. Она лежит по направлению к морю немного выше города Бубастиса, у так называемого Пелусийского устья Нила» [Геродот, 1972, с. 129 (154)].

Равным образом по свидетельствам Геродота известно, что в Дафнах располагались отряды этого фараона: «Во времена царя Псамметиха египтяне выставили пограничную стражу в городе Элефантине против эфиопов, в Дафнах, что в Пелусийской области, — против арабов и сирийцев и в Марее — против ливийцев. Еще и в наше время стоит персидская стража в тех же самых местах, как и при Псамметихе. И дейст-

9 Однако существует теория, что уже в Третий переходный период (конец XI – вторая половина VII в. до н. э.) здесь селились греческие наемники [Smoláriková, 2002, р. 90].

вительно, и в Элефантине, и в Дафнах находится персидская пограничная охрана» [Геродот, 1972, с. 89 (30); Leclère, 2014, p. 9–10].

У. М. Ф. Питри проводил раскопки в Дафнах в 1886 г. [Petrie, 1888] Материалы его экспедиции были изучены повторно и опубликованы специалистами, работавшими в проекте Британского музея «Египетско-греческие отношения в Дафнах (нильская Дельта) в VII в. до н. э.» [*Tell Dafana Reconsidered*, 2014]. Комплексное изучение архивов и объектов, а также проведенный сезон раскопок и разведок в 2009 г. в Дафнах, позволили ученым предположить, что это был типичный египетский город¹⁰, где жили греки, но значительно меньшим сообществом, чем в Навкратисе [Spencer, 2014c, p. 135–136].

Третьим городом, в котором, по предположению историков, жило большое количество греков, являлся Мемфис. Ранее уже было продемонстрировано, что археологические раскопки выявили здесь большое количество греческой керамики, что косвенно указывает на их присутствие в Мемфисе [Smoláriková, 2002, p. 68]. В письменных источниках также есть сведения о том, что в этом городе располагались кварталы иноземцев, в том числе и греков [Colburn, 2019, p. 33]. О переселении ионийцев и карийцев из Дафн в Мемфис сообщает Геродот: «Впоследствии царь Амасис повелел им оставить эту местность и переселил в Мемфис, сделав их телохранителями для защиты от своих же египтян. С этими поселенцами эллины, естественно, поддерживали сношения, и потому-то мы так хорошо осведомлены обо всех событиях в Египте со времени Псамметиха и позднее» [Геродот, 1972, с. 129 (154)]. В более поздних источниках можно найти информацию о том, что в Мемфисе был квартал Карикон, в котором проживали карийцы (называемые каромемфитами) [Thompson, 2012, p. 84 (note 9)], которые были отправлены сюда фараоном Амасисом (570–526 гг. до н. э., XXVI династия).

Данные из различных исторических источников демонстрируют, что в Египте проживало значительное количество греков. Более того, они принесли собственные бытовые, религиозные и погребальные традиции. Активизация тесных отношений с представителями греческой цивилизации стала толчком к тому, что в Долину Нила начинает поступать значительное количество импортной керамики (транспортная тара, расписные и недекорированные столовая посуда и бытовая керамика) из разных гончарных мастерских греческих колоний в Малой Азии, материковой и островной Греции. С одной стороны, греки могли просить египетских гончаров сделать традиционные для древнегреческой культуры сосуды. И таким образом продолжать пользоваться привычной для них посудой и бытовыми сосудами. С другой стороны, нельзя отрицать того, что возможно, самим египтянам форма лекифов и арибаллических лекифов показалась удобной, поэтому и появился спрос на их местные имитации.

Являлись ли узкогорлые кувшины точными копиями греческих или же они подражали им лишь внешне? В целом египетские узкогорлые кувшинчики имеют схожие черты с греческими прототипами¹¹, однако не настолько, как, к примеру, это отмечено у амфор-имитаций, когда мастера, по всей видимости, намеренно стремились замаскировать подделку. Следовательно, можно предположить, что они скорее являются сосудами-подражаниями, нежели имитациями. Это подтверждается массовостью узкогорлых кувшинов с одной ручкой: сложно представить, что гончары по всему Египту старались сымитировать греческие кувшины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Блаватский В. Д. *История античной расписной керамики*. М.: Издательство МГУ, 1953. 304 с.

¹⁰ Подразумевается архитектура и планировка города. Подробнее см.: [*Tell Dafana Reconsidered*, 2014].

¹¹ Это особенно заметно на греческих и кипрских лекифах и арибаллических лекифах без декора. Такие хранятся, например, в коллекции Британского музея: родосский (?) лекиф [Lekythos, 2023a], кипрский лекиф [Bottle/lekythos, 2023], родосский (?) лекиф [Lekythos, 2023b].

[Blavatsky V. D. *History of Ancient Greek Pottery*. Moscow: Publishing House of MSU, 1953. 306 p. (in Russian)].

Геродот. *История в девяти книгах*. Под ред. Г. А. Страгановского. М.: Наука, 1972. 600 с. [Herodotus. *Histories*. Ed. by G. A. Stratanovsky. Moscow: Nauka, 1972. 600 p. (in Russian)].

Иванов С. В. Мастерские по обработке камня на Ком-Тумане (Мемфис). *Египет и сопредельные страны*. 2022. № 4. С. 11–26 [Ivanov S. V. Stoneworking ateliers at Kom Tuman (Memphis). *Egypt and neighbouring countries*. 2022. No. 4. Pp. 11–26 (in Russian)].

Кембриджская история древнего мира. Т. IV. Персия, Греция и западное Средиземноморье. Ок. 525–479 гг. до н. э. Отв. ред. Бордмэн Дж., Хэммонд Н.-Дж.-Л., Льюис Д.-М., Оствальд М. М.: Ладомир, 2011. 1112 с. [Cambridge History of Ancient World. Vol. IV. Persia, Greece, and the Western Mediterranean. Ed. by Boardman J., Hammond N. G. L., Lewis D. M., Ostwald M. Moscow: Ladomir, 2011. 1112 p. (in Russian)].

Малых С. Е. Греческий керамический импорт VI в. до н. э. в Гизе (из раскопок Российской археологической экспедиции в Египте). *Вестник древней истории*. 2010. № 1. С. 141–150 [Malykh S. E. 6th Century Greek Ceramic Import in Giza. *Journal of Ancient History*. 2010. No. 1. Pp. 141–150 (in Russian)].

Малых С. Е. Финикийские и греческие амфоры в Мемфисском регионе в Поздний период: зачем так много? *Aegyptiaca Rossica. Сборник статей*. Вып. 6. Ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьева. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2018. С. 180–197 [Malykh S. E. Phoenician and Greek Amphorae in the Memphite Region in the Late Period: Why So Many? *Aegyptiaca Rossica*. Iss. 6. Eds. M. A. Chegodaev, N. V. Lavrent'eva. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniuu i Nauke, 2018. Pp. 180–197 (in Russian)].

Страбон. *География в 17 книгах*. Репринт 1964 г. М.: Ладомир, 1994. 944 с. [Strabo. *Geography*. Reprint of 1964. Moscow: Ladomir, 1994. 944 p. (in Russian)].

Ярмолович В. И. Египетские узкогорлые кувшины Позднего и птолемеевского периодов (VI–I вв. до н. э.): морфологические изменения как свидетельство культурного взаимодействия. *Египет и сопредельные страны*. 2020. № 4. С. 70–111 [Yarmolovich V. I. Egyptian Globular Jugs of the Late and Ptolemaic Periods (the 6th–1st Centuries BCE): Morphological Changes as Evidence of Cross-Cultural Contacts. *Egypt and Neighbouring Countries*. 2020. No. 4. Pp. 70–111 (in Russian)].

Anthes R. *Mit Rabineh 1956*. Philadelphia: The University Museum, University of Pennsylvania, 1965. 170 p.

Aston B. G. The Pottery. *The Tomb of Pay and Raia at Saqqara (Egypt Exploration Society Excavation Memoir 74)*. Ed. by Raven M. J. Leiden, London: Egypt Exploration Society, 2005. 174 p.

Aston D. A., Aston B. G. *Late Period Pottery from the New Kingdom Necropolis at Saqqâra*. London, Leiden: Egypt Exploration Society, 2010. 266 p.

Ballet P., Południkiewicz A., Tebtynis V. *La Céramique des Époques Hellénistique et Impériale. Campagnes 1988–1993. Production, Consommation et Réception dans le Fayoum Méridional*. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 2012. 410 p.

Belov A. *Ship 17: a Baris from Thonis-Heracleion*. Oxford: School of Archaeology, 2018. 152 p.

Belova G. A. Preliminary report on excavations in Memphis (Kom Tuman) in 2018. *Egypt and neighbouring countries*. 2018. No. 2. Pp. 1–22.

Belova G. A., Ivanov S. V., Belov A. A., Laemmel S. Russian underwater archaeological mission to Alexandria. General report (2003–2015). *Egypt and neighbouring countries*. 2019. No. 3. Pp. 1–31.

Belova G. A., Ivanov S. V. Preliminary Results of Archaeological Research Conducted by the CES RAS at Kom Tuman (Memphis) in the Season 2021. *Egypt and Neighbouring Countries*. 2022a. No. 3. Pp. 1–34.

Belova G. A., Ivanov S. V. New Data on the Apries' Palace Complex. *Egypt and Neighbouring Countries*. 2022b. No 3. Pp. 35–48.

Bottle/lekythos. *The British Museum*. 2023. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/X_6629 (accessed 03.12.2023)

Colburn H. P. *Archaeology of Empire in Achaemenid Egypt*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 344 p.

Coppens F., Smolárikova K. *Abusir XX. Lesser Late Period Tombs at Abusir. The Tomb of Padihor and the Anonymous Tomb R3*. Prague: Czech Institute of Egyptology, 2009. 139 p.

Defernez C. *La Céramique d'Époque Perse à Tell el-Herr. Étude Chrono-Typologique et Comparative. Tome 1*. Lille III: Université Charles de Gaulle, 2001a. 219 p.

Defernez C. *La Céramique d'Époque Perse à Tell el-Herr. Étude Chrono-Typologique et Comparative. Tome 2*. Lille III: Université Charles de Gaulle, 2001b. 540 p.

Defernez C., Marchand S. Imitations égyptiennes de conteneurs d'origine égéenne et levantine (VI-e s. – II-e s. av. J.-C.). *L'apport de l'Égypte à l'histoire des tech-*

niques. Eds. B. Mathieu, D. Meeks, M. Wissa. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 2006. Pp. 63–99.

Demetriou D. *Negotiating Identity in the Ancient Mediterranean. The Archaic and Classical Greek Multiethnic Emporia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 292 p.

Edgar C. C. *Catalogue Générale des Antiquités Égyptiennes du Musée du Caire*. No. 26124–26349 et 32377–32394. Greek Vases. Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français, 1911. 92 p.

Egypt's Sunken Treasures. Eds. F. Goddio, D. Fabre. Cairo: The American University in Cairo Press, 2008. 400 p.

French P., Bourriau J. *The Anubieion at Saqqara IV: Pottery of the Late Dynastic Period with Comparative Material from the Sacred Animal Necropolis*. London, Leiden: Egypt Exploration Society, 2018. 301 p.

French P., Ghaly H. Pottery Chiefly of the Late Dynastic Period, from Excavations by the Egyptian Antiquities Organisation at Saqqara. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 2. Ed. by P. Ballet. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1991. Pp. 93–123.

Gallorini C. Late Period and Ptolemaic pottery from the work of Saqqara Geophysical Project. *Proceedings of the Ninth International Congress of Egyptologists. Grenoble, 6–12 septembre 2004*. Eds. J.-C. Goyon, C. Cardin. Leuven, Paris, Dudley, MA: Peeters, 2007. Pp. 789–798.

Grataloup C. Daily Life in Canopic Region. *Egypt's Sunken Treasures*. Ed. by F. Goddio, D. Fabre. Cairo: The American University in Cairo Press, 2008. Pp. 246–252.

Grataloup C. Thonis-Heracleion Pottery of the Late Period: Tradition and Influences. *Thonis-Heracleion in Context*. Eds. D. Robinson, F. Goddio. Oxford: Oxford Centre for Maritime Archaeology, School of Archaeology, 2015. Pp. 137–160.

Hudson N. Late 4th Century BC Pottery from Tell Timai (Thmuis). *Bulletin de la Céramique Égyptienne*. 2014. No. 24. Pp. 241–266.

Hudson N. Late Persian and Early Hellenistic Pottery at Tell Timai. *Bulletin de la Céramique Égyptienne*. 2016. No. 26. Pp. 75–108.

Jéquier G., Dunham D. *Le Mastabat Faraoun. Foyilles à Saqqarah*. Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1928. 41 p.

Johnston A. Graffiti and Dipinti on Greek Pottery from Tell Dafana. *Tell Dafana Reconsidered: The Archaeology of an Egyptian Frontier Town*. Eds.

F. Leclère, J. Spencer. London: British Museum, 2014. Pp. 127–129.

Jones M., Jones A. M. The Apis House Project at Mit Rahinah: Preliminary Report of the Fifth Season, 1984–1985. *Journal of the American Research Center in Egypt*. 1987. No. 24. Pp. 35–46.

Kormysheva E. E., Malykh S. E., Vetokhov S. V. *Giza. Eastern Necropolis I. The Tomb of Khafrankh*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2010. 272 p.

Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2012. 352 p.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufubotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2015. 400 p.

Laemmel S. A. *Kom Tuman II: Late Period to Graeco-Roman Pottery*. Vol. I. Oxford: BAR International series, 2021a. 274 p.

Laemmel S. A. *Kom Tuman II: Late Period to Graeco-Roman Pottery*. Vol. II. Oxford: BAR International series, 2021b. 730 p.

Leclère F. Tell Dafana. Identity, Exploration and Monuments. *Tell Dafana Reconsidered: The Archaeology of an Egyptian Frontier Town*. Eds. by F. Leclère, J. Spencer. London: The British Museum, 2014. Pp. 1–40.

Lecuyot G. Amphores de la Basse Époque à l'époque copte provenant de Saqqâra, secteur du mastaba d'Akhethetep. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 8 (1). Eds. S. Marchand, A. Marangou. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 2007. Pp. 199–206.

Lekythos. *The British Museum*. 2023a. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1864-1007-1755 (accessed 03.12.2023).

Lekythos. *The British Museum*. 2023b. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1864-1007-1754 (accessed 03.12.2023)]

Malykh S. Unusual Ceramic Complex in the Eastern Giza: Problems of Dating and Interpretation. *Bulletin de la Céramique Égyptienne*. 2015. No. 25. Pp. 113–125.

Marchand S. Les amphores égyptiennes et importées de la Basse Époque à l'époque arabe. Abou Rawash (1995–2004). *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 8 (1). Eds. S. Marchand, A. Marangou. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 2007. Pp. 175–188.

Masson A. Amphore de Chios et amphore à anses de panier découvertes dans la maison VII du quartier des prêtres

de Karnak. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 8 (I). Eds. S. Marchand, A. Marangou. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 2007. Pp. 361–367.

Myśliwiec K. West Saqqara. Excavations, 1998. *Polish Archaeology in the Mediterranean X, Reports 1998*. 1998. Pp. 81–90.

Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K. O. *Saqqara IV. The Funerary Complex of Nyankhnefertem*. Warsaw: Archeobooks, 2010. 287 p.

Petrie W. M. F. *Tanis*. Part II. *Nebesbeh (Am) and Defenneh (Tabpanhes)*. London: Trübner & Co., 57 & 59, Ludgate Hill E. C., 1888. 116 p.

Petrie W. M. F. *Memphis I*. London: School of Archaeology in Egypt, 1909a. 156 p.

Petrie W. M. F. *The Palace of Apries (Memphis II)*. London: School of Archaeology in Egypt, 1909b. 116 p.

Petrie W. M. F., Mackay E. J. H., Wainwright G. A. *Meydum and Memphis (III)*. London: School of Archaeology in Egypt, 1910. 50 p.

Pichot V., Marchand S. Le complexe funéraire royal d'Abou Rawash après l'Ancien Empire. Forges et tessons dy IVe s. av. J.-C. *Bulletin de la Céramique Égyptienne*. 2016. No. 26. Pp. 251–276.

Rzeuska T. I. Amphorae from the Upper Necropolis at West Saqqara: 1996–2003. Preliminary report. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 8(1). Eds. S. Marchand, A. Marangou. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 2007. Pp. 207–226.

Saqqara III. The Upper Necropolis. Part I: The Catalogue with drawings. Ed. K. Myśliwiec. Warsaw: Editions Neriton, 2008. 451 p.

Sidorova N. *Corpus vasorum antiquorum. Russia 4: Attic Red-Figured Vases*. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2001. 68 p.

Smoláriková K. The Greek cemetery in Abusir. *Abusir and Saqqara in the year 2000*. Eds. M. Barta, J. Krejčí. Prague: Academy of Sciences of the Czech Republic, Oriental Institute, 2000. Pp. 67–72.

Smoláriková K. *Abusir VII. Greek imports in Egypt. Graeco-Egyptian relations during the First Millennium B.C.* Praha: Czech Institute of Egyptology, Faculty of Arts, Charles University, 2002. 121 p.

Smoláriková K. Egyptian and Aegean Amphorae from the Saite Shaft Tombs at Abusir. *Cahiers de la Céramique Égyptienne* 8 (1). Eds. S. Marchand, A. Marangou. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 2007. Pp. 189–197.

Smoláriková K. Chapter 6. Pottery – R. Abusir XVII. *The Shaft Tomb of Iufaa*. Vol. I: *Archaeology*.

Eds. L. Bareš, K. Smoláriková. Prague: Czech Institute of Egyptology, 2008a. Pp. 163–191.

Smoláriková K. Chapter 7. Pottery – R. Abusir XVII. *The Shaft Tomb of Iufaa*. Vol. I: *Archaeology*. Ed. by L. Bareš, K. Smoláriková. Prague: Czech Institute of Egyptology, 2008b. Pp. 192–202.

Spencer J. Egyptian Pottery and Imported Transport Amphorae from Tell Dafana: Types and Distribution. *Tell Dafana Reconsidered: The Archaeology of an Egyptian Frontier Town*. Eds. F. Leclère, J. Spencer. London: British Museum, 2014a. Pp. 90–98.

Spencer J. Catalogue of Egyptian Pottery, Transport Amphorae and Ostraca from Tell Dafana in the British Museum. *Tell Dafana Reconsidered: The Archaeology of an Egyptian Frontier Town*. Eds. F. Leclère, J. Spencer. London: British Museum, 2014b. Pp. 99–117.

Spencer J. Commentary. *Tell Dafana Reconsidered: The Archaeology of an Egyptian Frontier Town*. Eds. F. Leclère, J. Spencer. London: British Museum, 2014c. Pp. 135–136.

Spencer N. *Kom Firin II: The Urban Fabric and Landscape*. London: British Museum Press, 2014d. 304 p. *Tell Dafana Reconsidered: The Archaeology of an Egyptian Frontier Town*. Ed. by F. Leclère, J. Spencer. London: The British Museum, 2014. 206 p.

Terracotta lekythos (oil flask). *The Metropolitan Museum of Art*. 2023. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/253348> (accessed 03.12.2023).

Thompson D. J. *Memphis under the Ptolemies*. Princeton: Princeton University Press, 2012. 376 p.

Tugusheva O. *Corpus vasorum antiquorum. Russia 6: Attic Red-Figured Vases*. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 2003. 88 p.

Villing A., Schlotzhauer U. *Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean*. London: The British Museum, 2006. 162 p.

Villing A., Schlotzhauer U. Naukratis and the Eastern Mediterranean: Past, Present and Future. *Naukratis: Greek Diversity in Egypt*. Ed. by A. Villing, U. Schlotzhauer. London: British Museum Press, 2006. Pp. 1–10.

Weber S. The Greek Painted Pottery from Tell Dafana *Tell Dafana Reconsidered: The Archaeology of an Egyptian Frontier Town*. Eds. F. Leclère, J. Spencer. London: British Museum, 2014. Pp. 118–126.

Wuttmann M., Bousquet B., Chaveau M., Dils P., Marchand S., Schweitzer A., Volay L. Premier rapport préliminaire des travaux sur le site de 'Ayn Manawir (oasis Kharga). *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1996. No. 96. Pp. 385–451.

ВОСТОЧНАЯ ПЕРСИЯ КАК АРЕНА СОПЕРНИЧЕСТВА И ВОЗМОЖНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

EASTERN PERSIA AS AN ARENA OF RIVALRY AND POSSIBLE COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE UNITED KINGDOM IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

©2023 **Завен Артемович Арабаджян**

кандидат экономических наук, ведущий научный
сотрудник Института Востоковедения РАН, Москва,
Российская Федерация
arabzava@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-5743-2002

Zaven A. Arabadzhyan

PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
arabzava@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-5743-2002

В XIX в., после окончания Наполеоновских войн, противоречия между Россией и Великобританией постепенно нарастали — как в Европе, так и в Азии, где владения обеих империй постепенно приближались друг к другу. Это происходило по мере роста территории Британской Индии в направлении северо-запада и по мере присоединения к Российской империи территориальных образований в Средней Азии. Речь шла о возможном крупномасштабном столкновении между двумя державами, основным театром которого должен был стать Афганистан. Однако, согласно имевшимся планам, восточная часть Персии (Ирана) также могла стать ареной военных действий, и обе стороны старались укрепить свои позиции в этом районе. В связи с этим российские военные и дипломатические представители в Хорасане (северо-восточная провинция Персии) и

Средней Азии сообщали о чрезвычайной активности англичан в этой части страны, направленной против русских интересов. Правительству предлагалось принять меры по противодействию английской экспансии, однако подобные призывы не получали поддержки в МИД Российской империи. Вместе с тем Россия имела планы по строительству железнодорожной линии к персидским портам в Персидском и Оманском заливах. Прорабатывалось несколько маршрутов, по которым могла быть проложена дорога. Это позволило бы взять под контроль значительную часть торговли между Европой и Индией. Строительство такого пути позволило бы подорвать монополию Великобритании, владевшей Суэцким каналом, на контроль за торговлей Европы и Индии, а также обесценивало германский план создания железной дороги Берлин-Стамбул-Багдад.

Ключевые слова: Русско-английские противоречия, Персия, Британская Индия, А. Н. Куропаткин, русская железная дорога в Персии

Для цитирования: Арабаджян З. А. Восточная Персия как арена соперничества и возможно-го сотрудничества России и Великобритании в конце XIX – начале XX в. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 196–206. DOI: 10.18254/S268684310029242-4

In the 19th century after the end of the Napoleonic wars, the contradictions between Russia and the United Kingdom gradually increased both in Europe and in Asia. In Asia, the possessions of both empires gradually approached each other. This happened as the territory of British India grew in the direction of the North-West and the territorial formations in Central Asia joined the Russian Empire. It was about a possible large-scale clash between the two powers, the main theater of which was supposed to be Afghanistan. However, according to the existing plans, the eastern part of Persia (Iran) could become the scene of hostilities, and both sides tried to strengthen their positions in this area. In this regard, Russian military and diplomatic representatives in Khorasan (the northeastern province of Persia) and Central Asia reported on the extraordinary activity of the British in this part of the country, directed against Russian interests. The government was asked to take measures to counter the British expansion, but these calls did not receive support from the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire. At the same time, Russia had plans to build a railway line to Persian ports in the Persian and Oman Gulfs. Several routes were worked out along which the road could be laid. This would make it possible to take control of a significant part of the trade between Europe and India. The construction of such a route would undermine the monopoly of Great Britain, which owned the Suez Canal, to control the trade of Europe and India, and depreciate the German plan to create a Berlin-Istanbul-Baghdad railway.

Keywords: Russian-English contradictions, Persia, British India, A. N. Kuropatkin, Russian railway in Persia

For citation: Arabadzhyan Zaven A. Eastern Persia as an Arena of Rivalry and Possible Cooperation between Russia and the United Kingdom in the Late 19th – early 20th Centuries. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 196–206. DOI: 10.18254/S268684310029242-4

В XIX в. русские и английские интересы сталкивались в нескольких регионах (Ближний Восток, Балканы и пр.); одним из них стала Азия. Напряжение в двусторонних отношениях нарастало по мере движения империй навстречу друг другу: англичане постепенно колони-

ровали северо-запад Индии, ныне входящий в состав Пакистана, а русские осуществляли экспансию в Средней Азии, постепенно присоединя существовавшие там государственные образования к Российской империи. В перспективе между двумя империями в этом регионе

могла разразиться большая война. Обе стороны готовили планы наступления на противника и обороны собственных владений. Основным разделяющим их пространством являлся Афганистан, по территории которого русская армия должна была продвигаться к Британской Индии, а английская — к российским владениям в Средней Азии. Однако местом будущих военных столкновений считался и Иран, особенно его восточная часть, за преобладание в которой боролись обе стороны: она могла стать одним из направлений движения русской армии к Индии.

По мере продвижения России в Средней Азии и особенно после присоединения туркменских земель и образования Закаспийской области (май 1881 г.) появилась достаточно протяженная русско-персидская граница, с персидской стороны которой располагалась провинция Хорасан. Провинция имела в своем роде стратегическое значение, не только потому что являлась одним из крупных торгово-экономических центров Персии, но и потому, что граничила с Афганистаном и в своей самой южной части — с Сеистаном (от южных районов Хорасана до Британской Индии совсем близко). Правительство последней претендовало, пусть и не совсем открыто, и на часть Сеистана, если не для себя, то для афганского эмира, находившегося в определенной зависимости от англичан. Кроме того, в некоторых вариантах планов русского похода в Индию маршруты проходили через Хорасан, о чем в конце 70-х гг. писал М. Д. Скобелев [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 3385, л. 1–2].

В связи с такими обстоятельствами внимание русских властей в Закаспийской области было обращено на состояние дел в Хорасане и особенно на деятельность английских представителей в этой провинции. Собираемые сведения показывали, что их активность в ней чрезвычайно высока. В 1891 г. начальник закаспийской области генерал-лейтенант А. Н. Куропаткин докладывал начальнику Главного штаба генералу от инфантерии Н. Н. Обручеву о положении и в этой провинции. Основными источниками информации для анализа стали сведения, собран-

ные капитаном генерального штаба Стрельбицким во время поездки по провинции в 1889 г., сообщения генерального консула в Мешхеде, являвшиеся чаще всего копиями его донесений посланнику в Тегеран, и донесения чиновников по пограничным вопросам администрации Закаспийской области.

На основании полученных сведений А. Н. Куропаткин сделал вывод, что влияние англичан там так велико, что в политическом отношении оно превосходит русское влияние, что англичане, создавшие на российско-афганской границе ненормальное положение, стремятся создать России крайне трудное положение и в Хорасане. Английский генеральный консул в Мешхеде генерал Маклин очень быстро успел в ущерб российским интересам приобрести большое влияние не только в Хорасане, но и в Тегеране. Даже в торговых делах с этой провинцией русские товары не преобладали над английскими, несмотря на географическую близость. Из-за недостатка средств весьма опытный и энергичный российский консул в Мешхеде П. М. Власов не мог достаточно успешно отстаивать интересы России в этой провинции. Более того, Куропаткин опасался, что «если со своей стороны мы не окажем противодействия англичанам, то генерал Маклин организует в Мешхеде сильный передовой пост англичан» [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 658, л. 52 об.]. На основании этого он делал вывод о том, что Россия в ущерб собственным интересам и достоинству начала уступать политическое первенство в Хорасане, ее экономическим интересам грозит серьезная опасность, а средства, которыми русские располагают в Хорасане, недостаточны для противостояния англичанам.

Российский МИД пребывал в состоянии благодушия в отношении английских угроз в Хорасане. Такая позиция МИДа вызывала непонимание военных, поскольку по данным капитана Стрельбицкого не только во всех городах Хорасана, но и во многих селениях имелись английские агенты — гласные и негласные, главным образом из местного населения, получавшие

от 10 до 100 туманов¹ в месяц [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 658, л. 54]. Эти агенты не только информировали английского генерального консула о происходящих событиях и настроениях, но и распространяли среди соотечественников сведения и слухи, выгодные англичанам. Люди говорили Стрельбицкому, что русских и не видели с тех пор, как была определена граница между Россией и Персией, а англичан видели много, показывали потерянные ими или брошенные сломанные геодезические инструменты. Последнее свидетельствовало о том, что британцы занимались геодезическими и топографическими работами в Хорасане. Некоторые иранцы хвалились удостоверениями, выданными английскими картографами наиболее отличившимся проводникам. Все деревенские старосты имели бумаги, подтверждавшие, что они находятся на службе британского генерального консульства в Мешхеде. Указанные бумаги имели и все российско-подданные туркмены, связанные с этим дипломатическим учреждением. Преимущество таких удостоверений состояло в том, что их обладатели оказывались неподсудными местной администрации. Время от времени по деревням и городам Хорасана ездил английский врач, бесплатно лечивший крестьян и городских бедняков. Англичане активно скупали земли в районе Турбет-е Шейх Джамаль, а весь город Хаф находился в руках англо-индийских ростовщиков, долги которым превосходили стоимость недвижимости жителей этого города [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 658, л. 54 об. – 55 с об.]. В глазах местного населения все это делало англичан куда более значимыми и влиятельными, чем русских.

Экономическое влияние англо-индийцев представлялось огромным не только капитану Стрельбицкому, но и русской миссии в Тегеране, сообщавшей, что почти все земли Хафа находятся в руках «пришельцев-индусов», вызванных англичанами и состоящих под сильным протек-

торатом Англии, они контролировали пять шести тысяч недвижимости округа, а персы лишь одну шестую [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 658, л. 56].

В пространной записке Куропаткин приводил много конкретных примеров того, как англичане хозяйничают в Хорасане: делают карты местности, снимают и назначают губернаторов, с помощью агентов следят за всеми действиями российского консульства в Мешхеде, организуют нападения туркмен, которые остаются безнаказанными, на русских путешественников, притом что на англичан никто никогда не нападает, строят телеграфные линии, соединяющие Мешхед с Тегераном и планируют проводить линию из Мешхеда в Герат, а далее на Кандагар и в Британскую Индию. Также он сообщал о планах по строительству железной дороги из Индии в Кандагар и далее на Герат и, возможно, в Хорасан.

Описанный проект был крайне важен для англичан, поскольку Афганистан являлся для их товаров кратчайшим и самым экономически выгодным выходом в Северо-Восточную Персию². Английские товары могли поступать в Мешхед тремя путями. Первый путь — через Черное море по линии Трабзон-Тавриз-Тегеран-Мешхед, составлявший 1600 миль. При этом пошлина в размере 5% взималась только один раз в Тавризе (в Турции пошлина не взималась), где товары раскупались персидскими купцами и далее везлись в Хорасан. Плата за аренду одного верблюда от Трабзона до Мешхеда составляла 27,5 тумана или 7 фунтов и 17 шиллингов, а время в пути — 4 месяца. Второй путь — через Персидский залив от порта Бендер-Аббас через Йезд или Керман протяженностью 940 миль. Он занимал 75 дней при перевозке грузов на верблюдах или 40 дней при использовании мулов. Плата за одного верблюда равнялась 9 туманам или 2 фунтам 11 шиллингам. Однако кратчайшим и, соответственно, самым дешевым и быстрым был бы путь через Афганистан, равный

1 1 туман в то время стоил примерно 1,7 рубля.

2 Приводимые ниже расчеты взяты из отчета генерального консула Великобритании в Мешхеде генерала Маклина о торговле с Хорасаном за 1889–1890 гг. [АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 658. Л. 113-122 с оборотом.].

всего 800 милям от конечной железнодорожной станции в Индии. Перевозка верблюдами стоила бы всего 2 фунта 6 шиллингов. Но афганский эмир Абдуррахман-хан взимал пошлину за провоз грузов по его территории в размере 2 фунтов 2 шиллингов с центнера. В связи с этим генерал Маклин отмечал: «...чрезмерные пошлины, взимаемые эмиром, принудили совершенно оставить этот путь» [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 658, л. 114].

На основании массы изложенных фактов делалось предположение о том, что «англичане, включив в план обороны Индии подготовку передового театра в Афганистане, не довольствуясь этим, намереваются расширить этот театр прибавлением к нему северной Персии», косвенным подтверждением чего считалось финансирование телеграфной линии Тегеран-Мешхед индийским правительством [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 658, л. 68 об.].

Более того, как доносило российское консульство в Мешхеде, в апреле 1891 г., используя афганских переселенцев из числа хазарейцев и джамшидов, осевших в Хорасане, английское консульство пыталось повлиять на их сородичей, чтобы побудить тех к переселению из Афганистана в Россию. Этим англичане дополнительно настраивали эмира Абдуррахман-хана против русских, которых представляли виновниками таких желаний его подданных [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 658, л. 68 об.].

Таким образом, британцы действовали в соответствии с планами, изложенными генерал-квартирмейстером индийской армии Ч. М. Мак-Грегором³ в его работе «Оборона Индии» [Мак-Грегор, Ч. I; II, 1891], считавшим, что подходы к Индии надо защищать еще в Афганистане и Персии, поскольку это дает больше шансов на успех и потребует меньше военных сил и средств для борьбы с русскими, занявшими Афганистан. Если случится послед-

нее, то линией фронта станет граница Индии. Для выигрыша времени следует использовать дипломатические уловки, обещания и угрозы. Среди союзников Великобритании по борьбе с Россией он считал не только Германию, Австрию, Турцию и Китай, но и Персию: «По мнению нашему, необходимо возможно скорее образовать против России коалицию из Англии, Германии, Австрии, Турции, Персии, Туркестана, Афганистана и Китая, предложив каждому государству, в вознаграждение за его помощь, известную часть русской территории, составившейся из частей, в разное время отнятых у союзников» [Мак-Грегор, Ч. I, 1891, с. 207]. Ловкость мысли английского стратега была столь велика, что, с одной стороны, он предполагал прирастить территорию Персии в обмен за услуги по борьбе с Россией, а с другой (если Персия не присоединится к англичанам), — разделить ее (Азербайджан и персидский Курдистан передать туркам, часть территорий отдать Афганистану и Белуджистану⁴), а оставшееся разделить на два государства: северное, имеющее состоять из Гиляна, Мазендерана, Астрабада, Хорасана, с Закаспийской областью, Хемзей, Тегерана, Хамадана, Кума и Кашана, а южное, — вполне подчиненное нашему влиянию, — из Йезда, Кермана, Луристана, Фарса, Хузистана, Исфогана, Наина, Керманшаха и Луристана. Думаем, что не трудно устроить это» [Мак-Грегор, Ч. I, 1891, с. 209].

В Персии главная роль отводилась именно Хорасану, которую Мак-Грегор видел в следующем. Учитывая слабость центральной власти в Персии, необходимо с помощью подкупа расположить к Англии правителей различных частей Хорасана. При разрыве России с Англией они должны отказаться от содействия России и не предоставлять ей транспортных средств и продовольствия, насытив агентами различные

3 Ч. М. Мак-Грегор хорошо знал Восточную Персию, поскольку совершил по ней обстоятельное путешествие и в 1879 г. выпустил двухтомное описание этого района [MacGregor, 1879], позднее переведенное на русский язык [Мак-Грегор, 1882–1886].

4 Под Белуджистаном англичане имели в виду только ту его часть, что вошла в состав Британской Индии.

районы Хорасана и Кавказа и наняв шпионов из числа местных жителей в тех местностях, куда англичан не будут пускать [Мак-Грегор, Ч. I, 1891, с. 194–195].

В случае войны направленные в Персию офицеры будут оперативно насыщать англичан информацией о движениях русской армии, они же должны скупать продовольствие и транспортные средства в Хорасане, чтобы те не доставались русским. При этом Мак-Грегор понимал, что если русские существенно продвинутся на юг в Средней Азии и проведут в самые южные районы железную дорогу, то меры по скупке скота и продовольствия уже будут не столь эффективны [Мак-Грегор, Ч. I, 1891, с. 195]. Обосновывая последний тезис, Мак-Грегор ссылаясь на изыскания по возможности прокладки дороги, проведенные российским инженером П. М. Лессаром, который «успешно окончил эту работу и сообщил, что местность почти ровная на всем пути от Асхабада до Серакса» [Мак-Грегор, Ч. I, 1891, с. 195]. Также английским эмиссарам с большими деньгами предстояло наводнить Бухару, Хиву, Коканд, Кабул, Кандагар, Закаспийскую область, чтобы поднять восстание против России [Мак-Грегор, Ч. I, 1891, с. 204].

Кроме того, из Хорасана должна быть оказана помощь в захвате англичанами Герата, что следует сделать секретно. Для этого Мак-Грегор предлагал через Мешхед направить офицеров для афганского гарнизона в Герате [Мак-Грегор, Ч. II, 1891, с. 184]. Эти офицеры должны укрепить Герат, соединить его телеграфной линией с Мешхедом и сформировать войска из афганцев, которые, по его мнению, будут хорошо организованы и преданы англичанам. В случае русского наступления на Герат, Мак-Грегор считал возможным угрожать коммуникациям противника через Хаф, Йаздун, Харак и далее в направлении на Мешхед, прервав пути сообщения в Хорасане [Мак-Грегор, Ч. II, 1891, с. 21]. Иначе говоря, Хорасан превращался в оперативную базу для воздействия на русские тылы и коммуникации. С этой целью предлагалось привлечь местных ханов, в частности эмира Каина и хана Хафа,

земли которых имели стратегическое значение. Первого предполагалось подкупить, а со вторым должен был «подружиться» полковник Стюарт [Мак-Грегор, Ч. I, 1891, с. 191].

Учитывая, что рассмотренный план был подготовлен Мак-Грегором еще в 1884 г., все действия англичан в Хорасане, в общем и целом, соответствовали именно ему. Генерал Маклин, пребывая на должности генерального консула Великобритании в Мешхеде, старался превратить Хорасан во фланговый опорный пункт для защиты дальних подступов к Индии со стороны Закаспийской области: строительство телеграфа Тегеран-Мешхед, субсидируемое англичанами, организация почтового сообщения Мешхед-Герат, подготовка пути Мешхед-Кандагар в обход Герата (поскольку Герат мог быть быстро захвачен русскими войсками), скупка земель в Хафе, Турбете и других местах, необходимых именно для этого резервного пути на Кандагар, агитация многих племен против России, засылка из Хорасана в Закаспийскую область английских шпионов и агитаторов из числа местных жителей и российско-подданных.

Обо всем этом сотрудники российского консульства в Хорасане и военные агенты из Закаспийской области регулярно информировали МИД, Главный штаб и Военное министерство. Однако в МИДе, в отличие от военных, не воспринимали всерьез те угрозы российским интересам, которые несла деятельность англичан в Хорасане. В частности, министр иностранных дел писал Военному министру в связи с озабоченностями и фактами, представленными в записке А. Н. Куропаткина, что сообщенные сведения «не только до крайности преувеличены, но и находятся в резком противоречии с имеющимися во вверенном ему Министерстве и почерпнутыми из вполне благонадежных источников данными» [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 658, л. 53 с об.]. Обеспокоенность же военных была вполне понятна, поскольку с последствиями английской активности в Хорасане в случае начала похода в Индию пришлось бы столкнуться именно им.

Английская экспансия распространялась не только на персидскую провинцию Хорасан, что считалось целесообразным для противодействия движению русской армии к Индии через восточные районы Персии, но и на самые юго-восточные территории этой страны, близкие к занятой англичанами части Белуджистана. В этом плане характерна ситуация с открытием телеграфного пункта в местечке Джаск, расположенном на побережье Оманского залива. В январе 1887 г. Насер эд-Дин-шах получил сообщение о том, что в Джаске, через который проходила телеграфная линия, высадились 250 британских солдат, а в быстро возведенных постройках складировано оружие и боеприпасы. То, что британские власти вводят свои войска на персидскую территорию без его разрешения, возмутило шаха. Для дачи объяснений был вызван поверенный в делах Великобритании Никольсон, заявивший, что там находится всего 80 солдат для охраны телеграфной станции от набегов кочевников, а на складах имеется лишь проволока и телеграфное оборудование [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 686, л. 1 с об.].

Монарх не удовлетворился объяснениями поверенного и настаивал на немедленном уходе английских солдат из Джаска, тем более что ему не угрожают набеги кочевников. Однако Никольсон предложил направить туда чиновника из Бендер-Бушира для определения того, насколько точны доставленные шаху сведения. Он, вероятно, рассчитывал на то, что со временем гнев Насер эд-Дин-шаха уляжется, и ему удастся замять дело, заставив персидское правительство смириться со свершившимся фактом.

Направленный чиновник сообщил, что в Джаске находится 300 английских солдат, и персидское правительство потребовало удаления этого гарнизона [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 686, л. 4]. Однако Никольсон согласился выполнить требование шаха лишь при условии подписания между ним и правительством согла-

шения о статусе существования этого телеграфного пункта, чтобы избежать недопониманий в будущем. Такое соглашение было подписано. Согласно ему под телеграфный пункт выделялась территория в 900 ярдов «от берега и до северной конечной границы»⁵, которые полностью изымались из-под управления местных властей, утративших право вмешиваться в дела, происходящие на этой территории. Фактически отчуждалась еще большая территория, поскольку колодец, питавший станцию водой, располагался в 1000 ярдах от ее северной границы, и от него прокладывался водовод на территорию станции. При этом никто не имел права что-либо строить ближе 100 ярдов от колодца и водовода. Все служащие телеграфа и нанятые ими люди освобождались от уплаты таможенных пошлин, не взимавшихся со всего, что будет привозиться для телеграфа и его сотрудников. Фактически мелкий телеграфный пункт наделялся правом экстерриториальности. Взамен всего этого англичане обязались держать там не более 20 солдат. Правда последнее по вполне понятным причинам не вошло в текст соглашения⁶. Данное обещание выполнялось весьма условно. По донесениям российских дипломатов в разное время число английских солдат там варьировало от 26 до 120 человек [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 686, л. 8]. Очевидно, что британцы не хотели потерять полученного права, рассчитывая в будущем при случае извлечь из него какую-то пользу.

Между тем, Россия также интересовалась самыми южными персидскими провинциями. Если основным мотивом продвижения России к Британской Индии было создание угроз для Великобритании на этом направлении, то интерес к югу Персии был вызван экономическими целями, которые могли быть достигнуты при обоюдном согласии сторон. Это касалось соединения железнодорожных систем России в Средней Азии и на Кавказе с британскими

5 1 ярд равен примерно 0,9 м. Какова была протяженность выделенного участка вдоль моря, в соглашении не указано.

6 Полный текст соглашения см. в: [АВПРИ, Ф. 147, Оп. 485, Д. 686, л. 5–6].

железными дорогами в Индии. Хотя указанная идея витала давно, в России сочли более благоприятным момент, когда англичане окончательно отказались от участия в строительстве задуманной немцами железной дороги Берлин – Стамбул – Багдад⁷, что произошло в 1903 г. Смысл немецкого проекта состоял в том, чтобы подорвать английскую монополию на транспортные перевозки между Европой и Индией через Суэцкий канал, а пустить грузопотоки по суше до Кувейта и лишь далее морем.

Большим сторонником такого соединения железнодорожных систем двух стран был русский военный инженер и дипломат, участник походов в Среднюю Азию П. М. Лессар, в 1903 г. написавший подробную записку по указанному вопросу. Ранее считалось, что данный проект мог бы реализовываться как из Средней Азии, так и из Закавказья. Однако Лессар пришел к выводу о целесообразности прокладывать железную дорогу навстречу англичанам именно из Средней Азии. Простейшим маршрутом был бы путь от Кушки на Кветту через Афганистан, но он находил указанный маршрут малоперспективным, поскольку афганский эмир не дал бы на это разрешения ни при каких обстоятельствах [РГВИА, Ф. 400, Оп. 4, 1903, 523, л. 387 об.]. По его мнению, следовало воспользоваться территорией Персии, пока в полной мере не подвластной англичанам, и прокладывать дорогу из Ашхабада на персидский город Мешхед и далее на Сеистан. Это позволило бы избежать соединения русской дороги с английской в районе г. Нушки. Многие обоснованно считали, что после соединения с английской дорогой Кветта-Нушки Россия потеряет возможность продолжить свою дорогу до Индийского океана, поскольку она будет убыточна.

П. М. Лессар полагал, что строительство такой дороги нанесет сильный удар по германскому железнодорожному проекту, поскольку тогда он превратился бы в «линию для местных потребностей, не оправдывающую тех жертв,

которые Германии пришлось бы сделать для ее сооружения» [РГВИА, Ф. 400, Оп. 4, 1903, 523, Л. 387 об.]. Линия через Сеистан не потеряет своего значения, даже если немцы все же построят Багдадскую дорогу, поскольку она все равно будет кратчайшим маршрутом из Европы в Индию. Но главное — она выведет Россию к Индийскому океану. При этом с шахским правительством следовало вести переговоры о получении концессии на строительство по всей территории Сеистана, поскольку в противном случае англичане могут добиться для себя права построить дорогу в южной части этой персидской провинции, и Россия не сможет получить самостоятельного выхода к Индийскому океану.

С. Ю. Витте, в то время занимавший пост министра финансов, предлагал очень непростой проект: строить железную дорогу Ереван – Тавриз – Мешхед – Ашхабад и далее от Кушки поворачивать в Афганистан и двигаться на Кветту. Однако замысел Витте не удовлетворял ни политическим, ни стратегическим, ни коммерческим интересам России. Еще большая опасность его плана состояла в том, что дорога по северным территориям Персии несла в себе угрозу раздела этой страны на сферы влияния, отдавая весь юг в распоряжение Великобритании. На такой раздел Россия до поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. идти не хотела, поскольку закрепление англичан в Южной Персии вообще закрывало России выход к Индийскому океану.

Военные Главного штаба предлагали свой проект, предусматривавший строительство железной дороги через Персию в меридиональном направлении с выходом в Индийский океан в заливе Чахбахар. Дорога в широтном направлении через всю Персию, по их мнению, более отвечала персидским интересам, а не интересам России [РГВИА, Ф. 400, Оп. 4, 1903, 523, л. 286 об.]. Такой маршрут был не только важным политически и стратегически, но и более других отвечал русским коммерческим интересам, поскольку в большой степени пере-

7 Данный проект также известен как «БББ» (Берлин – Bizантиум – Багдад).

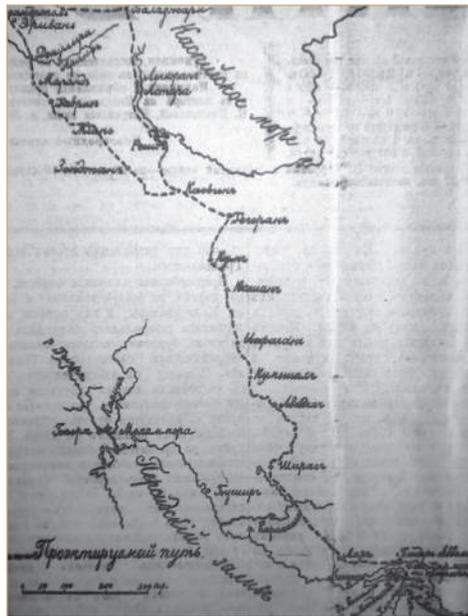

Илл. 1. Ориентировочная схема
дороги из Закавказья до персидского
порта Бендер-Аббас

По: [Петербургские ведомости
20.10/01.11.1899]

Fig. 1. Approximate map of the road
from Transcaucasia to the Persian port
of Bandar Abbas

Source: [Petersburgskie Vedomosti
20.10/01.11.1899]

давал России контроль за транзитными перевозками между Европой и Индией и полностью подрывал значение немецкого проекта Берлин – Стамбул – Багдад, главной целью которого было составить конкуренцию английским перевозкам через Суэцкий канал. Дорогу к Чахбахару можно было вести от Баку через Тегеран и Керман. Правда, это была бы самостоятельная ветка, не соединенная с индийской железнодорожной системой.

Важным преимуществом плана военных, помимо более короткого пути, являлось то, что такая дорога была бы чисто русской, с русской шириной колеи от западных границ до Чахбахара, в то время как построенная по предложению С. Ю. Витте, стала бы русско-афганско-английской. По первому варианту России принадлежала суша, а Англии — море, по которому она транспортировала бы на своих судах грузы между индийскими портами и Чахбахаром. Если бы англичане посчитали целесообразным, они сами могли бы протянуть ветку от своей железнодорожной сети до соединения с русской дорогой на территории Персии. Оценочная стоимость дороги Баку – Чахбахар, включая тоннель через горную цепь Эльборз,

составляла 200–250 млн руб., дорога через Мешехед на Сеистан оценивалась примерно так же — не так дорого по сравнению со стоимостью Транс-Сибирской железной дороги, существенно превысившей 1 млрд руб. [РГВИА, Ф. 400, Оп. 4, 1903, 523, л. 288 с об.].

В генеральном штабе считали, что нет никаких оснований отказываться от возможностей, которые открываются с окончательным выходом англичан из немецкого проекта, подготовившего хорошую почву для продвижения российских железных дорог на юг: «... обстоятельством этим нужно пользоваться не для договоров с Англией, еще недавно объявлявшей выход какой-либо державы в Персидский залив как *casus belli*, а для прочного захвата в наши руки монополии в постройке великого рельсового пути из европейской России в Чахбахар» [РГВИА, Ф. 400, Оп. 4, 1903, 523, л. 288 об.].

Еще ранее рассматривался вариант строительства дороги из Закавказья до персидского порта Бендер-Аббас ориентировочная схема которой приводится ниже (Илл. 1):

В случае, если бы дорога была построена по приведенному маршруту, ее протяженность составила бы около 2100 верст (Александрополь –

Джульфа — 140 верст, Джульфа – Тавриз — 140 верст, Тавриз – Тегеран — 540 верст, Тегеран – Шираз — 740 верст и Шираз – Бендер-Аббас — 450 верст). При этом расходы на проект оценивались менее чем в 85 млн. руб., исходя из стоимости строительства 1 версты в 40 тыс. руб., поскольку такой оказалась расчетная стоимость дороги от Александрополя до Тавриза [*Петербургские ведомости*, 20.10/1.11.1899].

Такая дорога давала бы почти двукратное сокращение времени на транспортировку грузов. Пароход шел из Ливерпуля до Бендер-Аббаса 23 дня, а товарный состав из Кале до Тбилиси — 8 дней, от Тбилиси до Тегерана — 2 дня и от Тегерана до Бендер-Аббаса — 2 дня, т. е. весь путь занимал только 12 дней. Пассажирский поезд по указанному маршруту проходил бы примерно за 6 дней. Таким образом, морская торговля Англии в случае реализации этого проекта понесла бы большие убытки.

Если сравнивать две точки окончания железнодорожного пути из России в сторону Индийского океана — Бендер-Аббас и Чахбахар, то первый вариант выглядел предпочтительнее в коммерческом плане, поскольку город уже был крупным по персидским меркам портом, хорошо известным в международных коммерческих кругах. Кроме того, ряд грузов перевозился бы и во внутренние районы юга страны (Шираз и Лар). Чахбахар был местом в то время безлюдным, всю портовую инфраструктуру надо было создавать с нуля. Коммерческая доходность этого маршрута была бы меньше, чем первого, но в стратегическом плане он имел бы большее значение, чем Бендер-Аббас.

Военные продолжали настаивать на том, что окончание железной дороги должно быть в Чахбахаре: «Железная дорога на Чахбахар... явилась бы не только крайне важной в политическом и стратегическом отношении, но еще и более всех других направлений удовлетворяла бы торговым интересам России, всецело передавая ей Индо-Европейский транзит и в корне подрывая значение Багдадской железной дороги» [РГВИА, Ф. 400, Оп. 4, 1903, 523, л. 379]. Данное суж-

дение, конечно, верно, поскольку Багдадская железная дорога должна была заканчиваться в Кувейте, а Чахбахар расположен в Оманском заливе, т. е. почти на границе с Индией.

Вопрос о железной дороге долго обсуждался и согласовывался между различными российскими ведомствами. Летом 1903 г. военный министр А. Н. Куропаткин излагал позицию военного ведомства министру иностранных дел В. Н. Ламсдорфу. Суть состояла в том, что в первую очередь необходимо провести дорогу из Закавказья до Хоя и Тегерана, а впоследствии она может быть продлена на Кашан, Йезд, Керман и далее на Чахбахар. Таким образом создается стратегическая линия Петербург – Москва – Индийский океан. Параллельно целесообразно простроить линию от Кушки на Мешхед, что позволит надежно связать с Россией рынок северо-востока Персии. Реализация этих проектов максимально соответствовала коммерческим, политическим и стратегическим задачам России в этой стране, после чего мог рассматриваться вопрос о соединении российских дорог с английскими в Индии. Но до этого предстояло достигнуть прочного соглашения с Англией, чем должен был заняться российский МИД. Военный министр в связи с этим отмечал: «Без достижения такого соглашения соединение наших дорог с индийскими с военной точки зрения не представляется выгодным. Если же взаимное доверие будет обеспечено, то участок железной дороги от Кушкинской ветки на Герат или на Мешхед составит головной участок линии, наиболее выгодно, по моему мнению, связующий через Сеистан или через Герат наши дороги с индийскими» [РГВИА, Ф. 400, Оп. 4, 1903, 523, л. 377 об.]. Реализация данного проекта началась со строительства участка Джульфа – Тавриз в 1903 г., который был введен в эксплуатацию в 1915 г.

Однако из-за множества причин данный мегапроект не получил развития. Одной из них стало поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. Неудача ослабила позиции Российской империи в политическом противо-

стоянии с Англией и принудила пойти на раздел Персии на сферы влияния (1907 г.), при котором юг страны попадал в английскую зону, а север — в русскую. В такой ситуации вести железную дорогу по любому маршруту из России к одному из портов в Персидском или Оманском заливах было невозможно. А через семь лет началась Первая мировая война, под бременем которой империя дома Романовых рухнула.

Приведенные данные предоставляют еще одно подтверждение тому, что основным побудительным мотивом для соперничества держав являлся недостаток или даже отсутствие доверия между ними, подрывающие возможности для конструктивного взаимодействия. Очевидно, что указанный фактор оказывает самое сильное воздействие и сегодня — в начале XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147 [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 147 (in Russian)].

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400 [Russian State Military Historical Archive. Fund 400 (in Russian)].

Мак-Грегор Ч. М. *Оборона Индии*. Ч. I. *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Вып. XLIII. СПб.: Военная типография. 1891.

278 с. [MacGregor Ch. M. *The Defense of India*. Pt. I. *Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia*. Iss. XLIII. St. Petersburg: Voennaya Tipografiya, 1891. 278 p. (in Russian)].

Мак-Грегор Ч. М. *Оборона Индии*. Ч. II. *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Вып. XLIII. СПб.: Военная типография, 1891. 224 с. [MacGregor Ch. M. *The Defense of India*. Pt. II. *Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia*. Iss. XLIII. St. Petersburg: Voennaya Tipografiya, 1891. 224 p. (in Russian)].

Мак-Грегор Ч. М. *Хорассан: Путешествие по сев.-вост. провинциям Персии*. Пер. с англ. под ред. Ген. штаба кап. М. Янжула. Ч. 1–2. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1882–1886. 2 Т. 215; 160 с. [MacGregor Ch. M. *Khorassan: Journey through the North-Eastern Provinces of Persia*. Transl. from English, ed. by General of Staff capt. M. Yanzhul. Ch. 1–2. Saint Petersburg: Brothers Panteleev Publ., 1882–1886. 2 Vol. 215; 160 p. (in Russian)].

Петербургские ведомости. 20.10/1.11.1899 [Petersburgskie Vedomosti. 20.10/1.11.1899 (in Russian)].

MacGregor Ch. M. *Narrative of a Journey through the Province of Khorassan and on the N.W. Frontier of Afghanistan in 1875*. London: W. H. Allen, 1879. 2 vols. Vol. 1. 309 p. Vol. 2. 267 p.

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО В БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ОПЕРАЦИЯХ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ (1894–1914 гг.)

ORTHODOX PILGRIMAGE IN THE MIDDLE EAST OPERATIONS OF THE RUSSIAN STEAM NAVIGATION AND TRADING COMPANY (1894–1914)

© 2023 **Михаил Николаевич Барышников**

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой истории Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
barmini@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-0636-8864

Mikhail N. Baryshnikov

PhD (History), professor; Honored Scientist of the Russian Federation; Head of the Department of History, Institute of History and Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
barmini@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-0636-8864

Роль отечественных транспортных компаний в паломническом движении, особенно в Восточном Средиземноморье, не привлекала широкого внимания исследователей. Между тем, изучение российского судоходного бизнеса значимо по двум основным причинам. Во-первых, все, что может объяснить развитие транспортных операций, в свою очередь проливает свет на одно из важнейших социокультурных явлений: рост православного паломничества на Ближний Восток при Александре II и Александре III до того положения, которое оно приобрело в начале XX века. Во-вторых, история судоходных фирм важна именно благодаря морским перевозкам паломников в Святую землю. В статье исследуется история Русского общества пароходства и торговли с целью определить влияние частного бизнеса на развитие православного паломничества на рубеже

XIX–XX вв. Вопреки распространенным в литературе мнениям, показано, что частный бизнес сыграл важную роль в укреплении социокультурных и хозяйственных связей между Россией и Ближним Востоком. На основе архивных материалов по судоходной корпорации за 1894–1914 гг. в статье анализируются изменения в соотношении частных (акционерное общество), общественных (паломники) и государственных (правительственные чиновники) интересов по мере развития трансграничных операций. Выводы демонстрируют наличие связи между социально-культурными приоритетами, политическими потрясениями и экономическими трудностями, отраженными в росте или сокращении паломнического движения. Вместе с тем, приводятся доказательства того, что на транспортные операции влиял рост числа православных паломников, находивший в свою очередь отражение в диверсификации судоходных услуг. Представленные данные свидетельствуют о том, что эффективность судоходной деятельности варьировалась в зависимости от тех или иных портовых городов, а владельцы компании учитывали различия при расчете количества пассажиров. Взаимосвязанность морских линий, диверсификация транспортных операций и разница в ценах на билеты способствовали развитию паломнического движения в Святую землю.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, православное паломничество, бизнес, судоходство, акционерная компания

Для цитирования: Барышников М. Н. Православное паломничество в ближневосточных операциях Русского общества пароходства и торговли (1894–1914 гг.). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 207–220. DOI: 10.18254/S268684310024901-9

The role of Russian transport companies in pilgrimage movement, particularly in the Eastern Mediterranean, has received relatively little attention of researchers. Meanwhile, the study of Russian shipping business is rewarding for two major reasons. In the first place, anything that will help explain the development of transport operations throws light on one of the most important socio-cultural phenomena: the growth of Orthodox pilgrimage to the Middle East under Alexander II and Alexander III to the position it holds at the beginning of the 20th century. Secondly, the history of shipping companies is significant precisely because of sea transportation of pilgrims to the Holy Land. This paper exploits the history of Russian steam navigation and trading company to estimate the effect of private business on orthodox pilgrimage at the turn of the 19th and 20th centuries. Contrary to common assumptions in the literature, the author shows that private business played an important role in in strengthening socio-cultural and economic ties between Russia and the Middle East. Using archive data for shipping corporation spanning 1894–1914, the article analyzes the changes in the ratio of private (joint-stock company), public (pilgrimage) and state (government officials) interests as the cross-border maritime operations developed. The article's findings demonstrate the existence of a link between socio-cultural priorities, political upheavals and economic hard times as captured by growth or contraction of the pilgrimage movement. Moreover, the author finds evidence that transport operations affected by increasing number of Orthodox pilgrims, leading to a diversification of shipping services. Dataset shows that shipping effectiveness consistently varied between port cities, and that company owners considered these differences when accounting for the number of passengers. These data also indicate that interconnectedness of sea lines, diversification of transport operations and differences in ticket prices and favored the development of pilgrimage movement to the Holy Land.

Keywords: Russia, Middle East, orthodox pilgrimage, business, shipping, corporation

For citation: Baryshnikov Mikhail N. Orthodox Pilgrimage in the Middle East Operations of the Russian Steam Navigation and Trading Company (1894–1914). *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 207–220. DOI: 10.18254/S268684310024901-9

К концу XIX в. Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) сохраняло позиции крупнейшего в империи акционерного судоходного предприятия. Компания содержала регулярные («срочные») рейсы как по внутренним (крымско-кавказской, азовской, херсонской и николаевской), так и заграничным линиям. К числу последних относились две ближневосточные: александрийские прямая — из Одессы в Александрию (с заходами пароходов в Константинополь, Смирну и Пирей) и круговая — из Одессы в Александрию (Константинополь, Афон, Салоники, Смирну, Хиос, Бейрут, Яффу, Порт-Саид). Действовали также линии Севастополь-Константинопольская, Анатолийская — из Поти в Константинополь, Черноморско-Болгарская — из Одессы в Константинополь (с заходами в Варну и Бургас), и Черноморско-Балтийская — из Одессы в Петербург [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1296, л. 37–59]. В эксплуатации находились 39 почтово-пассажирских, 8 товарно-пассажирских и 16 грузовых пароходов. С середины 1880-х по середину 1890-х гг. флот РОПиТ пополнили 28 морских судов, на приобретение которых была потрачена огромная сумма в 9,5 млн. руб. [*Статистика акционерного дела...* 1898, с. 161]. Активному развитию судоходных операций способствовало очередное соглашение с правительством о государственно-частном партнерстве. Заключенное в 1891 г., оно сопровождалось рядом изменений в уставе РОПиТ. Корпорации оказывалась разнообразная поддержка, прежде всего в виде ежегодных субсидий («помильные» выплаты) на осуществление транспортных перевозок в Черном, Эгейском и Средиземном морях [Познер, 1895, с. 309–316].

Одним из ключевых направлений в работе пароходства являлась доставка православных паломников на территорию Библейского региона (в города прибрежной полосы от Малой Азии до Египта). В более широком плане инфраструктурный потенциал РОПиТ использовался для взаимосвязанного, системного продвижения российских геополитических, экономических

и социокультурных интересов в восточно-средиземноморском регионе. По охвату территории и времени функционирования (с 1856 г.) деятельность компании не знала себе равных в отечественной истории. Со времени создания РОПиТ демонстрировало более тесную связь с национальной политикой, чем любой другой гражданский флот в мире [Fragy, 2019]. Работа пароходства не только обеспечивала развитие грузового и пассажирского сообщения, но и способствовала укреплению политических и религиозных связей империи с Ближним Востоком. В данном отношении русское присутствие на Ближнем Востоке и, конкретнее, в Святой Земле, составляло одну из важнейших сопутствующих форм политического имперского существования Православной России [Смирнова, Бутова, 2021, с. 10]. Вместе с тем, опыт деятельности компании подтверждал факт того, что модернизация инфраструктурного пространства Российской империи представляла собой не столько государственное вмешательство «сверху вниз», сколько более сложный процесс, охватывавший постоянное взаимодействие между властными и частными интересами [Pozharliev, 2020, p. 71–96]. Масштабом функционирования РОПиТ определяется цель статьи — обрисовать место пароходства в развитии пассажирского сообщения между портами России и Ближнего Востока в конце XIX в. – 1914 г. Предполагается решение ряда задач, связанных с выявлением роли компании в доставке православных богомольцев к святым местам, характером согласования в этой деятельности государственных, общественных и частных интересов, влияния принимаемых руководством фирмы решений на эффективность судоходных операций, важности в целом трансграничных морских перевозок для укрепления позиций России в ближневосточном регионе.

В первой половине 1890-х гг. РОПиТ удалось заметно улучшить показатели работы [Барышников, Федотьев, 2021, с. 35–36]. В 1894 г. при уставном капитале 10 млн. руб. последовала рекордная выручка в 8,1 млн. руб. [*Акционерное*

дело в России, 1899, с. 1434–1435]. Результативность деятельности в значительной мере объяснялась сложившейся за предшествующее тридцатилетие моделью управления пароходством. Имелись три административные структуры, координировавшие выработку и исполнение стратегических и оперативных планов. Первое по значимости место занимал распорядительный директор, возглавлявший контору в Одессе. Второе место отводилось правлению в Петербурге, выполнявшему, помимо прочего, роль посредника в отношениях РОПиТ с правительственными учреждениями (в состав пяти членов правления входили представители двух министерств — финансов и морского). Наконец, самостоятельное место занимал наблюдательный совет (избирался на общем собрании акционеров в количестве 15 членов), который наделялся широкими правами по контролю за деятельностью директора и членов правления [*Устав Русского общества...* 1899, с. 39–40].

В числе приоритетных сфер работы пароходства выступала перевозка православных паломников на Ближний Восток. По мнению владельцев РОПиТ данное направление судоходных операций полностью соответствовало интересам и правительства, и компании [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1263, л. 4–5]. Фактически доставка богомольцев осуществлялась всеми зарубежными линиями компании, имевшими конечным или транзитным пунктом Константинополь. Из столицы Османской империи пароходами прямой и круговой александрийских линий паломники следовали в Афон, Бейрут, Яффу, Порт-Саид и Александрию. Сложившуюся структуру перевозок можно проиллюстрировать следующими данными. В 1894 г. по обеим александрийским линиям было перевезено 40,2 тыс. человек, из которых 43% доставили двумя примерно равными группами: в марте – апреле (в канун Пасхи) — 8 742, в ноябре – декабре (в преддверии Рождества Христова) — 8 550 человек. При этом, учитывая гарантированную РОПиТ льготную оплату билетов до Яффы и Афона, в том числе и без наличия паломнических книжек

Императорского православного палестинского общества (ИППО) [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1468, л. 133], перевозки паломников оставались для пароходства бесприбыльными. В общей выручке, включая транспортировку грузов, доля от доставки пассажиров составляла по александрийским линиям лишь 25,9% [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1189, л. 1–79]. Недополученные средства компенсировались правительственными субсидиями.

В 1890-е гг., в условиях благоприятной для судоходных операций экономической и внешнеполитической ситуации, в руководстве фирмы последовали ряд существенных изменений. Речь шла об отказе от прежней модели управления, которая подразумевала сбалансированный учет интересов нескольких групп собственников и управленцев, представленных в трех административных структурах. В 1894 г. по состоянию здоровья покинул пост распорядительного директора Н. Ф. Фан-дер-Флит (сын одного из первых членов правления Ф. Т. Фан-дер-Флита), в значительной мере выстроивший механизм стабильной работы пароходства во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг. Новым главой одесской конторы стал капитан 1-го ранга С. И. Полушкин [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1196, л. 7], хорошо знакомый с морским делом, но не имевший сколько-нибудь широких связей в составе акционеров РОПиТ. Спустя два года его сменил капитан 1-го ранга О. Л. Радлов [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1324, л. 1]. В 1897 г. по состоянию здоровья покинул пост председателя наблюдательного совета Н. Н. Анцыфоров. Находившейся в составе совета 35 лет и занимавший одновременно должность председателя правления Петербургского международного коммерческого банка (ПМКБ), он обеспечивал контроль за финансовой составляющей функционирования пароходства. Еще одним важным направлением деятельности Анцыфорова выступало согласование позиций РОПиТ и ряда столичных банков (в частности, его усилиями были отрегулированы в первой половине 1890-х гг. долговые обязательства компании). Новым

главой совета был избран академик живописи М. П. Боткин, его заместителем — профессор Технологического института Н. Ф. Лабзин. К этому времени оба пользовались известностью не только в культурной и научной, но и деловой жизни страны. В числе главных задач их деятельности выступало обеспечение баланса интересов в отношениях нескольких групп акционеров, прежде всего из аристократической и предпринимательской среды.

Еще одним результатом кадровых изменений стало выдвижение на первые роли в РОПиТ председателя правления Н. И. Жеванова. В звании генерал-лейтенанта, он, как представлялось акционерам и правительственным чиновникам, обладал всеми необходимыми качествами администратора. Волевой, последовательный и жесткий в решениях, Жеванов осуществлял управление компанией в тесной координации с членами правления Н. Н. Сущовым (с 1898 г. занимал одновременно пост председателя наблюдательного Совета ПМКБ), Ф. В. Миллером, Д. Ф. Кобеко (все трое являлись старейшими руководителями РОПиТ, последний в должности представителя Министерства финансов) и К. Д. Ниловым (представитель Морского министерства). Именно члены правления и наблюдательного Совета, заявлявшие на общих собраниях акционеров от себя и по доверенности не менее 50% голосов [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2536, л. 24–27], солидарно обеспечивали принятие важных в стратегическом и оперативном плане решений.

Одним из таких решений явилось учреждение третьей (помимо александрийских прямой и круговой) линии, в значительной степени ориентированной на перевозку паломников. С 1897 г. стало возможным посещение Афона на судах македонской линии, связывавшей Одессу и Константинополь с греческими портами [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1296, л. 226–227]. Одновременно богомольцы могли использовать Смирну как пересадочный пункт для следования другими заграничными рейсами РОПиТ [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2458, л. 44], в том числе

в порты Леванта. Кроме того, с 1896 г. возвращающиеся из Святой земли богомольцы могли пользоваться рейсами Черноморско-Болгарской линии между Константинополем и Одессой, включавшей промежуточные заходы в Варну и Бургас. В 1899 г. эта линия стала известна тем, что пароход «Александр II», на борту которого находилось 197 паломников, чудом избежал катастрофического столкновения с другим судном после выхода из порта Варны [*Русское судоходство*, 1899, № 207, с. 105].

Начало реализации новой модели трансграничного судоходства было отложено из-за начавшегося турецко-греческого военного конфликта, а также введения в черноморских и средиземноморских портах противочумных карантинных мер, сопровождавшихся запретом на пассажирские перевозки [*Общее собрание акционеров...* 1898, с. 2]. Лишь спустя год члены правления вернулись к прежнему плану действий, утвердив продолжение македонской линии до Александрии, с заходом судов в Бейрут и Яффу. Результатом стал быстрый рост пассажиропотока: в 1899 г. александрийской прямой линией воспользовались 29,1 тыс. человек, круговой — 19,7 тыс., македонской — 6 тыс. [*Объяснительная записка к отчету...* 1900, с. 2]. По мнению руководства РОПиТ круговая линия приобретала «особое» значение в силу постоянно увеличивающегося числа православных богомольцев, отправляющихся в Святую землю [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1419, л. 10]. В Яффу было доставлено рекордное количество пассажиров — 18 612, в Константинополь — 15 344, в Александрию — 6 875, в Смирну — 6 747, на Афон — 3 214 [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2794, л. 44–48]. Одновременно, в зависимости от класса (1, 2 или 3, самого дешевого) размещения на судах, происходило улучшение сервиса и заботы пароходства о богомольцах. Перспективы работы компании по доставке паломников на Ближний Восток выглядели достаточно оптимистично, что по-своему нашло подтверждение в избрании Н. И. Жеванова членом Совета ИППО.

1901 год явился переломным в деятельности РОПиТ. На фоне кризисных явлений в российской экономике последовало резкое сокращение доходности морских перевозок, в том числе по зарубежным линиям [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2818, л. 1–2]. Уменьшение денежных поступлений от перевозки паломников сыграло свою роль в росте финансовых проблем как ИППО [Грушевой, 2018, с. 57–58], так и РОПиТ. По итогам 1901 г. пассажиропоток по александрийской линии сократился до 21,3 тыс. человек, круговой — 17,2 тыс. [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2673, л. 3, 5]. Увеличение эксплуатационных расходов и снижение объема грузоперевозок обернулись для компании уменьшением прибыли и дивидендных выплат. Финансовая ситуация приобрела угрожающий характер, сгладить которую Н. И. Жеванову не удавалось.

В 1902 г. последовала скоропостижная смерть Н. И. Жеванова. В сложной для РОПиТ ситуации (сокращение выручки, чистой прибыли и дивидендных выплат [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1385, л. 1–2]) акционеры решили сделать ставку на профессиональные качества лиц, не связанных долготетним сотрудничеством с пароходством. Председателем правления избирается контр-адмирал, гидрограф, член Русского географического и Астрономического обществ К. С. Старицкий. Вслед за этим вместо М. П. Боткина главой наблюдательного совета становится представитель Русского торгово-промышленного банка В. В. Максимов. Наконец, по договоренности с С. Ю. Витте, в правление делегируется третий представитель правительства. От Главного управления торгового мореплавания и портов им стал чиновник особых поручений Н. А. Ржевуский [Иловайский, 1907, с. 318]. Таким образом, в составе правления оказались три члена, избранные акционерами, и три — введенные правительством. Заметим, что подобное равное представительство выбранных и назначенных лиц не подразумевалось уставом РОПиТ.

Показательной выглядела результативность последующей работы пароходства на ближне-

восточном направлении. Обеспечив согласование позиций распорядительного директора, членов правления и наблюдательного совета, а также оптимизировав структуру судоходных операций (прежде всего по численности и пассажировместимости используемых пароходов на зарубежных линиях, а также мерами по координации рейсов в Черном, Эгейском и Средиземном морях) и проводя активную рекламную деятельность, компания смогла существенно повысить численность перевозимых паломников. Итогом 1903 г. стал рост пассажиропотока по александрийской прямой и круговой линиям соответственно до 28 и 19 тыс. человек, македонской — 6,3 тыс. человек [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2585, л. 12]. Вместе с тем в это же время стала проявляться и такая особенность, как экономия пилигримами средств на поездки. Если в 1890-е гг. многие из богомольцев предпочитали следовать по прямой линии в Александрию, откуда направлялись в Палестину и Сирию с сопутствующим посещением святых мест, то в начале 1900-х гг. наблюдалось стремление воспользоваться судами круговой линии, непосредственно доставлявших богомольцев в Яффу. Росту популярности этого судоходного направления способствовала также возможность доплыть по македонской линии до Афона, после чего, вернувшись в Смирну, отправиться по круговой линии в дальнейшее путешествие.

Отмеченные изменения в направленности движения паломников наглядно проявились в 1904 г. Наблюдалось сокращение пассажиропотока по александрийской прямой линии до 24,1 тыс. человек и его увеличение по круговой до 26,4 тыс., македонской до 17,6 тыс. [РГИА, ф. 678, оп. 1, д. 1385, л. 188]. В условиях начавшейся русско-японской войны количество православных богомольцев не только не сократилось, но, напротив, заметно выросло. В этом же году количество пароходов круговой линии было увеличено до девяти, с включением в их состав трех крупных — «Корнилов» и только что построенных «Великий князь Александр» и «Принцесса Евгения Ольденбургская».

Последнее судно перевезло в 1904 г. рекордные для этой линии 5 211 человек, в том числе более 600 человек в конце декабря, в канун Рождества Христова. На александрийской прямой линии из пяти пароходов наибольший пассажиропоток обеспечивали два крупнейших по водоизмещению (по 7 070 т.) — «Император Николай II» (6 590 человек) и «Королева Ольга» (5 824). Из действующих на македонской линии 10 морских судов основной объем перевозок осуществляли «Лазарев» (3 665 человек) и «Цесаревич» (3 587). В 1904 г. наблюдалось также увеличение численности пассажиров, доставляемых в столицу Османской империи черноморскими рейсами РОПиТ (в том числе для дальнейших паломнических поездок в Святую землю): Севастополь-Константинопольской линией воспользовались 8,9 тыс. человек, Анатолийской — 15,4 тыс., Болгарско-Черноморской — 6,9 тыс. [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2585, л. 8; д. 2676, л. 34–37].

В 1905 г. эффективность предпринимаемых мер по развитию зарубежных судоходных операций оказалась под угрозой. Революционные акты, сопровождавшиеся порчей пароходного имущества, грабежами грузов, нападением на судовые команды и пассажиров, не могли не отразиться на объемах перевозок [*Доклад правления Русского общества...* 1906, с. 2–6]. На 5,2% уменьшился пассажиропоток по александрийской прямой линии, 12,1% — македонской, 39% — александрийской круговой линии [РГИА, ф. 678, оп. 1, д. 1385, л. 280]. Особенно заметным было снижение по ввозимым в Яффу (до 12 525 человек) и на Афон (1 910). Сокращение коснулось главным образом численности малоимущих пассажиров 3-го класса, в наибольшей степени испытывавших морально-психологические и финансовые последствия революционных потрясений. Каковы же были планы руководства РОПиТ по преодолению возникших проблем, прежде всего в сфере поддержки ближневосточных операций? Среди направленных в правительство предложений значилось, во-первых, включение Хайфы в

число промежуточных портов для доставки богомольцев по круговой линии (в связи с этим следовала ссылка на «усиленное» перемещение в этот город пилигримов). Во-вторых, предлагалось создать болгарско-македонскую линию, ориентированную на перевозку православных паломников из Варны и Бургаса в Афон и Яффу. В-третьих, была выдвинута идея об открытии судоходной линии между Новороссийском, Феодосией, Севастополем и Константинополем, способной обеспечить доставку грузов и пассажиров из приволжского, прикаспийского и приазовского регионов в столицу Турции, с последующим отбытием из этого города православных и мусульманских паломников в восточно-средиземноморские порты [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2585, л. 8–11].

В правительстве не спешили приступать к обсуждению поданных предложений (сделать это требовалось до 1 января 1906 г., когда истекал срок действия прежнего соглашения об обслуживании РОПиТ регулярных линий), и ситуация с судоходными операциями приобретала все более противоречивый характер. В 1906 г. на фоне крайне непростого экономического и социально-политического положения в империи наблюдалось некоторое увеличение числа перевозимых паломников. Впрочем, реализация билетов мало отразилась на выручке, поскольку речь шла главным образом о пассажирах 3 класса. В количественном отношении ситуацию можно обрисовать на примере вывезенных из Одессы пассажиров: по александрийской прямой линии соответствующий показатель составил 7 565 человек, круговой линии — 12 874, македонской — 4 195 [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2677, л. 53–59]. В целом, наибольший рост пассажиропотока показала македонская линия — 98,3% (в общих цифрах на Афон доставили 2 402 человека), затем следовала александрийская круговая — 86,2%, и александрийская прямая — 2%. В этом же году имело место стремление все большего числа православных паломников продлить свое пребывание в Святой земле: в то время как в Яффу судами РОПиТ было достав-

лено 17 750 человек, вывезено — 4 685 [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2677, л. 59].

Одной из главных причин несоответствия численности ввозимых и вывозимых из Яффы пассажиров (помимо доставки в этот город как конечный пункт иностранцев, главным образом лиц с турецким, греческим и болгарским подданством) выступало стремление части православных паломников продлить пребывание в Святой земле, нередко до года (на данный срок были рассчитаны обратные билеты РОПиТ), а также их перемещение из Иерусалима в другие ближневосточные регионы и прибрежные города, главным образом в Бейрут, Дамаск, Хайфу, Александрию и Порт-Саид. Другими словами, численность православных богомольцев, находившихся в Палестине, ежегодно росла независимо от колебаний размеров их транспортировки из России. Следовало также учитывать, что часть паломников возвращалась из Яффы в Константинополь на иностранных кораблях, откуда уже на пароходах РОПиТ или зарубежных судах отправлялась в российские порты.

В декабре 1906 г. председатель правления К. С. Старицкий призвал распорядительного директора внимательнее разобраться в том, насколько ближневосточное направление судоходства соответствует интересам компании и правительства в сфере морских перевозок [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2585, л. 3–4]. Проблема заключалась прежде всего в ухудшении финансовых показателей РОПиТ на фоне продолжавшихся в России революционных потрясений [*Доклад правления Русского общества...* 1907, с. 1–12]. По итогам года последовало резкое сокращение грузопотока при одновременном увеличении эксплуатационных расходов, связанных с обязательствами пароходства выполнять регулярные рейсы по всем линиям. Обвальное падение прибыли с сопутствующим уменьшением дивидендных выплат обернулись в итоге отставкой К. С. Старицкого и назначением председателем правления М. П. Боткина. Важно подчеркнуть, что в непростой для РОПиТ ситуации ключевые собственники не собирались отказываться

от общественно значимой направленности работы компании. На собрании 14 июня 1907 г. акционеры, среди которых до 1/3 составляли женщины, заявили о приверженности прежним усилиям, направленным на поддержку паломнического движения. В числе поддержавших своими голосами принимаемые решения отметим великих князей Михаила Николаевича, князя К. А. Горчакова (сына бывшего министра иностранных дел А. М. Горчакова), баронессу А. К. Корф, И. И. Чайковского (брата композитора П. И. Чайковского), предпринимателей и благотворителей Л. С. Аржанова, Ю. С. Нечаева-Мальцова и А. Г. Елисеева, а также представителей Петербургского Императорского воспитательного дома и ряда столичных банков (Учетного и Ссудного, Волжско-Камского, Международного, Русского для внешней торговли, Азовско-Донского) [Список акционерам Русского общества... 1907, с. 1–7].

Разработать и реализовать мероприятия по выводу РОПиТ из кризисной ситуации было поручено члену правления А. Е. Молчанову. Его искренний интерес к истории, культуре и хозяйственной жизни Ближнего Востока сыграл не последнюю роль в решениях акционеров. Не обладавшему крепким здоровьем, но наделенному немалыми деловыми способностями, ему предстояло решить целый ряд проблем институционального и финансового характера. Среди первых важнейшим выступало заключение нового соглашения о государственно-частном партнерстве (прежнее было продлено с 1 января 1906 г. по 1 января 1908 г.). При этом следовало учесть мнение правительственных чиновников о необходимости оптимизации числа рейсов, повышения эффективности работы российских и зарубежных агентств компании, а также увеличения скорости плавания пароходов [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2586, л. 2–3]. Кроме того, требовалось предпринять экстренные меры по повышению доходности операций как на внутрироссийских, так и зарубежных морских линиях. В 1907–1908 гг. при некотором росте пассажиропотока, в том числе по палом-

ническим направлениям [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1844, л. 58], имело место сокращение выручки. В связи с этим, впервые в истории РОПиТ, принимается решение не выплачивать дивиденды. Молчанов, несмотря на недовольство ряда акционеров, предпринимал жесткие меры по оздоровлению финансового положения Общества. При поддержке членов наблюдательного совета он последовательно проводил курс на сокращение эксплуатационных расходов и оптимизацию численного состава служащих пароходства.

С конца 1907 г. активизировались переговоры руководителей РОПиТ с правительственными чиновниками и депутатами III Государственной думы по вопросу о заключении нового договора о государственно-частном партнерстве. Ключевыми в дискуссии выступали размеры дотаций, которые предполагалось выделять компании при осуществлении ближневосточных рейсов. В январе 1909 г. Министерство торговли и промышленности было проинформировано о растущей эффективности судоходных операций, в том числе в Восточном Средиземноморье. В частности, удалось связать александрийские круговые и болгаро-македонско-сирийские рейсы в две «взаимодополняющие» линии. Отныне, как пояснялось, болгаро-македонско-сирийская линия, «кроме политического своего значения, удовлетворяет потребностям русских православных паломников, связывая Россию прямым беспересадочным сообщением с Афоном и Яффой, а эти два пункта паломничества между собой» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1876, л. 70]. В это же время для широкой публики доводилась идея об исторической связанности усилий по развитию морского сообщения по Черному морю с интересами России на Ближнем Востоке [*Истина о Русском обществе...* 1910, с. 1].

Результативность предпринимаемых А. Е. Молчановым и другими членами правления мер проиллюстрируем данными за 1908–1910 гг. В этот период общий пассажиропоток по внутренним и международным линиям вырос с 1,050 до 1,233 млн человек, в том числе на ближнево-

сточном направлении (три линии: александрийские прямая и круговая, болгаро-македонско-сирийская) — с 72 141 до 97 869 человек [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 1386, л. 116, 268]. В 1909 г. российские пароходы занимали первое место по числу заходов в Хайфу (на втором месте находились египетские, на третьем — турецкие суда), второе — в Яффу (на первом месте — британские), третье — в Смирну (на первом греческие, на втором — турецкие), четвертое — в Константинополь (греческие, британские и турецкие), в Александрию (британские, греческие, итальянские) и в Бейрут (турецкие, французские и итальянские) [РГИА, ф. 95, оп. 6, д. 1341, л. 29–31]. В 1910 г. по наибольшему числу ввезенных пассажиров выделялись Константинополь (этот город являлся местом пересечения всех международных линий РОПиТ, в том числе Севастопольской, Анатолийской, Аравийской и Персидской — 24 979 человек;), Яффа (11 526), Смирна (пересадочный пункт для трех ближневосточных линий — 9 882), Бейрут (8 806) и Александрия (5 446). Кроме того, часть паломников следовала на Святую гору Афон (1 777 пассажиров; для сравнения: в Новый Афон были доставлены по морю 6 753 человека) и в Хайфу (1 938) [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2685, л. 45–49]. Крупнейшие перевозки осуществляли пароходы «Лазарев» (11 679 пассажиров), «Корнилов» (11 603), «Царь» (10 359), «Цесаревич» (10 048), «Россия» (9 569), «Царица» (8 472), «Одесса» (7 531), «Королева Ольга» (7 350) и «Император Николай II» (6 955) [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2820, л. 71–74]. Отправлявшиеся в святые места богомольцы приобретали в ИППО паломнические книжки, дававшие право на сниженные цены билетов. Прочим пассажирам РОПиТ также предоставляло скидки, если билеты покупались в оба конца. Кроме того, часть паломников вывозилась в Россию бесплатно при наличии доказательств их «несчастливого» состояния (были украдены деньги, билеты или паломнические книжки). Например, если в 1908 г. из Александрии таким образом отправили на родину 133 человека, то в 1909 г. — 319. В свою

очередь из Яффы в 1910 г. бесплатно вывезли 248 человек, из Бейрута — 217 [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 3333, л. 19–20; д. 3364, л. 21; д. 3392, л. 19].

Наряду с увеличением пассажиропотока наблюдался рост грузовых перевозок, выразившихся в 1910 г. в выручке по александрийской прямой линии в 465,7 тыс. руб. (еще 357,2 тыс. руб. было получено за доставку пассажиров), круговой — 265,5 тыс. руб. (186,5 тыс. руб.), болгаро-македонско-сирийской — 290 тыс. руб. (257,3 тыс. руб.) [РГИА, ф. 678, оп. 1, д. 1386, л. 268]. Следующий год демонстрировал по оценке агента РОПиТ в Яффе уже «небывалое» развитие товарооборота с Россией. В 1911 г. состоялось 112 заходов российских пароходов в этот ближневосточный порт, в том числе принадлежавших компании — 108 (из общего числа 843, включая 234 посещения турецкими судами и 176 — британскими). Пароходами РОПиТ было доставлено грузов на 78,7 тыс. руб., в том числе из российских портов — на 50,2 тыс. руб. Вывезено из Яффы на 52,2 тыс. руб., в том числе в Россию — на 25,4 тыс. руб. [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 3392, л. 7, 9]. Значимая роль компании в развитии торговли с Ближним Востоком подтверждалась предпринимателями Юга России. В частности, было высказано мнение, согласно которому русский экспорт «может базироваться только на русском пароходстве, связанном договорными отношениями с русским правительством и действующим согласно с интересами русского экспорта. Никакое иностранное пароходство, подчиненное, как иностранное, противоположным нам интересам, не может содействовать нашему экспорту» [*Вестник Первого торгово-промышленного съезда...* 1910, с. 3]. О поддержке ближневосточного направления деятельности РОПиТ заявили также министр торговли и промышленности С. И. Тимашев и представитель Совета съездов представителей промышленности и торговли Российской империи Г. А. Крестовников, а также ряд депутатов Государственной думы [*Торгово-промышленная газета*, 1910, 5 июня; *Новое время*, 1910, 3 мая;

Голос Москвы. 1910, 4 мая; *Утро России*, 1910, 4 мая].

Динамика грузовых и пассажирских перевозок в 1910 г. свидетельствовала о потенциальных возможностях РОПиТ более активно развивать ближневосточное направление судоходства. Данное обстоятельство сыграло существенную роль в окончании пятилетних дискуссий по поводу нового соглашения о государственно-частном партнерстве. Весной 1911 г., одновременно с подведением итогов деятельности, члены правления завершили переговоры с чиновниками и депутатами III Государственной думы об условиях правительственной поддержки РОПиТ. 31 мая император Николай II подписал закон «О содержании срочных пароходных сообщений под Русским флагом в Черном и Средиземном морях». Срок его действия определялся до 1 января 1928 г. РОПиТ предоставлялось право содержать 7 субсидируемых государством «срочных», то есть регулярно действующих пароходных линий. Из них пять являлись зарубежными: 1. Александрийская прямая, еженедельная, между Одессой и Александрией, с заходом в Константинополь, Дарданеллы, Смирну и Пирей, а также раз в две недели с заходом в Суду на острове Крит; 2. Александрийская круговая, раз в две недели, между Одессой и Александрией, с заходом в Константинополь, Дарданеллы, Мителину, Смирну, Хиос, Мерсину, Александретту, Триполи, Бейрут, Хайфу, Яффу и Порт-Саид; 3. Македонско-александрийская, раз в две недели, с заходом в Константинополь, Дарданеллы, Афон, Салоники, Смирну, Хиос, Мерсину, Александретту, Триполи, Бейрут, Хайфу, Яффу и Порт-Саид; 4. Болгарско-анатолийская, раз в две недели, между Одессой и Батумом, с заходом в Варну, Бургас, Константинополь, Инеболи, Синоп, Самсун, Орду, Керасунд, Трапезунд и Ризе; 5. Анатолийская, раз в две недели, между Поти и Константинополем, с заходом в Батум, Ризе, Трапезунд, Керасунд, Орду, Самсун, Синоп и Инеболи. В число двух субсидируемых внутрироссийских линий были включены: 6. Крымско-кавказская прямая, раз в неделю,

между Одессой и Батумом, с заходом в Севастополь, Ялту, Феодосию, Новороссийск, Туапсе, Сочи, Гагры и Сухум; 7. Крымско-кавказская круговая, два раза в неделю, между Одессой и Батумом, с заходом в Евпаторию, Севастополь, Ялту, Феодосию, Керчь, Анапу, Новороссийск, Геленджик, Джубгу, Туапсе, Лазаревское, Сочи, Адлер, Гагры, Гудауту, Новый Афон, Сухум, Очемчиры и Поти. Максимальный размер ежегодной правительственной субсидии на содержание «срочных» линий определялся в 933 тыс. руб. Со своей стороны компания обязывалась до 1 января 1917 г. ввести в эксплуатацию на пяти заграничных линиях шесть новых крупных пароходов [*Полное собрание законов...* 1914, с. 347–349].

РОПиТ сохранило право содержать дополнительные, государством не субсидируемые линии при условии, если соответствующая коммерческая деятельность не будет наносить ущерба регулярному сообщению. Речь шла, в частности, о специальных рейсах по доставке российских богомольцев, а также осуществлении «экстренной» перевозки грузов гражданского и военного назначения. Предполагаемая структура судоходных операций рассматривалась как взаимосвязанная и взаимодополняющая, способная обеспечить на обширной территории от северного Причерноморья до портов Леванта решение не только инфраструктурных, но и при необходимости социокультурных и геополитических задач. В этих условиях православное паломничество все нагляднее заявляло о себе как колонизационное движение, призванное согласовывать в ближневосточном регионе религиозные потребности с имперскими целями России. Вместе с тем, сложность реализации данного курса могла заключаться в возможном несоответствии государственных, церковных и частных интересов в условиях, когда жизнь паломника в Святой земле обретала новый смысл, новый отсчет, когда он переставал принадлежать кому-то, кроме себя самого; его личность отделялась от государства, и религиозность каждого переставала быть коллективной, обязательной

[Вах, 2019, с. 293]. Нахождение баланса между геополитическими, конфессиональными и индивидуальными приоритетами заинтересованных сторон становилось к началу 1910-х гг. одним из ключевых элементов в процессе укрепления позиций России на Ближнем Востоке.

В 1911 г. на фоне согласования позиций РОПиТ и правительства по трансграничным перевозкам наблюдалось заметное увеличение количества пассажиров, доставляемых в портовые города Леванта. В Яффу было ввезено 14 709 человек, вывезено — 10 801, в Бейрут — 11 254 и 8 389, в Смирну — 8 193 и 4 947, в Александрию — 4 558 и 4 632, в Хайфу — 2 723 и 5 154 [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2797, л. 53–57]. Еще одним итогом заключенного в 1911 г. соглашения явился взлет стоимости акций РОПиТ на Петербургской бирже на 19%. При уставном капитале в 10 млн руб. капитализация компании выросла до 17,4 млн руб. [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2195, л. 8]. Результаты последующих двух лет ее деятельности свидетельствовали о появлении более гибких организационных и финансовых механизмов регулирования судоходных операций. С их помощью удалось минимизировать издержки, связанные с Итало-турецкой и двумя Балканскими войнами. Меняя количество пароходов, интенсивность и направления их движения РОПиТ смогло не только сохранить, но и заметно повысить ключевые показатели работы на заграничных линиях. В 1912–1913 гг. выручка выросла с 2,354 до 2,953 млн. руб., дивидендные выплаты — с 9,6 до 12%. В 1913 г. 74 пароходами было перевезено по всем линиям 1,425 млн. человек (в 1912 г. — 1,263 млн), в том числе по трем ближневосточным «срочным» (александрийская прямая и круговая и македонского-александрийская) — 133,7 тыс. человек (103,8 тыс.) [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2688, л. 33–38]. При общем увеличении количества ввозимых в порты Леванта пассажиров наблюдалось некоторое уменьшение числа вывозимых, что подтверждало стремление части православных паломников продлить пребывание в Святой Земле. В частности, если в 1912 г. на пароходы компании по-

грузились в Яффе 10 380 человек, то в 1913 г. — 9 002 [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 3481, л. 19; д. 3494, л. 19]. Примерно та же ситуация наблюдалась в Александрии. Здесь снижение было зафиксировано с 10 079 до 8 044 человек [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 3450, л. 20–21]. Одновременно росло значение Бейрута как пункта вывоза пассажиров и мусульманского, и православного вероисповедания (притом, что этот порт не был включен в перечень для захода судов прямой александрийской линии). С 1912 по 1913 г. соответствующий показатель увеличился здесь с 4 256 до 8 376 человек [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 3501, л. 22–23]. Фактически перевозку богомольцев осуществляли пароходы всех линий РОПиТ, как «срочных», так и нерегулярных.

Вслед за окончанием второй балканской войны последовал очередной рост пассажиропотока на ближневосточном направлении. Только за первые семь месяцев 1914 года в Константинополь было ввезено 22 327 и вывезено 20 273 человека, в Яффу — 13 678 и 11 146, в Смирну — 9 380 и 4 523, в Александрию — 4 410 и 6 352, в Бейрут — 5 124 и 4 254, в Хайфу — 3 574 и 4 320 [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2770, л. 46–50]. Значимость этих цифр подтверждалась тем, что доставку паломников из Одессы в Александрию осуществляли суда еще двух пароходств — Добровольного флота и Северного пароходного общества. Соглашения между 953 акционерами РОПиТ по поводу основных сфер трансграничных операций определялось четырьмя заинтересованными сторонами: членами правления (в их состав, помимо трех избранных акционерами, входили назначенные от трех министерств — финансов, морского, торговли и промышленности), 15 членами наблюдательного совета (в этой группе состояли лица различного социального происхождения, включая предпринимателей, чиновников, ученых, инженеров и т. д.), представителями правящей династии (великая княгиня Елена Владимировна, великие князья Сергей и Павел Александровичи, Михаил, Георгий, Александр и Сергей Михайловичи) и доверенными 16 российских банков (крупнейшие пакеты акций

принадлежали Азовско-Донскому, Волжско-Камскому, Петербургскому международному коммерческому и Сибирскому торговому). Роль наблюдателя на собраниях акционеров сохранял Государственный банк, владевший 5 акциями.

1914 год должен был стать рубежным в развитии заграничных операций РОПиТ. К этому времени на долю компании приходилась пятая часть тоннажа морского коммерческого флота империи [Трифонов, Лемачко, 2009, с. 5]. Начавшие плавание по александрийской прямой линии четыре новых комфортабельных парохода («Император Петр I», «Императрица Екатерина II», «Император Николай I» и «Император Александр III») позволили привлечь большое число «классных пассажиров», в том числе из паломнической среды. Переведенные с этой линии на круговую ряд крупных судов («Император Николай II», «Королева Ольга», «Чихачев», «Одесса», «Иерусалим» и «Афон») дали возможность существенно повысить в целом результативность ближневосточных рейсов [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2208, л. 20]. Только за полгода, с января по июнь 1914 г., общее число перевезенных пассажиров по внутренним и заграничным линиям достигло 1,197 млн человек, в том числе прямой и круговой александрийскими и македонско-александрийской — 88,6 тыс. человек [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 2228, л. 52]. На I съезде агентов РОПиТ в феврале 1914 г. председатель правления А. Е. Молчанов сообщил о подготовке к открытию четвертой ближневосточной линии — из Новороссийска в порты Анатолии, Сирии и Египта. Причиной такого решения явилась, с одной стороны, необходимость перевода в Новороссийск части пассажиро- и грузопотока из Одессы и Крыма (с 1 мая 1914 г. закрывался коммерческий порт в Севастополе), с другой — вовлечение в морские перевозки товаров и путешественников из поволжского, сибирского и северокавказского регионов. Пояснилось, что данная идея исходит из «правительственных источников» и «общественных сфер», а потому можно рассчитывать на «благоприятное» разрешение вопроса [РГИА, ф. 107,

оп. 1, д. 2557, л. 136–138]. Состоявшееся 10 июня очередное собрание акционеров поддержало разработанные правлением меры по развитию ближневосточного направления судоходства. Однако начавшаяся мировая война прервала реализацию намеченных планов.

Опыт деятельности Русского общества пароходства и торговли подтверждал значимую роль, которую сыграла эта транспортная компания в доставке православных паломников в порты Ближнего Востока в начале XX века. Развитие трансграничных операций происходило в этот период на фоне поиска оптимальной модели, призванной согласовывать частные (акционерное общество), общественные (паломники) и государственные (правительственные чиновники) интересы. Вместе с тем, представленные данные демонстрируют наличие связи между социально-культурными приоритетами, политическими потрясениями и экономическими трудностями, непосредственно отражавшимися в росте или сокращении паломнического движения. В том и другом случае происходила оптимизация структуры транспортных операций, а также корректировка судоходных услуг. Кроме того, эффективность судоходной деятельности определялась значимостью для богомольцев тех или иных портовых городов, и этот факт владельцы компании учитывали при планировании рейсов и использовании конкретных пароходов. В конечном счете, диверсификация транспортных операций, льготные цены на билеты, взаимосвязанность морских линий, постройка новых и модернизация имеющихся пароходов способствовали развитию паломнического движения на фоне сложного внутреннего и международного положения Российской империи в начале XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 95, Ф. 107 [RSHA — *Russian State Historical Archive*. Fund 95, Fund 107 (in Russian)].

Акционерное дело в России. Том II. *Статистика акционерных предприятий*. Вып. VI. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1899. С. 1303–1610 [Joint Stock

Business in Russia. Vol. II. *Statistics of Joint-Stock Enterprises*. Vol. VI. Saint Petersburg: M. Stasyulevich Publ., 1899. Pp. 1303–1610 (in Russian)].

Барышников М. Н., Федотьев Д. С. Паломничество как фактор развития морского судоходства: Русское общество пароходства и торговли в 1884–1894 гг. *Вопросы истории*. 2021. № 5(1). С. 26–39 [Baryshnikov M. N., Fedotyev D. S. Pilgrimage as a Factor in the Development of Maritime Navigation: The Russian Steam Navigation and Trading Company in 1884–1894. *Voprosy Istorii*. 2021. No. 5(1). Pp. 26–39 (in Russian)]

Вах К. А. Азиатский департамент МИД и русские паломники в Палестине: взгляд из Петербурга, Константинополя и Иерусалима. *200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской империи. Материалы Всероссийской научной конференции*. М.: Индрик, 2019. С. 261–328 [Vah K. A. Asian Department of the Foreign Ministry and Russian pilgrims in Palestine: A View from St. Petersburg, Constantinople and Jerusalem. *200 Years of Diplomatic Support for the Russian Presence in the Middle East: The History of the Creation and Activities of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire. Materials of the All-Russian Scientific Conference*. Moscow: Indrik, 2019. Pp. 261–328 (in Russian)].

Вестник Первого торгово-промышленного съезда и Съезда деятелей по коммерческому судоходству и портовому делу на Юге России. № 5 (28 октября). Одесса, 1910. 28 с. [Bulletin of the First Trade and Industrial Congress and the Congress of Workers on Commercial Shipping and Port Affairs in the South of Russia. No. 5 (October 28). Odessa, 1910. 28 p. (in Russian)].

Голос Москвы (газета). 1910 [Golos Moskvu Newspaper. 1910 (in Russian)].

Грушевой А. Г. Императорское Православное палестинское общество в кризисные годы (1905–1907 гг.) (К вопросу об интерпретации «доклада секретаря» 10 окт. 1908 г.). *Дмитриевские чтения. Материалы III Всероссийской научной конференции*. Астрахань: Астраханский университет, 2018. С. 55–73 [Grushevoy A. G. Imperial Orthodox Palestinian Society in the Years of Crisis (1905–1907) (On the Interpretation of the “Secretary’s Report”, October 10, 1908). *Dmitriev Readings. Materials of*

the 3rd All-Russian Academic Conference. Astrakhan: Astrakhan University, 2018. Pp. 55–73 (in Russian)].

Доклад правления Русского общества пароходства и торговли общему собранию акционеров 20 мая 1906 года. СПб., 1906. 9 с. [Report of the Board of the Russian Shipping and Trade Society to the General Meeting of Shareholders on May 20, 1906. St. Petersburg, 1906. 9 p. (in Russian)].

Доклад правления Русского общества пароходства и торговли общему собранию акционеров 14 июня 1907 года. СПб., 1907. 14 с. [Report of the Board of the Russian Shipping and Trade Society to the General Meeting of Shareholders on June 14, 1907. St. Petersburg, 1907. 14 p. (in Russian)].

Иловайский С. И. Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли. Одесса: типография Акционерного Южно-русского общества печатного дела, 1907. 359 с. [Ilovaisky S. I. Historical Sketch of the 50th Anniversary of the Russian Steam Navigation and Trading Company. Odessa: Joint-stock South Russian Publ., 1907. 359 p. (in Russian)].

Истина о Русском обществе пароходства и торговли. СПб.: Типо-Литография «Якорь», 1910. 40 с. [The Truth about the Russian Steam Navigation and Trading Company. St. Petersburg: Yakor Publ., 1910. 40 p. (in Russian)].

Новое время (газета). 1910 [Novoe Vremya Newspaper. 1910 (in Russian)].

Общее собрание акционеров Русского общества пароходства и торговли 22 мая 1898 г. СПб., 1898. 31 с. [General Meeting of Shareholders of the Russian Shipping and Trade Society. May 22, 1898. St. Petersburg, 1898. 31 p. (in Russian)].

Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1899 г. СПб., 1900. 52 с. [Explanatory Note to the Report of the Russian Society of Shipping and Trade for 1899. St. Petersburg, 1900. 52 p. (in Russian)].

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. XXXI. Отд. 1. 1911 г. СПб., 1914. 1411 с. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Three. Vol. XXXI. Section 1. 1911. Saint Petersburg, 1914. 1411 p. (in Russian)].

Познер М. В. Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1895. 369 с. [Pozner M. V. Historical Review of Government Measures for the Development of Russian

Merchant Shipping. St. Petersburg: V. F. Kirshbaum Printing House, 1895. 369 p. (in Russian)].

Русское судоходство. 1899. № 207 (журнал) [Russkoe Sudobodstvo Magazine. 1899 (in Russian)].

Смирнова И. Ю., Бутова Р. Б. Россия в Святой Земле. Деятели и учреждения Русской Палестины (XIX–XX века). Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2 (104). С. 9–21 [Smirnova I. Yu., Butova R. B. Russia in the Holy Land. Figures and Institutions of Russian Palestine (19th–20th centuries). Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences. 2021. No. 2 (104). Pp. 9–21 (in Russian)].

Список акционерам Русского общества пароходства и торговли к общему собранию 14 июня 1907 года. СПб., 1907. 7 с. [List of Shareholders of the Russian Shipping and Trade Society for the General Meeting. June 14, 1907. St. Petersburg, 1907. 7 p. (in Russian)].

Статистика акционерного дела в России. Вып. 3. Условия деятельности и доходность акционерных предприятий. Сост. и изд. Н. Е. Пушкин. СПб., 1898. 656 с. [Statistics of Joint Stock Business in Russia. Iss. 3. Operating Conditions and Profitability of Joint-Stock Enterprises. Comp. and ed. by N. E. Pushkin. St. Petersburg, 1898. 656 p. (in Russian)].

Торгово-промышленная газета. 1910 [Torgovo-Promyshlennaya Gaseta (Newspaper). 1910 (in Russian)].

Трифонов Ю. Н., Лемачко Б. В. Русское общество пароходства и торговли. 1856–1932 годы (краткий исторический справочник). СПб.: издательство «ЛеКо», 2009. 180 с. [Trifonov Yu. N., Lemachko B. V. Russian Steam Navigation and Trading Company. 1856–1932 (A Brief Historical Reference). St. Petersburg: LeKo Publ., 2009. 180 p. (in Russian)].

Устав Русского общества пароходства и торговли. СПб., 1899. 50 с. [Charter of the Russian Society of Shipping and Trade. St. Petersburg, 1899. 50 p. (in Russian)].

Утро России (газета). 1910 [Utro Rossii Newspaper. 1910 (in Russian)].

Frary L. Pilgrims and Profits. The Russian Company of Steam Navigation and Trade, 1856–1914. Canadian-American Slavic Studies. Vol. 53. Iss. 3. Aug. 2019. Pp. 286–305.

Pozharliev L. State Goals and Private Interests in the Development of Transport Infrastructure in the Russian Black Sea Region in the Second Half of the Nineteenth Century. Journal of Balkan and Black Sea Studies. Year 3. Iss. 5. Dec. 2020. Pp. 71–96.

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЮЖНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКАНСКИХ СТАТИСТИЧЕСКИХ УПРАВЛЕНИЙ)

CONTEMPORARY ETHNOLINGUISTIC SITUATION IN SOUTHERN SIBERIA

(ON THE MATERIALS OF REPUBLICAN STATISTIC OFFICES)

© 2023 **Зоя Васильевна Анайбан**

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН, Москва, Россия

anayban@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7063-2375

Zoya V. Anayban

DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental
Studies RAS, Moscow, Russia

anayban@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7063-2375

Статья посвящена изучению современной этноязыковой ситуации в тюркоязычных регионах Южной Сибири — Республике Тыва и Республике Хакасия. На материалах официальной статистики исследуются состояние, особенности и основные тенденции развития языковых процессов в названных регионах. Анализ эмпирического материала, используемый в исследовании, выявил, что для языковой жизни в Туве сегодня характерно дальнейшее возрастание роли языка титульной национальности — тувинского языка, широко распространенного и используемого во всех сферах. Положение же уровень и масштабы распространения ха-

касского языка в Хакасии, несмотря на заметные позитивные изменения, оставляют желать лучшего. К числу основных факторов сложившейся ситуации в названных регионах следует отнести существенное доминирование в общей численности населения Республики Тыва представителей титульной национальности — тувинцев, доля которых по данным последней переписи населения заметно возросла, и наоборот слабую представленность хакасов, титульного этноса, в общем числе жителей Хакасии, где их процент, как и в предыдущие годы, составляет примерно десятую часть всей численности республики. В ряду этноязыковых проблем в этих республиках назовем в целом остающийся невысоким уровень знания русского языка представителями титульного этноса в Туве и слабое владение, недостаточное распространение родного языка среди хакасов в Республике Хакасия. Опираясь на данные проведенного исследования, можно констатировать, что отмечаемая на данном этапе языковая картина в этих республиках в ближайшем времени вряд ли существенно изменится. В качестве сравнительного материала с целью определения динамики развития и выявления основных составляющих в данной работе привлечены результаты Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 г.

Ключевые слова: этноязыковая ситуация, тувинцы, хакасы, тувинский язык, хакасский язык, русский язык, владение языками, двуязычие, перепись населения

Для цитирования: Анайбан З. В. Современная этноязыковая ситуация в Южной Сибири (по материалам республиканских статистических управлений). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 221–230. DOI: 10.18254/S268684310029241-3

The paper focuses on the study of the modern ethno-linguistic situation in the Turkic-speaking regions of Southern Siberia — the Republic of Tuva and the Republic of Khakassia. Based on official statistics, the author examines the state, features, and main trends in the development of language processes in the named regions. The analysis of the empirical material used in the study revealed that linguistic life in Tuva today is characterized by a further increase in the role of the language of the titular nationality — the Tuvan language. The situation, the level and scale of distribution of the Khakass language in Khakassia, despite noticeable positive changes, leaves much to be desired. The main factors of the current situation in these regions include the significant dominance in the total population of representatives of the titular nationality — Tuvans, whose share according to the latest population census has increased noticeably, and the weak representation of the Khakass, the titular ethnic group of residents of Khakassia, where their percentage, as in previous years, is approximately a tenth of the total number of the republic. Among the ethno-linguistic problems in these republics, we will name the generally low level of knowledge of the Russian language by representatives of the titular ethnic group in Tuva and the poor proficiency and insufficient spread of the native language among the Khakass in the Republic of Khakassia. Based on the data of the study, it can be stated that the linguistic picture observed at this stage in these republics is unlikely to change significantly soon. As comparative material to determine the dynamics of development and identify the main components, this work uses the results of the All-Russian population censuses of 2010 and 2020.

Keywords: ethnolinguistic situation, Tuvans, Khakassians, Tuvan language, Khakassian language, Russian language, proficiency, bilingualism, population census

For citation: Anayban Zoya V. Contemporary Ethnolinguistic Situation in Southern Siberia (On the materials of Republican Statistic Offices). *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 221–230. DOI: 10.18254/S268684310029241-3

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, язык относится к числу основных признаков любой этнической группы и является важнейшей ее ценностью. Ныне этноязыковая ситуация представляет особый интерес не только в столь этнически неоднородной стране, как Российская Федерация в целом, но и в отдельно взятых регионах. Мы выбрали для анализа два тюркоязычных региона Южной Сибири — Республику Тыва и Республику Хакасия, которые, несмотря на преобладание общих составляющих в этноязыковых процессах, по отдельным параметрам существенно отличаются не только от всех остальных субъектов Российской Федерации, но и друг от друга. Информация, содержащаяся в материалах официальной статистики, в частности, в результатах Всероссийской переписи населения 2020 г., позволяет исследовать современную этноязыковую ситуацию в названных республиках с учетом непосредственно наблюдаемых изменений. В этой связи при анализе эмпирических данных нами привлечены итоги не только последней (2020 г.), но и предыдущей переписи населения (2010 г.).

Следует оговориться, что результаты последней Всероссийской переписи населения 2020 г., относительно недавно появившиеся на официальных сайтах статистических управлений, начиная от Росстата до его региональных филиалов, вызвали неоднозначную реакцию научного сообщества, повлекшую волну обсуждений и дискуссий, в результате которых в кругу исследователей обозначились как сторонники (практически принявшие и согласившиеся с итогами переписи), так и ее противники (по разным причинам не согласившиеся с результатами переписи). По нашему убеждению, основные проблемы, «слабые стороны» и недочеты, проявившиеся в ходе переписи и отразившиеся на ее итогах, во многом были обусловлены тем, что она проходила в период тяжелейшей эпидемиологической обстановки, во время коронавирусного локдауна COVID-19. Так, из-за карантина при проведении переписи было впервые орга-

низовано самостоятельное заполнение переписного листа-анкеты на портале государственных услуг, что, как показала практика, не оправдало себя. Кроме того, с точки зрения акад. В. А. Тишкова, «проведение переписи во время пандемии свело к минимуму прямые контакты из-за страха заразиться, а также отрицательно повлияла общая усталость населения от эпидемических ограничений и изоляционных мер. Выборная информационная повестка практически заглушила информацию о Всероссийской переписи населения, к тому же часть населения осталась недовольна результатами выборов и отказалась от участия в переписи» [Игнатова, 2023].

Так или иначе, Всероссийская перепись населения была осуществлена и сейчас задача исследователей изучить и всесторонне проанализировать полученные результаты. Сведения, содержащиеся в переписи, являются богатейшим источником, иллюстрирующим необходимые данные о населении Российской Федерации, где отдельное место занимают материалы о национально-языковой идентификации. И в итоге, по мнению специалистов, опубликованные итоги переписи, безусловно, дают ценный материал для изучения и корректировки нашей политики по культурному разнообразию, изучению языков, укреплению единства многонационального народа Российской Федерации [Зорин, 2023, с. 1].

Характеризуя современную языковую ситуацию в названных регионах, прежде всего следует сказать, что Тува — один из субъектов Российской Федерации, представители титульной национальности которого отличались от многих других высоким уровнем сохранения и активного владения тувинским языком в статусе родного языка. Таким образом, проблема утери родного языка, которая в разное время была реальной угрозой для других этнических групп, живущих в разных российских регионах, практически не коснулась тувинцев. В наши дни тувинский язык остается на территории республики главным языком общения во всех основных сферах жизнедеятельности, начиная с семейной и за-

канчивая производственно-трудовой. Вместе с тем, в трудовых коллективах городской местности в силу неоднородности этнического состава зачастую в равной степени используются оба языка — тувинский и русский, что подтверждается материалами официальной статистики.

Обращаясь к материалам проведенной в 2020 г. в Российской Федерации переписи населения, для начала следует пояснить, что при их использовании подсчет нами производился не от всей численности фактически живущего в Туве и Хакасии населения, а а) лишь от числа людей, указавших национальную принадлежность, и б) применительно к Туве добавим, что, несмотря на то, что тувинцы-тоджинцы не так давно были официально причислены к малочисленным народам России, здесь они также учтены, поскольку, помимо многих идентичных общих черт с титульным этносом, родным языком у них является также тувинский язык.

По результатам Всероссийской переписи населения 2020 г., из всех тувинцев, ответивших на вопрос о родном языке, 99,1% опрошенных назвали родным тувинский язык [Республика Тыва, 2022а, с. 1]. Подобное положение не меняется на протяжении долгого времени и остается актуальным в наши дни. Согласно переписи 1989 г. 99,8% тувинцев считали родным язык своей национальности (отметим, что в результатах переписи 2002 г. эта информация уже не значится). В то же время итоги недавней переписи показали несколько изменившуюся ситуацию: в отличие от прошлых лет, на вопрос о знании родного языка утвердительно ответили лишь 86,6% тувинцев, что явно уступает предыдущему периоду (по материалам переписи 2002 г. этот показатель у тувинцев составлял 98,6%) [*Национальный состав и владение языками...* 2004, с. 155]. Уместно упомянуть проведенный в 2016 г. сотрудниками Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований социолингвистический опрос, основной целью которого стало изучение языковой ситуации в Туве. В ходе исследования был сделан, пожалуй,

впервые прозвучавший среди тувинского научного сообщества вывод, что «тувинцы владеют родным тувинским языком достаточно хорошо, но социального престижа в нем не видят. Поэтому социальный статус русского языка выше, а тувинский язык в основном рассматривается как средство повседневного общения» [Серээдар, 2018, с. 14].

Численность лиц, указавших знание русского языка как языка межнационального общения, составила среди данной этнической группы 92,7%. Из них используют его в повседневной жизни 74,5% [Республика Тыва, 2022b, с. 2]. Вопреки реальности столь значительный процент владеющих русским языком среди тувинцев регистрируется далеко не впервые. Так, еще двадцать лет назад, согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., этот показатель уже достигал 84,4% [*Национальный состав и владение...* 2004, с. 23]. С другой стороны, следует учитывать обстоятельство, отмеченное языковедами, исследовавшими вопросы тувинско-русского двуязычия в Туве: «в системе образования Тувы наметилась тенденция разделения сфер использования тувинского и русского языков. Очевидно, что тувинский не выдерживает конкуренции с русским языком, как и любой другой язык РФ» [Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021, с. 267].

Ситуация в Хакасии несколько отличается: доля хакасов, считающих родным язык своего этноса, всегда была незначительна, однако по данным последней переписи этот показатель заметно возрос: 79,4% хакасов назвали в качестве родного хакасский язык [Республика Хакасия, 2022, с. 1]. Знание же представителями титульного этноса родного языка по материалам переписи составляет менее половины — 46,9%. Необходимо заметить, что специфика языковой ситуации в Хакасии подтверждается также результатами социологических исследований, проведенных в регионе за последнее время. Так, по итогам социологического опроса 2020 г., проведенного Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории

(его главной целью было изучение основных факторов фиксируемого сужения функций родного языка среди хакасов и всего было опрошено 1050 человек), «из 69,3% опрошенных, оценивающих свое знание и владение хакасским языком как достаточно хорошее, только половина отличается активным языковым поведением (общается, читает книги, газеты и журналы и на хакасском языке). В то же время значительная часть хакасских респондентов признает родным языком язык своего этноса (71,1%)» [Трошкина, Шапошников, 2021, с. 177]. Между тем, пятью годами ранее, по данным опроса, проведенного Министерством национальной политики Хакасии в 2015 г. по теме «Оценка состояния и перспективы развития хакасского и шорского языков в Республике Хакасия», лишь половина хакасов могла свободно говорить и писать на родном языке.

В то же время среди хакасов традиционно высок процент владеющих языком межнационального общения: русским языком владеют 98,4%, в том числе 97,1% активно используют его в разных сферах жизнедеятельности [Республика Хакасия. Национальный состав и владение языками... 2022, с. 2]. Иными словами, хакасы в абсолютном большинстве знают русский язык (показатель совпадает с аналогичным показателем двадцатилетней давности: по переписи 2002 г. численность таковых достигала 98,6% [*Национальный состав и владение языками...* 2004, с. 24]).

Как видно из результатов последней переписи, на данном этапе среди титульного этноса Республики Тыва фиксируется достаточно высокий и все более возрастающий от переписи к переписи показатель владения русским языком, тогда как у хакасов в сравнении с результатами предыдущих переписей существенно выросла численность признавших в качестве родного хакасский язык. На самом деле подобный расклад далек от реальной картины. Поскольку многие вопросы переписного листа были построены на личном мнении и ощущении отвечающих, следует говорить о завышенной самооценке респондентов,

давших позитивные ответы о знании русского языка в Тыве и хакасского в статусе родного языка в Хакасии. При этом следует также учитывать, что при формулировке вопросов о владении тем или иным языком никак не оговаривался уровень его знания. В результате в одной команде оказались как свободно говорящие на языке, так и слабо владеющие им. Возможно, в определенной степени данное обстоятельство можно объяснить недоработкой самого переписного листа, а также «погрешностями» применяемой в данном случае методики.

Применительно к ситуации, когда материалы переписи продемонстрировали среди хакасов резко возросшее число считающих родным языком хакасский при объективном незнании его как такового, полагаем, что это явилось отголоском и следствием процессов национального возрождения, наблюдаемых в 90-е годы прошлого столетия практически во всех этнически-смешанных российских регионах. И, как мы писали ранее, в Хакасии рост этнического самосознания титульной национальности республики наиболее отчетливо обозначился в обращении к родному языку, вследствие чего стало значимым даже просто признание его как родного языка своей национальности [Анайбан, 2005, с. 123]. Между тем, по мнению местных филологов, даже те хакасы, которые полагают, что владеют родным языком, мало используют его в жизни. В этой связи выводы, сделанные авторами статьи, посвященной изучению проблемных аспектов языковой политики в Тыве, в части, где говорится, что «отмечается ослабление функциональной мощности тувинского языка не только как государственного, но и как родного языка титульного этноса республики», в гораздо большей степени могут быть отнесены к Хакасии [Боргоякова, Биткеева, 2020, с. 50].

Таким образом, полученные в процессе проведения переписи сведения не всегда отражают действительность. Свидетельство тому — реальные проблемы в языковой жизни исследуемых южносибирских регионов, и по сей день остающиеся актуальными.

Как отмечаемые особенности, так и существенные различия в развитии этноязыковых процессов в Туве и Хакасии, в первую очередь, исторически обусловлены спецификой этнического состава населения этих регионов. Как мы знаем, в Республике Тыва в общей численности ее жителей существенно доминируют представители титульного этноса — тувинцы. Например, за последнее десятилетие этот показатель не только в целом возрос, но и соответственно заметно увеличилась представленность тувинцев в общей численности ее жителей. Так, согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., процент тувинцев в Туве достигал 88,6%, тогда как десятью годами ранее этот показатель был несколько ниже (82% по переписи 2010 г.). Если русские, вторая по численности этническая группа республики, по данным предыдущей переписи, составляла примерно одну пятую часть всего населения, то по прошествии десяти лет их численность еще более сократилась: с 16,7% в 2010 г. до 10,1% в 2020 г. [Республика Тыва. Национальный состав и владение языками... 2022а, с. 1–2].

В Хакасии же общая численность хакасов, согласно последней переписи 2020 г., насчитывала 2,7%. Как и прежде, «львиную долю» жителей республики здесь составили русские, процент которых достигал 82,1. Для сравнения отметим, что по данным предыдущей переписи (2010 г.) численность хакасов в республике составила 12,1%, а русских — 81,7% [Итоги Всероссийской переписи... 2012, с. 9]. Как видим, за последние десять лет этнический состав жителей данного региона практически не изменился. Подавляющее большинство населения республики, как и прежде, представлено русскоязычным населением. Понятно, что это положение не могло не отразиться на особенностях формирования языковой ситуации в данном регионе. В результате хакасы на протяжении длительного времени, живя в своей республике в этническом меньшинстве, так или иначе, были озабочены возможной утратой родного языка, так как подобная этническая среда объективно снижает

функции применения родного языка. И, наоборот, у тувинцев, по большей части сельчан, находящихся по сути в моноэтническом окружении, на деле вызывает тревогу наблюдаемое снижение уровня и масштабов использования русского языка в Туве. Об этом во время наших встреч в период экспедиционных выездов неоднократно говорили сельские жители, в частности представители местной администрации и учителя школ.

Не отрицая роль и значимость русского языка в качестве языка межнационального общения для всех без исключения этнических групп, живущих в разных регионах Российской Федерации, невысокое применение представителями титульного этноса Республики Хакасия родного языка в основных сферах жизни в полной мере можно отнести к числу неблагоприятных явлений. Не случайно местные ученые отмечают сокращение функций хакасского языка в основных сферах жизнедеятельности хакасского социума и подчеркивают, что важность сохранения хакасского языка высока в связи с тем, что сокращается численность хакасов как носителей родного языка [Трошкина, Шапошников, 2021, с. 187].

Несмотря на явно завышенные показатели, касающиеся отдельных аспектов языкового поведения представителей титульного этноса в материалах последней переписи, за последнее десятилетие этноязыковая ситуация в исследуемых регионах в действительности заметно изменилась, более того, в некоторых аспектах, включая «болевые точки», отмечается улучшение. Безусловно, во многом изменения были обусловлены последовательной языковой политикой, проводимой в республиках.

В частности, в Туве в числе наиболее значимых решений и мер, повлиявших впоследствии на позитивное развитие этноязыковых процессов, следует назвать принятый в начале 2000-х гг. новый Закон «О языках в Республике Тыва» (2003 г.), восстановивший статус русского языка как государственного языка республики наравне с тувинским. В 2013 г. здесь началась реализация государственной программы «Развитие русско-

го языка на 2014–2018 годы», принятие которой было продиктовано остро проявившимися проблемами русского языка в регионе, главным образом в системе образования, а также низким уровнем владения языком межнационального общения сельскими жителями. В рамках программы был разработан комплекс мер по привлечению учителей русского языка в сельские районы республики. Приглашение в тувинские школы носителей в качестве учителей русского языка было впервые проведено в Туве; позже этот почин был поддержан в других регионах. Министерство образования и науки Республики Тыва приняло решение с 2018 учебного года преподавать все предметы в средних общеобразовательных школах на русском языке. Как отметила в интервью заместитель министра образования Тувы, государственный инспектор по русскому языку Е. Хардикова, «Тува значительно повысила качество знаний русского языка. Мы стали не только больше и правильнее говорить на русском, но и подтверждаем знания на бумаге» [Знают ли в Туве... 2019, с. 1].

В начале 2017 г. в республиканских СМИ было опубликовано постановление «Об утверждении государственной программы Республики Тыва “Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы”». В числе основных задач программы значилось «обеспечение активного развития и расширения сфер функционирования тувинского языка как государственного на территории Республики Тыва на паритетных началах с русским языком — государственным и языком межнационального общения в условиях многоязычия» [Постановление Правительства Республики Тыва... 2017, с. 3]. В конце 2020 г. Правительство Тувы утвердило программу «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021–2024 годы», целью которой было создание необходимых условий для сохранения, равноправного развития и дальнейшего функционирования как тувинского, так и русского языков в Туве [Постановление Правительства Республики Тыва... 2020]. В «Отчете о результатах деятельности Правительства Республики

Тыва за 2022 год и о приоритетных направлениях деятельности на 2023 год» особо отмечалось, что в предыдущем году «значительные усилия предпринимались для сохранения и развития тувинского языка. В рамках месячника тувинского языка организовано более 40 мероприятий» [Отчет о результатах деятельности Республики Тыва... 2023, с. 18–19].

Региональная языковая политика в Республике Хакасия также нацелена на сохранение и дальнейшее развитие обоих государственных языков — хакасского и русского, но, учитывая неблагоприятную ситуацию с хакасским языком, особое внимание отводится именно ему, о чем свидетельствуют решения, принимаемые руководством, совещания республиканских министерств и ведомств, на которых обсуждаются региональные языковые проблемы. В ожидаемых результатах «Стратегии социально-экономического развития Республики Хакасия до 2030 года» наряду с другими значится «увеличение числа жителей Республики Хакасия, владеющих хакасским языком» [Стратегия... 2020, с. 38]. В конце 2021 г. появилось постановление, утверждающее государственную программу республики «Сохранение и развитие хакасского языка» на 2022–2027 гг. В преамбуле документа сказано, что целью программы является «обеспечение условий для сохранения, изучения, развития и популяризации хакасского языка как государственного языка Республики Хакасия» [Постановление Правительства Республики Хакасия... 2021]. При разработке программы любой житель региона мог высказать свое мнение, предложить идеи, внести свою лепту.

В начале сентября 2023 г. в Хакасии, как и в Туве, в седьмой раз отметили День хакасского языка. Праздник был официально учрежден республиканским руководством в 2017 г. и ставит своей целью привлечение внимания общественности к проблемам языка основной этнической группы республики. Для изучения этноязыковой ситуации в Хакасии и выявления наиболее острых проблем стало традицией проведение социологических опросов населения, органи-

зованных по инициативе республиканского руководства. Так, в числе осуществленных в последнее время (2021 г.), назовем исследование по теме: «Этническая идентичность хакасского населения Республики Хакасия, способствующая формированию потребности в овладении родным языком», выполненное по заказу Министерства национальной и территориальной политики республики. Как сказала в беседе с корреспондентом газеты «Абакан 24» директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Н. Майнагашева, «на протяжении многих лет в республике работали программы по сохранению и развитию хакасского языка. Однако еще есть над чем работать и дальше. В то же время нельзя отрицать положительных перемен. Мы считаем, что сегодня из режима сохранения хакасского языка нужно переходить в режим развития. Возможность такого перехода зависит не только от мер, реализуемых государством, это зависит от каждого из нас» [Хакасский язык... 2021].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ проведенного исследования показал, что для этноязыковых процессов обеих республик по-прежнему характерно дальнейшее развитие языка титульной национальности, значимость и важность которого независимо от этнической принадлежности осознается практически всеми жителями названных регионов. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты опроса, касающиеся языковой жизни местных жителей, полученные в ходе последней Всероссийской переписи населения 2020 г. В то же время, как показали материалы переписной кампании, в этих двух республиках ситуация с родным языком существенно различается. Наряду с отмечаемой активизацией различных официальных мер и решений со стороны соответствующих государственных органов, направленных на дальнейшее возрастание статуса и роли родного языка, положение языка межнационального общения — русского языка, в тюр-

коязычных регионах Южной Сибири остается стабильным и востребованным. Понятно, что известные процессы глобализации и мультикультурализма обуславливают объективную потребность непосредственного владения в равной мере обоими языками. В Хакасии языком общения в основных сферах жизнедеятельности является, как и прежде, русский язык. При этом хакасы, как правило, в абсолютном большинстве свободно владеют русским языком. В Туве же, несмотря на данные официальной статистики, показывающие высокие показатели владения местными жителями русским языком и отмечаемое в настоящее время возрастание интереса к нему, все-таки общий уровень и качество его знания пока еще далеки от желаемого. Добавим также, что в этих республиках развит лишь один тип билингвизма — национально-русский, а русско-национальный билингвизм — владение русским языком титульным этносом практически не встречается. Подытоживая сказанное, следует отметить, что к числу основных этноязыковых проблем, особенно явственно проявившихся с начала постсоветского периода и все еще характерных для языковых процессов сегодня, следует отнести в целом остающийся невысоким уровень знания русского языка представителями титульного этноса в Туве и слабое владение и недостаточное распространение родного языка среди хакасов в Республике Хакасия. В целом же, несмотря на наличие многих нерешенных вопросов в языковой сфере, все же налицо определенные позитивные результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Анайбан З. В. Русский язык в Туве и Хакасии. *Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях: (этнологические очерки)*. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2005. С. 123–135 [Anayban Z. V. *Russian Language in Tuva and Khakassia. Russian Language in Turkic-Slavic Ethnocultural Interactions: (Ethnological Essays)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2005. Pp. 123–135 (in Russian)].

Арефьев А. Л., Бахтикирева У. М., Синячкин В. П. *Проблемы билингвизма в системе*

школьного языкового образования Республики Тыва. *Новые исследования Тувы*. 2021. № 1. С. 255–272 [Arefiev A. L., Bakhtikireeva U. M., Sinyachkin V. P. Bilingualism in Language Education in Secondary Schools of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*. 2021. No. 1. Pp. 255–272 (in Russian)].

Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении. *Новые исследования Тувы*. 2020. № 1. С. 50–61 [Borgoiakova T. G., Bitkeeva A. N. Tuvan Language in Legal and Functional Aspect. *New Research of Tuva*. 2020. No. 1. Pp. 50–61 (in Russian)].

Знают ли в Туве русский язык? *Туваонлайн* [Do They Know Russian in Tuva? *Tuvaonline* 2023. (in Russian)]. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2019/04/11/znayut> (accessed 07.06.2023).

Зорин В. Ю. О результатах переписи населения. *Национальный проект*. 2023 [Zorin V. Yu. *On the Result of the Census. National Project* (in Russian)]. URL: <https://nazaccent.ru/column/236/> (accessed 03.05.2023).

Игнатова О. Как менялась численность населения России в последние десятилетия. *Российская газета — Федеральный выпуск*. 2023. № 41 (8986) [Ignatova O. How the Population of Russia Has Changed in Recent Decades. *Russian Newspaper — Federal Issue*. 2023. No. 41 (8986) (in Russian)]. URL: <https://rg.ru/2023/02/26/v-bolshinstve-svoem.html> (accessed 05.07.2023).

Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Хакасия. *Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва*. 2012 [Results of the 2010 All-Russian Population Census for the Republic of Khakassia. *Federal State Statistics Service for the Republic of Khakassia*. (in Russian)]. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/39102> (accessed 12.12.2023).

Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Кн. 2. М.: Статистика России, 2004. 2075 с. [National Composition and Language Proficiency, Citizenship. *Results of the All-Russian Population Census, 2002*. Vol. 4. Bk. 2. Moscow: Statistics of Russia, 2004. 2075 p. (in Russian)].

Республика Тыва. Население по национальной принадлежности, владению русским языком и его использованию в повседневной жизни по городским округам, муниципальным районам по Ре-

спублике Тыва. 5 с. *Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года*. Красноярск: Красстат, 2022 [Tuva Republic. Population by Nationality, Proficiency in Russian and Its Use in Everyday Life by City Districts, Municipal Districts in the Republic of Tuva. 5 p. *Results of the 2020 All-Russian Population Census*. Krasnoyarsk: Krasstat, 2022]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed 09.06.2023).

Серээдар Н. М. Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы. *Новые исследования Тувы*. 2018. № 1. С. 4–19. [Sereedar N. M. *Tuvan Language as Means of Communication among Tuvans: Problems and Prospects*. *New Research of Tuva*. 2018. No. 1. Pp. 4–19 (in Russian)].

Трошкина И. Н., Шапошников Г. М. Этноязыковая ситуация в Республике Хакасия (по результатам социологического исследования). *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2021. № 1. С. 173–193. [Troshkina I. N., Shaposhnikov G. M. *Ethnolinguistic Situation in the Republic of Khakassia (Based on the Results of a Sociological Study)*. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2021. No. 1. Pp. 173–193 (in Russian)].

Отчет о результатах деятельности Правительства Республики Тыва за 2022 г. и о приоритетных направлениях деятельности на 2023 год. *Официальный сайт Республики Тыва*. 2023. 66 с. [Report on the Results of the Activities of the Government of the Republic of Tuva for 2022 and on Priority Areas of Activity for 2023. *Official Website of the Republic of Tuva*. 2023. 66 p. (in Russian)] URL: https://rtyva.ru/press_center/o-sayte/ (accessed 10.07.2023).

Республика Тыва. Национальный состав и владение языками, гражданство. Т. 4. 3 с. *Всероссийская перепись населения 2010 г.* Красноярск: Красстат, 2022a [Republic of Tuva. National Composition and Language Proficiency, Citizenship. Vol. 4. 3 p. *Results of the 2020 All-Russian Population Census*. Krasnoyarsk: Krasstat Publ., 2022a (in Russian)]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed 11.05.2023).

Республика Тыва. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по Республике Тыва. 1 с. *Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года*. Красноярск: Красстат, 2022b. [Tuva Republic. Population of the Most Numerous Nationalities by Native Language in the Republic of Tuva. 1 p. *Results of the 2020 All-Russian Population Census*. Krasnoyarsk: Krasstat, 2022b (in Russian)]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed 09.07.2023).

Республика Тыва. Национальный состав населения по городским округам, муниципальным районам по Республике Тыва. *Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года*. Красноярск: Красс-стат, 2022. 6 с. [Tyva Republic. Ethnic composition of the population by city districts, municipal districts in the Republic of Tyva. Results of the 2020 All-Russian Population Census. Krasnoyarsk: Krasstat, 2022. 6 p. (in Russian)] URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed 02.05.2023).

Республика Хакасия. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по Республике Хакасия. *Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года*. Красноярск: Крассстат, 2022. 1 с. [The Republic of Khakassia. Population of the Most Numerous Nationalities by Native Language in the Republic of Khakassia. *Results of the 2020 All-Russian Population Census*. Krasnoyarsk: Krasstat, 2022. 1 p. (in Russian)]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed 03.04.2023).

Республика Хакасия. Национальный состав населения по городским округам, муниципальным районам по Республике Хакасия. *Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года*. Красноярск: Крассстат, 2022. 9 с. [The Republic of Khakassia. Ethnic Composition of the Population by Urban Districts, Municipal Districts in the Republic of Khakassia. *Results of the 2020 All-Russian Population Census*. Krasnoyarsk: Krasstat, 2022. 9 p. (in Russian)]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed 01.03.2023).

Республика Хакасия. Население по национальной принадлежности, владению русским языком и его использованию в повседневной жизни по городским округам, муниципальным районам по Республике Хакасия. *Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года*. Красноярск: Крассстат, 2022. 9 с. [The Republic of Khakassia. Population by Nationality, Proficiency in Russian and Its Use in Everyday Life by City Districts, Municipal Districts in the Republic of Khakassia. *Results of the 2020 All-Russian Population Census*. Krasnoyarsk: Krasstat, 2022. 9 p. (in Russian)]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed 02.06.2023).

Постановление Правительства Республики Тыва от 08.12.2020 № 610 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва “Развитие государственных языков Республики Тыва на

2021–2024 годы”». *Официальный интернет-портал правовой информации*. 2020 [Decree of the Government of the Republic of Tyva. December 8, 2020, No. 610 “On Approval of the State Program of the Republic of Tyva “Development of State Languages of the Republic of Tyva for 2021–2024.” *Official Internet Portal of Legal Information*. 2020 (in Russian)] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700202012100001> (accessed 19.03.2022).

Постановление Правительства Республики Тыва от 07.04.2017 № 152 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва “Развитие тувинского языка на 2017–2020 годы”». *Официальный интернет-портал правовой информации*. 2017 [Decree of the Government of the Republic of Tyva Dated 04/07/2017, No. 152 “On Approval of the State Program of the Republic of Tyva “Development of the Tuvan Language for 2017–2020”. *Official Internet Portal of Legal Information* (in Russian)]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700201704110011> (accessed 21.06.2023).

Постановление Правительства Республики Хакасия от 08.11.2021 № 569 «Об утверждении государственной программы Республики Хакасия “Сохранение и развитие хакасского языка”». *Документы — Республика Хакасия*. 2021 [Decree of the Government of the Republic of Khakassia. November 8, 2021, No. 569 “On Approval of the State Program of the Republic of Khakassia ‘Preservation and Development of the Khakassian Language’”. *Documents — Republic of Khakassia*. 2021 [(in Russian)]. URL: <https://r-19.ru/documents/7844/123447.html> (accessed 21.06.2023).

Стратегия социально-экономического развития Республики Хакасия до 2030 года. 2020. 244 с. *Постановления Президиума Правительства Республики Хакасия* [Strategy for Socio-Economic Development of the Republic of Khakassia until 2030. 2020. 244 p. *Resolutions of the Presidium of the Government of the Republic of Khakassia* (in Russian)]. URL: <https://r-19.ru/management/5697/86042.html> (accessed 20.05.2023).

Хакасский язык: от режима сохранения к режиму развития. *Газета «Абакан 24»*. 2021 [Khakass Language: From Preservation Mode to Development Mode. *Abakan 24*. 2021 (in Russian)]. URL: <https://abakan-news.ru/2021/09/22>. (accessed 20.05.2023).

БУРЯТИЯ: ВОЗМОЖНА ЛИ БУДДИСТСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ?¹

BURYATIA: IS A BUDDHIST VERTICAL POSSIBLE?

© 2023 **Сергей Борисович Филатов**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института востоковедения РАН, руководитель проекта
«Энциклопедия религиозной жизни современной России»,
Москва, Россия
sfilatov2006@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0004-5882-3429

Sergei B. Filatov

PhD (History), senior research fellow, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
sfilatov2006@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0004-5882-3429

Российская власть в 60-е гг. XVIII в. организовала структуру управления буддийской религиозной жизнью бурят по традиционному для империи образцу — в виде вертикальной институции во главе с Пандито Хамбо-ламой. В таком виде буддистская вера просуществовала до 1917 г. Борьба советской власти с религией затронула бурятских буддистов в той же мере, что и другие религии на просторах СССР. Перед Великой Отечественной войной легального буддизма не существовало. В 1948 г. буддизм в СССР был легализован и существовал официально только в Бурятии, где было создано Центральное Духовное Управление Буддистов (ЦДУБ) и зарегистрированы два прихода. Возрождение буддизма в Бурятии началось в 1990 г. В 1995 г. хамбо-лама Аюшеев реформировал ЦДУБ, поменяв его название на Традиционную Буддийскую Сангху России (ТБСР) и приняв новый Устав, в соответствии с которым хамбо-лама поставил под свой административный и финансовый контроль дацаны, что обеспечило верхушке ТБСР власть над

¹ Статья написана на основе материалов полевого исследования «Энциклопедия современной религиозной жизни России» под руководством С. Б. Филатова, проведенного в 2010–2020 гг.

буддийским духовенством. ТБСР стала выступать в роли защитника традиционной религиозности (в рамках местного извода школы Гелуг тибетского буддизма) и национальной идентичности бурятского народа. В то же время возникли несколько альтернативных буддистских объединений, вызывающих у ТБСР резкое неприятие. Лидер ТБСР хамбо-лама Аюшеев постоянно конфликтует с местными светскими властями и альтернативными буддистами за первенство и выбор пути развития бурятского народа.

Ключевые слова: Дамба Аюшеев, Традиционная Буддийская сангха России, Леонид Потапов, Вячеслав Наговицын, Алексей Цыденов, Объединение буддистов Бурятии, Чой-Дорже Будаев, Ринпоче-Багша, Еше-Лодой Ринпоче

Для цитирования: Филатов С. Б. Бурятия: возможна ли буддистская вертикаль? *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 231–246. DOI: 10.18254/S268684310029208-6

In the 60s of 18th century, Russian government organized management structure of Buddhist religious life of the Buryats according to the traditional model for the empire — in the form of a vertical institution headed by Pandito Hambo Lama. In this form the Buddhist faith existed until 1917. Soviet government's struggle with religion affected Buryat Buddhists to the same extent as other religions in the vast USSR. Before the Great Patriotic War, there was no legal Buddhism. In 1948 Buddhism in the USSR was legalized and existed officially only in Buryatia, where the Central Spiritual Administration of Buddhists (CDUB) was created and were registered two parishes. The revival of Buddhism in Buryatia began in 1990. In 1995, Khambo Lama Ayusheyev reformed the CDUB, changed its name to the Traditional Buddhist Sangha of Russia (TBSR) and adopted a new Charter. In accordance with which the Hambo Lama placed datsans under his administrative and financial control, which provided the top of the TBSR with power over the Buddhist clergy. TBSR began to act as a defender of traditional religiosity (within the framework of the local school of Gelug Tibetan Buddhism) and the national identity of the Buryat people. At the same time, several alternative Buddhist associations have emerged, causing a sharp rejection of the TBSR. The leader of the TBSR, Khambo Lama Ayusheev, is constantly in conflict with local secular authorities and alternative Buddhists for the primacy and choice of the path of development of the Buryat people.

Keywords: Damba Ayusheev, Traditional Buddhist Sangha of Russia, Leonid Potapov, Vyacheslav Nagovitsyn, Alexey Tsydenov, Association of Buddhists of Buryatia, Choi-Dorje Budaev, Rinpoche-Bagsha, Yeshe-Lodoy Rinpoche

For citation: Filatov Sergei B. Buryatia: Is a Buddhist Vertical Possible? *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 231–246. DOI: 10.18254/S268684310029208-6

В России проживают три народа, культура и этническая идентичность которых сформированы тибетским буддизмом: буряты, калмыки и тывинцы. Однако только в Бурятии сформировалась религиозная организация, претендующая на то, чтобы представлять в общественно-политической жизни России интересы и ценности всех буддистов и одновременно бурятского народа. Эта организация — Традиционная Буддийская Сангха России (ТБСР). Нельзя сказать, что она возникла совсем на пустом месте.

Вплоть до 1727 г. главой буддистов Бурятии считался верховный лама Монголии в г. Урга (Улан-Батор), полностью контролировавшемся китайскими властями. Первым шагом к официальному признанию буддистов в России стало приведение к присяге 150 лам в Забайкалье в 1741 г. В том же году императрица Елизавета Петровна признала «ламайское вероисповедание» в России, а ламы признавались духовным сословием. Российские власти перестали допускать монгольских лам в Бурятию, но тесные связи с

Тибетом и Монголией продолжали сохраняться. Положение дел, когда российские подданные-буряты находились в духовном подчинении у монголов, не удовлетворяло российскую власть.

Российские власти инициировали реорганизацию структуры управления буддийской религиозной жизни на территории Российского государства. Предполагалось, что независимая бурятская буддийская иерархия предотвратит население от влияния китайской императорской династии. В 1764 г. верховным ламой (Хамбо-ламой) буддистов, «обитающих на южной стороне Байкала» был признан Доржи Заяев, а центром стал Цонгольский дацан. Однако в результате соперничества первенство в 1809 г. переходит к Гусиноозерскому дацану. В свою очередь, ламы провозглашают русских царей — «белых царей» — земным воплощением милосердной богини Цаган-Дара-эхэ («Белой Тары»).

После революции 1917 г. со стороны приверженцев движения буддийского обновления делались попытки установить контакты с новой властью, над дацанами стали развеиваться флаги с серпом и молотом, а лидеры буддийских «обновленцев» хотели возглавить движение за «национальное освобождение бурят». На общепурятских съездах в 1917–1918 гг. было принято решение о реформировании буддизма в Восточной Сибири на основах выборности и коллегиальности. С избранием хамбо-ламой «обновленца» Лайдапова стали образовываться приходские советы, однако стремление к автономии вызвало возмущение у белого правительства атамана Г. Семенова и лидеры обновленческого движения вынуждены были бежать [*Буддизм в истории и культуре бурят*, 2014].

Во время гражданской войны внутри буддийского духовенства Бурятии существовали сторонники и белых, и советской власти, и нейтралитета. После гражданской войны право на легальное существование, естественно, получили только сторонники советской власти [Терентьев, 2008].

В 1922 г. был проведен первый съезд Буддистов Советской России и Дальневосточной республики. Власти Бурят-Монгольской автономной республики поддерживали обновленческое духовенство, провоцируя буддистов на раскол. В 1923 г. в Бурятии насчитывалось 43 действующих дацана. В первые годы после революции новые власти поддержали «обновленцев» Доржиева, но в 30-е гг. он, как и другие буддисты, подвергался преследованиям. Доржиев был арестован в ноябре 1937 г. и в январе 1938 г. умер в тюрьме города Улан-Удэ. Тогда же множество лам было арестовано, а монастыри закрыты и разорены. К 1 ноября 1938 г. было арестовано свыше 1800 (по некоторым данным — до 15000) представителей буддийского духовенства. Последний дацан в Бурятии был закрыт в конце 30-х гг. [Пореш, 2005].

В 1946 г., в соответствии с новой более терпимой по отношению к религии политикой Сталина, власти разрешили бурятам-буддистам исповедовать свою веру. Тогда же, после письма нескольких лам Сталину, были открыты два храма в Забайкалье. В 1948 г. буддизм в СССР был легализован и существовал официально только в Бурятии, где было создано Центральное Духовное Управление Буддистов (ЦДУБ).

Возрождение буддизма в Бурятии началось с 1990 г. В республике начался возврат культовых зданий и ценностей верующим — с этого периода религиозным объединениям, главным образом буддийским. В 1992 г. ЦДУБ получило статус общероссийской религиозной организации, а резиденцией избран Иволгинский дацан. ЦДУБ в 1995 г. было переименовано в Традиционную Буддийскую Сангху России (ТБСР).

Стабильное существование ЦДУБ в начале демократизации общества связано с именем хамбо-ламы Мунко Цыбикова, последнего уважаемого ламы из старшего поколения, сидевшего в сталинских лагерях. После его смерти в 1992 г., за 4 года на посту глав ЦДУБ сменилось трое хамбо-лам. Кризис Буддийского управления был связан с тем, что централизованная организация стала распадаться на самостоятель-

ные структуры, терять финансовый и идеологический контроль над дацанами [Елаев, 2000, с. 294–295]. Энергичный лама Дамба Аюшеев завоевал авторитет и был избран хамбо-ламой после того, как возглавил и возродил Балдан-Брэчдунский дацан под Кяхтой, в традиционном буддийском районе Бурятии.

Традиционная Сангха, во главе с Верховным Ламой Сангхи Аюшеевым, избранным на этот пост в 1995 г., а с тех пор неоднократно переизбранным, стала «официальным» объединением буддистов Бурятии и той организацией, которая стала претендовать на роль выразителя идей национального и религиозного возрождения бурят. Централизованная организация по планам Аюшеева повторяла в общих чертах принципы буддийской сангхи при Елизавете Петровне.

В 1995 г. хамбо-лама Аюшеев реформировал буддийское объединение, поменял его название на Традиционную Буддийскую Сангху России (ТБСР) и принял новый Устав. В соответствии с новым уставом хамбо-лама поставил под свой административный и финансовый контроль дацаны, что обеспечило верхушке ТБСР власть над буддийским духовенством. Выступая в роли лидера бурятской нации, Аюшеев осуществляет различные проекты — культурные, просветительские, экономические. В частности, в последние годы ТБСР под его руководством взялось развивать «традиционное» овцеводство, причем объемы экономической деятельности весьма значительны (см. «Проект “Социальная отара”» [Garmaeva, 2021]).

РЕФОРМЫ ДАМБЫ АЮШЕЕВА

Аюшеев создал жестко централизованную организацию с авторитарным управлением и единой идеологией. Противники Аюшеева обвиняют его в том, что он пытается скопировать структуру Московской Патриархии и авторитарное подчинение иерархии, как в православной церкви. Дацаны, входящие в ТБСР, Аюшеев держит в строгом подчинении у руководства.

Возглавив Традиционную Сангху, Аюшеев занял твердую позицию в отношении проповеди буддизма только школы Гелуг. Сангха, по его мнению, — это Гелуг, «поэтому ко всем остальным течениям и школам в буддизме, таким, как дзэн-буддизм, Сангха должна относиться, как православные к пятидесятникам» [Интервью Дамбы Аюшеева... 2000]. Столь резкая нетерпимость к другим течениям и школам (как и некоторые другие особенности ТБСР) нехарактерна для буддизма.

Отношение к Далай-ламе — общественно значимый вопрос среди бурятского духовенства, учитывая, что Далай-лама является главным духовным лидером для всех буддистов школы Гелуг в мире, в России в том числе. Глава основной буддийской структуры России — Верховный Лама Аюшеев строит жесткую централизованную организацию, для принципов существования которой авторитет Далай-ламы представляет потенциальную угрозу. Позицию Аюшеева характеризует особое отношение к Далай-ламе: он признается номинальным духовным лидером всех буддистов, но Аюшеев критически относится к конкретным рекомендациям, касающимся организации религиозной жизни бурят («Мы долгие годы были далеки от Тибета. Не имея контактов, уважение к Тибету особенно выросло. А теперь мы видим, какие они несчастные, к ним много сострадания»). Критики Аюшеева считают, что он с опаской относится к деятельности тибетских монахов на территории Бурятии и контролирует каждый их шаг.

В июне 2000 г. группа оппозиционеров из объединения «Арья-Баала», входившего в то время в ТБСР, направила открытое письмо президенту Бурятии Леониду Потапову с жалобами на Дамбу Аюшеева. В письме указывалось, что деятельность руководства ТБСР в действительности «деструктивна». Пандидо-хамбо-лама обвинялся, в частности, в отвержении авторитета и в некорректном обращении с видными тибетскими духовными наставниками, в противодействии деятельности тибетских лам в Бурятии, во «вражде и громких скандалах». Авторы письма

также подозревают Дамбу Аюшева в том, что он не может или не хочет канонически правильно пригласить в Бурятию Далай-ламу, в результате чего глава мирового буддизма школы Гелуг на протяжении многих лет не посещает республику. Дистанцирование от авторитета Далай-ламы для Аюшева является проявлением приоритета именно бурятского национального буддизма. Если обращать внимание не на слова, а на дела, можно прийти к выводу, что для Аюшева бурятская и тибетская духовные структуры Гелуг равны. Хамбо-лама Бурятии — полновластный хозяин у себя в республике, авторитет же Далай-ламы для бурят, по мнению Аюшева, носит чисто символический, ритуальный характер.

Аюшев стремится опереться на федеральную власть и возлагает надежды на то, что Традиционная Сангха объединит всех буддистов России. По его мнению, федеральное правительство заинтересовано в существовании сильного, организационно и идейно монолитного, традиционно не просто лояльного, но преданного Москве объединения буддистов («коренные народы Сибири, став буддистами в рамках Традиционной Сангхи, будут убежденными россиянами и навсегда исчезнет почва для сепаратизма») [Интервью Дамбы Аюшева... 2000].

Аюшев не смог добиться от буддистских организаций Калмыкии и Тувы подчинения ТБСР, но преуспел в признании московскими властями за ТБСР статуса единственной официальной буддистской традиционной организации. В начале 1999 г. ТБСР приняла участие в создании Межрелигиозного совета России, в состав которого помимо нее вошли представители РПЦ, мусульман и иудаистов.

Будучи лидером ТБСР, Аюшев единственный, кто представляет буддизм на федеральном уровне. От лица всех буддистов он участвует в обсуждении законов и других государственных решений, связанных с религиозной политикой московской власти. ТБСР в лице Аюшева провозглашает себя единственным подлинно народным и подлинно буддистским религиозным институтом — статус, признаваемый

федеральной властью, но не признаваемый многими бурятскими буддистами. Со времени организации ТБСР Аюшев занял непримиримую позицию в отношении шаманизма и язычества, в определенной степени противоречащую его этнической бурятской идентификации. Он призывает сохранять и развивать национальные духовные и культурные традиции бурятского народа. Однако в религиозном сознании бурятского народа шаманизм присутствует в эклектичном союзе с буддизмом; для бурят вообще традиционна синкретическая религиозность. Более того, среди бурят, проживающих на территории Иркутской области, значительное число верующих — чистые язычники-шаманисты, отвергающие буддизм.

БУРЯТСКИЙ ШАМАНИЗМ И «НЕ СЛИШКОМ МОГУЩЕСТВЕННЫЕ» БОГИ

Традиции шаманизма не прерывались в Бурятии даже в советское время, когда существовали тайные шаманы, которых просто называли стариками и бабушками. Многие из них пострадали от властей, однако в деревнях все равно тайно проводились шаманские обряды. Кроме того, многие шаманы в 20–30-е гг. бежали в Монголию, где во всей полноте сохранили шаманскую традицию. После падения советской власти подготовленные шаманы вернулись из Монголии и занимаются возрождением традиции. Шаманы называют наше время «Временем пробуждения богов», причем вкладывают в эти слова прямой, а не переносный смысл (как сказал автору один из шаманов Бато-Мунко Хаезарцев, «уже пробудилось 55 западных богов, 44 восточных и 13 местных бурятских; скоро еще очень много древних богов пробудится») [Интервью Бато-Мунко Хаезарцева... 2009]. Язычество считается у них первоначальной истинной верой всех народов (славянские и германские боги, например, просто дополняют сонм восточных богов), а различия космогонии и других мифов объявляются непринципиальными. Основа ве-

роучения шаманов — тенгрианство, языческое вероучение не кодифицировано, а в изложении отдельных шаманов обнаруживаются значительные различия.

Бурятские шаманы молятся духам природы и огня. В роли единого бога («Тэнг») в бурятском шаманизме предстает «вечно синее небо», которому и поклоняются буряты. У каждого шамана есть собственные молитвы; большое значение в ритуале имеет вхождение шамана в экстаз. Регулярно организуются общественные тайлганы — шаманские молебны, проводимые в живописных окрестностях Улан-Удэ. Утверждают, что им известны 275 богов. Остров Ольхон на Байкале считается местом, где собираются боги, там проводятся трехдневные поклонения богам сразу многих шаманов. Кроме того, проводятся локальные обряды поклонения духам конкретной местности и родовым божествам — онгонам (предкам). У каждого бурятского рода свой шаман, дар которого передается от отца к сыну. «Девять ветвей у священного древа», и девять степеней посвящения проходит шаман, прежде чем достигнет вершины в духовной иерархии — титула «заарин боо». На преодоление каждого нового этапа уходит от одного до трех лет.

«Шаманизм — это не “черная вера”, — подчеркивает шаман Борис Базаров. — Настоящий шаман возносит молитвы исключительно во здравие и во имя морали. Шаманизм не противопоставляет себя другим религиям, например, буддийские ламы нередко сами направляют обратившихся к ним за помощью к шаманам, если нужно “исправить” что-то по шаманской вере».

Шаманы считают, что буддизм и шаманизм в Бурятии имеют равные права. Однако шаманизм является древней исконной религией бурят, и сначала люди приходят к шаману, а уже потом идут к ламам. В 2009 г. Бурятии было около 3 тыс. шаманов. Одной из основных целей шаманы считают помощь людям в том, чтобы они не утратили связь со своими предками, с духами гор и воды, с матерью-землей, и вообще со всем живым.

Некоторые шаманы проводят прием в Улан-Удэ, к ним приходят люди разных националь-

ностей, в том числе и русские. Шаманы лечат многие болезни, а затем русские идут в РПЦ, а буддисты к ламам, так как шаманы признают христианского и буддийских богов (но считают их богами «среднего уровня», не слишком могущественными).

Власти стараются помогать шаманам в проведении национальных праздников на территории Этнографического музея в Верхней Березовке, в местности, которая считается священной тотемной землей бурят.

С начала 90-х гг. шаманы создавали различные союзы и ассоциации, ни одна из которых никогда не объединяла большинства шаманов. В 90-е гг. наиболее авторитетной и признанной властями организацией была Ассоциация шаманов Бурятии «Боо Мургоол» во главе с президентом Надеждой Степановой. В 90-е гг. Ассоциация объединяла более 50 человек, «обладающих даром призывания божеств нижнего (подземного и подводного), срединного (земного) и верхнего (небесного) миров». В ЮНЕСКО Степанова участвовала в совместных конференциях шаманов всего мира. Степанова отрицательно относится к распространению протестантизма в Бурятии, так как считает, что христианство — это «что-то русское». Протестантские церкви привлекают молодежь, не знающую, во что верить после десятилетий атеизма — «к протестантам идут, потому что не знают сути бога». В православие буряты, по мнению Степановой, были обращены насильно. Сейчас буряты ходят в РПЦ, так как там красивый обряд в храме, а для шаманства храм — это природа. Присутствие бурят в протестантизме и православии Степанова объясняет тем, что современный человек «покупается на внешнюю сторону». Степанова поддерживала президента Потапова, и считала, что национальность главы республики не имеет большого значения. По словам Степановой, шаманы говорят о том, что «нельзя идти против земли, воды, огня и власти».

Закат «Боо Мургоола» начался в 2005 г., когда эта организация отчаянно протестовала против слияния Усть-Ордынского автономного округа

с Иркутской областью, а Агинского автономного округа — с Читинской областью. «Боо Мургоол» был наиболее решительным оппонентом слияния, т. к. считал, что бурятское население лишится своей национальной культуры и духовности. Шаманы из трех бурятских регионов во главе со Степановой проводили совместные молебны богам и духам, прося их помешать слиянию регионов. Мольбы оказались напрасными — слияние состоялось в 2008 г.

К 2020 г. в Бурятии существуют четыре шаманистские организации — «Тэнгэри», «Лосот», «Баргузин» и «Боморгл». Наиболее крупной (объединяет 70 шаманов) и официально признанной является «Тэнгэри». Ее возглавляет президент Виктор Цыдынов. Эта организация возникла в 2004 г., в ней состоят не только буряты, но и русские и даже одна немка из Кельна. Организация пользуется поддержкой властей и планирует строительство языческого храма на окраине Улан-Удэ.

Аюшеев со всей административной мощью ТБСР обличает шаманские организации, обвиняя их в том, что они влекут бурятский народ в первобытное варварство. Шаманисты публично ведут себя более сдержанно, но конфиденциально своего возмущения не скрывают. Так стремящийся утвердить «чистый» от шаманизма и тенгрианства буддизм Аюшеев в 1999 г. столкнулся с религиозным движением, принципиально стремящимся к синтезу бурятского шаманизма с буддизмом.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ ВЫРОЖДЕНИЕ?

В середине 1999 г. ТБСР потряс новый раскол. Его возглавил лама Данзан-Хайбзун (Федор Сергеевич) Самаев. С одной стороны, Самаев — западный бурят, принадлежащий традиции симбиоза буддизма и шаманизма. Он последовательно проповедует необходимость такого симбиоза. С другой стороны, Самаев окончил Петербургский университет, получил высшее духовное образование в Улан-Баторе и в Индии,

а в 1990–1997 гг. был настоятелем петербургского дацана. Русская буддистская среда ему близка и понятна. В 1999 г. Самаев возглавил бунт трех дацанов против «диктатуры Аюшеева». Крупнейшим из них является Ацагатский дацан (глава — Туван-Даржи Цимпилов). В 1999 г. эти дацаны были зарегистрированы как самостоятельные организации с целью создания централизованной организации «Майдар», окончательно созданной в Улан-Удэ в июле 1999 г. В октябре 1999 г. основатель Майдара и бывший лидер дацана в Петербурге Данзан-Хайбзун Самаев заявил, что создание Майдара происходило с целью защиты от Хамба-ламы, который мог бы, пользуясь российским законодательством, изгонять и назначать глав этих дацанов. Кроме того, если новые дацаны будут открываться в Омске или, например, в Хабаровске, они не будут подпадать под действие правила ежегодной регистрации в течение 15 лет, а будут защищены покровительством централизованной религиозной организации.

Федор Самаев считал, что «возрождение — это не строительство дацанов, — реальное возрождение предполагает духовное развитие». Он отмечал, что сооружение Ступы Будды в Кижингинском Дацане ТБСР — это образец «лжевозрождения», поскольку оно связано не с учением, а только с деньгами: «Приношения должны идти от сердца». По его мнению, буддизм в России в настоящее время находится в странной ситуации: «Я был на Алтае, в Туве, в Калмыкии. Возрождение означает, что люди должны иметь буддийское мышление. У нас же не возрождение, а вырождение». По мнению Самаева, истинный буддизм заключается «в способности мыслить». С его точки зрения, последние события в России должны привести к «подлинно российскому буддизму», основанному на традициях школ Гелуг и наследии Дандарона, поскольку «русские, изучающие буддизм от иностранцев, — это что-то новое». Буддизм в России имеет большое будущее, так как, по мнению Самаева, «вам не нужно ехать для обучения в Гималаи. Социальная нестабильность

в современной России создает возможности для адаптации и заставляет думать» [Интервью Федора Самаева, 2009]. Буддизм, по убеждению Самаева, должен понимать современное общество, стать его неотъемлемой частью, учить современного человека в современных условиях думать и поступать добродетельно.

На окраине Улан-Удэ лама Самаев создал центр «Майдар», где организована Буддийская духовная Академия и эколого-просветительский центр «Аригун», совместно с американцами и европейцами занимающийся в основном экологическими проблемами Бурятии. Самаев поддерживает одновременно оппозицию Аюшееву в традиционных бурятских дацанах и привлекает к себе последователей из России. В богослужении широко используется русский язык. В религиозной практике «Майдара» используются и буддийские и шаманистские обряды. Самаев поддерживает активные контакты с европейскими буддистами, в частности, по приглашению Самаева, в Бурятию приезжал один из самых рафинированных европейских лам — **президент Европейского союза буддистов француз лама Дени Ринпоче**. Самаев был принципиальным противником связи бурятского буддизма с национальным движением, так как считал подобное сочетание смертельным для истинной веры.

В 2005 г. Самаев трагически погиб в автомобильной катастрофе, но созданное им движение продолжает существовать. Его возглавил Даши-Лама (В. А. Шаглахаев). Даши-Лама возглавляет Хайморский дацан «Бодхидхарма» в поселке Аршан Тункинского района. При Даши-Ламе в идеологии «Майдара» стали преобладать экологические идеи. Даши-Лама энергично работает «над восстановлением и обустройством сакральных мест, находящихся под патронажем исторических дацанов Тункинского и Окинско-го районов». Особое внимание уделяется «величайшей природно-культовой святыне бурятского, сойотского и монгольского народов — горе Мунку-Сардык (Бурэн-хан)». Сохранилась группа верных последователей Самаева среди академической и университетской интеллиген-

ции Улан-Удэ. Есть у Самаева последователи и за пределами Бурятии — в России и на Украине. Последователи Самаева пользуются уважением среди научной интеллигенции и у властей республики. Регулярно проводятся конференции его памяти, посвященные экологическим и культурным проблемам.

В борьбе за чистый бурятский буддизм Аюшеев отрицает не только шаманизм-тенгрианство. Под огнем его критики оказываются буддисты, заимствующие что-либо не из Гелуг, а из других школ тибетского (и тем более не-тибетского) буддизма. Кроме того, он считает недопустимыми заимствования у европейского буддизма (в интервью автору статьи он заявил, что **европейцы, в том числе русские, не способны понять всю глубину буддизма, они должны молчать и учиться у бурят** [Интервью Дамбы Аюшеева, 2000; Интервью Нимажапа Илюхинова, 2009]).

РАСКОЛ В САНГХЕ

В 1997 г. в Сангхе произошел раскол, возглавленный ламой Нимажапом Илюхиновым, который в 80-х гг. был послушником в Иволгинском дацане и учеником ламы Бакулы Ринпоче, посла Индии в Монголии. В самом начале перестройки Илюхинов активно участвовал в демократическом движении, был членом христианско-буддийского союза (отделения Христианско-Демократического Союза в Бурятии), в 1996 г. принимал участие в выборах в Государственную Думу от демократических сил. Илюхинов считает, что буддизм может и должен стать духовной основой демократического развития Бурятии.

В январе 1998 г. в Москве состоялся «Съезд буддийских общин России», возродивший Духовное Управление Буддистов РФ (ДУБ) и избравший его председателем Нимажапа Илюхинова. Новая структура стала ассоциацией автономных и независимых общин, принадлежащих к различным школам в буддизме. Сам Илюхинов провозглашает себя сторонником

движения «Римэй», принимающего все направления тибетского буддизма. В ДУБ на территории Бурятии (есть также несколько общин ДУБ в европейской России, состоящих в основном из русских) входит несколько традиционных общин школы Гелуг. Ее центр — община Дхарма в Улан-Удэ, состоящая в основном из бурятской интеллигентной молодежи.

Илюхинов поддерживает возрождение буддийского образования в более тесной связи с Тибетом, с тибетскими учителями и Далай-ламой и обвиняет Аюшева в фактическом непризнании авторитета Далай-ламы: «Далай-ламу следует чтить как бога, а Аюшев считает, что он глава буддистов Бурятии, а Далай-лама — Тибета. Но глава в Бурятии — это чисто бюрократическая должность, а Далай-лама — сакральная личность. Российскому начальству приятно видеть у себя “автокефальные” религии, не подчиняющиеся иностранцам, вот и подыгрывает. Приглашенные Аюшевым монахи из Тибета, из-за отвратительного отношения к ним, почти все разбежались. Некоторые переженились на русских и бурятских девушках и работают, кто кем, их не отличишь от местных» [Интервью Нимажапа Илюхинова... 2009].

В отличие от Аюшева Илюхинов признает ценность других школ в буддизме и не считает их еретическими. Кроме того, Илюхинов и его соратники симпатизируют европейскому буддизму и устанавливают с ним всесторонние связи, признавая значение западного мировоззрения для буддизма. В ДУБ вошли общины «Дзогчен» в Улан-Удэ. Эти общины были созданы переселившимися из Санкт-Петербурга интеллигентами — А. Вязниковцевым и Н. Дудко. Общины состоят в основном из русских буддистов, хотя есть значительная часть бурят. Общины Дзогчен во главе с русскими учителями стали составной частью бурятской религиозной жизни.

Однако более серьезный вызов Аюшеву представляет раскол в ТБСР, возникший в 2001 г., когда под руководством Чой-Дорже Будаева, возглавлявшего ЦДУБ до избрания его председателем Аюшева, оформилось Объединение

буддистов Бурятии (ОБК). В 2010 г. в ОБК состояло около 30 зарегистрированных организаций на территории Бурятии. Будаев обладает громадным харизматическим авторитетом у бурятских буддистов и пользуется наибольшим среди буддистских лидеров Бурятии уважением у Далай-ламы. Пожалуй, можно сказать, что в идеологии ОБК критика Аюшева, которую можно услышать от других альтернативных юрисдикций, выражается наиболее принципиально и резко. По словам Ригзин-ламы, ближайшего сподвижника Будаева, «Главное в буддизме — образование, учение, молитва, проповедь, а не организация народных праздников, отправление ритуалов, строительство дацанов. Если мы придерживаемся приоритета совершения ритуалов, а не молитвы и поиска истины, то всегда будем идти путем заблуждения. Нам не нужен никакой “бурятский” буддизм. Далай-лама — наш глава и учитель» [Интервью Ригзин-ламы... 2009].

Лидеры ОБК считают, что именно Аюшев фактически срывает визиты Далай-ламы в Россию и якобы из-за его интриг российский МИД идет на поводу у китайских коммунистов. В ОБК уже появились четыре монаха из Тибета и будет больше. В 2003 г. Будаев выдвигался кандидатом на выборах в ГД, чтобы на государственном уровне «защищать истинный буддизм», получив на это благословение Далай-ламы, а его кампанию обещал финансировать Ходорковский (но не смог).

В планах ОБК создание некой формы объединения трех равноправных национальных буддистских союзов — Бурятии, Калмыкии и Тывы. Отношения с ТБСР и лично с Аюшевым напряжены до предела. При встречах доходит до драк. Аюшев изо всех сил стремится сорвать все планы ОБК по созданию союза трех национальных буддистских объединений, находит рычаги, чтобы препятствовать выделению земли для строительства, срывает контакты с властями и спонсорами. В свою очередь, в письме к Путину ОБК утверждает, что «если российская власть будет отделять буддистов от Далай-ламы, в рос-

сийских республиках созреют экстремистские националистические взгляды».

В противовес позиции ТБСР, ОБД, ДУБ и «Майдар» в ОБК признают авторитет Далай-ламы во всем. Лидеры альтернативных объединений поддерживают связь непосредственно с Тибетом, участвуют в манифестациях за независимость Тибета от Китая, контактируют с Обществом Друзей Тибета в Улан-Удэ. Полуофициальной поддержкой представителей Далай-ламы пользуется буддийский монастырь женщин-мирян, при этом вызывающий глухое недовольство со стороны руководства Традиционной Сангхи. В ситуации, сложившейся в Бурятии, Далай-лама не может выступать против ТБСР, так как к Сангхе принадлежит большинство верующих в республике, и осложнение отношений с ТБСР неизбежно повлечет за собой потерю влияния Далай-ламы на территории Бурятии. С другой стороны, наиболее близкими по духу к Далай-ламе являются альтернативные буддийские организации, находящиеся во враждебных отношениях с ТБСР и лично с хамбо-ламой Аюшеевым. Вследствие этого существуют активные неформальные связи ОБК, ДУБа, «Майдара» с представителями Далай-ламы.

ЕШЕ-ЛОДОЙ РИМПОЧЕ В БУРЯТИИ

Наконец, в Бурятии возник духовный центр, непосредственно представляющий Далай-ламу. В июле 2004 г. в Улан-Удэ состоялось торжественное открытие и освящение буддийского центра «Ринпоче-Багша» и самой большой в России статуи золотого Будды. Комплекс зданий центра возведен на Лысой Горе, откуда открывается панорама всего города, его предместий и долины реки Селенги. Основателем центра стал лама — досточтимый Еше-Лодой Ринпоче, признанный перерожденцем тибетского святого Ело-тулку, тантрийского йогина. Еше-Лодой Ринпоче получил российское гражданство и прочно связал свою жизнь с российским буддизмом. На церемонию открытия приехали высокие ламы и верующие из Индии,

Тывы, Калмыкии, Владивостока и других городов и регионов России.

Еше-Лодой Ринпоче заявил, что центр открыт по просьбам верующих для углубленного изучения основ буддийской философии. Отныне верующим будет легче соприкоснуться с Учением Будды благодаря лекционному залу, где проходят лекции и хуралы, а также получить благословение Ринпоче, который ведет прием мирян трижды в неделю.

Финансирование проекта осуществлялось на личные сбережения ламы, на средства, выделенные правительством республики и мэрией города, а также на пожертвования верующих и учеников Ринпоче из Бурятии и других регионов страны. Одним из самых крупных спонсоров проекта стал предприниматель Андрей Туракин, глава администрации Баунтовского района. «Я счастлив представившейся мне и моим единомышленникам возможности участвовать в строительстве центра, — сказал Туракин. — Повезло и всем верующим буддистам республики, что у нас в республике живет досточтимый Ринпоче» [Махачкеев, 2018; Филатов, 2022]. Еше-Лодой Ринпоче не имеет в своем организационном подчинении никаких структур, кроме центра, но является духовным учителем для всех альтернативных буддийских объединений республики.

С возникновением буддийского центра «Ринпоче-Багша» во главе с Еше-Лодой Ринпоче духовный авторитет Аюшева совсем померк. Институционно-административный авторитет не может заменить духовной харизмы. Претензии Аюшеева на роль ведущего духовного лидера буддистов республики в общественном мнении жителей Бурятии потеряли убедительность.

По словам консультанта по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив при правительстве Бурятии Анатолия Жалсараева, ТБСР сильна присутствием в сельской местности. Крестьянам все равно в какой юрисдикции совершать обряды, а Аюшев, крепкий хозяйственник, сумел развить «религиозную инфраструктуру» по всей территории

республики. В то же время в Улан-Удэ, где народ посерьезнее относится к религии, только три из 29 религиозных буддистских организаций принадлежат ТБСР, остальные — к альтернативным юрисдикциям. Кроме того, по словам чиновников, Аюшееву фактически не подчиняются (хотя формально и зарегистрированы в ТБСР) Агинский дацан и другие буддистские религиозные организации в Иркутской области и Забайкальском крае [Интервью Анатолия Жалсараева... 2012].

И для бурят, и для приезжающих в Улан-Удэ русских безусловным высшим авторитетом стал Еше-Лодой Ринпоче. Аюшеев не смирился с таким изменением в духовной иерархии и при всяком удобном случае напоминает, что Еше-Лодой Ринпоче — чуждый иностранный элемент.

В 2018 г. сопротивление Аюшеева растущему влиянию «Ринпоче-Багша» нашло выражение в открытом конфликте с республиканскими властями Бурятии. И это не исключительное явление. Все бурятские лидеры не чужаются высказываться по политическим вопросам. В интервью, данных автору Аюшеевым, Ильхиновым, Самаевым и Ригзин-ламой, в самых жестких выражениях осуждалась советская власть и коммунистическая идеология. Бегство Далай-ламы в 1959 г. из Китая считается подвигом, спасшим тибетский буддизм от заразы коммунизма. Респонденты подчеркивают верность принципам демократии, прав человека.

При этом Аюшеев в качестве положительного примера приводил российскую монархию, а Ильхинов, Самаев и Будаев, каждый по-своему, положительно оценивали демократию. Впрочем, эти три сторонника народоправия высоко оценивали демократическую форму правления лишь в принципе. Они никак не конкретизировали свои демократические убеждения применительно к Бурятии или Российской Федерации.

АЮШЕЕВ VS ПОТАПОВ

С самого начала Аюшеев встал в непримиримую оппозицию к республиканской власти пре-

зидента Леонида Потапова (1994–2007). Хамбо-лама обвинял президента Потапова в том, что он как русский не заинтересован в удовлетворении духовных интересов бурят, в особенности, восточных и по словам Аюшеева привлекает в органы управления бурят-шаманистов, представляющих меньшинство бурятского народа, и не коренных жителей Бурятии, а недавних переселенцев из Иркутской области. Таким образом, Потапов, как считал Аюшеев, не дает развиваться национальному самосознанию бурятского народа и сдерживает развитие буддизма в Бурятии. Аюшеев подчеркивал независимость от республиканских властей и всячески выражал неприятие политики Потапова. В 1998 г. во время кампании по выборам президента Бурятии Аюшеев публично обвинил действующего президента — кандидата Потапова в неуважении к бурятам и к буддизму, так как власти разрешили отправить ценную буддийскую реликвию — «Атлас тибетской медицины» — на экспонирование в США. В Улан-Удэ состоялись многодневные пикеты и демонстрации протестующих. Инициаторами этой акции были лидеры альтернативных объединений буддистов — Духовного управления буддистов Н. Илюхинов и «Майдара» Ф. Самаев. По уверению Самаева, Аюшев за два года знал о подготовке «Атласа» к отправке для экспонирования в США и ничего не предпринимал. Аюшеев заявил, что ТБСР имеет все права на «Атлас» и не позволит вывести его за границу, где он может и остаться. Хамбо-лама призвал буддийских монахов встать на защиту «Атласа», вследствие чего в Улан-Удэ проходили протесты монахов и устраивались пикеты перед зданием правительства и публичные столкновения с применением физической силы. Аюшеев обвинил президента в массовом избиении буддистских священнослужителей [Субботин, 1998].

Кроме того, в поведении Аюшеева прослеживалось пренебрежительное отношение к Далай-ламе. К примеру, в вопросе об «Атласе тибетской медицины», защитником которого был Аюшеев, Далай-лама имел прямо противо-

положное мнение и признавал возможность его вывоза за пределы Бурятии. Дистанцирование от авторитета Далай-ламы для Аюшеева является проявлением приоритета именно бурятского национального буддизма, вопреки буддизму, подверженному западному влиянию.

После победы Потапова на выборах главы республики конфликт между Аюшеевым и республиканскими властями обострился. Дополнительной причиной неприязни Аюшеева к администрации Потапова стала поддержка руководством Бурятии альтернативных буддийских объединений, возникших в 1997–2001 гг. в противовес Традиционной Сангхе и относившихся к Потапову вполне лояльно. По мнению, например, Самаева, Потапов был чрезвычайно лоялен к буддизму, а во всех конфликтах виноват Хамбо-лама Аюшеев. «Конфликтовать с властями — это не по-буддистски». В противостоянии Аюшеева и Потапова по поводу отправки «Атласа тибетской медицины» в США Самаев выступал за посылку «Атласа» за рубеж, так как, по его мнению, это способствовало бы расширению международных контактов буддистов Бурятии. Илюхинов также поддерживал конструктивные отношения с президентом Потаповым, которого считал «человеком, понимающим бурятскую культуру и бурятские ценности» («чего нельзя сказать о Наговицыне»).

Из-за сложившихся конфликтных отношений с местными властями Аюшеев пытался опереться на федеральную власть, возлагая надежды на то, что Традиционная Сангха объединит всех буддистов России, принадлежащих к школе Гелуг. По мнению Аюшеева федеральное правительство заинтересовано в существовании сильного, организационно и идейно монолитного, не просто традиционно лояльного, но преданного Москве объединения буддистов («коренные народы Сибири, став буддистами в рамках Традиционной Сангхи, будут убежденными россиянами и навсегда исчезнет почва для сепаратизма»). Хамбо-лама Аюшеев — убежденный антикоммунист, в то же время он с большой симпатией относится к царской России, с почте-

нием отзывается о русских царях («я ненавижу коммунистов, а царей люблю, при них буддизм в Бурятии процветал. Екатерина Великая создала институт хамбо-лам и я горжусь тем, что я 25 хамбо-лама, прямой продолжатель екатеринских традиций в буддизме. Нужно возродить буддизм таким, каким он был при царях»). С добрыми традициями прошлого у Аюшеева связана надежда на нынешнюю федеральную власть и президента Владимира Путина.

ГЛАВА БУДДИСТОВ И ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ

Отставка Потапова в 2007 г. и назначение новым главой республики Вячеслава Наговицына (2007–2017) привела к принципиальному изменению отношений между ТБСР и республиканской властью — многолетний конфликт (по крайней мере, публичный) исчерпал себя. Глава республики Наговицын позиционировал себя как православного, но понимал, что нужно соблюдать баланс различных религиозных традиций республики — буддизма, православия, старообрядчества, шаманизма, протестантизма. При президенте Наговицыне буддистская политика республиканской власти изменилась. ТБСР находился в безусловно привилегированном положении: львиная доля материальной помощи доставалась ТБСР. ОБК и ДУБ не получали почти ничего, у них стали появляться сложности с арендой и выкупом земли, бюрократические препоны при осуществлении различных мероприятий. Впрочем, ограничения были не столь значительными, чтобы существенно повлиять на их жизнь. Губернатор при этом всячески подчеркивал уважение к бурятской культуре и ее носителю и защитнику Аюшееву.

В 2017 г. Наговицына на губернаторском посту сменил Алексей Цыденов — бурят и буддист. Открытый конфликт между главой буддистов и главой республики длится с сентября 2019 г., когда Дамба Аюшеев обвинил Цыденова и его первого заместителя Игоря Зураева в трусости, потому что они не вышли на «стихий-

ную» акцию протеста, продолжавшуюся на площади Советов в Улан-Удэ три дня после выборов мэра города 8 сентября 2019 г. Участники акции заявляли, что не признают победы получившего убедительное большинство Игоря Шутенкова, кандидатуру которого поддерживал глава Бурятии. В итоге Цыденов вышел к участникам санкционированного митинга 15 сентября, но тогда Аюшеев написал, что глава Бурятии «хорошо лавировал», уходя от «острых вопросов». Аюшеев также заявил, что республиканские власти не заботятся о сохранении бурятского языка. 2 октября губернатор Цыденов проигнорировал праздник в честь хамбо-ламы Итигэлова, куда был приглашен. После этого Дамба Аюшеев провозгласил, что присутствие главы Бурятии там было нежелательным, а пресс-служба Иволгинского дацана распространила официальный комментарий «главы российских буддистов» Аюшеева, в котором к критике регионального правительства за пренебрежение к бурятской культуре добавился упрек в нежелании развивать в республике овцеводство. В ответ в правительстве республики заявили, что «высоко оценивают усилия и проекты Буддийской традиционной сангхи по сохранению и развитию бурятского языка, традиционных видов спорта, развитию скотоводства в селах республики».

Источник “Б”, близкий к региональному правительству, считает, что причиной разлада стали 30 млн руб., которые хамбо-лама рассчитывал получить из регионального бюджета на развитие производства по переработке овечьей шерсти, однако выделить их не получилось [Еременко, 2019].

Особенное возмущение Аюшеева вызывает ориентация губернатора на буддийский центр «Ринпоче-Багша» во главе с Еше-Лодой Ринпоче: «Глава Буддийской традиционной сангхи России XXIV Пандито хамбо-лама Дамба Аюшеев в очередной раз выступил с критикой главы Бурятии Алексея Цыденова. Недовольство Аюшеева вызвала возможность взаимодей-

ствия Цыденова с главой другого буддийского центра в Бурятии — ламой Еше Лодой Ринпоче. “Говорят, что на Лысой горе черти устроили шабаш. Говорят, там в ресторане Цынгуева у ученика и спонсора нашего оппонента Еше Лодоя Цыденов любит угощать гостей. Если так, здесь уже раскол”, — написал глава Буддийской традиционной сангхи России в “Фейсбуке”²».

Позднее в комментарии он добавил, что в свое время просил Цыденова (когда тот был врио главы республики) не посещать Лысую гору: «И тут — на тебе, на праздновании Сагаалха он, забывшись или как, выдавая себя, открыто говорит о выделении Цынгуеву денег на развитие его фирмы “Ажур текс”. Возможно, он поступил очень мужественно или глупо, чтоб вывести меня из себя. А тут еще в дополнение не выполнил свое обещание про оборудование для обработки шерсти и бездействие по бедственному положению бурятского языка... Аюшеев возмущается, что глава администрации Цыденова Баир Цыренов, сенатор от Забайкальского края Баир Жамсуев, экс-мэр Улан-Удэ Геннадий Айдин и другие местные политики — якобы сторонники центра тибетского буддизма “Ринпоче Багша”. Ведь этот центр, во главе которого стоит тибетец Ело Ринпоче, ориентирован на Далай-ламу XIV Тензина Гьяцо! По словам местных наблюдателей, противоречия между традиционной сангхой и дацаном “Ринпоче Багша”, который возглавляет Еше Лодой, существуют давно» [Хамбо-лама продолжает... 2019].

С тех пор Аюшеев время от времени обрушивается с нападками на главу республики. Причем вряд ли еще хоть один глава субъекта федерации удостоивается столь грубых нападков от официального руководителя религиозной организации: «В день выборов депутатов Народного хурала Бурятии XXIV Пандито Хамбо-лама, глава Буддийской традиционной сангхи России Дамба Аюшеев осудил главу Бурятии Алексея Цыденова, который легкомысленно ответил на неуклюжее высказывание гостя — полномоч-

2 Запрещенная в России платформа социальной сети, принадлежащей компании *Meta*.

ного представителя правления Россельхозбанка на Дальнем Востоке Виктора Кузьменко. Последний в выступлении назвал жителей Бурятии “бурятцами”. Алексей Цыденов пошутил в ответ: “Теперь мы с вами бурятцы. Это примерно как москвичи”, — сказал Цыденов собравшимся. Эти слова глубоко задели национальную гордость главы буддистов России Дамбы Аюшеева, что он и выразил в своем телеграм-канале. По мнению Дамбы Аюшеева, глава Бурятии должен был не шутить, а “указать этому хрену что он оговорился, и так бурят называть не стоит”. “Какие еще ‘бурятцы’, что за уничижительное обращение к нации?!” — с гневом вопрошает глава буддистов России».

В своем Телеграм-канале Дамба Аюшеев в сердцах написал: «Цыденов, ты здесь один бурятец, так что уезжай, и заberi с собой своего Игоря!!!», добавив еще пару уничижительных характеристик главы Бурятии: «метис, самонадеянный супермен». «Вчера вечером пришла информация про супермена от коллег из Минтранса. Супермен — это нарцисс, жадный до денег и действует по принципу “Я начальник, ты дурак”. В общем, для меня это не открытие, но интересно. Ясно, что любой человек несовершенен, но до такой степени — это уже чересчур, если про эти качества характера знают все, кто с ним работал и работает!» [Глава буддистов России... 2023].

Аюшеев позиционирует себя как лидер бурятского народа, и не только религиозный. В главе республики Цыденове он видит узурпатора, авторитет которого решительно ниспровергает. В какой степени Хамбо-лама реально играет роль лидера бурятских буддистов и бурятского народа? В определенном смысле это реальность — большинство дацанов и общин числятся за ТБСР и подчиняются Аюшееву. Развитая система дацанов — единственная в России и привлекает верующих буддистов со всей России. Большинство бурят, сельских жителей, состоят в общинах ТБСР, где они участвуют в различных обрядах и ритуалах, а также прибегают к процедурам тибетской медицины. С другой

стороны, буддисты-городские жители относятся к практике ТБСР как к народному фольклору и обрядоверию. Их привлекают виртуозные духовные практики альтернативных буддистских объединений.

Аюшеев стремится добиться духовного единства бурятского народа, утвердив тибетский буддизм школы гелуг в интерпретации ТБСР в качестве единственного религиозного верования бурятского народа. Однако число альтернативных общин, синтезирующих гелуг с другими школами тибетского (и не только тибетского) буддизма, постоянно растет. К тому же альтернативщики склонны к сотрудничеству с европейскими буддистами и безразличны к милому сердцу Аюшеева этническим бурятским чертам религиозной жизни.

Аюшеев радеет о сохранении национальной культуры — танцев, песен, кулинарных традиций и т. д., поддерживает традиционные формы хозяйствования на селе, выступает за ЗОЖ, поддерживая традиционные виды спорта. Альтернативщики видят в этих аюшеевских проектах анахронизм, не имеющий будущего. Развитие национальной бурятской культуры видится им внутри современной городской интеллигентной среды. Мировоззрение бурятского народа развивается в чуждом идеалам Аюшеева направлении.

Бурят привлекает не только традиционный для бурят шаманизм и новые направления буддизма, но и христианство. В Бурятии успешно миссионерствуют различные протестантские церкви. Большинство из них имеют специальные бурятские миссии и внедряют в богослужение бурятский язык. Наиболее успешны пятидесятники. По оценкам пасторов буряты в различных общинах составляют от 30 до 70%.

Сразу после перестройки православная церковь была пассивна: ее сотрясали скандалы, связанные с аморальным поведением некоторых клириков, сдерживало активность и отсутствие архиерея. Первый митрополит Улан-Удэ Савватий (Антонов) (2009–2020), чуваш, понимающий проблемы этнических меньшинств

в церкви, был серьезно заинтересован миссией среди бурят. Сейчас буряты составляют около 15% прихожан³.

Вместо заключения приведем обширную цитату. «Не углубляясь в историко-этнографические детали, можно смело констатировать, что культурно-религиозный синкретизм является значимой социокультурной характеристикой республики. Длительный период сосуществования бурят и русских и сопряженные с ним процессы взаимодействия сразу трех религиозных традиций — буддизма, православия и шаманизма — хотя и не привели к полному растворению этнических, религиозных и социальных границ между основными этническими группами, сделали возможным возникновение и укоренение в социальной действительности достаточно широкого пласта культуры (религиозной в том числе), который является достоянием всех жителей республики независимо от их этноконфессиональной самоидентификации. Иллюстрируя этот факт, можно привести слова буддийского ламы: “Буряты ходят в церковь, а русские в дачаны. Наверное, мы доверяем друг другу. У буддистов отсутствует понятие миссионерства, и, если к нам ходят люди других вероисповеданий, значит, они что-то находят для себя”» [Алсуев, 2007; Варнавский, 2011, с. 199].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алсуев В. Под знаком Земляной коровы. *Российская газета*. 27.12.2007 [Alsuev V. Under the Sign of the Earthen Cow. *Russian newspaper*. 27.12.2007 (in Russian)].

Буддизм в истории и культуре бурят. Отв. ред. И. Р. Гарри. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 432 с. [*Buddhism in the History and Culture of the Buryats*. Ed. by I. R. Garry. Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2014. 432 p. (in Russian)].

Варнавский П. С. Национальная религия в контексте глобализации: традиционный буддизм в современной Бурятии. *Антропологический форум*. 2011. № 14. С. 190–226 [Varnavsky P. S. National Religion in the Context of Globalization: Traditional Buddhism in Modern Buryatia. *Anthropological Forum*. 2011. No. 14. Pp. 190–226 (in Russian)].

Глава буддистов России осудил легкомысленность главы Бурятии Цыденова. *Байкал 24*. 10.09.2023 [The Head of Russian Buddhists Condemned the Frivolity of the Head of Buryatia Tsydenov. *Baikal 24*. 10.09.2023]. URL: <https://baikal24.ru/text/10-09-2023/043/> (accessed 07.12.2023) (in Russian).

Елаев А. А. *Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение*. М.: Вестком, 2000. 352 с. [Elaev A. A. *Buryat People: Formation, Development, Self-Determination*. Moscow: Vestkom, 2000. 352 p. (in Russian)].

Еременко Е. Алексея Цыденова обвинили в расколе. Хамбо-лама раскритиковал главу Бурятии за посещение центра тибетского буддизма. *Коммерсантъ*. 29.10.2019 [Eremenko E. Alexey Tsydenov Was Accused of Schism. Hambo Lama Criticized the Head of Buryatia for Visiting the Center of Tibetan Buddhism. *Kommersant* (in Russian)]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4142054> (accessed 07.12.2020).

Интервью Анатолия Жалсараева Сергею Филатову. 14.06.2012. *Архив С. Филатова* [Interview with Anatoly Zhalsaraev by Sergei

3 В Улан-Удэ 17.06.2012 г. мне посчастливилось взять интервью у митрополита Савватия. Владыка поделился мыслями о психологии представителей национальных меньшинств в церкви. «Для чуваша, бурята или карела очень важно богослужение на родном языке. Даже если он прекрасно знает русский... даже если он знает русский лучше родного. Это как признание уникальности его личности, его идентичности. К тому же вы, наверное, понимаете, что нерусские люди боятся раствориться в русском мире, потерять лицо. Язык, какие-то национальные традиции, национальное искусство принятые Русской Церковью, делают ее своей родной чувашской или бурятской!» Митрополит Савватий всячески способствовал возникновению бурятского православия. Однако при нем только один бурят стал православным священником — Давид Лупсанов, клирик Вознесенского храма в Улан-Удэ. Этот энергичный и харизматичный клирик развивает сейчас бурятскую миссию.

Filatov. 14.06.2012. *Sergei Filatov's Archive* (in Russian)].

Интервью Бато-Мунко Хаезарцева Сергеем Филатову. 24.06.2009. *Архив С. Филатова* [Interview with Bato-Munko Khaezartsev by Sergei Filatov. 24.06.2012. *Sergei Filatov's Archive* (in Russian)].

Интервью Дамбы Аюшеева Сергеем Филатову. 05.10.2000. *Архив С. Филатова* [Interview with Dabma Ayusheev by Sergei Filatov. 05.10.2000. *Sergei Filatov's Archive* (in Russian)].

Интервью Нимажапа Илюхинова Сергеем Филатову. 25.06.2009. *Архив С. Филатова* [Interview with Nimazhap Ilyuhinov by Sergei Filatov. 25.06.2009. *Sergei Filatov's Archive* (in Russian)].

Интервью Ригзин-ламы Сергеем Филатову. 21.06.2009. *Архив С. Филатова* [Interview with Rigzin-Lama by Sergei Filatov. 21.06.2009. *Sergei Filatov's Archive* (in Russian)].

Интервью Федора Самаева Сергеем Филатову. 15.06.2009. *Архив С. Филатова* [Interview with Fyodor Samarv by Sergei Filatov. 15.06.2009. *Sergei Filatov's Archive* (in Russian)].

Махачкеев А. Вопрос о смене хамбо ламы может возникнуть только в экстренных случаях. *Агинское24*. 26.04.2018 [Makhachkeev A. The Problem of Replacing the Hambo Lama Can Only Arise in Emergency Cases. *Aginskoye24*. 26.04.2018. (in Russian)]. URL: <http://aginskoye24.ru/articles/616-aleksandr-mahachkeev-vopros-o-smene-hambo-lamy-mozhet-vozniknut-tolko-v-ekstrennyh-sluchajah.html?ysclid=lpym1s773493835977> (accessed 09.12.2023)

Пореш В. Ю. Тибетский буддизм в России. *Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания*. Т. 3. М.: Логос, 2005. С. 234–259 [Poresh V. Yu. Tibetan Buddhism in Russia. *Modern Religious Life of Russia. An Attempt at Systematic Description*. Vol. 3. Moscow: Logos, 2005. Pp. 234–259 (in Russian)].

Субботин А. Атлас тибетской медицины уехал в США. *Коммерсантъ*. 06.05.1998 [Subbotin A. The Atlas of Tibetan Medicine Left for the USA. *Kommersant*. 06.05.1998 (in Russian)].

Терентьев А. А. Буддизм в России: история и современность. *Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье*. М.: Феория Дизайн. Информация. Картография, 2008. С. 14–27 [Terentyev A. A. Buddhism in Russia: History and Modernity. *Land of Vajrapani. Buddhism in Transbaikalia*. Moscow: Feoria Design. Information. Cartography, 2008. Pp. 14–27 (in Russian)].

Филатов С. Буддизм в Бурятии: новые тенденции. *Keston Institute*. 2022 [Filatov S. Buddhism in Buryatia: New Trends. *Keston Institute*. 2022 (in Russian)]. URL: <https://www.keston.org.uk/rr/43/03-filatov-s-buryatiya.html> (accessed 07.12.2023).

Хамбо-лама продолжает критиковать главу Бурятии Цыденова. *Клуб регионов. Федеральная экспертная сеть*. 29.10.2019 [Hambo Lama Continues to Criticize the Head of Buryatia Tsydenov. Club of the Regions. *Federal Expert Network*. URL: <http://club-rf.ru/03/detail/3559> (accessed 07.12.2023) (in Russian)].

Garmaeva E. Sheep Farming Startup. How the “Social Flock” project works in Buryatia. *Дом дружбы народов Бурятии*. 2021. URL: <https://дом-дружбы03.рф/archives/6552.2021> (accessed 07.12.2023).

МИФИЧЕСКИЕ СТРАЖИ, или Особенности эстетики КИТАЙСКИХ КРЫШ

MYTHICAL GUARDIANS, OR THE SPECIAL AESTHETICS OF CHINESE ROOFS

© 2023 **Ольга Александровна Королева**

младший научный сотрудник Института востоковедения
РАН, Москва, Россия
ousoil33@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-4231-3246

Olga A. Koroleva

Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS,
Moscow, Russia
ousoil33@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-4231-3246

История развития традиционной китайской архитектуры насчитывает не одно тысячелетие. И в наше время красота архитектурных форм поражает воображение сложностью конструкций, изысканностью и многообразием убранства и материалов, из которых они созданы. В статье особое внимание уделено особенностям декорирования такого элемента крыши, как конек, который было принято подразделять на главный, диагональный и др. Вид декоративных элементов напрямую зависел от типа конька, на котором они были установлены. Фигуры драконов, небожителя и десяти мифических зверей являются неотъемлемой частью убранства крыш дворцовых комплексов. Несмотря на то, что изначально значение этих декоративных элементов было сугубо практическим, постепенно под влиянием народных верований оно также стало и символическим. В итоге, богатство культурных образов и их коннотаций сформировало неповторимую эстетику убранства крыш.

Ключевые слова: китайская архитектура, конек, небожитель, мифические звери, символика, китайская мифология, *чивэй*, глазурованная черепица

Для цитирования: Королева О. А. Мифические стражи, или Особенности эстетики китайских крыш. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 247–265. DOI: 10.18254/S268684310029199-6

The history and development of traditional Chinese architecture goes back thousands of years. Still, the beauty of architectural forms amazes the imagination with the complexity of their designs, elegance, variety of decoration and materials from which they are made. The paper focuses on the decorating of roof-ridges, which have a special design. The type of adornments directly depended on the type of roof-ridges. The ornate statues of dragons, a celestial being and ten mythical ridge beasts are placed on the roof-ridges of the palace halls. They were meant to display the power of the imperial family and represent all kinds of magic things. Although the original purpose of these decorative elements was practical, under the influence of folk beliefs it also became symbolic. As a result, they have formed a special and unique aesthetics of roof adornments.

Keywords: Chinese architecture, ridge, celestial being, mythical beasts, symbolism, Chinese mythology, *chivei*, glazed tiles

For citation: Koroleva Olga A. Mythical Guardians, or The Special Aesthetics of Chinese Roofs. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 247–265. DOI: 10.18254/S268684310029199-6

Одна из важных особенностей китайской традиционной архитектуры — роль, отводящаяся внешнему и внутреннему убранству. Что касается крыши, то ее облик складывается благодаря сочетанию множества деталей: глазурованной черепицы, разных типов конька (главного, диагонального), разнообразных фигур мифических созданий, украшающих конек и т. д. Плавные, изогнутые линии крыши смотрятся естественно, а загнутые кверху углы словно устремлены ввысь.

По сути, в китайской традиционной архитектуре крыша составляет большую часть всего здания, при этом она наделена «ведущей репрезентативной ролью в облике здания, что... отличается от европейских архитектурно-эстетических установок, предпочитающих сосредоточение внимания... на фасадной поверхности» [Кравцова, 2004, с. 839]. Кроме этого, формы и декоративные элементы крыши обращают на себя всеобщее внимание благодаря разнообразию. В старом Китае мастера, стремясь уменьшить нагрузку угла наклона крыши, исполь-

зовали разные приемы, в том числе установку декоративных элементов.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ КОНЬКА: МАТЕРИАЛЫ И ТЕХНИКА ИСПОЛНЕНИЯ

Существуют два важных аспекта, связанных с убранством крыши. Во-первых, декоративные элементы использовались в качестве крепежа и одновременно играли роль украшения. Во-вторых, керамическая отделка крыш играла роль декора, например, круглая черепица, замыкающая черепичный желоб, стреха и др.

Формы крыш в традиционной архитектуре достаточно разнообразны. Их основные стили можно условно разделить на шесть типов: четырехскатная крыша, двухскатная крыша, крыша *сешань* (歇山) с загнутыми углами, двухскатная крыша *иншань* (硬山)¹, двускатная крыша без конька, пирамидальная крыша [Гао Ян, 2009, с. 13]. Конек является важным структурным элементом крыши, а также одним из ключевых

1 Термин «иншань» означает способ укладки балок и стропил крыши дома с опорой на боковые стены без помощи опорных столбов.

декоративных элементов. Его принято подразделять на главный конек *чжэньци* (正脊), диагональный конек *чуйци* (垂脊), конек² *цяньци* (戗脊; 岔脊), характерный для типа крыши *сешань*, который образует угол 45° с диагональным коньком и выполняет функцию опоры, и «угловой» конек *цзяоци* (角脊) [Гао Ян, 2009, с. 18].

Главный конек *чжэньци*, или *даци* (大脊) располагался между двумя скатами крыши, в ее наивысшей точке [Ли Цзяньпин, 2011, с. 192]. Возможно, одной из причин его возникновения стало то, что в древности люди использовали черепицу или кирпич, чтобы закрыть стык скатов. Этот тип конька получил распространение в период Чуньцю (770–476 гг. до н. э.), а в эпоху Восточная Хань (25–220 гг.) его было принято оформлять с помощью растительного и животного орнамента. В эпохи Тан (618–907 гг.) и Сун (960–1279 гг.) форма главного конька отличалась изогнутостью, но после эпохи Мин (1368–1644 гг.) его уже делали прямым.

В зависимости от материала, используемого для создания конька, можно выделить несколько типов; речь о черепице и кирпиче. Так, до эпохи Сун было принято использовать черепицу; в эту эпоху на форму, структуру и декорирование помещений были наложены ограничения: например, ворота *утоу* (乌头门) обитые черной желобчатой черепицей могли строить только в домах чиновников выше шестого ранга [Цзя, 2017, с. 13]. Вместе с тем, во времена Мин и Цин (1644–1911) главный конек домов, где жили простолюдины, чаще всего выкладывали кирпичом [Ли Цзяньпин, 2011, с. 192], при этом яркое декорирование и украшение дома при помощи загнутых крыш находились под запретом.

В старом Китае черепица служила одним из основных элементов крыши. Ее стали использовать, начиная с эпохи Западная Чжоу (1046–771 гг. до н. э.). По мнению китайских исследователей, изобретение черепицы, отличавшейся многообразием форм и названий, является вы-

дающимся достижением в истории китайской архитектуры [Цзя, 2017, с. 7]. Так, в эпоху Цин черепица, укладываемая по обе стороны диагонального конька, называлась *саньсянь паньцзы* (三仙盘子). Внешне она напоминала гладкую пластину прямоугольной формы. Существовал и другой тип черепицы, называвшийся *лэцзяо паньцзы* (咧角盘子) — «с загнутой стороной». Черепица различалась по размеру, насчитывая восемь вариантов, и по виду, варьируясь от двух до девяти [Ли Цзяньпин, 2011, с. 195]. Самая большая могла достигать 49,6 см в длину, 27,2 см в ширину и 8,32 см в высоту, а самая маленькая — 27,2 см в длину, 19,84 см в ширину и 5,67 см в высоту.

В старину существовал определенный метод укладки главного конька с помощью черепицы, известный, как «три [уровня] кирпича, пять [уровней] плитки». Его особенность заключалась в том, что уровни чередовались, при этом отличаясь по виду и материалу изготовления. Такая технология укладки отличалась от крупноблочного монтажа главного конька, но из-за внешнего сходства с *чжэньци* она также получила название «темно-синий [высокопрочный] кирпич, похожий на керамику». Такая компоновка была характерна при строительстве конька на крышах больших зданий [Ли Цзяньпин, 2011, с. 204].

По традиции в процессе строительства крыши, когда главный конек уже был почти завершен, его центральная часть временно оставалась незаделанной. Это было связано с необходимостью четко определить середину крыши и выровнять конек с обеих сторон. Этот элемент известен, как *лункоу* (龙口), или «пасть дракона». Первоначально такой подход к очередности укладки объяснялся технологией строительства, но затем благодаря влиянию народной культуры возник и другой смысл. Внутри *лункоу* обычно клали деревянный ящичек с различными предметами — зерном, лекарствами, медными монетами, слит-

2 В пров. Сычуань в ходе раскопок был обнаружен погребальный инвентарь эпохи Восточная Хань, на котором хорошо просматривается изображение данного типа конька. На основании этого исследователи предположили, что тип конька *цяньци* возник до Хань. В эпоху Цин этот тип конька назывался «угловым» (角脊).

Илл. 1. Деревянный ящичек *лункоу* (龙口) и его содержимое

Fig. 1. Wooden *longkou* chest (龙口) and its contents
Source: From the author's personal archive

ками и др. (Илл. 1), т. е. ящик служил оберегом, призванным защитить владельцев дома. После того как ящичек убирался внутрь, а центральная часть конька заделывалась, полагалось провести торжественный обряд, носивший название *хэ лункоу* (合龙口), т. е. «закрытие пасти дракона». Если же крыша нуждалась в ремонте, оберег вынимался, и этот обряд назывался *инь лункоу* (迎龙口), т. е. «приветствие пасти дракона» [Ли Цзяньпин, 2011, с. 192].

В эпоху Цин для проведения обряда выбирался благоприятный день, проводились жертвоприношения, а чиновники Ведомства [общественных] работ (Гунбу; 工部) должны были совершить троекратное коленопреклонение с троекратным же прикосновением лба к полу, а также девятикратное челобитье. Ящички-обереги обнаруживают в центральной части главного конька в ходе ремонтных работ до сих пор³.

Илл. 2. Пример островерхой части крыши *баодин* в виде тыквы-горлянки

Fig. 2. Example of a *baoding* (peaked roof section) in the form of a gourd

Source: URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/35064209>

Что касается черепицы как одного из элементов древнекитайской архитектуры, то ее также использовали для выкладки островерхой крыши, которая обычно называлась *цзюэцзи* (绝脊). Форма верха крыши также носит название *баодин* (宝顶), или «драгоценная маковка» (Илл. 2). Поскольку внешне она напоминает «драгоценную вазу» *баопин* (宝瓶), то для обозначения островерхой части крыши обычно используется одно из двух названий [Ли Цзяньпин, 2011, с. 193–194]. Особым многообразием «драгоценная маковка» отличалась в период Южных и Северных династий (420–589) при строительстве буддийских пагод. Элемент *баопин*, обладая определенной символикой, выполнялся в виде эллипса или комбинации различных элементов. Как правило, он изготавливался из кирпича, керамики, металла и др.

3 В ходе реставрационных работ в ноябре 2018 г. во дворце «Культивации сердца» в дворцовом комплексе Гугун был обнаружен расписанный узорами в виде синих драконов квадратный ящичек со стороной 27 см в длину и 6,5 см в высоту. На нем была указана дата: «[Некий день] седьмого месяца шестого года [правления под девизом] Цзяцин». Внутри ящичка хранились свитки, монеты, пять видов слитков (золотой, серебряный, медный, железный и оловянный), драгоценные камни, лоскутки атласа и шелковые нити пяти цветов, пять видов пряностей (душистый перец, корица, анис звездчатый, гвоздика, фенхель), пять видов лекарственных трав и пять злаков (рис, просо, ячмень, пшеница, бобы) [Ян Цянь, 2018].

Илл. 3. Главный конек крыши в форме лодки

Fig. 3. The main ridge of the roof in the shape of a boat

Source: <https://read01.com/zh-hk/d063Mxk.html#.Yz2mXXZBzDc>

В северной и южной части Китая декоративные элементы конька, украшавшие крыши дворцов, храмов, жилых построек, отличаются неповторимостью. Кроме таких обитателей водной стихии, как гигантская мифическая рыба *аюй* (鳌鱼), драконы и карпы, можно увидеть изображения ласточки, феникса, курицы, высиживающей птенцов, и других видов птиц. Сложно представить этот список без изображений льва, слона, тигра, леопарда и др. В южной части Китая на главном коньке домов можно увидеть декоративный элемент *баопин*, парное изображение драконов, а также мифического зверя *цилиндя* [Гао Ян, 2009, с. 21]. Кроме этого на крышах храмов можно увидеть такие декоративные элементы, как «драгоценная жемчужина» (宝珠; *баочжу*), круг дхарм (法轮; *фалунь*), курильница (香炉; *сянлу*), тыква-горлянка⁴ (葫芦; *хулу*) и др.

В прибрежных районах Китая (например, в пров. Гуанчжоу) на крышах домов можно увидеть конек необычной формы — в виде лодки (船形脊; *чуаньсин цзи*). Это не удивительно, поскольку в глазах местного населения лодка, на которой рыбаки выходят в море, — залог благополучия семьи. Главный конек по обеим сторонам имеет загнутую форму, а в центре — вогнутую (Илл. 3). Поверхность конька часто украшает растительный орнамент и фигуры

танцующих драконов [Ли Цзяньпин, 2011, с. 206]. Безусловно, украшения устанавливались на крышах домов с определенной целью — защитить хозяев дома и принести в семью удачу. Вместе с тем часть перечисленных образов связана с буддийским учением и входит в число «восьми драгоценностей». Таким образом, кроме практического значения, эти декоративные элементы также содержат в себе благопожелательный смысл.

Другой тип конька, характерный для традиционной китайской архитектуры, — диагональный; эта неотъемлемая часть вальмовой крыши⁵ называется *чуйцзи* (垂脊). Такое название⁶ не случайно, поскольку, с одной стороны, подразумевается, что диагональный конек расположен перпендикулярно к главному коньку, а с другой подразумевается его «свисающая» форма [Ли Цзяньпин, 2011, с. 192]. Конек этого типа, располагаясь на стыке скатов вальмовой крыши, по сути, фиксирует их. Считается, что уже в эпоху Хань одна из сторон диагонального конька отличалась загнутой формой. Начиная с эпох Суй (581–618) и Тан в качестве украшения этого типа конька начали использовать керамические фигуры мифических зверей, правда, их облик окончательно сложился уже во времена Мин и Цин [Ли Цзяньпин, 2011, с. 192]. Из-за того, что тип конька назывался *чуйцзи*, фигуры

4 В китайской культуре слово «тыква-горлянка» — омофон благопожелания «удача [и] карьера» (福禄).

5 Это тип крыши с четырьмя скатами.

6 В китайском языке слово *чуй* (垂) имеет несколько значений — «свисать», «отвесный», «перпендикуляр».

получили название *чуйшоу* (垂兽). Эта связанная с типом конька особенность отразилась на названиях декоративных элементов и в других случаях⁷.

В китайском языке существует выражение «пять коньков [крыши и] шесть зверей, [расположенных по углам]» (五脊六兽; *уци люшоу*), или, образно говоря, «дворцовая постройка». Под словом «пять» подразумевается один главный и четыре диагональных конька, а под словом «шесть» — общее число фигур зверей, украшающих оба типа конька. С их помощью закреплялась черепица, кроме этого они выполняли декоративную функцию, а также образно выступали в роли защитников. Таким образом, с точки зрения расположения диагональный конек был тесно взаимосвязан с главным коньком: он усиливал внешние очертания крыши и благодаря особенностям своего устройства защищал ее от протечек дождевой воды.

Еще один тип конька — угловой. Он имеет четырехугольную форму четырехскатной крыши и крыши типа *сешань*, являясь важной частью ее декора [Гао Ян, 2009, с. 20]. Нижнюю часть конька обычно украшает керамическая фигура небожителя, сидящего на спине у феникса, которая называлась «небожитель, указывающий дорогу» (仙人指路; *сяньжэнь чжилу*). Следом было принято устанавливать фигуры девяти мифических зверей *цзоушоу* [Юй Чжо'юнь, 2007, с. 216]. Если для декоративных элементов на крышах официальных зданий была характерна четкая ранжированность и форма, то для построек иного типа — скорее узорчатость и пышность. Например, кроме декоративного элемен-

та в виде мифических зверей, конек мог быть украшен изысканным рельефным орнаментом, благодаря чему он получил название *хуацзи*, или «цветочный конек» (花脊) [Гао Ян, 2009, с. 21].

ПАРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ГЛАВНОГО КОНЬКА

В эпоху Хань на домах знати было принято устанавливать изображения красной птицы Чжу-Цюэ (朱雀) — духа-покровителя юга или, согласно другим источникам, павлина. На каменных рельефах этого времени также можно встретить изображение феникса⁸, примостившегося на коньке кирпичных ворот с двойными башнями. Обычно изображение птицы устанавливали перед дворцами, храмами предков и др. [Ли Цянлан, 2009, с. 246]. Согласно сохранившимся записям, в эпоху Хань широкое распространение получил элемент, известный как *чивэй* (鸱尾), или «хвост совы». Его изображения встречаются на каменных стелах и погребальном инвентаре⁹. Возможно, на начальном этапе формирования этого элемента существовала определенная связь с образом огромной птицы. Среди специалистов также существует точка зрения, что прообразом *чивэй* могла стать форма хвоста малого ястреба (鹞鹰; *яо'ин*)¹⁰.

Безусловно, изначально описанный декоративный элемент имел исключительно практическое значение, но по прошествии времени под влиянием народных традиций получило распространение и другое объяснение. Согласно преданию, сановники, служившие при дворе императора У-ди (156–87), рассказали правите-

7 Например, из-за расположения на коньке *цянцизи*, характерного для крыши типа *сешань*, фигуры зверей было принято называть *цяншоу* (钱兽).

8 «[Там] живут пятицветные птицы трех видов: первая называется птица-[феникс] *хуан*, вторая — птица-[феникс] *луань*, третья — птица-[феникс] *фэн*» [Каталог... 1977, с. 119]. Согласно «Каталогу гор [и] морей», — тексту, где описывается реальная и мифическая география Китая, — в отличие от красной птицы, прообразом которой была небожительница, прообразом феникса (*фэнхуан*) была необычная птица, при этом слово *фэн* (凤) означало самца, а *хуан* (凰) — самку.

9 Например, изображение так называемого «хвоста совы» можно увидеть на рельефном коньке, вырезанном в одной из каменных пещер Юньган. На притолоке Большой пагоды диких гусей, построенной в эпоху Тан, вырезано изображение, на котором также четко видны контуры этого декоративного элемента.

10 Основной ареал в КНР — пров. Хубэй.

лю о том, что над Восточно-Китайским морем идет необычный дождь, по форме похожий на водяного духа с извивающимся хвостом, но вместе с тем напоминающий хвост совы. Также говорилось, что это необычное существо умеет извергать волны и ниспосылать дождь, поэтому, и если установить его изображение на крыше, оно защитит жилище от пожара [Ли Цзяньпин, 2011, с. 201]. Таким образом, в глазах людей декоративный элемент *чивэй* выполнял не только практическую, но и охранительную функции.

С VIII в. элемент *чивэй* постепенно начал трансформироваться — он становится более выпуклым и заметным¹¹. В ходе трансформации появилась новая деталь в виде рта, а птичий хвост внешне стал напоминать рыбу, покрытую чешуей. Изменения коснулись не только облика, но и названия: декоративный элемент был переименован в *чивэнь* (鸱吻; 螭吻), где *вэнь* (吻) означает «рот животного». Исходя из народных традиций, люди считали, что в образе *чивэнь* воплотились черты одного из девяти сыновей дракона¹² [Гао Ян, 2009, с. 18]. Существует точка зрения, что этот образ проник в китайскую культуру вместе с буддизмом¹³. В китайских переводах буддийских трактатов элемент «свинный хвост» также назывался *моцзе юй* (摩羯鱼) и изображался в виде кита или огромной фантастической рыбы, которая пожирала все, что встретится ей на пути.

Считается, что наиболее ранним сохранившимся примером этого декоративного элемента

являются главные ворота монастыря Дулэ (独乐寺) в уезде Цзисянь (г. Тяньцзинь). Основные черты этого украшения — раскрытая пасть с торчащими клыками, длинный язык и рога на голове. Изображая сверхъестественные свойства определенных существ, мастера использовали набор обычных атрибутов, таких, как крылья, чешуя, рога, языки пламени и др. [Sterckx, 2002, p. 10]. С одной стороны, это было связано с тем, что изображение животных воспринималось с точки зрения качеств, которые они символизируют. С другой стороны, визуализация посредством метафор могла опосредованно представлять в сознании людей первообразы и образы, идеальные и материальные объекты и т. д.

В династийной истории «Старая книга [эпохи] Тан» (цз. 8), составленной в середине X в., также сохранилось несколько упоминаний о декоративном элементе *чивэнь*: «... сильный ветер вырвал деревья [и] сорвал крыши, сломал *чивэнь* на [главных дворцовых воротах] Дуаньмэнь, на столичных городских воротах, на [крышах буддийских и даосских] монастырей [и] храмов. *Чивэнь*, которые упали [на землю], казались располовиненными. ... Гром прогремел над парой *чивэнь* над надвратной башней Синцзяо. Балюстрада и столбы пострадали [от огня]» [Цзю Тан шу, 1975, с. 190–191]. Поскольку символически декоративный элемент *чивэнь*, как и *чивэй*, было принято связывать с водной стихией, его фигура устанавливалась на крыше для защиты от всевозможных стихийных бедствий.

11 Ряд исследователей считает, что элемент «хвост совы» начал видоизменяться в период Южных и Северных династий.

12 Старинная легенда гласит, что у дракона родилось девять сыновей, не все из которых были драконами, и их описания появляются только в эпоху Мин. Каждый из сыновей был уникален: старший сын — дракон *цюн'ю* (囚牛) любил музыку. Второй сын *яцзы* (睚眦) питал страсть к убийствам, поэтому его обычно изображали на соединении лезвия с рукоятью меча в виде дракона с раскрытой пастью. Изображение зверя *чаофэн* (嘲风), третьего сына дракона, расположенного по углам строений, украшало дворцовые постройки. Четвертый сын — морской зверь *пулао* (蒲牢) — мог издавать громкий рев. Пятый сын — *суаньни* — был похож на льва. Шестой была черепаха *бася* (霸下), или *биси* (霸下), способная нести на спине тяжести. Седьмым был *би'ань* (狻狂) — легендарный тигр, которого часто изображали на воротах тюрем. Восьмой сын *фуси* (负屃) внешне напоминал дракона, а его изображением украшали верхнюю часть каменных стел. Последним был *чивэнь* (螭吻); считалось, что он мог тушить пожары и отводить несчастья, поэтому его изображение украшало крыши зданий.

13 Начиная с эпох Суй и Тан и вплоть до Юань среди ювелирных украшений из золота и серебра можно было встретить изображение этой мифической рыбы. Также много примеров ее изображения можно найти в эпоху Сун в виде фарфоровых изделий из Яочжоу.

В эпоху Сун традиция украшать крыши парными изображениями *чивэнь* продолжилась. Один из примеров такого декора — главные южные ворота Сюаньдэ (宣德门) города Дунцзин эпохи Северная Сун¹⁴. По обеим сторонам главного конька надвратной башни были установлены декоративные элементы *чивэнь*, внешне напоминающие рыбу. В их облике четко просматривался мотив, характерный для эпохи Тан, позже трансформировавшийся в более привычный для всех образ дракона [Сюй Юэдун, 2008, с. 80]. Эпоха Сун — время, когда делался упор на гражданскую сферу жизни, что позволило продвинуться вперед в культурной сфере, в том числе, в вопросе стандартизации древнекитайской архитектуры. Если судить по облику архитектурных сооружений, запечатленных на живописных произведениях того времени, декорирование главного конька уже начало претерпевать изменения. Таким образом, унаследовав опыт предыдущих эпох (прежде всего, эпохи Тан), в эпоху Сун продолжился процесс развития различных аспектов жизни, включая архитектуру [Сюй Юэдун, 2008, с. 80].

В эпоху Мин декоративный элемент *чивэнь* в последний раз претерпевает изменения и приобретает хорошо знакомый облик дракона с разинутой пастью, при этом создается впечатление, что он крепко держится зубами за конек, из-за чего изменилось и название элемента — *лунвэнь*¹⁵ (龙吻), где *лун* означает «дракон». Количество фигур дракона на крыше в целом обычно достигало десяти — двух на главном коньке, по одной на четырех диагональных коньках и по одной на четырех коньках, расположенных под углом 45° по отношению к диагональному

коньку. Ступенчатая система расположения разных типов коньков и способы их декорирования должны были защитить крышу от протечек во время дождя, чтобы вода не проникала внутрь помещений через зазоры, поэтому, безусловно, основная их функция — практическая [Гу Юэ, 2010, с. 32]. Таким образом, элемент позволял сделать конек устойчивым и водонепроницаемым. Вместе с тем согласно китайской поговорке «о девяти коньках [крыши] и десяти драконах», драконы¹⁶ являются не просто архитектурным украшением — они призваны оберегать покой в императорском дворце.

Декоративный элемент *лунвэнь* также было принято называть *чжэньвэнь* (正吻), или *давэнь* (大吻), тем самым подчеркивая особый статус парных изображений, традиционно устанавливавшихся на главном коньке *чжэньцзи* на крышах дворцов и зданий, имевших официальное значение. Поверхность *чжэньвэнь* было принято украшать небольшими фигурами драконов с орнаментом в виде струящихся речных потоков¹⁷. Декор главного конька крыш домов простых граждан был проще и не предполагал использования столь изысканно выполненных элементов [Ли Цзяньпин, 2011, с. 202].

Наиболее известный каноничный пример — парные фигуры драконов, украшающие главный конек крыши «Зала Высшей гармонии» (太和宮; Тайхэгун) в Запретном городе в Пекине (Илл. 4), где проходили важнейшие государственные церемонии (возведение на престол, прием иностранных послов, объявление императорских указов и т. д.). Каждая из фигур сложена из 13 частей, соединенных друг с другом, они достигают 3,4 м в высоту и весят более четырех

14 Эпоху Сун принято разделять на два периода: Северная и Южная Сун. Столицей Северной Сун был город Дунцзин (совр. Кайфэн, пров. Хэнань), носивший в эпоху Тан название Бяньчжоу (汴州). Столицей Южной Сун был город Линьянь (临安) (совр. Ханчжоу, пров. Чжэцзян).

15 На юге Китая он получил название *линвэй* (鳞尾), или «чешуйчатый хвост» и выглядел несколько иначе, поскольку был украшен многочисленными узорами.

16 Считалось, что образ дракона также тесно связан с образом бога огня Чжужуна (祝融).

17 Один из таких элементов получил распространение в эпоху Цин: с тыльной стороны *чжэньвэнь* располагалось отверстие, в которое вставлялась, как клин, зооморфная фигура, таким образом, образуя с ним единое целое. Этот дополнительный элемент, как правило, использовался при оформлении зданий, связанных с властными функциями.

Илл. 4. Декоративный элемент *чжэнвэнь* на крыше «Зала Высшей гармонии» в Пекине

Fig. 4. *Zhengwen* decorative element on the roof of the “Hall of Supreme Harmony” in Beijing

Source: URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/574362682>

тонн. Поверхность фигур покрыта орнаментом, символизирующим водную стихию. Поскольку дракон был тесно с ней связан, считалось, что он способен защитить от пожаров и стихийных бедствий. С обратной стороны *чжэнвэнь* можно увидеть веерообразный выступ, который называется «рукоять меча» (剑把; *цзяньба*). Этот декоративный элемент выполняет вполне конкретную задачу — служит заглушкой для внутреннего отверстия [Гао Ян, 2009, с. 18]. Таким образом, изменения, которые претерпел *чжэнвэнь* на протяжении веков, проходили в несколько этапов, что было связано не только с постепенным переосмыслением функций этого декоративного элемента, но и с возросшим уровнем производства керамических изделий, их изысканностью и выразительностью.

НЕБОЖИТЕЛЬ И МИФИЧЕСКИЕ ЗВЕРИ

В традиционном Китае декоративные элементы, украшавшие крышу, отличались как внешне, так и по количеству и месторасположению. Если главный конек было принято украшать парным изображением *чжэнвэнь*, то в качестве украшения других типов конька использовались фигуры небожителя и мифических зверей —

Илл. 5. Небожитель верхом на фениксе

Fig. 5. *Celestial being riding a phoenix*

Source: URL: http://dz.jjckb.cn/www/pages/webpage2009/html/2014-03/14/content_87652.htm?div=0

дракона, феникса, льва, небесного коня, морского коня, *суаньни* и *я'ю* (двоих из девяти сыновей дракона), зверя *сечжи*, рогатого дракона и зверя *ханши*. Согласно легендам, все они были наделены божественной силой: каждый был уникален и заключал в себе определенную символику. Дракон и феникс символизируют императора и императрицу. Лев является символом высокого статуса императорской власти. Небесный конь и морской конь символизируют могущество и добродетель правителя. Рогатый дракон *доуню* и дракон *я'ю* благодаря умению вызывать облака и дождь являются символами защиты от огня. Дракон *суаньни*, как и лев, символизирует власть императора над всей Поднебесной, которому, как подданные правителю, подчиняются все звери. *Сечжи* является символом правосудия и высоких нравственных качеств императорской семьи — честности и прямоты. Замыкает группу зверь *ханши*: он также был призван защищать людей и их жилища от пожара.

Как правило, на коньке первым было принято устанавливать изображение небожителя, сидящего верхом на фениксе или, в ином исполнении, на курице (Илл. 5). В начале эпохи Цин его обычно изображали с длинной бородой, разделенной на три пряди. Как и другие декоративные элементы крыши, фигура небожителя

Илл. 6. Конек Бронзового зала монастыря Сянтун
Fig. 6. The ridge of the Bronze Hall of Xiangtong Monastery

Source: URL: https://k.sina.com.cn/article_3960624673_pec12562102700uhnu.html?from=collect#p=2

изначально имела практическое значение — с помощью нее закреплялась черепица. Она устанавливалась в крайней точке конька уже в «собранном» виде, т. е. если до обжига фигура бессмертного состояла из двух отдельных частей, то после него уже выглядела, как единое целое. Материалы, использовавшиеся для его создания, делятся на два типа — неглазурованная глина и глазурованная керамика.

Изображение небожителя можно встретить уже на картинах эпохи Сун, правда, в то время он носил иное название — *пиньцзя* (嫫伽). Согласно трактату «Образцы строительства»¹⁸ («营造法式»; «Инцзао фаши»), составленного в эпоху Сун [Ли, 2011, с. 199], это название является производным от санскритского слова

«калавинка¹⁹», т. е. «певчая птица». В ходе раскопок усыпальницы правителей Западной Ся²⁰ (西夏王陵; Си Ся ванлин) было обнаружено много фигурок с головой человека и телом птицы, некогда украшавших конек. Фигура *пиньцзя* устанавливалась согласно принципам *фэншуй*, традиционно применявшихся в процессе строительства зданий. Кроме практической составляющей он также символизировал прошение об удаче. Безусловно, в китайской традиционной архитектуре также есть варианты декорирования конька, когда фигурка небожителя отсутствует, как, например, на крыше Бронзового зала в монастыре Сянтун (显通寺; Сяньтун сы) (Илл. 6).

Видоизменение фигур (*пиньцзя* и зверей) и возникновение привычного образа конька,

18 Автор трактата — архитектор Ли Цзе, живший в эпоху Северная Сун (960–1127).

19 Калавинка — певчая птица, обитающая в долинах Гималаев.

20 Усыпальница династии Западная Ся (1038–1227) — одно из крупнейших и наиболее сохранившихся захоронений в Китае, расположенное в западной части городского округа Иньчуань в Нинся-Хуэйском авт. районе.

украшающего крыши дворцовых построек, начинается уже в эпоху Мин. В Нанкине в мавзолее Сяолин первого минского императора Чжу Юаньчжана (1328–1398) в ходе раскопок были обнаружены фрагменты глазурированных изделий, в том числе фигура «чиновника [небесного царства], управляющего фениксом» [Го, 2015, с. 158–159]. Такие же фигуры можно увидеть и на золотоверхой крыше даосского храма Цзиньдянь (金殿) в горах Удань[шань]. В результате, буддийские традиции, изначально повлиявшие на формирование образа *пиньцзя*, постепенно были вытеснены даосскими.

Представления о том, как появился образ небожителя, тесно связаны с народными преданиями, согласно которым существует несколько персоналий, способных послужить его прообразом: во-первых, «небожитель» — это Цзян Тайгун (姜太公), считающийся основателем китайской военной науки и автором трактата «Шесть военных стратегий». Люди устанавливали его изображение на коньках крыш, полагая, что он может защитить их от злых духов. Во-вторых, в период Чжаньго в княжестве Ци правил Минь-ван²¹ (?–284 гг. до н. э.), у которого «не было Пути», т. е. будучи царем, он отличался жестокостью и не выполнял обязанности перед народом. Таким образом, изображение «небожителя» могло символизировать «непутевого» циского царя, которому «некуда податься»²² [Ли, 2011, с. 198]. В-третьих, образ, возможно, был заимствован из классических аллюзий «Плана [из Желтой] реки и письмен [из реки] Ло»²³ (河图洛书). В-четвертых, считалось, что слишком большое число изображений дракона на крыше могло привести к наводнению, и только великий Юй, усмиривший в древние времена потоп, мог бы защитить людей от разрушений. Возможно, именно он и послужил прообразом небожителя,

фигура которого на протяжении многих веков украшала крыши дворцовых комплексов.

Одно из названий, которое принято использовать для обозначения мифических зверей, — *шэньшоу* (神兽) (Илл. 7). Они также известны как *дуньшоу* (蹲兽), или *цзоушоу* (走兽) — «звери, подогнувшие ноги» или «четвероногие звери». Считается, что самое раннее упоминание термина *цзоушоу* встречается в трактате «Образцы строительства». Согласно этому тексту, декоративные элементы в виде зверей *цзоушоу* было принято располагать друг за другом, хотя на предмет последовательности строгих предписаний не было. В дальнейшем первым среди мифических животных стали изображать дракона.

Существует легенда о том, что после окончания строительства Запретного города в Пекине Нефритовый император повелел «птицам и зверям» охранять дворцовый комплекс от различных бед. Таким образом, стандартизация облика декоративных элементов, украшавших различные виды конька, происходила на протяжении долгого времени и окончательно сложилась уже к эпохе Цин.

Что касается количества фигур мифических зверей, то вначале оно было четное (2, 4, 6, 8). В частности, это хорошо видно на картине минского художника Ань Чжэнвэня²⁴ «Башня желтого журавля» (黄鹤楼图), где на крыше вместе с *пиньцзя* изображено четыре зверя [Сяньжэнь, 2020]. В эпоху Юань традиция украшать крыши продолжилась: количество фигур зависело от назначения и масштаба самого сооружения. Например, в дворцовом комплексе Юнлэ в уезде Жуйчэн (пров. Шаньси) на крыше «Зала трех чистых [высших миров]» (三清殿) были установлены фигуры небожителя и четырех зверей. Таким образом, в эпоху Юань здания по-

21 Сын Сюань-вана (齐宣王), правившего царством Ци в 319–301 гг. до н. э.

22 Отсюда происходит одно из названий фигуры небожителя — *цзоутуо ушэ* (走投无路), т. е. «оказавшийся в тупике».

23 Пространственно-числовые (троично-пятеричные) схемы, использовавшиеся в качестве универсальных методологических матриц для любых понятийно-образных категорий китайской философии и науки.

24 Даты рождения и смерти неизвестны.

Илл. 7. Мифические звери (дракон, феникс, лев, небесный конь, морской конь, суаньни, ся'ю, сечжи, доуню, ханши)

Fig. 7. Mythical beasts (dragon, phoenix, lion, heavenly horse, marine horse, *xuanni*, *xiaoyu*, *xiezhì*, *douniu*, *hangshi*)

Source: URL: <https://www.gujianchina.cn/news/show-7841.html>

прежнему возводились и оформлялись согласно существовавшим в то время стандартам.

Первая фигура из числа мифических зверей, украшающих конек, — дракон (龙) — фантастическое существо, образ которого сложился еще в глубокой древности. Его роль была особенно велика в древних космологических представлениях [Духовная культура Китая, 2007, с. 506]. Дракон изображался с оленьими рогами, рыбьей чешуей и орлиными когтями. В традиционной китайской архитектуре изображение дракона одно из наиболее распространенных и одновременно разнообразных по своему исполнению. Как декоративный элемент дракон служит украшением для различных частей здания, в частности, для крыши [Ли, 2011, с. 199]. Культурные коннотации дракона весьма обширны. В эпохи Тан и Сун дракон являлся символом счастливого предзнаменования, а начиная с эпохи Мин он становится символом императора. Вместе с тем считалось, что благодаря своей связи с водной стихией дракон способен защитить людей от огня.

За драконом следует изображение феникса (凤) — одного из наиболее известных образов, получивших широкое распространение в китайской культуре. В одной из глав «Записок [о] ритуалах» («礼记. 礼运»; «Ли цзи. Ли юнь») сказано, что «четырьмя совершенствами называются цилинь, феникс, черепаха [и] дракон» (цит. по [Ли, 2011, с. 199]). Помимо символи-

ки, связанной с императрицей, феникс также является символом процветания страны, мира, богатства и счастливой судьбы [Захарова, Захаров, 2010, с. 147].

Следующий в череде мифических зверей — лев (狮子; *шицзы*). Несмотря на то, что львы никогда не водились в Китае, образ царя зверей получил широкое распространение в китайском искусстве. При этом керамический вариант, украшавший конек, внешне отличался от привычного изображения животного, выполненного в камне. Появление образа льва принято связывать с проникновением в Китай буддизма [Захарова, Захаров, 2010, с. 171]. В одной из книг, посвященных истории чань-буддизма, сказано, что: «когда родился Будда, [он] одной рукой указал на небо, другой рукой указал на землю, и вместе с тем, зарывав как лев, сказал: “На небе [и] под небом лишь я один почитаем”» (цит. по: [Ли, 2011, с. 200]). Согласно буддийским представлениям, качества льва, стоящего на страже порядка, ассоциируются с дхармой, поэтому нередко изображение зверя можно увидеть внутри храмов и монастырей. Вместе с тем лев символизирует путь к процветанию и величию, его изображение приносит удачу. С учетом особого отношения китайской культуры к нумерологии, не удивительно, что изображение девяти львов (九狮; *цзюши*) символизирует благопожелание: «[Пусть] девять поколений [от прапрадеда до праправнука] живут под

одной крышей» (九世同堂; *цзюши тунтан*), а парное изображение животного обладает не только благопожелательной, но и охранной символикой [Захарова, Захаров, 2010, с. 172–173].

Вслед за львом изображен небесный конь (天马; *тяньма*). По форме он похож на коня, при этом у него есть крылья: именно благодаря своей способности летать зверь был назван «небесным». В «Каталоге гор и морей» дается необычное описание: «Еще в двухстах *ли* к северо-востоку [располагается] гора, именуемая Мачэн. На ней много узорчатых камней, на северном склоне много золота [и] нефрита. Там есть зверь: внешне он похож на белую собаку, при этом с черной головой. [Если зверь] увидит человека, то взлетает. Его имя “Небесный конь”. [Когда] он издает звуки, [то] выкрикивает свое [имя]» [*Шанхай цзин...* 2016, с. 67]. Вместе с тем в эпоху Хань в западных районах страны «небесным конем» было принято называть прекрасных скакунов: «Небесный конь скачет по просторам [и] свободно странствует». С практической точки зрения его фигура, как и другие декоративные элементы, играла роль крепления, тем самым защищая балочную конструкцию от проникновения дождевой воды. Одновременно, согласно традиционным представлениям, небесный конь — символ счастливого предзнаменования, знатности и благородства.

Пятый по счету среди мифических зверей — морской конь (海马; *хайма*). Внешне он похож на небесного коня, только без крыльев, при этом, как гласит легенда, умеет бегать по волнам. Из-за того, что фигуры схожи, строители зачастую меняли их местами. Считается, что морской конь относится к одному из типов морских драконов, символизирует добродетель императора, распространяющуюся повсеместно, подобно дракону, опускающемуся с небесных высот в море и достигающему всех пределов земли.

Следующая фигура олицетворяет одного из девяти сыновей дракона — *суаньни* (狻猊). Со-

гласно древним текстам, зверь, похожий на льва, мог пожирать тигров и леопардов и преодолевать за день 500 *ли*. Есть мнение, что изображение *суаньни* проникло в китайскую культуру вместе с буддизмом [Гу Юэ, 2010, с. 36]. Из-за любви к неподвижности зверя (как и льва) могли изображать сидящим у ног Будды или бодхисатвы. Поскольку *суаньни* был связан не только со стихиями воды и огня, его изображение²⁵ часто использовалось для украшения курильниц для благовоний, треножников и иных типов сосудов. Как правило, нижняя часть курильницы была выполнена в форме льва, а верхняя в форме головы дракона и символизировала спокойствие и безопасность.

Следующим среди мифических зверей является *я'ю*, или *ся'ю* (押鱼; 狎鱼). Тело животного покрыто чешуей, а хвост перьями. Согласно китайским легендам, как и *суаньни*, зверь мог создавать облака, вызывать дождь, тушить пламя и предотвращать бедствия. Фигура *я'ю* обычно устанавливалась на диагональном и на других видах конька, располагавшихся ниже по уровню. С одной стороны, его фигура устанавливалась для устойчивости черепицы, с другой — служила украшением.

Восьмой по счету — зверь *сечжи*, или *сечжай* (獬豸). Согласно представлениям китайцев, во времена правления совершенномудрого императора Яо — эталонного образа государя — одним из его помощников был судья Гао-яо (см.: [Королева, 2021]). В ряде древнекитайских сочинений упоминается, что его сопровождал удивительный зверь, у которого был один рог и копыта. Он был покрыт синей шерстью, при этом внешне походил на быка (по другим источникам, на барана). Зверь обладал удивительным качеством — мог распознавать правого и виновного. Если судья Гао-яо сомневался в чьей-либо виновности, он приказывал *сечжи* бодать того человека. Таким образом мифический зверь стал символом божественного

25 Также курильницы было принято украшать узорами, включавшими в себя стилизованные изображения драконов и дракона-*суаньни*, тем самым подчеркивая идею их кровного родства.

правосудия²⁶. С эпохи Хань его изображение обычно устанавливали в качестве стража вдоль дорог, ведущих к гробницам. В эпохи Мин и Цин *сечжи* уже стал неотъемлемым декоративным элементом крыши.

Девятый мифический зверь — *доуню* (斗牛), которого в текстах описывают как разновидность рогатого дракона. Он похож на быка, имеет копыта, но при этом покрыт чешуей. В сочинении «Основные сведения об императорском городе»²⁷, составленном в эпоху Цин, о нем сказано: «Сталкивая [субстанцию]-*инь* [и] дождь, [он] создает облака [и] туман». Согласно легендам, дракон *доуню* жил в землях, где часто случались наводнения, поэтому он умирал бурные воды. С точки зрения символики он, как и зверь *я'ю*, должен был выполнять схожие задачи — тушить огонь и предотвращать бедствия, защищая императорский дворец.

Замыкает группу зверь *ханши* (行什). Иероглиф *ши* (什) переводится как «десять, десятый». Таким образом, даже на уровне языка указывается, что *ханши* — десятый по порядку среди мифических зверей. Телосложением он похож на человека, а лицом на обезьяну с двумя крыльями за спиной; в лапах держит металлический пестик [Гао Ян, 2009, с. 20]. Согласно одной из версий, *ханши* — прообраз бога грома Лэйгуна²⁸ (雷公), поэтому его фигура устанавливалась для защиты деревянных сооружений от ударов молний. Можно сказать, что он символически выполнял функцию «громоотвода». Изображение *ханши* встречается на крышах дворцовых сооружений, отличающихся особым статусом среди остальных зданий императорского комплекса, тем самым подчеркивая их особую значимость.

СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ И ЦВЕТОВ В ДВОРЦОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Культура чисел — еще одна специфика китайской цивилизации. Известно, что пристрастие китайцев к цифрам как к «инструментам» упорядочения мира пронизывает всю их онтологию. Об этом свидетельствует развитие древнекитайской нумерологии, связанной с представлениями об *инь ян у син* — «женском и мужском началах и пяти элементах» и о *ба гуа* — восьми гексаграммах. Говоря о счастливых и несчастливых числах, заметим, что в китайской культурной традиции число используется по большей части в утилитарных целях [Тань Аошуан, 2004, с. 71, 75]. Таким образом, с практической точки зрения число фигур мифических зверей зависело от размера ската крыши [Гао Ян, 2009, с. 20]. С точки зрения символики, чем выше был статус владельца, тем большее количество фигур было принято устанавливать на коньке.

Наибольшее число фигур для украшения конька — десять. Так, среди дворцовых построек Запретного города самым значимым сооружением был «Зал Высшей гармонии». В результате за счет изображения *ханши* конек украшает десять фигур мифических зверей. Дворец Цяньцин (乾清宫), также известный как «Небесный дворец», расположен в северной части Запретного города. Он является самым большим из трех дворцов внутреннего двора. В эпохи Мин и Цин там располагались частные покои императора. С точки зрения статуса дворец был следующим по значимости после «Зала Высшей гармонии», поэтому число декоративных элементов, украшающих кровлю, девять, так как фигура мифического животного *ханши* отсутствует.

26 Стоит отметить, что образ *сечжи* получил распространение и в корейской культуре — в Южной Корее он известен, как *хэчи* (해치). В отличие от *сечжи*, корейский *хэчи* внешне похож на льва и при этом покрыт рыбьей чешуей. Он также является символом закона и справедливости. Скульптурные изображения *хэчи* можно встретить в разных уголках страны, но особенно он популярен в Сеуле. В частности, скульптурные изображения *хэчи* установлены в дворцовом комплексе Кёнбоккун на севере столицы.

27 Автор сочинения — У Чаньюань (吴长元) описал историю, географию и привел иные сведения о пригородах Пекина.

28 Лэйгун почитался как бог, помогающий людям, поскольку был связан с божествами дождя, от которых зависело, насколько обильным будет урожай.

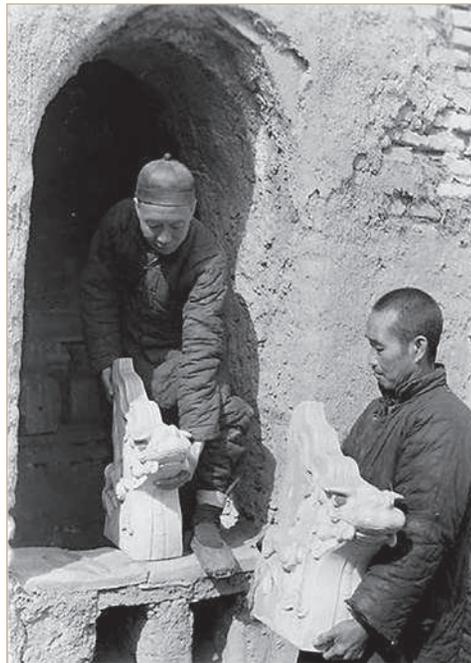
В эпохи Мин и Цин было принято устанавливать нечетное количество фигур мифических животных — три, пять, семь, девять. Согласно «Книге перемен» число девять является старшим в ряде мужских чисел (гексаграмм) и ассоциируется с мужским началом *ян*. В китайской традиции оно понимается как сакральное. Число девять также выступает как классификатор символов государственных институтов, в том числе и архитектурных деталей императорского комплекса. В нем должно быть девять ворот, девять дворцов, девять стен с изображением девяти драконов. В системе государственного управления имеются «девять министерств», «девять законов», «девять разновидностей налогов» [Тань Аошуан, 2004, с. 74, 75]. Во время аудиенции у императора подданные были обязаны совершить «девять челобитий», в день зимнего солнцестояния император поднимался на алтарь Храма молений об урожае, построенного на круглой площадке, к которой вели девять ступеней и т. д.

По сравнению с частными покоями императора конек дворца «Соединения [и] процветания» (交泰殿; Цзяотайдянь), где императрица принимала поздравления во время важных праздников, уже украшает семь фигур мифических зверей. Столько же фигур, среди которых отсутствуют изображения зверя *сечжи*, рогатого дракона *доуню* и *ханши*, было установлено на крыше дворца «Земного спокойствия» (坤宁宫; Куньнингун), расположенного в северной части дворцового комплекса. Первоначально там располагались частные покои императрицы. В эпоху Цин дворец использовался для проведения жертвоприношения духам, а также в качестве покоев новобрачных [Юй Чжо'юнь, 2007, с. 216]. Во внутренней половине Запретного города с восточной и западной сторон располагались шесть павильонов, где жили и проводили время жены и наложницы императора. Крыши их дворцовых построек уже украшает пять фигур. Закономерно, что крыши других дворцовых построек (например, боковые залы и галереи) украшены еще меньшим

числом декоративных элементов: на коньках некоторых флигелей могло быть от одного до трех изображений мифических зверей [Чжан Синь, 2015].

Во времена Мин и Цин строительные материалы, используемые для отделки крыш, достигли еще большей стандартизации. В результате была проведена унификация существовавших образцов, ускорило строительство зданий [Юй Чжо'юнь, 2007, с. 216]. Большое внимание уделялось разнообразным декоративным элементам, облик которых зависел от назначения здания и от статуса его владельца. В ходе строительства использовались разные типы конька, вид которого зависел от стиля крыши, что в свою очередь влияло на выбор соответствующей черепицы, в результате чего большая часть больших и малых дворцовых построек Запретного города (торжественные залы, павильоны, галереи, жилые покои) отличалась многообразием.

Цвет и стиль черепицы, орнамент, количество декоративных элементов на крыше и др. — все было строго регламентировано. Согласно установленным правилам, черепица желтого цвета могла использоваться для отделки крыш только в пределах дворцового комплекса, поскольку этот цвет был привилегией императора. Зеленый цвет ассоциировался с весной и обновлением, поэтому покои, где жили сыновья (особенно несовершеннолетние) и внуки правителя (南三所; Нань саньсо), оформлялись черепицей соответствующего цвета. Крыши императорской библиотеки, как и «Павильона литературной глубины» (文渊阁; Вэнь'юань гэ) выложены черной черепицей, при этом выбор цвета не случаен, поскольку он несет определенную символику. Согласно учению о пяти элементах у *син*, каждому из элементов — металлу, дереву, воде, огню, земле — соответствует свой цвет. Черный ассоциируется с водой, таким образом, ее способность противостоять огню была призвана защитить ценные книги и свитки от возможного уничтожения.

Илл. 8. Печь в деревне Люлицюнь
Fig. 8. A kiln in the village of Liuliquan
Source: URL: <http://www.bjmtgnews.com/paper/news.php?id=4221>

ИМПЕРАТОРСКИЕ ГОНЧАРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИПЕТИИ

История изготовления глазурованной черепицы тесно связана с историей императорских гончарных мастерских, основанных в 1263 г. и использовавшихся на протяжении эпох Юань, Мин и Цин [Пань Чживан, 2022]; можно сказать, что их история насчитывает уже более 700 лет. Первоначально производство глазурованной черепицы располагалось в деревне Хайваньцюнь (外海王村), бывшей в те времена пригородом Пекина. В эпоху Мин вследствие разрастания столицы и включения в нее территорий бывших пригородных районов фарфоровая фабрика, обслуживающая императорский двор, была перенесена в деревню Люлицюнь [Чжан Синь, 2015]. Фабрика располагалась к западу от Пекина в районе Мэньтоугоу на берегу р. Юндин (永定河), где земли были богаты каолином, или фарфоровой глиной — сырьем, используемым для производства керамических изделий. В результате за этим местом закрепилось название «родина китайской императорской глазури».

После 1949 г. в мастерских продолжали изготавливать глазурованные изделия, прежде всего для реставрации дворцовых сооружений, храмов, алтарей и др. В 50-х–60-х гг. гончарные мастерские находились в ведении музея Гугун (в прошлом — Запретный город). В 1970 г. они были переданы Пекинскому управлению строительных материалов, но в 2013 г. из-за снижения рыночного спроса на продукцию и из-за экологической повестки было принято решение остановить работу печей [Хэ Юн, 2023]. В течение нескольких лет сотрудники музея Гугун ради сохранения старинной технологии и поддержания облика дворцового комплекса неоднократно обращались в соответствующие инстанции с просьбой об их запуске.

Одна из ведущих китайских строительных компаний BVMG разработала проект, благодаря которому деревня Люлицюнь должна была стать парком культуры и креативной индустрии, объединив производственные, учебные и исследовательские задачи. В итоге, 24 февраля 2023 г. кластер был официально открыт, а реконструированные печи снова запущены. На данный момент сохранилось 16 печей, в том

числе обжиговая печь с нисходящим потоком и туннельная печь [Пань, 2022]. Если раньше для растопки использовался уголь, то сейчас печи в основном топят за счет электричества и газа, при этом используется оборудование для очистки воздуха. Появились и новые объекты — цех по производству глазурованных изделий, музей глазури и др. В китайских СМИ это событие окрестили «Возрождением».

Характерной чертой изготовления глазурованных керамических изделий в государственных гончарных мастерских был «двойной метод обжига» (Илл. 8). За счет глазури поверхность становится влагонепроницаемой, прочной и устойчивой к различным загрязнениям. Конфигурация цвета для глазурования являлась главным «секретом производства», который был известен узкому кругу мастеров и передавался из уст в уста. В «Собрании сочинений Лю Дуньчжэня»²⁹ (刘敦楨文集; Лю Дуньчжэнь вэньцзи) сказано, что в эпоху Юань из провинции Шаньси в деревню Люлицинь переехала семья по фамилии Чжао, члены которой из поколения в поколение становились мастерами и на протяжении нескольких сотен лет создавали удивительные по красоте глазурованные изделия [Чжан Синь, 2015].

Уже в наше время во время проведения реставрационных работ «Зала Высшей гармонии» в дворцовом комплексе Гугун Чжао Шиянь (赵石岩) — потомок «глазурованного Чжао» (琉璃赵; Люли Чжао) в 35 поколении — обратил внимание на то, что «глазурованная черепица и фигурки мифических зверей», изготовленные 300 лет тому назад его предками, хорошо сохранились [Ян Сюань, 2009]. Кроме этого, выяснилось, что на оборотной стороне большого количества замененной черепицы были указаны клейма на двух языках — китайском и маньчжурском. Клейма принадлежали предку Чжао — мастеру Чжао Шилину (赵士林) в 27 поколении. По словам другого мастера — Чжао Чанъяня (赵

长安), сейчас для обжига глазури используются и традиционные методы, и новые технологии. С открытием мастерских вернулись и мастера — специалисты по изготовлению декоративных элементов типа *чжэньвэнь*, гончары, глазуровщики и др. В итоге технология обжига глазурованных изделий в деревне Люлицинь была включена в Национальный список нематериального культурного наследия Китая, продолжающего славные традиции прошлого.

Несмотря на стремительно меняющийся мир, китайская культура отличается приверженностью к сохранению многовековых традиций. И сейчас крыши, украшающие здания дворцовых комплексов, поражают воображение красотой глазурованной черепицы и многообразием декоративных элементов. Изменения облика мифологических персонажей и мифических зверей были не случайны — они свидетельствуют о долгом и сложном процессе переосмысления природы архитектурных форм. Во все времена люди, возводя жилища, стремились сделать их более устойчивыми и защитить от разрушений, пожаров и наводнений. В результате декоративные элементы в виде парного изображения *чжэньвэнь*, сидящего на фениксе небожителя, и мифических зверей, призванные защитить людей от бед, выполняли как практические, так и символические задачи, притом что глазурованные фигуры являются неотъемлемой частью традиционной архитектуры Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гао Ян (高阳). *Чжунго чуаньтун цзяньчжу чжуаньши* (中国传统建筑装饰; *Китайское традиционное архитектурное декорирование*). Тяньцзинь: Байхуа вэньи чубаньшэ, 2009. 277 с. [Gao Yang. *Chinese Traditional Architectural Decoration*. Tianjing: Baihua wenyi chubanshe, 2009. 277 p. (in Chinese)].

²⁹ Лю Дуньчжэнь (1897–1968) — историк архитектуры, действительный член Китайской академии наук, профессор Нанкинского технологического института, посвятил жизнь изучению и преподаванию архитектуры и популяризации традиций китайского зодчества.

Го Хуа'юй (郭华瑜). Чжунго гудянь цзяньчжу синчжи юаньлю (中国古典建筑形制源流; Истоки формы и структуры классической архитектуры Китая). Ухань: Хубэй цзяо юй чубаньшэ, 2015. *Энциклопедия Байду* [Guo Huayu. The origin of Chinese classical architectural forms. Wuhan: Hubei jiaoyu chubanshe, 2015. *Baidu baike*. (in Chinese)]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%BB%99%E4%BA%BA/19825125> (accessed 12.08.2022).

Гу Юэ (古月). Чжунго чуаньтун вэньян туцзянь (中国传统纹样图鉴; *Иллюстрированный справочник традиционных узоров Китая*). Пекин: Дунфан чубаньшэ, 2010. 171 с. [Gu Yue. *Illustrated Book of Traditional Chinese Patterns*. Beijing: Dongfang chubanshe, 2010. 171 p. (in Chinese)].

Духовная культура Китая. Мифология. Религия. Т. 2. Москва: Восточная литература РАН, 2007. 869 с. [*Spiritual Culture of China. Mythology. Religion*. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 869 p. (in Russian)].

Захарова И. В., Захаров В. Ю. *Удача по-китайски: как читать язык символов*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 404 с. [Zakharova I. V., Zakharov V. Y. *Good Luck in Chinese: How to Read the Language of Symbols*. Rostov-on-Don: Phoenix, 2010. 404 p. (in Russian)].

Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М.: Наука, 1977. 235 с. [*The Classic of Mountains and Seas (Shan-hai Jing)*. Moscow: Nauka, 1977. 235 c. (in Russian)].

Королева О. А. Процесс формирования и развития иероглифа 法 («право») в китайской культуре. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 4 (18). С. 97–107 [Koroleva O. A. The Process of Formation and Development of the Character 法 (“Law”) in Chinese Culture. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2021. No. 4 (18). Pp. 97–107 (in Russian)].

Кравцова М. Е. *Мировая художественная культура. История искусства Китая*. СПб.: Лань, ТРИАДА, 2004. 960 с. [Kravtsova M. E. *World Art. Chinese Art History*. Saint Petersburg: Lan, Triada, 2004. 960 p. (in Russian)].

Ли Цяньлан (李乾朗). *Чуаньчян тоуби — поуши чжунго цзиндянь гу цзяньчжу* (穿墙透壁—剖视中国经典古建筑; *Сквозь стену: классические исторические здания Китая в разрезе*). Гуанси: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2009. 414 с. [Li Qianlang. *Through the Wall — A Cross-Section of Classic Chinese Ancient Architecture*. Guangxi: Guangxi shifan daxue chubanshe, 2009. 414 p. (in Chinese)].

Ли Цзяньпин (李剑平). *Чжунго гу цзяньчжу мицзы туцзе цыдянь* (中国古建筑名词图解辞典; *Иллюстрированный словарь терминов древней архитектуры Китая*). Шаньси: Шаньси кэсюэ цзишу чубаньшэ, 2011. 396 с. [Li Jianping. *An Illustrated Dictionary of Ancient Chinese Architecture Terms*. Shanxi: Shanxi kexue jishu chubanshe, 2011. 396 p. (in Chinese)].

Пань Чживан (潘之望). *Цзин си 700 до суй хуанцзя люли гуаньяо «чуниэн»* (京西700多岁皇家琉璃官窑“重生”; «Возрождение» 700-летней печи императорского дома на западе столицы, [где обжигали изделия, покрытые] глазурью). *Интернет-версия «Цзинбао»*, 2022. [Pan Zhiwang. *The More than 700-Year-Old Royal Glazed Official Kilns in Western Beijing is “Reborn”*. *Jingbao wang*, 2022. (in Chinese)]. URL: <https://news.bjd.com.cn/2022/07/21/10121393.shtml> (accessed 03.10.2022).

Тань Аошуан. *Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 231 с. [Tan Aoshuang. *Chinese Picture of the World. Language, Culture, Mentality*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. 231 p. (in Russian)].

Сюй Юэдун (徐跃东). *Туцзе чжунго цзяньчжу ши* (图解中国建筑史; *Иллюстрированная история архитектуры Китая*). Пекин: Чжунго дяньли чубаньшэ, 2008. 265 с. [Xu Yuedong. *Illustrated History of Chinese Architecture*. Beijing: Zhongguo dianli chubanshe, 2008. 265 p. (in Chinese)].

Хэ Юн (贺勇). *Цянь нянь яо хо цзинь чжун жань* (千年窑火今重燃; *Огонь тысячелетней печи сегодня снова запылал*). *Жэньминь жибао*. 21.03.2023 [He Yong. *Thousand-Year-Old Linn Fire Is Reignited*. *Renmin wang*.

21.03.2023. (in Chinese)]. URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2023-03/21/nw.D110000renmrb_20230321_2-11.htm (accessed 25.03.2023).

Цзю Тан шу (旧唐书). Шанхай: Чжунхуа шуцзю, 1975. 5407 с. [旧唐书; *The Old Book of Tang*. Shanghai: Zhonghua shuju, 1975. 5407 p. (in Chinese)].

Цзя Хуцзюнь. *История китайских домов*. Москва: Шанс, 2017. 175 с. [Jia Hongjun. *History of Chinese Houses*. Moscow: Shans, 2017. 175 p. (in Russian)].

Чжан Синь (张昕). Люли гуаньяо цибай нянь (琉璃官窑七百年; 700-летие государственных гончарных печей, [где обжигали изделия, покрытые] глазурью). *Цзинси*. 15.04.2015 [Zhang Xin. Seven Hundred Years of Liuli Official Kilns. *Jingxi Times*. 15.04.2015 (in Chinese)]. URL: <http://www.bjmtgnews.com/paper/news.php?id=4221> (accessed 01.10.2022).

Шаньхай цзин цюань и (山海经全译; *Полный перевод «Каталога гор и морей»*. Под ред. Юань Кэ (袁珂注)). Пекин: Бэйцзин лянхэ чубань гунсы, 2016. 307 с. [*Complete Translation of The Classic of Mountains and Seas*. Beijing: Beijing lianhe chuban gongsi, 2016. 307 p. (in Chinese)].

Юй Чжо'юнь (于倬云). *Гугун цзяньчжу тудянь* (故宫建筑图典; *Иллюстрированный словарь*

архитектуры Гугуна). Пекин: Цзыцзиньчэн чубаньшэ, 2007. 320 с. [Yu Zhuoyun. *Illustrated Dictionary of Gugong Palace Architecture*. Beijing: Zijincheng chubanshe, 2007. 320 p. (in Chinese)].

Ян Сюань (杨轩). *Люли ва туюо цуйчжи дэ хуанцзя фэнхуа* (Императорское изящество глазурованной черепицы при обжиге в печи). *Китайская национальная география*, 2009. [Yang Xuan. The Royal Elegance of Glazed Tiles Tempered in Clay Kiln. *Chinese National Geography*, 2009. (in Chinese)]. URL: <http://www.dili360.com/cng/article/p5350c3d6b45fd61.htm> (accessed 02.10.2022).

Ян Цянь (杨倩). *Янсинь дянь шоу сянь цай-хуэй баося сюфу ваньгун «гуй ань»* (養心殿首現彩繪寶匣 修復完工“歸安”; «Вернувшийся» расписанный ящичек из дворца Янсинь впервые представлен после окончания реставрационных работ). *Министерство культуры и туризма КНР*, 2018 [Yang Qian. Restored Painted Treasure Box First Appears in Yangxin Hall. *Ministry of culture and tourism of the People's Republic of China*, 2018. (in Chinese)]. URL: https://www.mct.gov.cn/gtb/index.jsp?url=https://www.mct.gov.cn/whzx/zsdw/ggbwy/201811/t20181116_836027.htm (accessed 14.05.2022).

Sterckx R. *The Animal and the Daemon in Early China*. State University of New York Press, 2002. 375 p.

РЕЦЕНЗИЯ НА:
ЦЫБЕНОВ Б. Д. *Социально-политическая
история дауров (XX в.)*

Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2022; ISBN: 978-5-7925-0653-4. 474 с.

REVIEW OF:
TSYBENOV B. D. *Sociopolitical History of the Daururs (20th Century)*
Ulan-Ude: BNTs SO RAS, 2022; ISBN: 978-5-7925-0653-4. 474 p.

© 2023 **Сергей Львович Кузьмин**

доктор исторических наук, кандидат биологических наук,
ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН,
Москва, Россия
s.kuzmin@ivran.ru, ipe51@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0001-9544-1359

Sergius L. Kuzmin

DSc (History), PhD (Biology), Principal Research Fellow,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
s.kuzmin@ivran.ru, ipe51@yahoo.com
ORCID ID: 0000-0001-9544-1359

В настоящей рецензии рассматривается монография историка и этнографа Б. Д. Цыбенова «Социально-политическая история дауров (XX в.)», опубликованная в 2022 г. Данная книга представляет собой детальный анализ историографии и источников по рассматриваемому вопросу, месту дауров в транснациональной истории монгольского мира в первой трети XX в., жизни дауров в государстве Маньчжурия (Маньчжоу-го), предпосылкам создания, становления и развития национальных автономий дауров.

Ключевые слова: дауры, Монголия, Маньчжурия, Китай, Россия, рецензии

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Рецензия на: Цыбенов Б. Д. *Социально-политическая история дауров (XX в.)*. Улан-Удэ: издательство БНЦ СО РАН, 2022. *Восточный Курьер / Oriental Courier*. 2023. № 4. С. 266–271. DOI: 10.18254/S268684310029243-5

This review examines the monograph of historian and ethnographer B. D. Tsybenov “Sociopolitical History of the Daur (20th Century)”, published in 2022. This book represents a detailed analysis of historiography and sources on the issue under consideration, the place of the Daur in the transnational history of the Mongolian world in the first third of the 20th Century, the life of the Daur in the State of Manchuria (Manchukuo), prerequisites for the creation, formation and development of national autonomies of the Daur.

Keywords: The Daur, Mongolia, Manchuria, China, Russia, book review

For citation: Kuzmin Sergiy L. Review of: Tsybenov B. D. *Sociopolitical History of the Daur (20th century)*. Ulan-Ude: BNTs SO RAS, 2022. *Oriental Courier*. 2023. No. 4. Pp. 266–271. DOI: 10.18254/S268684310029243-5

Материалы по истории дауров в отечественном востоковедении достаточно фрагментарны и в основном содержатся в работах, посвященных Маньчжурии и Внутренней Монголии. В связи с этим представляют научную ценность исследования, проводимые одним из ведущих специалистов в этой области — Б. Д. Цыбеновым, использовавшим обширный объем материалов из российских и зарубежных архивов, публикаций, а также проводящим полевые исследования в местах расселения дауров в КНР.

Рецензируемая монография — первое в российском востоковедении исследование на данную тему. Она подводит итоги исследований автора по истории дауров и представляет собой логическое продолжение предыдущей монографии автора [Цыбенков, 2012], посвященной в основном этнографической тематике.

Работа состоит из введения, четырех глав, каждая из которых делится на несколько разделов, заключения, списка литературы и приложений.

Во «Введении» содержится постановка проблемы, дается краткий очерк истории ее изучения. Сформулирована цель монографии, кратко обосновываются ее структура и характер представления материала.

Глава I «Историография и источники социально-политической истории дауров XX века» представляет первое обобщение и анализ источников по рассматриваемому вопросу. Первый раздел главы посвящен отечественной и зарубежной историографии истории дауров XX в. Автор выделяет две группы отечественных источников: к первой относятся публикации

российских военных, этнологов и миссионеров до революции 1917 г. Эти публикации дают общее представление о хозяйстве, культуре, антропологии дауров в контексте истории Маньчжурии, Хулунбуира (Барги) и Туркестана. Ко второй группе относятся публикации советских ученых. К третьей группе относятся публикации российских ученых, изданные в постсоветский период.

Отдельная часть посвящена публикациям по даурам на китайском языке, значительная часть которых, фактически, впервые вводится в отечественный научный оборот. Немаловажно то, что большинство авторов сами являются даурами. Используются, в частности, публикации «Общества изучения истории и культуры даурского народа», функционирующего в КНР. Подробно анализируются выпущенные на китайском языке сборники «Собрание сведений о даурах». Приводятся краткие сведения по ряду других книг на китайском языке по истории и этнологии дауров, что фактически является удобным путеводителем по этой малоизвестной сфере. Детально описан корпус публикаций, посвященный участию дауров в боевых действиях во Внутренней Монголии в 1930-х – 1940-х гг. Отдельный очерк посвящен работам об известном баргинском деятеле дауре Го Даофу (Мэрсэ). Приводится список китайских работ о даурах на русском языке. Далее следует обзор англоязычной литературы, преимущественно по монгольскому и маньчжурскому вопросам, а также по экспансии Японии на материк в первой половине XX в., в которых также сообщается о

даурах. Кроме того, значительное число работ посвящено лингвистике дауров, их положению в XX в. и трансформации идентичности национальных меньшинств Китая.

Далее следует обзор работ по данному этносу на монгольском языке (отдельно на монгольской кириллице и старомонгольской письменности, называемой автором «классической монгольской»). Большинство работ на монгольской кириллице посвящено участию населения Барги в национально-освободительном движении монголов в первой трети XX в., вопросу о статусе Барги в 1912–1915 гг., участию в конфликте на р. Халхин-гол в 1939 г., отдельным деятелям национально-освободительного движения во Внутренней Монголии и Барге. Работы на старомонгольской письменности, применяемой во Внутренней Монголии, посвящены, в частности, истории и культуре дауров, живущих там и в провинции Хэйлунцзян. Отмечены две крупные монографии на старомонгольской письменности по даурской истории и культуре с соответствующими разделами по новейшей истории, написанные в конце 1980-х гг. Обсуждаются также работы на бурятском, японском (в основном, по Маньчжурии), немецком и чешском языках.

Следующий раздел посвящен источникам по новейшей истории даурского народа (XX в.), где важное место занимает очерк неопубликованных источников и обсуждаются материалы архивов России (наиболее подробно), Монголии и Японии. Отдельно выделены группы опубликованных источников на русском, китайском и монгольском (кириллица и старомонгольская письменность) языках, периодические издания, источники личного происхождения, нормативные правовые акты, справочные издания, полевые материалы автора (собранные в экспедициях в Хулунбуир в 2005, 2015 и 2017 гг.).

В целом, как справедливо отмечает автор, современные российские работы написаны с использованием новейших методологических подходов и малоизученных архивных данных; китайская историография в большей степени идео-

логизирована, подчеркивается патриотическая составляющая и ведущая роль Коммунистической партии Китая (КПК); англоязычные работы изобилуют теоретическими концепциями, а в современных монгольских работах сделаны попытки объективных оценок тех или иных событий.

Следует отметить, что данная глава занимает 90 из 474 страниц книги — почти пятую часть. Учитывая детальность анализа приводимых работ, можно заключить, что глава имеет самостоятельную ценность для исследователей как важный «путеводитель» по источникам информации, касающейся не только дауров, но и монголов, живущих на территории КНР.

Глава II «Дауры в транснациональной истории монгольского мира в первой трети XX в.» начинается с раздела «Этнотерриториальные группы дауров в XVIII – начале XX в.» В этом разделе, написанном в основном по китайским и российским источникам, обсуждается история дауров, их уход из Забайкалья в Маньчжурию, включение в состав империи Цин, хозяйство, административное управление. Основным регионом расселения дауров была Бутха в северо-западной Маньчжурии. Кратко обсуждается их история в данном районе. Описывается динамика их расселения в Маньчжурии, а также история Хулунбуира. Интересны малоизвестные сведения о даурах Синьцзяна.

Следующий раздел главы — «Деятельность даурской правящей элиты Хулун-Буира и народных лидеров цикарских и бутхаских дауров (1912–1930 гг.)». В нем описывается, как усиление китайской колонизации и позиций милитаристских группировок в Барге и Маньчжурии вызвало противодействие дауров районов Цицикара и Бутхи. Описано национально-освободительное движение монголов Барги и участие в нем дауров. Интересен также документ о том, что дауры региона Бутха также искали способы приобщения к провозгласившей независимость Монголии, хотя этот регион находится на границе маньчжурского и монгольского миров и территориально ближе к Внутренней Монголии.

Далее прослеживаются события национального движения дауров в Маньчжурии до 1930-х гг.

В следующем разделе «Становление и развитие даурской революционной молодежи, ее участие в партийном и государственном строительстве на территории МНР и Внутренней Монголии (1917–1930)» подробно рассматривается движение даурской революционной молодежи, ее роль в деятельности МНРП, а также в революционизировании Барги и Внутренней Монголии и становлении там Народно-революционной партии Внутренней Монголии. Приводятся подробные биографические данные по даурам Мэрсэ (Мэрсэнтай) и Фуминтаю, одними из первых вставших на революционный путь. Впервые в научный оборот вводятся подробные данные о них из Архива ФСБ. Приводимые автором данные об этих и других даурских революционерах наиболее подробны из опубликованных донныне.

Глава III «Дауры в период Маньчжоу-го (1931–1945)» состоит из нескольких разделов. Раздел «Административно-территориальные и социально-экономические преобразования в даурских районах» содержит новую и интересную информацию об административно-территориальном делении государства Маньчжурия (Маньчжоу-го) и о положении в нем районов, населенных даурами. Из приводимых данных видно, что и в этот период многие дауры занимали высокие посты во властных структурах, однако реальная власть находилась у японских заместителей или советников. Следует отметить, что примерно так же обстоят дела и в автономных районах национальных меньшинств в КНР, только место японцев там занимают ханьцы. Интересны биографические сведения об известном монголоведе Ургунгэ Ононе. Даются подробные сведения об экономическом состоянии рассматриваемых районов. Показано, что в начальный период существования государства Маньчжурия успешные административно-территориальные и социально-экономические реформы, проводившиеся под эгидой японцев, встречали положительное отношение дауров

и монголов, но это отношение постепенно заменялось на негативное по мере ужесточения политики.

Следующий раздел — «Антаяпонская борьба даурского народа» — посвящен описанию участия его представителей в действиях китайских военных и партизан против японцев в государстве Маньчжурия. Подробно описывается деятельность одного из высших чиновников Маньчжурии — даура Линшэна, закончившаяся его расстрелом японцами.

Глава IV «Предпосылки создания, становление и развитие национальных автономий дауров» открывается разделом «От участия в гражданской войне к созданию национальных автономий», где описываются изменения в монгольских регионах, включенных в Китай в период борьбы Гоминьдана и КПК и позиция даурского населения в тот период. Изложены мероприятия КПК по использованию дауров и других национальных меньшинств для закрепления власти в Маньчжурии. Интересны сведения о военных действиях США в провинции Хэйлуцзян против КПК, в частности сброс бактериологического оружия с американских самолетов. Описывается динамика административных и экономических изменений на даурских землях, прежде всего, хошуна Морин-Дава, в 1940-х – 1950-х гг. Подробно излагаются перипетии признания дауров отдельной народностью в КНР, а не частью монголов. Заключается, что «период с 1945 по 1958 г. стал для дауров знаменательным временем, принесшим им много новых и позитивных перемен» (с. 335).

В следующем разделе «Развитие национальных автономий в 60–90-е гг. XX в.» изложено положение даурской автономии перед, в течение и после Культурной революции в КНР. Период Культурной революции представлен достаточно кратко и схематично, почти без статистических выкладок, зато очень подробно излагаются позитивные изменения после Культурной революции под новым китайским руководством. Особенно подробно описано развитие хозяйства и изменение административно-территориальной

структуры даурских автономий в тот период. В следующем разделе «Культура и образование дауров (XX в.)» данная тематика прослеживается с цинских времен до современности.

В «Заключении» обобщаются результаты исследования. Отмечается значение провозглашения независимости Барги в 1912 г., важную роль в котором сыграли даурские чиновники. Как указывает автор, большинство даурских функционеров пыталось лавировать в новых политических условиях, и основная масса даурских чиновников готовила опору на разные политические силы, всегда держа в уме прокитайскую ориентацию и просчитывая возможности включения в состав Китая для сохранения или улучшения своего положения. В итоге Барга вошла в Китай. В то же время ситуация в районах проживания цицикарских и бутхаских дауров развивалась иначе, что привело к местным восстаниям. Дальнейшее развитие ситуации было связано с деятельностью даурских революционеров, с выдвижением даурских чиновников и военных на высокие посты в государстве Маньчжурия и с последующими событиями, связанными с интеграцией дауров в состав КНР.

В разделе источников использованные материалы классифицированы по группам на разных языках: на русском (опубликованные документы, неопубликованные документы, исследования), на бурятском (исследования и периодические издания), на монгольском (опубликованные документы, неопубликованные документы, исследования), на монгольском «классической» (=старомонгольской) письменности (опубликованные документы, исследования), на английском (исследования и периодические издания), на китайском (опубликованные документы, исследования и периодические издания), на японском (опубликованные, неопубликованные документы, исследования), на немецком, чешском, корейском (исследования); включены полевые материалы автора. Список литературы велик и насчитывает около 600 названий.

«Приложения» содержат карту, четыре фотографии, сведения о руководстве Народно-

революционной партии Внутренней Монголии, об участии дауров в борьбе против Японии и перечень даурских административно-территориальных единиц КНР.

Работа не лишена слабых мест.

1) В тексте ссылки даны необычным образом — чередуются имена и фамилии: Jonathan D. Spence, 1990; <...> Ezra F. Vogel, 2011; Oidtmann, Max, 2014 — на с. 49; Uradyn E. Bulag, 2002 — на с. 326 и т. п.).

2) В списке литературы источники цитированы столь же необычно, из-за чего нарушается алфавитный порядок: в некоторых случаях после фамилии полностью написано имя (например, Norman, Jerry; Oidtmann, Max — на с. 435), в других случаях в списке литературы в порядке алфавита вместо фамилии указывается имя (например, Owen Lattimore; Prasenjit Duaara, — но затем в алфавитном порядке указаны фамилии с именами: Rupen, Robert Arthur и т. п. — с. 435).

3) Неоднократно упоминается марионеточное государство Маньчжоу-Го (с. 96, 255, 281 и др.). Термин «марионеточное государство» стоило бы избегать как не научный, а оценочный и идеологизированный. В связи с этим, я его не использую, хотя автор ссылается на мою работу в следующей форме: «Верховным правителем становился Пу И. Так было положено начало 14-летнему правлению марионеточного режима [Daур, 1989: 208; Кузьмин, 2021: 363].» (с. 244). Термин «квазигосударство», используемый взамен «марионеточного государства» некоторыми зарубежными авторами (с. 244), неприемлем по той же причине.

4) Стоило бы придерживаться нейтрального стиля изложения и в некоторых других случаях (например, «территория хошуна Буси была освобождена от гоминьдановцев» — с. 308), хотя в период гражданской войны в Китае власть Гоминьдана была не менее легитимной, чем власть КПК.

5) О захвате харачинами столицы Барги — Хайлара сказано следующим образом: «харчинский отряд, ведомый японскими инструкторами, нанес ощутимый удар по правящей верхушке

Хулун-Буира» (с. 139). Однако имеющиеся документы указывают, что отряд вели монгольские командиры-харачины, а не японские инструкторы: именно харачины стали инициаторами захвата Хайлара (см. [Кузьмин, 2019, 2021]).

6) «Участие администрации Хулун-Буира в создании т. н. Даурского правительства “Великой Монголии”, просуществовавшего семь месяцев (февраль–сентябрь 1919 г.), было использовано генералом Чжан Цзолинем в качестве предложения для ликвидации монгольской автономии и ввода войск на ее территорию в конце 1919 г. [Богословский, Москалев, 1984: 29; Монгольские... 2016: 405–407]» (с. 142). В действительности причиной ликвидации этой автономии была слабость охваченной Гражданской войной России, которая больше не могла обеспечивать выполнение соглашений 1915 г. с Китаем по Внешней Монголии и Хулунбуиру. Предлогом для китайцев стало не участие администрации Хулунбуира в панмонгольском правительстве, а проникновение белых из России во Внешнюю Монголию и Хулунбуир, попытки панмонголистов и атамана Г. М. Семенова подключить эти страны к панмонгольскому движению. Все это использовал для ликвидации автономии не Чжан Цзолин (Фэнтяньская группа милитаристов), а генерал Сюй Шучжэн (Аньхойская группа милитаристов) и китайский президент Сюй Шичан (которого на этот пост продвинул лидер Аньхойской группы Дуань Цижуй).

7) «Японские власти также проводили государственную политику, направленную на намеренное причинение вреда здоровью населения». В качестве доказательства приведено поощрение выращивания опиума (с. 268). В действительности выращивание опиума определялось лишь экономическими причинами. Его выращивание поощрялось властями и на территориях, контролируемых Гоминьданом, и на территориях, контролируемых КПК (см., например, [Цогту, 2020, с. 54–55]).

8) Цитата: «Как известно, японцы на оккупированных территориях проводили антикитайскую политику, провоцируя тем самым рост

межэтнической напряженности» (с. 289). Следует отметить, что в государстве Маньчжурия китайцы имели такие же права, как и остальные национальности. Среди монголов имело место разочарование тем, что они не обрели самоопределения, на которое надеялись, и не получили обратно земли, колонизированные китайцами еще до создания этого государства.

Указанные замечания не снижают высокой научной ценности рецензируемой монографии. Ее автор глубоко проработал поставленную научную проблему и ввел в научный оборот важные материалы. Данная монография является ценным вкладом в востоковедение и представляет интерес для исследователей не только дауров, но и Восточной Азии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Кузьмин С. Л. Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулунбуира) в 1917 г. *Oriental Studies*. 2019. № 2. С. 174–182 [Kuzmin S. L. The 1917 Conquest of the Capital City of Barga (Hulunbuir) by Mongolian Guerillas. *Oriental Studies*. 2019. No. 2. Pp. 174–182 (in Russian)].

Кузьмин С. Л. *Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века)*. Т. 1. М.: КМК, 2021. 407 с. [Kuzmin S. L. *The Barga and the Kharachin Questions in the History of East Asia (First Half of the 20th Century)*. Vol. 1. Moscow: KMK, 2021. 407 p. (in Russian)].

Цогту О. *Трагедия степи: Внутренняя Монголия под властью Мао Цзэдуна. Свидетельства очевидцев*. СПб: Нартанг. 334 с. [Tsogtu O. *Tragedy of the Steppe: Inner Mongolia under the Rule of Mao Zedong. Eyewitness Accounts*. St. Petersburg: Narthang, 2020. 334 p. (in Russian)].

Цыбенков Б. Д. *История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки*. Улан-Удэ: изд-во ВСГУТУ, 2012. 252 с. [Tsybenov B. D. *History and Culture of the Daur of China. Historical and Ethnographic Accounts*. Ulan-Ude: VSGUTU, 2012. 252 p. (in Russian)].

Подписано в печать 15.12.2023
Формат 84x108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 26.85. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Государственный академический университет гуманитарных наук»
119049, г. Москва, Мароновский пер., 26

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12

Департамент научных изданий
Научно-инновационного управления
Государственного академического
университета гуманитарных наук
e-mail: dsp@gaugn.ru
<https://gaugn.ru/science/dni/>

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в
ООО «Институт информационных технологий»
170021, г. Тверь, ул. Дачная, д. 33, офис 1